

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

08

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2008 — 4(12)

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Вячеслав Дудка. Тула, построенная из камня 3

РОМАН

Виктор Греков. Судьба — суд Божий 8

ПЬЕСА

Ирина Кедрова. Росток и Солнце..... 18

ПРОЗА

Наталья Парыгина. Наследники 29

Алексей Яшин. Новые рассказы Николая Андреевича 34

Николай Низиенко. Рабочая неделя. День X. Леха 55

Валерий Богушев. Портрет (Новогодняя история) 63

Генриэтта Назина. Отец. Судьба 66

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Алексей Колосов. Капли на стекле (Сказка) 71

ПОЭЗИЯ

Игорь Жихарев. Праздник души Велегож 77

Галина Винокурова 83

Иосиф Рухович 90

Владимир Резцов 93

Олег Пантюхин 97

Александр Хадарцев. Сочинские мотивы 98

Владимир Сапожников 104

Евгений Черняев 106

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

Новомосковское литобъединение «НЛЮ»: Галина Рябова, Галина Плахова,

Любовь Самойленко, Алена Кузнецова, Надежда Демченко, Наталья Рязанцева, 110

Лала Ахвердиева 110

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Сергей Скоробогатов. Стихи. Воспоминания о поэте 127

Валерий Савостьянов. «И люблю я тебя одиноко...» (Мои воспоминания о поэте Николае Дмитриеве)	131
<u>ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ</u>	
Михаил Чикин. Тульский край в жизни семьи Шаховских	146
<u>МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ</u>	
Любовь Котикова. Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»	158
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ</u>	
Алексей Третьяков. Поэтическая апология патриаршества	163
Леонид Ханбеков. Историк и его История (о прозе Алексея Яшина)	169
Марк Дубинский. Поэт	175
Борис Роганков. Армейская юность	178
Марина Баланюк. Жизнеописание русского священника	182
<u>ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА</u>	
Николай Боев. Плач по Высоцкому	186
<u>ИЗГИБЫ НЕФОРМАЛЬНОЙ ИСТОРИИ</u>	
Николай Дронов. Великие незаконнорожденные. Продолжаем начатый разговор	217
Саймон Сибэт Монтофиоре. Сталин, его отец и кролик	223
<u>ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА</u>	
А.В.Луначарский. Советское государство и искусство	227
<u>ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ</u>	238
<u>МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КУЛИКОВО ПОЛЕ»</u>	

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на дискете и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи объемом менее одного авторского листа не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены

Вниманию читателей: журнал распространяется преимущественно в библиотечной сети.
Адрес: 300026, Тула, а/я 1842, А. А. Яшину; e-mail: niinmt@mednet.com; тел.: (4872)33-22-09

Главный редактор Алексей ЯШИН

Первый зам. главного редактора Виктор Пахомов

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ
Виктор ГРЕКОВ (Белев)
Олег КОЧЕТКОВ (Коломна)
Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ
(Сокольники — Новомосковск)
Валерий МАСЛОВ — председатель
Межрегионального союза писателей
Николай МИНАКОВ — зам. главного редактора
Владимир МИРНЕВ (Москва), президент
Академии российской литературы
Олег ПАНТЮХИН
Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск)
Наталья ПАРЫГИНА
Владимир САПОЖНИКОВ
Константин СТРУКОВ — отв. секретарь
Александр ХАДАРЦЕВ
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент
Академии российской литературы
Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК

Информационная поддержка:

— *Литературное агентство «Московский Парнас»*
— журнал «Подъём» (г. Воронеж)
— «Литературная газета»
— газета «Российский писатель»
— газета «Тульский литератор»

Учредители:

Тульская писательская организация Союза
писателей России
Тульский государственный университет
(ректор М. В. Грязев)

*Полный текст журнала публикуется в
электронном виде на сайте интернета:
www.medsu.tula.ru*

© «Приокские зори», 2008

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Вячеслав Дудка

ТУЛА, ПОСТРОЕННАЯ ИЗ КАМНЯ*

Нынешний год — это год 180-летнего юбилея одного из титанов русской и мировой литературы Льва Николаевича Толстого. Во многих российских регионах проходят различные мероприятия, посвященные этому событию. Конечно, не осталась в стороне и Тульская область, родина великого писателя, где всегда вопросам культуры уделяется большое внимание, и не только по большим праздникам. С этого и началась беседа с губернатором Вячеславом ДУДКОЙ.

— В год 180-летнего юбилея нашего великого земляка в области запланирована масса интересных мероприятий, многие из которых уже состоялись. А в августе в Ясной Поляне пройдет юбилейная международная научная конференция «Лев Толстой и мировая литература», участники которой обсудят проблемы творчества писателя в контексте русской и мировой литературы, философии и религии. Этот форум традиционно пройдет в личной библиотеке писателя, в которой хранятся книги на 39 иностранных языках.

Однако прежде всего стоит сказать про Яснополянское соглашение, инициаторами которого стали Музей-заповедник «Ясная Поляна», ОАО «Щекиноазот» и администрация Тульской области. Можно сказать, что этот документ оформляет совершенно новый тип партнерских отношений, позволяющих соединить потенциальные возможности власти, бизнеса, культуры, общественности, образования и науки для решения тех или иных задач регионального развития. Причем решения комплексного, последовательного и сбалансированного, опирающегося на собственные гуманитарные ресурсы.

Сегодня это уже стало открытым общественным движением. Именно в его рамках и осуществляются все мероприятия по подготовке к 180-летию со дня рождения и к 100-летию памяти Льва Николаевича Толстого, по развитию Музея-заповедника «Ясная Поляна» и историко-культурных комплексов, связанных с именем писателя,— Никольско-Вяземского, Крапивны. Пирогова, Покровского. Впрочем, здесь реализуются также и другие проекты, например программы по стратегическому переходу предприятий области на экологически чистое производство.

* Перепечатано из «Литературной газеты» № 27 (6179) от 2—8 июля 2008 г.— С. 11 с разрешения редакции газеты (эл. письмо от 29.07.2008 г. гл. редактора Ю. М. Полякова).

— *Тульская область — край уникальный, давший миру талантливых писателей, художников, ученых, изобретателей и государственных деятелей...*

— Да, Куликово поле и Ясная Поляна — это места, значение которых оценивается в масштабах всей России. И хотя в сознании каждого русского человека Тула ассоциируется с печатными пряниками, сверкающими самоварами, оружием и гармонью, это далеко не все, чем славится наш край. Хотя именно они стали своеобразной визитной карточкой региона. Столетиями росло мастерство туляков, вырабатывался свой художественный стиль, рождались и утверждались традиции. Упорный труд многих поколений, помноженный на талант, создавал изумительные шедевры нашего декоративно-прикладного искусства.

— *Наверное, приходится прилагать немало усилий, чтобы сохранить такое историческое и культурное наследие? Какова цена вопроса, если вообще можно говорить о деньгах, когда дело касается души?*

— Государственная политика в Тульской области всегда строилась на понимании культуры как высшего гуманитарного ресурса для развития и приумножения человеческого капитала. Для сохранения исторического наследия, расширения культурного пространства, поддержки профессионального искусства и творчества юных, а также для обеспечения широкого доступа населения к культурным ценностям в области создана необходимая правовая база. Действует комплексная областная целевая программа «Культура Тульской области (2007—2010 годы)» с общим объемом финансирования более 500 миллионов рублей. Причем 465 миллионов идут из областной казны. Особое внимание уделено укреплению материальной базы сельских учреждений культуры, на что предусмотрено свыше 60 миллионов рублей. Впрочем, без внимания не остались и культурные объекты муниципальных образований... Здесь, кстати, немалую роль играют и принятые Тульской областной думой законы об объектах культурного наследия, музейной деятельности, библиотечном деле, театрально-концертных организациях.

Политика разумного инвестирования в социальную сферу позволила удвоить бюджетные ассигнования именно на поддержку культуры. В результате не прошло и трех лет, как финансирование культуры области из госказны увеличилось более чем в два раза. Соответственно, в разы укрепилась и материальная база большинства учреждений культуры. Например, лишь на реставрационные и восстановительные работы на объектах культурного наследия в 2005—2007 гг. пошло 115 миллионов рублей.

— *Наверное, вы не зря наряду с Ясной Поляной вспомнили и Куликово поле. Видимо, это два, как сейчас говорят, главных бренда области?*

— Без сомнения. Ведь именно историческая Куликовская битва, произошедшая на Тульской земле более шести веков назад, положила начало освобождению русских земель от иноземных захватчиков и возрождению российской государственности. В память об этом событии на Красном холме Первого ратного поля России 8 сентября 1850 года, в день Рождества Пресвятой Богородицы, был торжественно открыт чугунный столп — памятник в честь победы объединенных русских полков великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского над золотоордынским войском Мамая. А уже в 2005 году колонна Дмитрию Донскому, простоявшая более 150 лет, была демонтирована и отправлена на реставрацию. Впрочем, уже через два года, к очередной, 627-й годовщине Куликовской битвы, известный во всем мире памятник был полностью восстановлен в первоизданном виде. Также постепенно восстанавливается и Зеленая Дубрава, укрывшая Засадный полк. Преображается и мемориальный комплекс в селе Монастырщина, где, по преданию, захоронены погибшие русские ратники. В память о них на Аллее Славы и Единства установлены памятные знаки.

В связи с этим хочется еще раз поздравить работников Музея-заповедника «Ку-

ликово поле» Андрея Наумова, Владимира Данилова и Владимира Гриценко, получивших в мае Государственную премию в области искусства. И нельзя не согласиться с Михаилом Пиотровским, сказавшим тогда, что «они оживили это историческое место, создав научно обоснованную схему функционирования природно-культурного заповедника».

Впрочем, мы заботимся не только о брендах. Одним из уникальных памятников в регионе является Тульский кремль. Возведенный в 1514—1521 годах по указу Великого князя Московского и всея Руси Василия III, он на протяжении полутора веков служил передовой крепостью для обороны южных рубежей Русской земли, первым принимая на себя удары иноземных завоевателей. За все время своей героической истории наш кремль никогда не сдавался врагу, защищая сердце России — Москву. Только за 1531—1540 годы крепость выдержала четырнадцать осад. Это наше героическое прошлое, причем таких памятников-крепостей в стране сохранилось не так уж и много. В связи с празднованием 500-летия Тульского кремля здесь проведен большой объем ремонтно-реставрационных работ. А в бывшем здании электросетей открыт Музей декоративно-прикладного искусства.

— *Область всегда славилась своими музеями...*

— И это справедливо. При этом наши музейные фонды, насчитывающие сегодня свыше 400 тысяч единиц хранения, постоянно приумножаются. В деятельности музеев расширен спектр услуг, в том числе и инновационных. Огромной популярностью пользуются как массовые праздники, проводимые традиционно на Куликовом поле, на Бежином лугу, в Музее-заповеднике «Ясная Поляна», так и более камерные проекты Музея-заповедника В. Д. Поленова, Богородицкого дворца-музея, Тульского областного историко-архитектурного и литературного музея. Яркими культурными событиями стали традиционные празднования, посвященные поэту-романтику Василию Жуковскому, философу и просветителю Алексею Хомякову, энциклопедисту Андрею Болотову, а также Епифанская ярмарка, фестивали «12 ключей» и «Отлично, Тула!»...

Помимо этого мы весьма пристально следим и за сохранностью объектов культурного наследия религиозного назначения. Их в области две сотни, причем лишь 33 из них — федерального подчинения.

— *То есть основная нагрузка здесь лежит опять же на региональной казне?*

— Да, мы принимаем самое активное участие в ремонтно-восстановительных работах этих памятников. Например, храма Николая Зарецкого, когда-то принадлежавшего знаменитым тульским заводчикам Демидовым, по художественным достоинствам не уступающего столичным образцам. Или же Спасо-Преображенского собора, входившего в ансамбль Успенского женского монастыря и построенного по проекту архитектора В. Ф. Федосеева, ученика знаменитого К. И. Росси. За проведение ремонтно-восстановительных работ на этом одном из выдающихся памятников русского классицизма первой трети XIX века областная администрация получила благодарность от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Но дело даже не в этом. Древнерусское зодчество Тульского края — это отдохновение души. Такие замечательные образцы, как Никольско-Успенский храм Венева монастыря, сам монастырь, впервые упоминаются в летописях начала XV века. Именно здесь похоронены последний смоленский князь Юрий и сосланный сюда Иваном Грозным новгородский архиепископ Пимен. Или же комплекс Никольского собора в поселке Епифань Кимовского района — уникальный памятник XVIII—XIX вв., являющийся примером величественных городских соборов, доминирующих в панораме скромных провинциальных городов. Здесь, к слову, за последние семь лет реставрационных работ воссозданы своды теплой трапезной, разрушенные в годы Великой Отечественной, проведена реставрация крыши, кладки стен, цоколя собора.

Особо отмечу, что сейчас в Туле строится здание нового Государственного музея оружия, который, несмотря на свою широкую известность как в стране, так и за ее пределами, до сих пор располагается в непригодном помещении. Решается вопрос и о строительстве нового здания для Тульского областного зооэкозотариума — самого крупного музея такого рода в Европе, а также проведения капитального ремонта Государственного театра кукол, областного краеведческого музея, музея «Тульские самовары», областной музыкальной школы.

Помимо этого Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, а Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» — в список всемирного наследия ЮНЕСКО... Это очень почетно и ответственно для всех нас.

Кстати, на карте венецианского картографа Аньезе 1525 года Тула показана с надписью «*Tula ex lapide constructa*», что значит «Тула, построенная из камня».

— В последнее время даже центральная власть озаботилась многочисленными проблемами российских библиотек, брошенных в 90-е годы на произвол судьбы. Как чувствуют себя у вас эти хранилища знаний?

— Хочу заметить, что библиотеки региона давно уже ушли от привычной роли книгохранилищ. Сейчас они становятся настоящими информационными центрами. Например, Тульская областная научная универсальная библиотека еще с 1986 года стала экспериментальной базой Минкультуры по автоматизации библиотечных процессов. Сегодня она формирует уникальные электронные информационные ресурсы, участвует во многих международных и общероссийских проектах.

Недавно в Новомосковске мы открыли новое здание центральной районной библиотеки, построенной по спецпроекту и оснащенной самым современным оборудованием. Сегодня при 16 областных и районных библиотеках созданы публичные центры правовой информации. В большинстве из них имеются выход в Интернет, необходимый сервис для пользователей и подготовленные кадры. Также постепенно решается и задача формирования единого информационного пространства на основе объединения информационных ресурсов всех библиотек области. Цена вопроса заложена опять же в областной целевой программе «Культура Тульской области (2007—2010 годы)». Это свыше 13 миллионов рублей, которые пойдут на комплектование библиотек, создание страховых фондов и интернет-залов, развитие автоматизации, формирование электронных краеведческих ресурсов.

— Некоторое время назад Госсоветом РФ был одобрен опыт Тульской области по сохранению и развитию традиционной народной культуры. Опять помогли самовары и пряники?

— Не без этого (*улыбается*). Впрочем, я уже говорил, что не только это составляет золотой культурный фонд нашего края. Кстати, у нас сохранена сеть детских школ искусств, а в 53 образовательных учреждениях реализуются дополнительные программы художественной направленности. В области развиваются и совершенствуются художественные промыслы — по производству филимоновской и городской игрушек, белевских кружев, ковки, гравировки, резьбы по дереву и другие. Проблемами изучения, сохранения и возрождения народных промыслов и ремесел занимается методический центр «Дом народного творчества», который постоянно ищет новые образцы фольклора, традиций, обрядов.

Помимо этого на базе клубных учреждений области работают свыше четырех тысяч кружков и студий художественного творчества. В центрах традиционной народной культуры в Богородицком, Новомосковском, Ясногорском районах молодежь изучает основы тульских художественных промыслов. В 26 музыкальных школах

области работают отделения декоративно-прикладного и художественного творчества. А Тульский областной колледж культуры и искусства успешно готовит специалистов на отделении «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Вообще же в сфере народных промыслов и ремесел у нас действуют около 30 малых и средних предприятий, более 40 индивидуальных предпринимателей и мастеров художественных промыслов, работают около 200 мастеров-кустарей...

Лев Николаевич Толстой всегда стремился сделать окружающий мир радостнее — и для живущих, и для тех, кто придет в будущем. Это очень и очень важно.

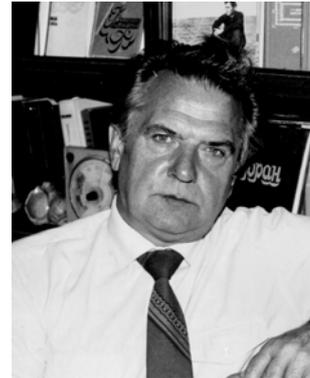
Беседовал
Сергей МУРАВЬЕВ

От редакции: Мы публикуем настоящий материал, имея в виду только что состоявшийся 180-летний юбилей великого русского писателя, нашего земляка Льва Николаевича Толстого; этой знаменательной дате мы посвятили предыдущий (№ 3, 2008) номер «Приокских зорь». Весьма отраднo, что руководство Тульской области многое сделало в прошедшем году для увековечения памяти Льва Толстого. Авторы и читатели нашего журнала также питают небезосновательные надежды, что в рамках действующей комплексной областной целевой программы «Культура Тульской области (2007—2010)» с общим объемом финансирования более 500 миллионов рублей (см. выше) будут учтены и их запросы в части развития и поддержки литературных традиций Тульского края, которые с честью продолжают современные тульские писатели.

РОМАН

Виктор Греков
(г. Белев)

СУДЬБА — СУД БОЖИЙ
(Главы из романа)

Историческое повествование,— условно так назовем разновидность избранного нами жанра прозы,— с черновым названием «Судьба — суд Божий», сложилось как результат длительной работы над историческим романом о Хазарском Каганате. Уже тогда был как бы predetermined исследовательский взгляд на российское средневековье. И в поиске краеугольного камня нашего национального самосознания, именно особенностей вызревания национальной идеи, никак нельзя было обойти этот жуткий утес на пространной «равнине» евразийского устройства.

Важно было предметно, реально и осязаемо ощутить, откуда исходили центрообразующие токи на необъятном пространстве,— чрезвычайно раздробленного, раздираемого противоречиями и мелочной междуусобицей, едва ли не эфемерного государственного новообразования,— Московского княжества. В чьей голове впервые и вследствие какой умоперемены зародилась мысль о едва ли постижимом: о державе, о царстве, а стало быть и о короновании когда-нибудь Московского великого князя,— наконец, о — монархии?

Дерзость ли, ни на чем реальном не основанная, иль дерзновенность ума высокого, души смелой? По сути дела, речь идет о преобразовании средневекового представления (в его зародышевом состоянии), представлении о государственности нового типа, а не повторения образа Киевской Руси. Страшно ли было о том подумать? И каким образом,— пользуясь лексикой того же средневековья,— все это с г а д а т ь? И где? — ведь, на самом-то деле, в краю, ничем особенно-то не выделявшемся среди безбрежья удельных княжеств... В краю едва ли не бесперспективном по геоложению, по отношению к транзитным путям торговым и шелковому, по природным богатствам, когда Галич, к примеру, утонул в соляных богатствах недр...

И что за мысль эта сама по себе,— несказанная, странная,— о царстве, монархии, когда «все смешалось» в Доме Рюриковичей, и что не родственник, то — с ножом к горлу? Чего уж лицемерить, когда это было на каждом шагу, когда каждую пядь исконного надо было отстаивать,— с мечом и с необоримой волей к победе?!

* * *

Впрочем, не только поэтому упал взгляд исследователя на эту потрясающую эпоху... Как бы ни показалось странным, та эпоха,— какая-то фантазмагорическая, что-ли,— буквально «один в один» проецируется на наши «времена», начиная с середины восьмидесятых, и оттого, честно признаться, как же не поддасться искушению, и не заглянуть, туда, за край новой эпохи? ...Неисповедимы пути Господни...

ДОСАДА

— Какие вести? — поднял голову великий князь Василий, находившийся в глубоком раздумье.

Сердце его — вешун. Трепетало нынче оно. И нигде не находил он покоя, от утра раннего, и ни в чем. Оттого и спросил, противу своего же строгого правила спросил, — ни при каких обстоятельствах не опережать события, ждать терпеливо, а удар наносить противнику исподволь, — извести.

— Махметка-царь выдворен, — приступил к докладу о произошедшем за истекшие последние двое суток князь Юрий Патрикеевич, и взглянул прямо в доверчивые глаза великому князю. Тот кивнул, полагая, видимо, что на том и решен окончательно вопрос с этим злополучным делом.

Но, князь Юрий, знавший норы Василия Васильевича, и исходя из дворцовой науки, докладывать поначалу о добропорядочном, затем уж, под конец, и о дурном да и нескладном, долго перечислял заслуги в достигнутом замирении князя Рязанского, потом Ивана Ощеры особливо, также и внука онаго — Ивана же Руно. Не преминул выделить из всего лучшего и заслуги Юрия Драницы, отличившегося доблестями в окончательном изгнании супостата.

Подойдя в докладе к событиям за пределами Московии, князь Юрий стрельнул умными глазками человека двора, попридержался, — уж в который-то раз прикидывал, как бы ловчее изложить о делах в проклятой Флоренции: оторопь и его, героя ряда сражений и воеводу, брала и страх обуял. Сказал, безуспешно стараясь удерживать твердость в голосе, так, как и было и есть на самом деле:

— Теперь, государь, о нечаянном, но тобою предугаданном.

— Ну! — и Василий приподнялся, опершись на подлокотники.

— Унию, стал быть, папскую, — уронил князь Патрикеевич, и, дабы оттянуть время, стал перебирать зажатые в ладони левой руки документы.

— Так что же? — спросил великий князь нетерпеливо.

— Отступились греки, — бухнул Патрикеевич, устав крепиться. — От догматов веры истинной отступились, государь.

— Ты в уме ли, что речешь?

— Признали греки папскую власть и папское первенство в догматах.

Василий, с окаменевшими чертами лица, застывшим взглядом доверчивых глаз, даже сразу как-то осунулся, проронил:

— Наши-то?.. Что же наши?

— Пока не ведомо сие, — ушел от прямого ответа Патрикеевич. — Сказывали негоцианты, дескать, и наши опростоволосились... Мы, государь, пока что слухами пользуемся... Доподлинно-то, как сказать, — мялся и тянул князь Юрий, принявший за предательскую миссию Исидора весь страшный огонь на себя.

— Боже праведный!... Воистину, — и набожный великий князь заговорил книжно, хорошо памятуя некоторые изречения из святых апостолов: — Откуда начну плакати Окаянного моего жития деяний?

Воздев руки, великий князь погашенно, печалась, глядел как во тьму. Князь Юрий потупился.

— Из чьих рук у негоциантов вести? — спросил в упор великий князь, словно знал, что Патрикеевич многое утаивает.

— Симеон Суздалец... чрез своих людей...

— Плут?

— Не по своему произволению он, холоп твой, стало быть, эту вот отлучку произрешил.

— Беглец! — тверже произнес великий князь Василий, имея ввиду, что бывший

совместно с проклятым Исидором во Флоренции на Соборе, самовольно оставил окаянного, бежал, едва только понял, что тот ведет дело к измене... Поступился ...

Исидор. Вовсе отошел от истинной веры. Изменил наказу великого князя, чтобы на уступки не идти ни под каким извне давлением... Стоять на своем твердо, никаких соборных документов не подписывать.

Но предстояло Юрию Патрикеевичу сказать о не менее тяжком, и он прикинул было, а не отложить ли до более лучшего часу, но сказал-таки, причем, скороговоркой, как бы между прочим, как о случайно подвернувшемся под руку:

— Тут вот, государь, Шемяка Димитрий зашубуршил опять... Не оставляет онных своих происков... Ой, государь, видно, что замутишь горазд.

И ведь пронесло,— оказалось, что государю... и не до Шемяки как бы в этакий урочный час. В связи с Флорентийским Собором мнилось дурное и прочее всякое, но чтобы так вот, с плеча, как на плаху... Хуже некуда.

Обернулось поруганием веры православной. Святотатством. И таким, что Василий Васильевич готов был лишиться рассудка. Погибель, нависшая со дней Юрьевых в тяжбе за престол, накрыла теперь тьмой небесной саму Церковь. Как поступить? Где предел человеческого ничтожества? Что посоветует святейший Иона, пока что не поставленный греческими патриархами на святительство? И великий князь решил не оттягивать дело:

— Зови! — проронил глухо.— Нет, погоди... Идем! К нему... Сами к нему... И — тотчас.

Великий князь Василий торопясь засуетился, все делая как-то невпопад,— сущее дитя в великокняжеских одеждах.

Юрию Патрикеевичу не требуется объяснять долго: ну в ком еще может быть сейчас потребность у великого князя Московского? В ком, когда душа у доверчивого нараспашку? Нечему удивляться тут,— великий князь беззащитен пред силами готовившегося злодейства. А на брамена его, ангела во плоти, вон оно сколько всего возложено, и оттого всякий недогляд — всему княжеству бедой обернется.

Патрикеевич замечает, что Василий не собирается одеваться по сезону, и берет на себя заботы слуги,— срывает тулупчик с крючка, подбитый собольим мехом, тихо, в нос, приговаривая, как это делала бы старая и прижимистая на дорогие одеяния няня, он одевает Василия. Идут к Ионе потайным ходом,— украдкой, хоронясь даже от шута Тучки, спускаются вниз по узенькой скрипучей лестнице.

Молчит великий князь московский; этокое они не раз проделывали, а всякий раз, когда Иону увидеть было весьма неотложно. Бывало, что и в строжайшей тайне от Софьи Витовтовны, чтобы, значит, никто ни гу-гу!

Таким образом, переловчив самых ловких из ловкачей-присмотрщиков, оба, будто понарошку играющие в заговорщиков, прокрались за ограду, а там сам Бог не замедлил со своей милостью ко страждущим.

Иона заметил их из окошка, подвигавшихся гуськом, словно ряженные или скомо-рохи: в одеждах с чужого плеча, на одном шапка на голову нахлобучена задом наперед, на другом на голове ордынский малахай.

Пробрались, с шумом ввалились в опочивальню, куда догадливый Иона успел перебраться из трапезной.

— Отче! — взмолился великий князь Василий с порога, а шагнув на середину махонькой комнатухи, восплакался, протянул обе руки ко груди святителя. — Заступись!... Что же это, а?

Иона, получивший горькое известие раньше, чем узнал о произошедшем в Фарраре на Соборе опечаленный, шагнул навстречу, едва ли не на руки принял страдающего великого князя, повалившегося было ему в ноги. Высокий ростом Иона, пытаясь утешить Василия, склонился, облобызал тому голову в макушку, вздохмаченную

сорванной нелепой шапкой, привлек к груди, и уж не как пастырь, а как человек, старший по возрасту.

— Отче... Отче, скажи, за что?.. так-то вот... За что напасть такая? Я ли не увещевал? Я ли не бился, чтобы греки укрепились в своем... В отеческом... И что же? Ведь я, и мы все, ничего же свыше того, а токмо бы отеческое, токмо бы Христово соблюдали... А?.. За что?

Патрикеевич, не посмевающий было приблизиться к Ионе, пока не предложат подойти, стоял в растерянности, не знал, как поступить ему, однако же, чувствовал, что следует сейчас пренебречь приличиями в пастырской обители, взять за плечи Василия Васильевича, успокоить: видано ли, слыхано ль, чтобы государь слезы проливал, яко младенец, злодеям и всем поганым на потеху? — одна же зазорно!

Но Иона, не столь дородный да в плечах могучий, и, скорее всего волею сильный, энергично обхватил рукой свободной Василия, тонкого в талии, взапоясе спину, приподнял, утвердил на ногах.

— Государь,— грудным голосом молвил.— Господь милостив... Он все видит.

Расчувствовавшись, пал на колени и Патрикеевич в свою очередь, взмолился; Иона, оборотившись к иконам в киоте в углу, произнес:

— Господи праведный! Не остави нас, раб твоих...

Патрикеевич плакал, великий князь Василий рыдал, опять повалившись на колени, осенял себя крестно, бил поклоны.

Позже, когда, уж после молитвы, Патрикеевич засветил и еще две свечи, молились, прося Пресвятую Мать Богородицу о спасении Отечества, слезно просили заступиться за Русь святую праведную.

В благостной тишине сидели после молча, каждый слушал будто свое сердце.

— Как мыслишь,— прервал молчание великий князь,— не прогневно ли я Господа, когда воздам отступнику по вине его?

— Сказано,— отозвался не тотчас, а немного подумавши, пастырь,— ведь сказано же, что обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях.

Василий уронил на грудь голову,— видимо, дума тяжелее постигшей печали отягчила его рассудок. Но вот уставился светлыми глазами на пастыря, сказал с грустью:

— Дела худые говорят сами за себя, и дела же его, и поступки обличают его.

— Сказано: согрешающих обличай пред всеми,— нашелся пастырь Иона,— чтоб и прочие страх имели.

По сути, это было пастырское дозволение великому князю употребить власть и пресечь зло как грех явный, дабы стало неповадно другим, находящимся в смущении духа, и чтобы упредить зло. Так об этом подумал князь Патрикеевич, спасший Москву от приступа Улу-Махметова: он имел право посылать на смерть во имя отчизны, потому что и сам не жалел себя и своей жизни, обороняя Москву от супостата. На память пришли, кстати, другие слова из Писания, и они прямо касались поведения греческих иерархов на Флорентийском Соборе: «...ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому, предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям».

Вот почему, когда Иона, как бы ища опоры в деятельном и предметном, вдруг обратился к нему, как к воину, воеводе, наконец, тот был готов отвечать по разумению:

— Что думаешь ты, возлагающий меч свой на бедро свое? — и сказав это, прищурился, а улыбка, мимолетная, тронула его уста.

Это не смутило князя Юрия, и он стал говорить, наверное, и слишком пространно для воеводы, но искренне:

— Отступникам не смыть темного пятна. Окаянство это. Вот такое мое слово будет. В иное время, когда бы по законам войны, не грех покарать по злодейству их, по измене их. Попрание они позволили. Изменники!.. Святотатство это... Смерть потому им...

И Патрикеевич, едва не задохнувшись от непривычной тирады, внезапно умолк, переводя дух, затем, малость успокоившись, продолжил, нажимая по-военному на главное:

— Грекам отступникам — Господь судья. На то он и Константинополь, погрязший в сребролюбии... Нашим, которые, зная статью, по неволе отступились, куда бы ни то...

— Отступились вот и покаялись. Особливо, епископ Амвросий... Иже с ним Симон Суздалец... Тако же и боярин Фома, тверчанин. Что же, отпустим им.

— Складно речешь ты, раб божий, а вот им бы самим возгласить такое же? Ась? То-то вот, — и Иона помрачнел, засопел, хмурясь. — Попустили, и впали в гнусность, хуже мерзости... Пакость одна, — закончил он громко, с брезгливостью поморщился.

Выслушивая святителя, не признанного греками, князь Юрий заметил для себя, будучи жестким воеводою, что суров, однако, архипастырь Иона. Вот где негоже, так уж негоже, когда таковому молитвеннику и строго справедливому главе церкви, и вдруг в святительстве греки отказали. Князь Юрий привычно потянулся к левому бедру правой рукой, поймал себя на этом, чертыхнулся по-солдатски.

— Взяли которые, о себе возомнившие, потворствовать крамольным мыслям в головах нестойких, — сказал Иона, и взором строгого судии обвел для чего-то все три стены своей опочивальни, будто отыскивая и здесь, в обители, присутствие дурных знаков нечестивых. — Шемяке потворствуют. Валче пребывающие, сподвигают его на мысль, якобы бы ему бы пристойно сесть на царство, — возвысил он голос, отчего князю Юрию стало боязно, будто он мальчишка здесь. — Да, сесть на царство! — уточнил как бы Иона, словно не доверяя слуху присутствующих с ним рядом. — Якобы, царство с землями полуденными. Помстилось им? ...Со всеми землями галичскими, вятческими, соликамскими тож, Белозерскими и прочими... Оное самочинно. И потому предрезостно.

— А... днесь, како же вот понимать это? — потерянным голосом спросил, недоумевая, князь Юрий, но Иона оборвал его, наперед угадывая сомнения по поводу перспектив Московского княжества, ведущего свою историю от дней князя Андрея Боголюбского.

— А тако же! — возвысил опять голос Иона. — Тако же, что венец свыше дается. И не с ниоткуда, а от трона благословенного, — без особого нажима, как об известном всему миру, произнес святитель, имея ввиду трон и венец Византийские. — Ибо на то воля Божия, — сказал, отсекая всякие иные суждения, однако — внушительно, однако вразумляя сырых и незрелых.

Назвав то, что едва ли когда произносили здесь вслух, а если и упоминали, то в молитвах, предреза в сознании Царство Небесное, Иона раз и навсегда снял отныне печати молчания: потому что забрезжило новое время. И проявился свет зари на небосводе Руси Московской. Пусть робко пока, но забрезжило, предвещая страду неслыханных перемен, немислимых притязаний, невероятных замыслов, нечеловеческих усилий и титанического труда.

Он, предвещатель Иона, и сам не знал, откуда в нем это, каким наитием открылось, каким образом озарилось прозренчески... и укреплялось в нем день ото дня.

Василий же, теперь отстраненный внешне, замкнувшийся, но внутренне собранный против прежнего, искал, на ощупь в потемках сознания искал в Ионовом лабиринте устройства власти на Москве истинного выхода. Искал и не находил. Едва-едва засветится что-то там, вдали, замерцает надеждой, и он вознамерится, было ступить,

заслон приотринуть, а чуть промедлит в своей нерешительности, уж, глядь, и захлопнулось. Не отверзлось!

А иначе и не могло быть пока что... Настораживала, а может быть и пугала сама мысль о державности... И где, в Московском княжестве? Где, если здесь, и вокруг на огромном пространстве, что ни княжий род, то непременно улус, со своими же кознями; что ни повет, то круг вольницы. И где это видано, чтобы всяк не наособь? В Московии-то, и вдруг — не наособь? Шалишь... А у литвин? Так там же,— что ни пан, то сам себе гетман. Иль у тех же, у нечестивых, каково? А?.. Не самое ли ужасное лихо и есть то, когда Сеид-Ахмед вытеснил и изгнал царя Улу-Мухаммеда?.. Царя! Как это понимать?

А в том же Новгороде? Что ни торжище, то — народоправство. Каково?

Иное дело,— ухватился-таки Василий за мысль, ему понятную: — Что же тут, что смута у каждого тароватого-намудренного в народоправстве? Что? (И великий князь даже подобрался как-то, вывинчивая голову из воротника тугого, ощущая в себе прилив дерзостных силенок) — Только лишь то, что у всякого тароватого в Новгороде — смута на языке.

Куда и на что зовет святитель? И без того забот ему, Василию, не огрести. А самое страшное, что всюду кровь льется. Господи, взмолился он, закрыл глаза, будто тайно желая впасть в беспамятность. Господи, отведи... Не совладать, Господи!.. Нету мне, нету, нету-у-у! Он путает меня... Смушает...

— Государь! Мне мнится, ты бы — совладал, когда бы сподобиться привел всевышний. Мужайся, государь,— наставительно, непривычно властно для пастыря, сказал Иона.— Мужайся и утвердись, ибо Спаситель наш... за всех грешных, за все людское нестроение смерть ужасную принял... А допреж ему какое искушение? Тот вот!.. Разверзлись небеса, раскололась земная твердь, расступилась, стал быть, чтобы принять все наши прегрешения, очистить род людской от скверны, с тем чтобы осиянно все смертное было... На всем, государь, Божия благодать.

Когда сказал все это архипастырь Иона, пусть и не нареченный греками, великий князь Василий опять втянул голову в плечи. Не укладывалось в голове, как это он, Иона, переял его горестные думки о царстве, о державности, а главное-то, о человеческом нестроении на Руси... Как? Иль и взаправду дано ему это наособь среди всех московитов?

Великий князь был поражен. Что же, дескать, выходит, Иона сподобился от Господа проникать и в его, Василия, мысли?

— Отче,— чуть слышно позвал князь Юрий. — Но ведь и он же Отца в час трудный воззвал... Как тут и нам, слабым и немощным, пред страстями-то, что грядут, и не возопить? К чему ты, отче, только что воззвал? Ты укрепи прежде... Как же это, вот взять и, смертному, взойти... На царство ажно?.. О, Боже... Боже праведный, укажи, как устоять недостойным...

— Воин!.. Ведомо ли тебе, что вас, таких вот, во имя державности на земле, осиянной святостью господней благодати, Христос призвал... К служению!.. А я же в скудном своем разумении о том, что вот ему,— и Иона нарочито указал на Василия перстом,— воля свыше. На царство!

И сам, едва крепясь, чтобы не смутиться, не уступить сомнению, потому что это ему открылось, вдруг оробел, повел рукой влево, затем вправо, взял с полочки киота кусочек ладана, потеревил в раздумье, опять вернул на прежнее его место, уставился глазами в пол: нелегко ему все сказанное далось.

Князь Юрий Патрикеевич смутился. Он всякое испытал за свой жестокий век ужасных потрясений. Уготовано было на двоих, троих, а выпало одному. Такое и врагу не пожелаешь, сколь кровушки пролито... И вот, пред Ионой, душа у него в пятки уходила. Ох, ну и денек же...

— Нареченное свыше,— продолжил свое Иона непреклонный,— и есть богоданное. А то, что твой удел, раб божий Юрий, тяжек, утешься. Смерть вокруг война сеется...

— Но, что смерть? — и непривычно для святителя развел руками.— Обращаю разум твой к свидетельству апостола... Внемлите: Ужель неведомо, что мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть его крестимся? — и, произнеся это, Иона опять строго обвел глазами поочередно, князя Юрия и великого князя Василия.

Ударил колокол к молитве. Никто из троих не пошевелился. В раздумье впал великий князь Московский; слезы катились по его лицу. И не понять было князю Юрию Патрикеевичу, слезы Василия — это слезы горечи, и, значит, он сокрушался обо всем брэнном, о трудной своей судьбе плакал, или то были слезы счастья, потому что прозрение снизошло, и то были слезы благодати?

Отпустив чад своих с миром, митрополит Иона долго пребывал в раздумье. Житейское, брэнное уходило во тьму. В сознании яснее проступали черты непознаваемой яви сущего. Что же, видимо, и страх дается человеку во постижение? И это означало для него, что в самом страхе заключено оборение угрозы? Таково веление божие? И вовсе не самонадеянно то, что, подводя к осознанию державности самого великого князя Московского, он исходил из сказанного апостолом Павлом,— ибо сделался служителем по домостроительству Божию, потому что вверено было то ему?

Напрягая ум свой, волю пастырскую, он ощутил кровавый пот на челе,— столь велика была исповедь, уготованная одному, но — во имя тысяч и тысяч во спасение их.

Обозревая духовное пространство, вверенное ему для окормления, Иона нашел однажды, и от этого не хотел отступать под угрозой смерти даже, что Василий милостью божией уготован принять многие скорби земли сей. Так выпало ему. А страждущим паствы ниспослано молиться за него.

Иона не помнил позже,— и день, и ночь спустя,— как оказался вновь на коленях, припал к земле устами, молился горячо. О доме сем, о людях в нем, о всех неприкажных, и о тех, кому предстояло еще пройти стезями скорби.

НЕПОРОЧНАЯ СТАЛЬ БОЕВОГО КЛИНКА

Аракча был по-своему упрям от рождения. Даже, наверное, слишком прямолинеен. Как стальной клинок легионера. А однажды поклявшись, слову не изменял. Но и в том ему отдавали должное, что из справедливости, на которую имел особое чутье, дарованное матерью аланских кровей, мог обратить меч должного и против друга. Горячая, бешеная, замешанная на крови потомственных горцев и неумолимых степняков, натура его становилась неукротимой. Оттого Улу-Мухаммед и держал при нем, своим любимце Аракче, смелого и беспрекословного Астану. Сейчас такового рядом не было. Но было, и гнездилось в его безупречной душе, одно необратимое: отмщение тем, которые нанесли рану его побратимам.

Вместе с тем, воистину дитя природы, он и проступки свершал какие-то искренние,— во всяком случае, непорочные, простительные. Впрочем, даже людей строгих правил, к каковым относился Мосей, проступки Аракчи, никакой оценке не поддававшиеся, обезоруживали, к тому же — изумляли.

Безрезультатно покружив в Залесских краях по тропам промысловиков звероловов, Мосеевы охотнички прочесали с пристрастием отроги приречного хребта, показавшиеся им подозрительными из-за курившихся костровым дымком кряжистые возвышенности, облазали выступы в Приречье, обошли вокруг расщелины каменистого берега безымянного притока реки Оки, осмотрели потайные пещеры и прочие углуб-

ления в скальных нагромождениях,— никаких следов обитания человека. Но нашли лаз. Обнаружил его признаки молодой Антипка, а Евсей, как бывалый открыватель новых охотничьих угодий и опытный зверолов, исходивший половину Междуречья, определил, что это и на самом деле ордынский лаз.

Правда, Аракча поглядел на обоих со значительным подозрением, пофыркал, но возражать не нашем нужным. Мосей затвердил предположение своих Ходаков о том, что в этом местечке давненько не ступала нога человека, так как, по его разумению, где всякий, и путник, и бродяжка, и ордынец, но и бедолага степняк, побывали, там найдешь непременно, если не свежесрубленный валежник, то уж наверняка — обломанные ветки березы, кучи сушняка и черно-зияющие язвы кострищ и пожарищ: нынешний скиталец иль зверолов — это хищник.

Отвернули в другую сторону, стали держаться не литовских краин, но больше московской украины. Сумрачный, непривычно замкнутый теперь Мосей, болезненно переживавший неудачу, покидал Залесье так, будто и на самом деле оставил здесь навсегда надежды на лучший исход.

Аракча молча, с несвойственной ему угрюмостью, подъехал к Мосею, участливо наклонился к нему с седла и также молча потрепал своей ладонью по сложенным на луке седла его ладоням, многозначительно поцокал языком, покивал красноречиво, дескать, ничего не поделаешь, надейся, брат мой, и долгое время ехал рядом, пока его не окликнул все тот же чрезвычайно расторопный Антипка.

Была обнаружена утлая долбленка. Основательно потасканная за долгий век. Изрядно покореженная вдоль кормы,— как на теле воина рубцы и неисцеленные раны. Хватила она лиха всякого. Евсей тоном знатока заметил:

— Гляжу, мченская*, а, поди вот, к нашинским отрожьям прибудилась. С чего бы? То-то, знать, у тароватого гостя свое сослужила. И уж поратоборствовала где-то?!

— Посекли и порубили,— присоединился Антипка, как всякой бочки гвоздь: — Поглянь, зарубки и от меча, и от секиры... Вот и вот тут...

Однако Аракча, потерявший всякий интерес к поиску иерея и Ивана Большого, как только повернули от литовского края в сторону московской украины, сделался менее общительным, и уж тем более никак не отзывался на находку. Он тяготился всем последующим.

Мосей заметил это, сказал:

— Ты, князь Аракча, сам себе голова. Бери кого из моих шабров, кого надо тебе. Ступайте по Литовщине окаянской, а мы — по понизовской, стал быть, басурманской,— и широким жестом очертил границы маршрута первого, затем и второго. — Вы по левую, стал быть, руку, мы — по правую. Порыскаем. Держись обочь. Давай знать, коли что. Вместях-то куда как легшее.

Аракча молча согласился. Отобрал кого помоложе, особо выбор пал на Антипку, на Ерофея, и смышлено-озорного отрока, который постучался накануне к Мосею. Имя у него было замысловатое, Иустин, а прозвище — Стежок. Он и ходил как-то выразительно, будто у мастерицы швейного промысла — стежками по шву. Удачлив был, потому, наверное, что уж отменно смекалист.

А некоторое время спустя, все тот же ходок, не знавший, казалось, устали, обладавший чутким слухом, вдруг подал всей цепочке поиска сигнал приостановиться, прислушаться. Спешился. Также, спешившись, к нему подошел Аракча, лоя едва доносившиеся звуки.

— Кажись, у наших стряслось...— проронил Антипка, и тотчас Аракча, заметно для окружающих, стал преображаться.

— Слышу, как бы и не наших вот голоса? — вмешался Ерофей, который после

* Мченская — от древнего названия г. Мценска (Мченск).

потрясений произвольно настраивался всякий раз на присутствие рядом монголов, но неистребимое желание как можно далее оттянуть встречу с ними как с бедой и всякими неизбежными страданиями, высказывал прямо противоположные предположения.— Литвины, поди, али иншие, понизовские?

Антипка опять вскинул предупредительно руку, призывая к тишине. И в это миг Аракча, обладавший на редкость сосредоточенным зрением, увидел бегущих с горы, возвышавшейся над крутым берегом.

Их было около десятка, разношерстно одетых, большинство с обмотанными разбойничьи головами белым лоскутом, вооруженных. Четверо несли, а точнее, поспешно волокли ногами по земле отбивающегося от них человека, еще двое следом за ними, несли на плечах большой мешок, также с чем-то шевелившимся внутри него. И Аракче сейчас же подумалось, что вот, наконец, отыскалась Мосеева пропажа, и надо во что бы то ни стало схватить беглецов, спасти обреченных на плен и рабство.

Над обрывом, на самой кромке отвесного среза, появились конные. Аракча узнал в переднем Мосея, пытавшегося сползти с лошади, узнал и Евсея, размахивающего руками, других их спутников, поотставших: по всему было видно, что они гнались, безуспешно преследуя беглецов, но те, видимо, раньше заметили их, успели схватить похищенных ими людей, но и похватать кое-какие узлы.

Достигнув береговой черты, беглецы, переложив, видимо, как удобнее, каждый свою ношу, неспешно двинулись вдоль реки, вверх по ее течению, как казалось, уверенные в какой-то условленной помощи им.

Всякого повидал в своей жизни Аракча, ко многому был готов и теперь, но то, что увидел затем, поразило его завидной слаженностью действий похитителей людей и изворотливостью предприимчивого в разбое своего ума. На выручку беглецам неожиданно для Аракчи вынеслась стремглав остроносая лодка, откуда-то из-под той части берега, где он находился сейчас со своими товарищами. Подобно чуду, так же из-под берега, нависавшего козырьком над заводью, вынесло неимоверной силой другую, а затем и как-то ловко вбросило в быстрину третью.

Гребцы работали изо всех сил, но слаженно, расчетливо, будто по команде, и нацеленно правили челны к своим, над которыми неумолимо нависла угроза.

Аракча взорвался. Увы, по всему было заметно, что никакой из самых летучих стрел не достать гребцов; но Аракча не стерпел подвоха, свершившегося у него на глазах, случившегося и по его оплошности, однако сгоряча выхватил-таки лук, вырвал из колчана стрелу, приложился,— куда там тебе, скользнула и исчезла в зеркале быстрины.

Еще и еще, наугад, только бы исчерпать остервенение, вскипевшее в горячем сердце монгола, метал Аракча стрелы, пока, будто изнутри, не приказал ему голос, сейчас же поступить иначе. Он закинул за спину колчан, вскинул зазывно руку вверх, гикнул по-степному, увлек людей за собой.

Он не знал этой местности, впрочем, он никогда раньше не бывал здесь, не были известны ему ни подходы, ни подъезды к реке, тем более неведомы были ордынские лазы на противоположную сторону, но азарт погони, но предощущение, свойственное пылкой натуре, опьянило его, толкнуло вперед — лишь бы в погоню, а там как бог даст: на свой страх и риск.

Гонимый безрассудством, азартом и нестерпимым гневом обманутого князя, Аракча летел безразборно,— наудачу, время от времени выкрикивая на скаку не совсем понятное ему, но такое яростное русское слово « на-пе-рехват!», что поспевавшие за ним плохие наездники слышали только свист в ушах шального ветра.

Казалось, никогда раньше там не было просеки, но мимо Аракчи летели по обеим сторонам дерева, в двух-трех местах на пути лошадь также с азартом перемахнула в ярости незамеченные канавы, чудом вынесла седока на выжженное пожаром суходо-

лье, как вкопанная остановилась пред живым забором из можжевельника, увитого плющом, всхрапнула, будто спрашивая, куда ей путь держать, в объезд или вниз по неприметной тропе.

И опять каким-то наитием пылкости необузданной и неизъяснимой удачи везения, он направил аргамака вниз, к реке, по оказавшемуся пологим, но густо поросшим молодым подгоном, спуску.

Такое также случается крайне редко: то был спуск к броду,— ордынцы использовали его в набегах давным-давно, еще, наверное, при князе Дмитрие, как потайной перелаз, но с тех пор заросший.

Благополучно спустившись, они опередили налетчиков и упредили их бегство по близкому притоку, впадавшему в реку. Предстояло одно из двух: или, войдя в непосредственное соприкосновение, перестрелять гребцов, или, угрожая смертью, вынудить сдаться.

На размышление времени не было. Перекрыть им путь полностью, и то не было. Но Аракча решился. Спешились, вошли в воду, предусмотрительно оставив на берегу лишь Ерофея, все еще плохо владевшего одной рукой.

Но и те, в лодках, были не робкого десятка. А в задней, где, по всей вероятности, находился вожак с окружением, и вовсе оголтело оказали сопротивление, открыв прицельную стрельбу.

У первого в цепи ватаги Аракчи лошадь, убитая стрелой в голову, запрокинувшись пошла ко дну, вскрикнул раненный зверолов, так что едва не взвыл от гнева и отчаяния Аракча, вскочил ногами на седло и, стоя во весь рост, как литой, грозно сказал всего три слова, сперва по-татарски, затем по русски: «Аракча дарует жизнь!»,— и стукнул себя в грудь кулаком.

Но ожидаемой радости не случилось. Среди сдавшихся на милость победителя Аракчи, никого из предполагаемых среди пленников не оказалось: ничего не знали разбойники ни о Досифее священнике, ни об Иване Большом. И значит, все — сызнова.

ПЬЕСА

Ирина Кедрова
(г. Москва)

РОСТОК И СОЛНЦЕ

(Пьеса в двух действиях, пяти картинах
для детей младшего и среднего школьного возраста)

Ирина Кедрова — прозаик и драматург. Ее произведения полны тонкого психологического настроения, поэтического мироощущения, жизнелюбия и жизнестойкости. Читатель входит в мир размышлений автора, участвует в честном и открытом разговоре. В 2003 г. И. Кедрова выпустила книгу «Как живешь, женщина?». Вошедшие в нее повести, рассказы и роман рассказывают о женской доле и судьбе, о том, как жила женщина в прежние века, начиная со времени князя Владимира, и о том, как ей живется сегодня. В 2007 г. вышла книга «Жизненный круг», наполненная событиями простой семьи с довоенного времени до наших дней.

Среди пьес, написанных И. Кедровой, есть пьесы для взрослых и для детей. Пьеса «Мои подружки» была поставлена в московском театре-лаборатории «Диалог» и в Казахстане, в театре САИТ. Пьеса «Росток и Солнце» ждет часа встречи со своим режиссером, и, конечно, с актерами и зрителями.

Действующие лица

Лесовиха — хранительница леса

Росток

Матушка-Земля

Старая Коряга

Стужа Лютая.

Северный Ветер

Пушистый Снег

Снежинки:

Снежинка-Краса

Снежинка-Звездочка

Снежинка-Малышка

Деревья:

Береза

Осина

Дуб

Клен

Мороз-Иваныч

Солнце

Действие происходит на опушке леса.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина I

Лесовиха. Лихая зима выдалась в этот год. Стужа Лютая не нарадуется. Мороз Иваныч всю землю выстудил, Северный Ветер последнее тепло выдул. Стоят застывшие деревья, пытаются друг к другу прижаться, чтобы согреться. Спасибо, снег укрыл от мороза их корни, да ветки немного припушил, а то бы совсем вымерзли. В такую стужу под землей родилась новая жизнь — маленький Росток, который совсем не желает там оставаться.

Росток. Матушка-Земля, отпусти меня. Здесь темно и скучно, а наверху я буду жить среди высоких и сильных деревьев.

Матушка-Земля. Подожди немного, малыш. Наверху холодный Ветер бушует, Стужа Лютая хозяйничает, Мороз враз тебя заморозит.

Росток. Не боюсь Стужи Лютой. И Мороза не боюсь, и Ветра холодного. Ты обещала, что увижу я деревья высокие, небо голубое, солнце яркое.

Матушка-Земля. Небо сейчас серое, солнце за тучами спряталось, деревья спят под снегом, тихо зиму переживают. Да и мал ты еще.

Росток. Но я одним глазком посмотрю. Может, там все изменилось? Пусти (*пытается подняться*).

Матушка-Земля. Сначала соков земных наберись, а потом наверх выбирайся. Не пущу я тебя. Не время еще.

Песня Матушки-Земли

Не спеши, малыш, на землю. К зимней стуже не спеши.
Там мороз и сильный ветер разгулялись от души.
Звери спрятались по норам, птиц не слышен перезвон.
Лишь сугробов снежных горы терпят ветра вой и стон.

Не спеши, малыш на землю. Здесь уютно и тепло.
Набирайся соков крепких, чтоб с земли не унесло.
Корни пусть твои окрепнут, стебель силу обретет.
Лес тебя весной встретит. Он тебя весной ждет.

Не спеши, малыш, на землю. Непоседливый малыш,
Лес тебя весной встретит. Он тебя весной ждет.

Росток (*капризно и упрямо*). Я наверх хочу. Соков я набрался, корни у меня — вот какие крепкие!

Лесовиха. Росток поднатужился, пробился сквозь землю и выглянул наружу, как раз в том месте, где сладко спала Старая Коряга.

Росток. Бр-р, как здесь холодно и сыро. Правду сказала Матушка-Земля: не пришло еще мое время.

Старая Коряга. Кто меня разбудил? Кто посмел лес от сна потревожить?

Росток. Это я, Росток. А вы кто?

Старая Коряга. Глупый Росток, зачем ты вылез? Я, Старая Коряга, многое видела на своем веку, но чтоб ростки зимой из-под земли выбирались, еще не видела.

Росток. Я знаю, что я не вовремя.

Старая Коряга. В самом деле, не вовремя. Мы тебя не ждем. Видишь, глупый непоседа, даже мощные деревья, способные выдержать холодный ветер и зимнюю стужу, с трудом справляются с непогодой. Лезь обратно под землю.

Лесовиха. Росток попробовал, но ничего не получилось. (Ростку) Если, малыш, ты родился, вернуться назад не сможешь. Здесь, в лесу ты должен пройти длинный путь от маленького ростка до старой коряги.

Росток. А вы, тетя, кто?

Лесовиха. Я — хранительница леса. Охраняю его законы, берегу его тайны, помогаю нуждающимся.

Старая Коряга. Вот и помоги, Лесовиха, ему под землю спрятаться, пока Стужа Лютая его не увидела да Мороз-Иваныч не вдарил. А я спать хочу. Не мешайте мне. Ходят тут всякие, спать не дают.

Появляется Стужа Лютая.

Стужа Лютая. Слышала я, слышала. Негодный Росток из земли вылез. Щас я его научу, как природу любить. Щас я его убью.

Лесовиха. Не рано ли, Стужа Лютая, свирепеешь? Еще и Мороз-Иваныч не прибыл. Еще Северный Ветер не дул.

Стужа Лютая. А мне все равно. Щас я его убью (выхватывает серп из-под хламиды и идет к Ростку).

Старая Коряга (*не пускает ее*). Я хоть и старая, а силы еще имею. Не дам новую жизнь губить.

Дерева кидают на Стужу Лютую сухие ветки, которые оплетают ее словно сетью.

Картина II

Лесовиха пытается укрыть Росток ветками ели. Появляется Северный Ветер.

Северный ветер. Кого прячешь, Лесовиха? А-а-а, вижу-вижу. Рано вылез, глупый Росток. Сейчас я задую сильно-пресильно. Все живое если выдержит — жить останется, не выдержит — распрощается с жизнью. Ха-ха-ха.

Песня Северного Ветра

И раз, и два, и три. Веселее, брат, смотри.

Дую сильно, крепко дую,
Чтобы вволю погулять.
Мужичков чтоб поразмять.
Баб да девок погонять,
Малых деток пощипать.

И раз, и два, и три. Порезвее, брат, ходи.

Застегнись на все застежки.
Я и в шапку, и в одежду,
На заимку и в сторожку,
В дверь, и в печь,
Да хоть в окошко.

И раз, и два, и три. Ха-ха-ха.

Лесовиха. Перестань, Ветер, хохотать. Не пугай малыша.

Стужа Лютая.(из-под веток) Хохочи, Ветер, сильнее. Задувай сильно-пресильно, чтоб с корнем Росток вырвало из земли и унесло с глаз долой.

Северный Ветер. Кто это там канючит? Стужа Лютая? Ох, и не терплю я эту пакость.

Стужа Лютая (ворчит). Не терпит. Я, может, его тоже не терплю. Погоди, Ветер, щас я что-нибудь придумаю. Исхитрюсь. (Ветру) А хохотать и дуть ты, Ветер, все равно будешь.

Северный Ветер. Буду хохотать. Ха-ха-ха! И буду сильно-пресильно дуть. Пусть деревья качаются. Люблю я, когда деревья похожи на мачты кораблей в бушующем море. И раз, и два, и три, качайтесь сильнее. Кто не вынесет — пусть сломается.

Старая Коряга. Ух, разбушевался. Хорошо, что я крепко в земле держусь. (Ростку) Говорила тебе — не вовремя. (Лесовихе) Ты, Лесовиха, зря стараешься, не жилец он.

Росток. Какая вы, тетя, злая!

Старая Коряга. О! Он еще и грубиян!

Стужа Лютая. Грубиян, грубиян. Не жилец он тут.

Лесовиха. Молчи, Коряга. Да и ты, Стужа, уймись. (Входит Матушка-Земля) Матушка-Земля, что делать будем?

Матушка-Земля (вместе с Лесовихой склонилась над Ростком). Холодно, малыш? Я пошлю тебе снизу живительные соки, а ты, Лесовиха, попробуй его согреть.

Лесовиха. Может, Снег позовем? Ау-у, Снег, появись-покружись!

Старая Коряга. Будет он стараться ради маленького глупца.

Стужа Лютая. Конечно, не будет. Я ему не позволю.

Пушистый снег вылетает на сцену и кружится в танце, вслед за ним вылетают Снежинки.

Песня Пушистого Снега

И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.
Легче и проще на жизнь ты смотри!
В танце кружись, быстрее вертись.
И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три-с.

Чтоб ни случилось, смейся и пой,
В танце веселом кружусь я с тобой.
Дочки мои увлекают тебя,
Сверкают огнями, веселье даря.

Ты не грусти, и печаль не зови.
В танце веселом тоску разгони.
Чтоб ни случилось, до слез веселись.
И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три-с.

Пушистый снег. Мое время еще не прошло, не прошло, не прошло. Эй, Снежинки, летите сюда, будем танцевать. Снежинка-Краса, Снежинка-Звездочка, Снежинка-Малышка — лучшие мои дочки. Танцуем, танцуем. И раз-два-три.

Лесовиха. Какой же ты, Снег, красавец. И дочки твои хороши. Укрой лес от мороза.

Матушка-Земля. Вы здесь разбирайтесь, а я вниз пошла дело вершить. Да Стужу Лютую не выпускайте (*подходит к Стуже и говорит удивленно*). Ой, она, кажется, уснула?

Северный ветер. Ничего у вас не выйдет. Ха-ха-ха. Но я сяду-посижу, кулак к щеке приложу, да на вас погляжу.

Оживают Деревья.

Береза. Сюда, Снег, сюда, укрой мои корни, прикрой мои ветки.

Осина. И мне помощи. От мороза спаси.

Клен. Позвольте, красавицы, с вами потанцевать (*танцует со Снежинками*).

Снежинка-Краса. (*весело смеется*) Ой, Клен, и мастер же ты в танцах. Закружим его, сестры?

Пушистый снег (*напевает, укутывая деревья в снег*). И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три-с.

Дуб. Снежная шуба — милое дело. Тепло стало, мороз до коры не доберется. Ты, Снег, получше укутывай, не жалея себя.

Лесовиха. Да не забудь про Росток.

Дуб. Нечего ему здесь делать. Пусть под землю убирается.

Осина. И то правда, зима — не время для ростков. Не выживет он.

Береза. Что вы такое говорите? Раз вылез — надо ему помочь.

Клен. Как помочь, сестрица, коли самим от мороза деваться некуда?

Береза. Не знаю. Спросим у Лесовихи. Она — лес охраняет, тайны лесные знает.

Лесовиха. Вы, деревья, от Мороза-Иваныча снегом спасаетесь. Все-таки шуба, нет-нет, да и согреет. А Ростку и от снега холодно. Вы бы, Снежинки, отлетели от него. Смотрите, уж побелел, бедный.

Снежинка-Краса. Я что? Ничего. Не хотите — не надо. Мне Клен больше нравится.

Снежинка-Звездочка. И мне дело есть — березу с осиной укрыть надо.

Снежинка-Малышка. А можно я около Ростка посижу? Интересно посмотреть, как он растет.

Снег. Дочери, не расслабляться, у нас еще много работы. Весь лес укрыть не просто. Чувствую, Мороз-Иваныч скоро пожалует. Да и Стужа Лютая вдруг проснется.

Песня Снежинок

Девицы-красавицы, милые сестрицы,
Петь и танцевать они — большие мастерицы (*подпевают деревья*).
Музыку услышим — на месте не сидится.
В танце заводном нам весело кружиться.

Поет Снежинка-Краса, с ней танцуют и подпевают Дуб и Клен.

Люблю я вальсы плавные.
Душа в них растворяется.
Прекрасным мир становится.
Да ты сама — красавица! (Дуб и Клен)

Поет Снежинка-Звездочка, с ней танцуют и подпевают Береза и Осина.

А мне милее танец быстрый,
Он захватит, он такой.
С ним про беды позабудешь,
С ним счастливой даже будешь.
Нам не угнаться за тобой. (*Береза и Осина*)

Поют Снежинка-Малышка и Росток.

— Маленький, удаленький. Как тебя согреть?
— Как меня, скажите мне, как меня согреть?
— Спрячься в шубку снежную, чтоб не умереть.
— Спрячусь в шубку снежную, чтоб не умереть.

- С холодом ты справишься. В ней зима теплей.
- В шубке — да, в шубке — да. В ней зима теплей.
- Маленький, удаленький, подрастай скорей.
- Я уже не маленький, я почти большой.

Снег. Молодцы, мои доченьки, молодцы, красавицы. Здесь работу сделали, деревья, кусты и землю укрыли. Полетели дальше.

Снег и Снежинки улетают. Деревья и Старая Коряга засыпают. Росток дрожит от холода. Лесовиха задумалась, сидя рядом с ним. Снежинка-Малышка осталась на опушке.

Картина III

Появляется Мороз-Иваныч.

Мороз-Иваныч. Кх-Кх. (Ветру). Что, Ветер, стих? Не рано ли притомился? А то полезай ко мне в мешок.

Северный ветер. Что ты, Иваныч? Не след мне в мешке сидеть. Передохнул маленько.

Мороз-Иваныч. Летом отдыхать будешь. Кх-кх. А сейчас дуй сильнее, чтобы все хвори-болезни с земли выдуть.

Северный ветер. Дую, дую, Мороз-Иваныч. (В зрительный зал) Вот и ребята мне помогут. Правда? Вместе выдуем хворь и болезни. (Повторяет словно Пушистый снег) И раз-два-три, раз-два-три... (Опомнился) Тьфу, Снег попутал. (Меняет интонацию) И раз, и два, и три. (Спускается в зрительный зал и привлекает детей к своей работе).

Мороз-Иваныч. А где Снег? Тоже успокоился? Ээ-эй, Снег!

Пушистый Снег (появляется). Здесь я, Мороз-Иваныч. Зачем звал?

Мороз-Иваныч. Плохо землю укрыл. Я мороза напушу — все живое вымерзнет.

Пушистый Снег. А ты не морозь землю, Иваныч. Нам и Стужи Лютой достаточно.

Мороз-Иваныч. И она здесь? Почему раньше меня прибыла? Противная баба. Все норовит раньше других влезть, что-нибудь украсть, кого-нибудь убить. Грозилась?

Пушистый Снег. Грозилась, да деревья ее опутали сетью из ветвей, а я усыпил. Поспит немного. Может, и ты, Иваныч, отдохнешь?

Мороз-Иваныч. Не могу. Земля-Матушка отдохнуть должна, набрать соки в самой своей глубине. Для этого надо ее сверху ледяной коркой покрыть, чтоб соки земные раньше времени наверх не полезли.

Пушистый Снег. А я тогда зачем?

Мороз-Иваныч. Кх-кх. Поди, не знаешь? Все живое от мороза укрыть. Начинай, Снег, работать, а то я тебя в мешок посажу.

Пушистый Снег. Что ты, Мороз-Иваныч? Я уже работаю. И ребята мне помогут. Правда? (Напевает) И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три. Снежинки, кружитесь среди ребят.

Снежинка-Краса и Снежинка-Звездочка выбегают в зал, за ними спускается Пушистый Снег.

Снежинка-малышка. А я, батюшка Снег, здесь побуду (пытается заслонить Росток от Мороза).

Мороз-Иваныч. Эх-хе-хе, кости стариковские.

Песня Мороза-Иваныча

Стар я стал, да устал.
На печи бы посидеть,
Кости старые прогреть.

Стар я стал, да устал.
Чай с малиною испить,
Чтобы вновь здоровым быть.

Стар я стал, да устал.
Был бы внучек у меня,
Не печалился бы я.

Мороз-Иваныч. Кх-кх. Что, Коряга, торчишь? Косточки ломит?

Старая Коряга. Ломит, батюшка. Старость — не радость (тоже пытается укрыть от Мороза Росток). А ты, Мороз-Иваныч, часом не простудился?

Мороз-Иваныч. Что за спиной прячешь, Коряга? От меня ничего не скроешь.

Старая Коряга. Ох, и правда, батюшка, не скроешь. Да и нечего скрывать, родимый. Росток из земли вылез. Я ему говорю: не время. Молодо-зелено, рвутся из земли, не слушают старших. Сидел бы у Матушки-Земли, ждал бы, когда наступит время ростков.

Песня Старой Коряги

Вот когда была я молода,
Не шалила, не грубила я,
Я всех старших слушала, манну кашу кушала,
Только пронеслися те года.

Я была скромна, была добра.
Не чуралась всякого труда.
День и ночь работала, наполнена заботами.
Быстро пролетели те года.

А сейчас куда ни погляди:
Молодость шагает впереди.
Слушать старших не хотят, стать большими норовят.
И от них покою не найти.

Как же мне теперь, старухе, быть?
Я хочу дружить, хочу любить.
Я росточку помогу, от мороза сберегу.
Дам ему немножко пошалить.

Мороз-Иваныч (смотрит на Росток, почесывает затылок). Здрате, вылез, оголец. Не дело, законы природы нарушать. Кх-кх. (*Сердито*) Почему Земля соки свои прежде времени раздает?

Стужа Лютая (*проснувшись, пытается выбраться*). Ругай их, Мороз-Иваныч. Они и меня сетями опутали. Продохнуть не дают.

Лесовиха. Ты, Мороз-Иваныч, зря не злись. Каждому — свое время. Время Ростка, видно, наступило.

Мороз-Иваныч. И что теперь делать? Я землю сверху проморозить должен.

Деревья. Холодно, Мороз-Иваныч, ой как холодно.

Стужа Лютая. Ох, хорошо. Поддай холодку, Мороз-Иваныч. Я щас силы наберусь, да выскочу отсюда. (*Пытается серпом разрезать ветвистую сеть*) Я всем покажу! Всех убью! Всех-всех-всех!

Мороз-Иваныч. Терпите, деревья. (*Обращается в зрительный зал*) А вы, дети, что притихли? Хлопайте сильнее в ладоши, чтоб не замерзнуть. Ветер, Снег, помогите. Топайте, дети, ногами, чтоб вам теплее стало.

Лесовиха. Росток, и ты хлопай сильнее, топай быстрее, согреешься. Видишь, дети не замерзли.

Стужа Лютая (*пытается выбраться*). Замерзнут. Все замерзнут. И ты росток замерзнешь.

Росток. Ой, мир вовсе не ждет меня.

Старая Коряга. Я тебе о чем толкую? Теперь вот прыгай, если сможешь, грей себя, коль сумеешь. (*Причитает*) Молодо-зелено, молодо-зелено, ретивость ваша не в меру. Мороз-Иваныч, ты бы чайку горячего выпил. Глядишь, и полегчает.

Мороз-Иваныч. Некогда, Коряга. Работу делать надо.

Лесовиха. Тут началось такое! Мороз крепчает, Северный ветер, словно угорелый, носится по лесу, Пушистый Снег подхватил дочек и замел все вокруг. Стужа Лютая выбралась из сетей. Деревья дрожат и верхушками небо раскачивают. Коряга забилась в землю и сидит там тихонечко. Маленький Росток замерзает. Одно ему спасение, дети,— ваши горячие сердца. Хлопайте сильнее в ладоши, топайте крепче ногами. Ваше тепло не даст погибнуть Ростку.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина I

Снова опушка леса. Застывшие деревья. На земле лежат уставшие снежинки, рядом — сидит Пушистый Снег, чинит свою одежду. Лесовиха пытается отогреть замерзший Росток. Коряга вылезает из-под земли. Появляется Матушка-Земля.

Матушка-Земля (*подходит к Ростку, спрашивает Лесовиху*). Живой наш малыш?

Лесовиха. Чуть дышит. Боюсь, не откачаем. Мороз-Иваныч напоследок так вдавил...

Матушка-Земля. Ни медведя, ни зайца не видно, ни одной птички-певуньи не слышно.

Старая Коряга. Все попрятались, по норам — щелям разбежались, в дупла — гнезда забились. Конец Света, видать, наступил. Стужа Лютая непременно всех убьет.

Лесовиха. Что ты, Коряга, как ворона каркаешь? Помоги лучше малыша отогреть.

Старая Коряга. Его никто не отогреет. Вон ребята как старались, и то не смогли.

Матушка-Земля. Солнце надо звать, друзья мои. Оно отогреет. (*Зовет*) Солнце!

Деревья. Солнце! Солнышко красное! Солнышко яркое! Выгляни из-за туч! Дай нам тепло!

Пушистый Снег. Зачем звать Солнце? Мы же растаем.

Снежинка-Краса. Нам же нельзя в тепло.

Снежинка-Звездочка. Мы погибнем.

Появляется Стужа Лютая, издали наблюдает.

Стужа Лютая. Снег прав. Солнце звать ни к чему. Я еще к лесу не подступила. Сейчас как исхитрюсь. Как закручусь, никого не пожалею. Всех одолею!

Снежинка-Малышка. О чем, сестры, плачете? Или хотите Стуже помочь? Солнце выглянет, мы в капельки превратимся. Снег-батюшка, ты ручьем разольешься. Вместе в реку потечем. А Росток совсем замерзает. Если тепло не наступит, он не оживет.

Пушистый Снег. Верно говоришь, Малышка. Много я погулял, над землей полетал. Да и вы, дочки мои, накружились. Поможем ли Ростку?

Снежинки. Поможем, батюшка. Как не помочь?

Стужа Лютая. Не станем помогать.

Пушистый Снег. Позовем ли Солнце?

Снежинки. Зови, батюшка. Голос твой сильный. Солнышко!

Стужа Лютая. А я Мороза-Иваныча да Северный Ветер позову. Эй, где вы? Спите что-ли? Тут затевают от вас избавиться. Мороз! Ветер!

Все участники. Солнце! Выгляни! Согрей землю!

Матушка-Земля. Не выглядывает. Крепко спит за тучей. *(В зрительный зал)* И вы, ребята, позовите его: ваши голоса Солнышко обязательно услышит.

Зрители и участники спектакля. Солнце! Солнышко!

Гимн Солнцу

Солнце Красное, вставай!
Освети весь мир земной!
Поскорее растопи
Лютой Стужи холод злой!
Солнце Красное, тебя
Реки ждут и ждут леса.
О тебе вокруг поют
Птиц веселых голоса.
Громко слышится с небес,
С гор высоких и с полей:
Солнце Красное, вставай!
Славим жар твоих лучей!

Картина II

Появляются Мороз-Иваныч, Северный Ветер. Сверху спускается Солнце. Стужа Лютая прячется.

Солнце. Что расшумелись, жители лесные? Что раскричались дети громкоголосые? У меня еще день да ночь про запас.

Лесовиха. Солнце Красное! Помоги, Росток от холода погибает.

Солнце. Какой росток? Покажите. Ох, маленький, как же ты сюда забрался?

Старая Коряга. Вот и я говорю, да меня никто не слушает. Нечего, говорю, так рано из-под земли вылезать. Я была молода, старших слушала.

Лесовиха. Уймись, бабуля, не про тебя разговор.

Старая Коряга. Какая я тебе бабуля? Ты на себя посмотри...

Стужа Лютая *(зрителям)*. Обе — старухи глупые. Солнце зовут, Росток спасают. Я тут тихо сижу. Вы меня, ребятки, не выдавайте. А то Солнце меня растопит.

Матушка-Земля. Не ругайтесь, друзья. Росток спасти надо.

Стужа Лютая. Росток им спасти надо.

Снежинка-Краса. Солнышко, если ты его не согреешь, погибнет он.

Снежинка-Звездочка. Поддержи его.

Снежинка-Малышка. Он так слаб.

Солнце направляет лучи, от которых Снег и Снежинки тают.

Мороз-Иваныч (*закашлялся*). Ты вот что, Солнце, лучей не жалеи. Надо новую жизнь отогреть.

Солнце. Ты, Иваныч, совсем разболелся. Пора отпуск брать, да на печи отдыхать. (Обращается ко всем) Что делать будем?

Матушка-Земля. Солнце Красное, дам я Ростку живительные соки, но двигаться они могут в тепле. Без тебя Росток не выживет.

Солнце усиливает свет своих лучей, от которых Мороз-Иваныч и Северный ветер пытаются укрыться. Стужа Лютая начинает раздеваться.

Мороз-Иваныч. Что-то здесь, друзья мои, жарко становится.

Стужа Лютая. Ох, жара невыносимая.

Мороз-Иваныч. Видно, пора мне на покой. Северный ветер, а тебе не пора ли?

Северный ветер. Пора, Иваныч. Путь у нас долгий, ждут нас в других землях. Где наши сани залетные? И раз, и два, и три. (*Свистит*).

Песня Мороза-Иваныча и Северного ветра

Эх, друг мой Ветер, гуляли мы славно.
Вместе гудели, шалили исправно.
Мир поморозили вдоволь и всласть,
Реки сковали в ледовую снасть.
Ну, а теперь нам пора убираться.
Так что давай со всеми прощаться.

Эй, друг Мороз, шапку долой,
Шубу снимай, да поедem домой.
Хвори мы выдули. Нет им возврата.
Болезни с испуга сбежали куда-то.
Нам, друг мой старый, пора отдохнуть.
К дому на Север отправимся в путь.

Мороз-Иваныч и Северный ветер улетают на санях.

Стужа Лютая (*выглядывает из укрытья*). Солнце, зачем тратишься? Росток-то не жилец. Отдай его мне. Я в долгу не останусь. Правда, ребята? Пусть он мне Росток отдаст. Уж я его выращу, спасу, сберегу. Может быть. Правда, ребята?.. Что вы такие несговорчивые?

Солнце (*Стуже*). Пошла отсюда, скверная баба. Разозлила ты меня! (*Детям*) Мал еще Росток, но вижу я его высокие гибкие ветви, направленные в небо, его сильные могучие корни, уходящие в земную глубь. Эй, Росток, не страшись Стужи Лютой. Держи мой светлый луч, грейся в нем, купайся, сил набирайся. (*Росток, ухватив солнечный луч, направляет его на Стужу Лютую, и та превращается в грязную лужу*) Ай, да Росток, молодец, С Лютой Стужей справился!

Песня Солнца

Живи, Росток, и радуйся. Земного выпей сока.
От веточки до веточки тепло его пройдет.
И если будет холодно, тоскливо, одиноко,
Ты вспомни, Мать-Земля с тобой, она тобой живет.

Ты вспомни солнца жаркий луч, тебя он обогреет.
Ты вспомни всех друзей своих, любовь их бережет.
И даже Стужа Лютая тебя не одолеет,
Друзей забота верная поддержит и спасет.

Лесовиха (зрителям). Мудрое солнце знает: и зима, и стужа, и холодный ветер не вечны.

Старая Коряга. Они приходят и уходят по законам природы.

Лесовиха. Но жизнь, коли зародилась, прорастет.

Солнце. Она поднимется, наберется сил и подарит лесу новую мощь.

Матушка-Земля (зрителям). Росток, друзья мои, нуждается в тепле и заботе. Но он окрепнет, и его обязательно примут деревья.

Дуб. Конечно, мы уже его приняли.

Клен. Мы с ним снегом поделились.

Береза. И будем дальше его растить.

Солнце. Так обязательно случится.

Матушка-Земля. А пока маленькому непоседе зябко.

Деревья стараются согреть Росток.

Лесовиха. Удел Солнца — увидеть новый росток и ввести его в мир деревьев.

Солнце (посылает Ростку новый луч). Лови, малыш! Расти скорее!

Матушка-Земля. Какой жаркий луч. Смотрите, луч растопил вокруг Ростка снег...

Деревья (радостно). Мороза больше не будет?

Старая Коряга. Не будет. Даже Северный Ветер притих.

Лесовиха. Он давно улетел с Морозом-Иванычем.

Росток. Хорошо-то как! Меня все-таки ждут на земле! Матушка-Земля, ты говорила — рано, но я выжил!

Матушка-Земля. Непослушный Росток, тебе друзья помогли.

Солнце. Без друзей, маленький Росток, ты бы погиб. Помни об этом, малыш.

Росток. Спасибо вам, друзья! Спасибо тебе, Солнце! Я — живу!

Все участники спектакля выходят на сцену.

Песня Друзей

У тебя есть друг, и друг есть у меня.
Не страшны нам холод, стужа, вьюга.
Вместе соберутся верные друзья,
Чтобы поддержать друг друга.

Солнце луч послало, луч землю обогрел.
Нас холодный ветер не пугает.
И мороз сердитый с нами подобрел.
Он ведь тоже друг, и это знает.

Вместе соберемся, за руки возьмемся.
Злая стужа нас не победит.
Наш Росток поднялся, сил земных набрался.
И теперь он крепко на земле стоит.

Лесовиха. Дружба с бедою и холодом справится.

Все. Сказка кончается. Жизнь продолжается.

ЗАНАВЕС

ПРОЗА

Наталья Парыгина

НАСЛЕДНИКИ

Наталию Диомидовну Парыгину, старейшую писательницу России, члена редколлегии нашего журнала, представлять читателям не требуется. В советские времена ее книги читала вся великая тогда страна, бывшая, к тому же, самой читающей в мире. И сейчас ее не только хорошо знают в литературном мире, но о ее творчестве пишут и защищают диссертации по филологии, издают литературоведческие книги. Наталья Диомидовна продолжает активно работать, в том числе и над новыми книгами, постоянный автор «Приокских зорь» (см. №№ 3—4/2006, 3/2008). Ниже публикуем новый рассказ известной писательницы.

Утром Мария вышла в сад, который служил также и огородом, подкопать картошки на еду. И только наклонилась к первому картофельному кусту, как из глубины сада донесся резкий, долгий, похожий на стон треск. Что это? Мария поспешила по заросшей травой дорожке в дальний конец сада, где росли самые старые и самые плодовые яблони. И, не дойдя нескольких шагов до этого участка, увидела расколотый надвое, белый по древесной ране ствол. Не выдержав тяжести густо облепивших ее наливных яблок, рухнула на землю большая ветка, потянув за собой и половину расщепившегося ствола.

— Господи... Не к добру это!

И тут же подумала: «Да какое добро... Василий вторую неделю с постели не поднимается. Вот-вот...».

Василий умер через три дня после того, как раскололась яблоня. Вечером — солнце уже зашло — услышала Мария хриплый голос из спальни:

— Маша! Поми...раю я...

Вбежала в спальню, валидол пыталась всунуть Василию в рот. А он зубы стиснул, мечется на постели от страшной боли, ладонью за грудь хватается. И вдруг замер расслабленно, глаза закрыл и последним вздохом простился с жизнью.

Мария и смертное для мужа заранее приготовила, и о похоронах подумала. Да что думать... Всех покойников помогал хоронить фермер Иван Лисицын, бывший бригадир колхоза в деревне Малые Дворики, был бригадир, а стал фермер. Машины и ферма были колхозные — стали частью собственности Ивана. Как по всей России, так и в Малых Двориках.

С односельчанами Лисицын жил в мире. Кто в силах был — работали у него на

полях и на ферме. Старикам за небольшие деньги присылал по весне трактор — огороды вспахать. Если кто из деревенских умирал, Лисицын машину выделял — и за гробом съездить в райцентр, и на кладбище покойника отвезти.

Мария знала Ивана еще с детсадовского возраста — в одно время с малышами Василия ходил он в детсад. А с Андрюшей и в школе сидел за одной партой. Но все же шла к Ивану Никитовичу с некоторой робостью, какая невольно поселяется в душе просителя. Но фермер, спасибо ему, обошелся с ней без высокомерия. Соболезнование выразил. Шофера позвал и велел ему съездить в райцентр за гробом и, может, что надо вдове в магазине купить, что закажет — все исполнить. Мария заказала, кроме гроба, и крест простой, деревянный. А еще попросила, вынув из кармана бумажку с адресами, подать три телеграммы с одинаковым текстом: «Отец помер. Приезжайте хоронить».

В домашних траурных хлопотах появилась неожиданно у Марии (Бог послал!) добрая помощница: к одинокой старушке-соседке Афанасьевне приехал из города провести на природе медовый месяц племянник с молодой женой Любой. Узнав о смерти Василия, все трое пришли навестить Марию. И Люба сама вызвалась помогать вдове готовиться к похоронам и поминкам.

Мария была коренастая, немного сутулая, с увядшим смуглым лицом и седыми, кое-где выбившимися из-под черного платка волосами. Люба — высокая, стройная, голубоглазая, всем своим видом и каждым легким, проворным движением олицетворяла счастливый возраст и счастливую (пока — счастливую...) судьбу. Люба с сочувствием отнеслась к пожилой, убитой горем женщине. Мария отозвалась на ее душевное тепло чувством благодарности. И стали две чужие и разные женщины в эти печальные для Марии дни словно бы родными.

Люба оказалась умелой и ловкой в работе хозяйкой. Что приобретенное у фермера мясо смолоть на котлеты, что капусту порубить для пирожков, — все быстро, скоро, как бы не трудясь, а играючи, да и пирожки из ее ладоней выходили ладные да ровные, как у заправского повара. Мария и спросила, не поваром ли она работает.

— Нет. Медсестрой работаю в больнице, — и, немного помолчав, словно бы стесняясь перед Марией за свое счастье и не в силах таить его в себе, заговорила о муже: — Мы с Костей и познакомились в больнице. Он ногу сломал и лежал в хирургическом отделении. Он веселый, любит подшучивать. А я — смешливая. Мне нравилось, как он шутит... С этого и началось. Не поверите — за две недели так полюбили друг друга, словно год вместе прожили. Когда пришла пора Косте выписываться, он мне предложение сделал. И тут без шуток не обошлось... «Выходи, — говорит, — за меня замуж. Если откажешься, я нарочно другую ногу сломаю, чтобы опять около тебя быть».

— Дай вам Бог, чтобы на всю жизнь любви, хватило, — пожелала Мария.

— Хватит! — уверенно, пообещала Люба. — А вы, Мария Николаевна, как поженитесь с Василием Михайловичем? Тетя говорит... Я Костину тетю тоже тетей зову. Тетя говорит, что вы на троих детей пошли?

— Так и было, — кивнула Мария. — Да я детей-то лучше знала, чем их отца. У нас тут, в деревне, в колхозную пору детский садик был, вернее — ясли-сад. И я в этом садике работала. Более двадцати ребятков приводили и приносили. А от Василия сперва одного отдали в садик, потом — другого, а там и третий родился. Все мальчики. Катя — жена Василия, бывало, приведет их, я говорю: «Вот и наши три колобочка явились». Фамилия Василия: Колосов, вот я и звала мальчиков колосочками... Да не повезло им, бедным: маленькими без матери остались. Рак привязался к Кате... Откуда? Почему? Никто не знает. Выберет себе жертву сатана и накличет беду.

— У моей подруги отец от рака умер.

— Косит людей эта беда... Остался Василий с тремя малышами. Старший Петя

только в первый класс пошел... И — ни матери у Васи, ни тещи. Я сперва-то детей пожалела. А потом, когда ближе узнала, Васю полюбила. Мама против была, ругала меня. Но я маме наперекор с Васей осталась.

— Не жалеете, Мария Николаевна, что так сложилась судьба?

— Что ты, Любушка... Я счастливую жизнь прожила. Васе помогла троих детей осилить. Он меня полюбил так же, как Катю любил — сам мне говорил. Дети мамой меня звали. Святое слово: ма-ма... Сколько лет оно мне душу грело.

— А сейчас-то где ваши сыновья?

— Петр в Москве. Андрей — в Одинцово. Витя — в Рязани. Выросли и разъехались. И не только меня,— отца родного забыли. Не приезжают... Раньше открытки к праздникам присылали. Да уж давно и открыток не шлют. Да ладно... Главное, что выросли здоровым и да умными... И место свое в жизни нашли.

— Чем же занимаются?

— Теперь говорят: бизнесом. Самый удачливый — Петя. В Москве живет. Богато живет... Несколько магазинов у него. Еще когда в школе учился, решил в Москву ехать. В Москву и в Москву! С пустой котомкой в Москву не поедешь... А у меня той зимой мама умерла, дом пустой стоял. Говорю Васе: «Что ж дом пустой стоит?.. Давай продадим. Дом крепкий, горожане сейчас охотно покупают. Пускай Петя едет в Москву учиться. Надо, чтоб он не голодал, не бедовал...» Вася поцеловал меня в голову: «Золотко ты мое!» Ласковый был. Ласковый и добрый, и работающий... А парни не такие! Петя-то лет десять в деревне не был. Не знаю, приедет ли на похороны.

Петр на похороны приехал — вместе с братом Андреем. На серебристой машине приехали и для поминок всего привезли: Петя — большую сумку с водкой да с винами в дом внес, Андрей — такой же баул с закусками. Чего там только не было! Колбасы, ветчина, рыба красная — все в целлофановых пакетиках, все нарезано тонюсенькими ломтиками. Даже посуду одноразовую братья привезли! И стаканчики невесомые, и тарелочки беленькие, и вилочки махонькие.

Постояв минутку у гроба и перекусив с дороги, братья ушли из дому. Петя захотел прогуляться в березовой роще, какая разрослась близ деревни из посаженной когда-то лесополосы. Андрей отправился к Ивану Лисицыну, с которым в давние годы играл в садике и на улице, а потом сидел в школе за одной партой.

Вернулись они уже в сумерках. Мария картошку поставила варить к ужину. Люба побежала домой за малосольными огурчиками — очень вкусные, сказала, удались у тети эти огурчики.

Возвращаясь с тетиным деликатесом, Люба еще издали услышала громкие мужские голоса: братья на лавочке у дома обсуждали какой-то, должно быть, важный вопрос. Кажется, говорили о наследстве.

— Ты говоришь: мать не согласится? А кто будет ее спрашивать?! Они с отцом нерегистрированные жили. Она не наследница, понял?

Так и есть: о наследстве...

Люба прошла мимо братьев Колосовых в дом и еще услышала одну непонятную фразу: «Ресторан — это круто!»

Мария уже сливала картошку, Поколебавшись, говорить ли ей об обрыве случайно услышанного разговора, Люба все-таки спросила:

— Мария Николаевна, Вы... Вы с Василием Михайловичем брак зарегистрировали?

— Нет,— не удивившись странному вопросу, сказала Мария.— Сошлись в пору траура по его жене: не до регистрации, не до свадьбы. А потом вроде и ни к чему было... И сами привыкли, что мы — муж и жена, и в деревне все привыкли. Это сейчас так принято: живут-живут, а потом свадьбу справляют. Фермер наш так свою жену на пригодность проверял. А мы так и прожили без бумажки... А ты почему спросила?

— Да о наследстве подумала. Дом-то сыновья могут отобрать. Они — наследники...

— Что ты, Люба! Зачем им, богатым, деревенский дом? Разве что Витя с женой ко мне переедет... Пьет он, младший-то наш. Не то, чтобы алкоголик, а — пьет.

В день похорон Василия небо нахмурилось и пошел мелкий дождь, словно и небеса заплакали вместе с Марией, провожая в последний путь крестьянина-хлебороба. Племянник Афанасьевны Костя и шофер помогли сыновьям покойного вынести из дома гроб до машины, и небольшая процессия почти из одних стариков двинулась вместе с родными покойного на кладбище. Люба и Афанасьевна остались в доме — убраться в зале и накрыть поминальный стол.

Похоронили Василия Михайловича Колосова на взгорочке старого деревенского кладбища рядом с женой Катериной. Две могилы — одна возле другой, и два креста теперь рядом.

Люба с тетей успели все к поминкам приготовить. Стол из кухни в залу вынесли, оба стола скатертями накрыли, из табуреток и двух досок Скамьи соорудили. И всю снедь — домашнюю и московскую разместили на столах.

Деревенские гости стеснялись громкоголосых, самоуверенных сыновей покойного, словно не родня они ему были; а неизвестные, чужие люди из чужого мира. Братья, в свою очередь, как бы вовсе не замечали одетых в черное стариков и старух. Сидя во главе стола и тут же усадив фермера, пили коньяк и общались только этой компанией между собой.

Выпив, как положено, по третьей рюмке за помин души, гости вскоре разошлись. Остались за столом сыновья покойного, фермер да Афанасьевна с Любой и Костей, чтоб помочь Марии прибраться после поминок.

Мария тоже встала из-за стола, как гостя, но Люба, обняв за плечи, усадила ее обратно.

— Мария Николаевна, вы ведь ничего не ели. Поешьте, а то сил не будет совсем.

Мария послушно взяла с тарелочки бутерброд с сыром, принялась нехотя жевать. Сыновья о чем-то говорили с фермером — она не прислушивалась. Но вдруг Петр заговорил громко и властно — таким голосом, каким, бывало, председатель выступал на собрании колхозников. Хотя Петр обращался не к собранию, а к фермеру.

— Мне брат сказал о твоём предложении, Иван. Одобряю! Ресторан в деревне — это круто! Русская кухня... За границей — лягушачьи лапки, а у нас — свиной или бараний окорок из русской печки! Гусь с яблоками. Кулебяка с форелью... Молочный поросенок... Богатые люди хотят экзотики. Им надоело! Ресторан в деревне — это экзотика...

— А мне надоело на чужого дядю работать, — сказал Андрей. — Хочу свое дело открыть.

— Дерзай, брат. У вас с Иваном получится. Рекламу дадим — люди поедут. Домишко этот надо снести к чертовой матери. На его месте построить ресторан. Сад облагородить, клумбы, беседки...

Мария не сразу поняла, о чем речь, но фраза: «Домишко этот надо снести к чертовой матери» — невольно, как заноза, застряла у нее в голове. И Люба ведь говорила о наследниках, да Мария не поверила.

— Я своими продуктами Андрюхино заведение обеспечу, — включился в разговор Иван. — Печника знаю — русскую печку сложит. В русской печке такую еду можно готовить, какой ни в какой другой не сделаешь.

И тут Мария вмешалась в разговор тревожным вопросом.

— Петя, это какой же дом «к чертовой матери»? Ваш родной дом?

— Был родной — стал чужой, — объяснил московский бизнесмен.

— А я? — не унялась Мария. — Как же меня?.. На улицу? Или тоже — «снести»?

— Мария Николаевна,— не смутись, все так же громко и назидательно принялся объяснять Петр,— вы в этом доме никто. Поймите: никто! Бесплатная квартирантка. С отцом вы не расписаны. Так ведь?

— Ты скала: «Мария Николаевна»? — переспросила Мария, более всего пораженная этим странным обращением.

— Вы... с отцом... не расписаны? — отдельно и четко повторил вопрос старший Колосов.

— Не расписана,— глухо, словно вдруг утратив голос, подтвердила Мария.

— И нам вы не мать. Наша мать на кладбище рядом с отцом лежит.

— Поимей совесть! — яростно вскричала Афанасьевна.— Да ведь она вас вырастила!

— Никто нас не вырастил — сами росли,— переведя на соседку холодный, наглый взгляд, объяснил наследник.

— Хватит, Петр,— попытался остановить брата Андрей.

— Значит, не мать я вам,— положив на тарелку недоеденный бутерброд, тихо — не для них, а для себя проговорила Мария.— Не мать, а Мария Николаевна. Н-никто...

Она медленно, тяжело, как старуха, поднялась и сделала несколько шаркающих шагов к двери. И вдруг там, за дверью послышался громкий голос:

— Да не пьяный я! С чего ты взяла? Ну, выпил, конечно... У меня же отец умер!

И вошел в комнату навстречу Марии младший сын... Младший из тех, кто столько лет называли ее мамой. Он и теперь сразу расставил руки, обнял Марию и прижал к своей груди.

— Мама?!

Она замерла в объятиях Виктора, и слезы хлынули прямо ему на рубашку.

— Мама... — проговорил Виктор.— Как же ты теперь жить-то будешь?

Она отстранилась от сына, сдержала плач.

— Все равно... Теперь все равно, как жить...

Тихая, печальная жена Виктора обняла Марию.

— Опоздали мы на похороны...

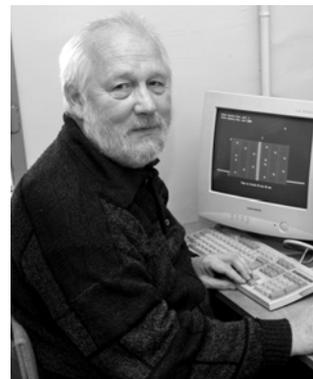
— Ничего,— сказала Мария.— Ничего... Вы пойдите на кухню — там еды всякой много. Помяните Васю. А я... Мне надо уйти.

Она сама не знала, куда ей надо идти. Просто чувствовала, что сейчас ей надо уйти из этого дома, который был теперь не ее дом.

Мария вышла в сад. Дождя уже не было, но небо затянули мрачные тучи, мокрая трава холодила ноги. Мария дошагала до конца сада и остановилась у той яблони, которая три дня назад расколосась под тяжестью яблок. Стояла и смотрела на яблоню, словно смертельно раненное собственным изобилием дерево могло облегчить или разделить смятение и боль ее тоскующей души.

Алексей Яшин

**НОВЫЕ РАССКАЗЫ
НИКОЛАЯ АНДРЕЯНОВИЧА***

БДИТЕЛЬНОСТЬ — НАША СИЛА

Заставь дурака богу молиться...

(Пословица)

Став доцентом университета, Николай Андреевич довольно быстро привык к нравам нового места работы. Соответственно и интересы его постепенно, вроде как сами по себе, приспособивались к бытующим среди вузовских преподавателей — преподавов, как их за глаза звали нынешние студенты. А университет — универом. Это он скоро усвоил.

Приноровился матерый инженер-конструктор и к Интернету, ранее недоступному в режимном НПО «Меткость». Много чего интересного там можно узнать, не перелистывая пыльные тома энциклопедий, справочников и монографий, а только-то и ткнув пальцем в клавишу.

Одно плохо — Интернет вещь платная, а ассигнования кафедре на его пользование постоянно срезают, мотивируя тем, что подготовка специалистов по военной технике сейчас не актуальна, а все средства надо бросать на экономический и юридический факультеты, возвращение психологов и прочих гуманитариев тож. Учитывая все это, завкафедрой ограничил выход во всемирную паутину одним компьютером, установленным в преподавательской. Во-первых, вход студентам-халаящикам сюда закрыт; во-вторых, постоянно под наблюдением нескольких пар глаз. А каждый препод, обосновавший в форме служебной записки необходимость пользования чужой нашей времени, включался в график бдений перед новомодным плазменным экраном.

Но преподаватели тоже дети, хотя и взрослые, своего времени, то есть с заметной долей нахальства, поэтому норовят внепланово пошарить по нужным сайтам, когда в преподавательской пусто, а формально ответственный за порядок семидесятипятилетний старший лаборант Прокофьич — из отставников невысокого чина, как то принято на военно-технических кафедрах — уходит на полдня по своим ветеранским делам. Николай Андреевич быстро эту уловку усвоил.

Так и в этот день. Где-то перед самым «адмиральским часом» (кафедра отчасти имела военно-морской уклон), то есть перед полуднем, лаборантка Света обежала все комнаты для занятий и лаборатории, донося указание шефа: всем сотрудникам факультета, прихватив зазевавшихся студентов, собраться в самой большой аудитории на встречу с кандидатом в депутаты Госдумы от правящей партии. Неофициально, но явно от лица шефа, просила проявить 100 %-ную активность, поскольку кандидат —

* Окончание; начало см. в «ПЗ» № 3/2008.

известный в городе бизнесмен от торговли, сам окончивший некогда их факультет в чине комсорга, оказывает *alma mater* посильную спонсорскую помощь. И обещает ее удвоить в случае попадания в ряды народных избранников.

Все мигом вспомнили: в декабре этого года, совсем скоро, выборы в Госдуму. Погнали пытавшихся улизнуть студентов, а профессорам и доцентам постарше было любопытно взглянуть на заматеревшего Леньку-комсорга, твердого троечника и женского угодника.

И Николай Андреевич, скептик крайний в части народного волеизъявления, двинулся было к лестнице на второй этаж, мысленно заготавливая самые каверзные вопросы туповатому кандидату-торгашу: почему за две недели этой осени цены на продукты питания взлетели на 30—50 %? Почему ныне на международных авиационных выставках от России все больше макеты самолетов демонстрируют, а не летающие аэропланы? Почему...

Вопросов набиралось на страницу убористого компьютерного текста шрифтом 10 через один интервал, но перед самой лестницей его попридержал завкафедрой, хорошо знавший характер подчиненного:

— Андреевич! Дело политическое, сам ректор будет присутствовать, так что атмосферу хорошо отрежиссированного спектакля не нарушай. Прошу тебя, дорогой мой. Мне с этого Леньки-торгаша — кровь из носу — надо содрать на оборудование новой лаборатории по оптоэлектронике.

Шеф проследовал вниз по лестнице а Николай Андреевич остановился, щелкнул пальцами, тихо присвистнул и с облегчением пошел в сторону опустевшей преподавательской, попутно отметив: Прокофьевич тоже семенил на встречу с кандидатом, надев парадный, хорошо отглаженный супругой синий лаборантский халат, ради табельных дней обычно висевший в шкафчике.

* * *

Как минимум, часа полтора неучтенный Интернет был в его распоряжении: Ленька-бизнесмен, судя по его частым выступлениям на местном телевидении, а также учитывая прежнюю профессию комсорга, отличался патологической словоохотливостью и вообще любил общаться с простым народом.

Понятно, что Николай Андреевич не наобум, как младший школьник, гулял по Интернету, но просматривал нужные сайты целенаправленно: либо сам себе тему задавал по интернету, или же прислушивался к чьему-либо компетентному совету. Темы и названия сайтов загодя заносил в пухлую свою записную книжку, вычеркивая уже просмотренное. Как в хорошей канцелярии, но так его воспитала работа в военно-промышленном комплексе с ее ранжированным порядком и строгой методичностью.

На сегодняшний дармовой просмотр приходилась тайна Декларации независимости США. Сразу двое коллег рекомендовали: обхохочешься, дескать, Андреевич, — какие только чудеса в истории не случаются!

Действительно, Николай Андреевич с увлечением прочитал почти детективную историю со знаменитой Декларацией 1776-го года, положившей начало государству США. Он бы воспринял все читаемое как досужую фантазию, если бы не многочисленные иллюстрации подлинников, вставленные в Интернет-текст. Впрочем, скептик Николай Андреевич понимал: при современном уровне развития компьютерной техники можно что угодно подделать...

Итак, судя по словам автора материала, пару лет тому назад он исследовал документы — на предмет своей исторической профессии — в отделе листовых материалов в Киеве, в архиве зарубежной истории Украины. Есть там такой, оказывается. И наткнулся на папку в линкрустовом переплете с небрежной надписью библиотечкар-

скими белилами: «Северная Америка. Война 1775—83 гг.». А раскрыв папку, ахнул: в числе прочих тленных бумаг лежал очень ветхий, сложенный в несколько раз лист Декларации независимости США. Документ даже не на вес золота, но алмазов, поскольку таких листов в мире известно всего 24 экземпляра.

Автор сообщения как-то туманно и запутанно, с недомолвками пишет о киевском экземпляре Декларации. Николай Андреянович понял так, что в Киеве неведомыми путями оказалась факсимильная копия важнейшего документа в истории Америки! Но даже если это была копия, то все равно это предмет государственной важности. Для США, конечно. А для государства-держателя — это непреходящая политическая валюта.

Но самое интересное было дальше. На экране монитора высветилась фотокопия заголовка Декларации:

...*United States of Жmerinca*.

Как принято у американцев и по сей час, заголовок был написан готическими буквами, поэтому, не приглядевшись, витиевато написанную букву «Ж» можно было принять за готическую «А», а слитно написанные «in» — за просто готическое «i». Но вот если присмотреться, то как раз читалось вместо Америки название исконно польско-украинского городка, написанного в стиле современной российской рекламы или названий тинейджерских рок-групп: половина слов по-русски, вторая половина латиницей...

Уже совершенно заинтересованный, Николай Андреянович застучал по клавиатуре, листая страницы исторического детектива.

* * *

Из текста следовало, что в июле 1776-го года Конгресс распорядился: переписать документ под заголовком «Единогласная декларация тринадцати Соединенных Штатов Америки» на лучшем пергаменте каллиграфическим почерком крупными буквами. Дело поручили курировать секретарю Конгресса Чарльзу Томсону, а тот в качестве каллиграфа взял своего помощника Тимоти Мэтлэка. К началу августа рукописная Декларация на листе пергамента размером 61,5×75,5 сантиметров была готова и тотчас подписана делегатами Конгресса — от всех тринадцати штатов.

Дальше, как пишет автор в интернете, почему-то сведения об этом исходном листе с Декларацией во всех официальных источниках США даются как-то отрывочно и запутанно. Удалось выяснить, что после подписания Декларацию свернули в трубку и убрали в архив; в итоге, попутешествовав по архивам ряда городов и учреждений, оригинал в 1814 году «остановился» в Вашингтоне. Причем оригинал никому не показывали, а в обиходе государства использовали типографски отпечатанные листовки с текстом и правильным заголовком.

В 1823 году по поручению Конгресса копировальщик Вильям Дж. Стоун, потратив почти три года, сделал ручную копию оригинала, один из двадцати с небольшим известных в мире оттисков с нее и оказался неведомыми путями в самостийном Киеве.

Перед Стоуном стояла сложная и щекотливая задача: максимально точно скопировать и в то же время решить вопрос с «Жмеринкой». Поэтому он максимально приблизил «Ж» к готической «А», а «in» — к «i»-готической. Сам Стоун убедил членов комиссии Конгресса, что для американца и европейца «все сойдет». Более во всей истории США оригинал никому не показывали и поныне о судьбе его ничего не известно.

А «причесанная» копия и сейчас лежит под толстым стеклом в зале хартий свободы в здании национальных архивов в Вашингтоне. Но при всех киносъемках (фотосъемки в архиве запрещены) заголовков не показывают крупным планом и в коллаже как-то прикрывают «Ж».

Автор интернетовской заметки, будучи крупным специалистом-историком, до-тошно выяснил, что настоящее имя Тимоти Мэтлэка, каллиграфически исполнившего оригинал Декларации,— Томислав Матлаковский, поляк, родом из Жмеринки, которая тогда входила в Брацлавское воеводство Польши. В самом начале 1770-х годов он перебрался в Америку с тогдашней волной эмиграции из Европы в Новый Свет. Работал пивоваром, проповедником-квакером, потом занялся политикой.

Имея каллиграфический — с детства — почерк, он иногда выполнял поручения по написанию ответственных указов. Например, ему принадлежит подлинник рескрипта о назначении Джорджа Вашингтона главнокомандующим в войне с англичанами.

...Итак, Матлаковский, часто вспоминая в малоудачные годы англо-американской войны тихий родной городок, и запечатлел его название в главном документе нового государства. Сумасшедшим он не являлся, просто в те времена народ в Америке чувствовал себя душевно свободным; простоватые были люди у основания нынешней сверхдержавы, единственной сейчас в мире...

Члены же Конгресса, что подписывали документ, тоже по всей видимости люди простые, да еще и вдохновленные началом обретения независимости Соединенными Штатами, вчитываться не стали и лихо черкнули свои росписи. И пошли пить виски с содовой и со льдом.

Только на следующий день Чарльз Томсон обнаружил промашку, велел оригинал подальше упрятать, а своего ностальгирующего по родной Жмеринке помощника понизил в должности сразу на две ступени.

В заключении своего розыскания исторической правды автор рассказал и о современной судьбе киевской копии: сразу три президента стран, имевших и сейчас имеющих отношение к городу Жмеринке — родине Матлаковского,— начали предъявлять свои права на торжественное преподнесение Дж. Дж. Бушу подарка государственной важности. Победил Ющенко, пообещавший привезти документ во время визита в США. Обрадованный Буш на очередной пресс-конференции в Белом доме (который настоящий, оригинал, в городе Вашингтоне, округ Колумбия, США) сравнил незалежного президента с самим Джорджем Вашингтоном. Что он имел в виду? — На это автор интернет-сообщения ответа не дал.

* * *

От души посмеялся Николай Андреевич, имея, как человек логически мыслящий категориями реальной жизни, в виду оба варианта: замечательно искусная литературно-историческая подделка или простота нравов американцев в XVIII веке, а именно: полное отсутствие бдительности даже в делах государственной важности.

Читатель даже с очень развитой фантазией не сможет представить себе удивление исследователя при виде надписи:

Оставалось выяснить, как предмет национальной гордости США оказался в киевском архиве. И почему документ исторической важности озаглавлен United States of Жмеринка. (<http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/113/>)

«Нет, мистеры янки,— благодушно размышлял наш новоиспеченный дóцент вечером после ужина, расположившись на своем диванчике с раскрытой на закладке новой книгой Александра Проханова из цикла «Последний солдат империи»,— у нас бы такое не прошло ни при царях, ни при чекистах, тем более — при президентах, когда класс чиновников вырос до гомерических размеров: есть кому в десять пар глаз не то что буквицы, так и оттенки их цвета на бумаге просмотреть. Бдительность — наша национальная черта; и гордость, и беда одновременно.

Сразу пришел на память с десяток случаев и ситуаций, в которые он сам по молодости лет попадал из-за отсутствия чрезмерной бдительности. В том числе и своя «Жмеринка» у него имелась, за которую его наказали как некогда впавшего в ностальгию поляка Матлаковского...

Случилось это по третьему году работы юного Николая в качестве молодого специалиста после окончания института в только что созданном в городе ЦКБ агрегатостроения — единственно усилиями и натиском талантливого руководителя Владислава Сергеевича Трибелина.

В самом конце первого года отбывания принятых тогда для выпускников вузов обязательных трех лет отработки по направлению, молодой и самомнительный тогда Николай (без Андреевича) как-то от скуки инженерной службы в самый разгар жаркого лета затеял с другом-приятелем Витькой Смышляевым в обеденный перерыв игру сам-двое в подкидного. Прямо за рабочим столом Смышляева. А поодаль резались в шахматы-пятиминутки мелкие начальники во главе с азартным игроком, начальником их отдела Михаилом Ивановичем Дорофеевым.

Каждая из групп была увлечена своим делом, потому никто сначала не прореагировал на появление в комнате самого Трибелина: ему срочно понадобился Дорофеев, и, проходя по своим высоким делам по коридору, он демократично сам зашел к подчиненному.

Сам любитель шахматной игры (только не пешками-слонами, а людьми...), Владислав Сергеевич одобрительно посмотрел на азартных «пятиминутников», то со стуком двигавших пешки, то с размаху бивших по кнопкам часов. Но вдруг его замечательные, столь волнующие женщин серо-стальные глаза сузились, а лицо запылало гневом: это он увидел Николая с веером карт в руках. Смышляева же от глаз начальника закрывал кульман, поэтому весь разгоний достался первому:

— Эт-то что за казино?! На режимном предприятии! Вы еще бы пьянку тут устроили с девицами развратными!

Шахматисты мигом ретировались; Дорофеев, побледнев, стоял по стойке «мирно». Николаю бы промолчать, порвать карты и покаяться всем святым, что более к этой заразе он не прикоснется... Но возбужденный тройным проигрышем Смышляеву (играли на пиво после работы), он неожиданно даже для самого себя язвительно брякнул:

— А что, Владислав Сергеевич, у вас на режимном предприятии развратные девицы работают?

...Гневу Трибелина, как-то в отношении себя принявшему намек насчет девиц, предела не было. Дорофеев, ранее никогда не страдавший сердечными болями, просил у своей помощницы, завсектором Розалии Тимофеевны, таблетку валидола. В итоге Николая сослали работать в технологический отдел, самое непрестижное место — рисовать скучные штампы и прочую оснастку, что обычно делают выпускники машиностроительных техникумов. Срок ссылки не оговаривался. Начальник КБ даже не принял во внимание невольное заступничество Дорофеева, что де опальный молодой специалист один ведет важную тему, а теперь кому-то придется все заново начинать, полгода-год можно потерять...

* * *

Почти год Николай (тем более сейчас без Андреяновича...) проторчал в техотделе. Правда, с определенной пользой: освоил новую для него специальность инженера по нестандартному оборудованию в машиностроении. А чтобы умственно не отупеть, на дому и в обеденные перерывы на работе по учебникам освоил полный курс физики твердого тела.

С тем бóльшим удивлением он воззрился на Дорофеева, вошедшего в комнату техотдела, где он никогда не бывал ранее, и направившегося к своему бывшему подчиненному. Более того, Михаил Иванович отечески похлопал опального машиностроителя по плечу:

— Хватит тебе, Николай, чепухой заниматься. Сейчас новое направление в КБ начнем развивать, думаю, оно же и главным в перспективе на две-три пятилетки будет; словом, пришло время все наши изделия на микроэлектронику переводить. Дело для КБ абсолютно новое, а только ты в институте, как мне сказали, специализацию по ней проходил. И Владислав Сергеевич, зла не помня, согласился тебя вернуть в наш отдел. Даже велел мне на тебя представление к празднику Октября писать: на инженера-конструктора II категории. Это, так сказать, аванс.

И не давая ошеломленному Николаю перевести дух, сразу перешел к делу:

— Через неделю Владислав Сергеевич едет в министерство, в наш главк. Будет докладывать содержание технического предложения по перспективным разработкам нашего КБ на ближайшие годы и дальнейшую перспективу. Тебе — ответственное задание: изобразить на большом листе 44-го формата в цветах подробную схему по существующим в промышленности микроэлектронным технологиям с акцентом, так сказать, на специфике наших изделий. Но очень подробную схему и визуально броскую, и понятную для специалистов главка различных профилей. Берешься?

— Приказы не обсуждают, Михаил Иванович, — с восторгом ответил Николай, — сущность вопроса ясна, микроэлектронику с института еще не забыл.

— Вот и хорошо. Твой *бывший* начальник уже в курсе дел; он сейчас у Владислава Сергеевича, там и узнает. А ты возвращайся на свое прежнее место. Я распорядился тебе новый гэдээровский кульман поставить — пока единственному в отделе. Цени и оправдывай доверие! Поскользнуться легко в жизни, да вывернуться и не упасть сложнее...

* * *

На славу постарался воодушевленный Николай, оправдывая высокое доверие. Даже доверяя недурственной памяти, перелистал кучу книг и научно-технических журналов. Каждый день задерживался после официального окончания рабочего дня на два-три часа. А ведь раньше уже за четверть часа до отходного звонка бросал все дела и сидел на стуле в позе призового бегуна на стартовой полосе, ожидающего хлопка судейского пистолета-пугача.

Для начала во всю полутораметровую почти высоту листа, склеенного из двух двадцатьчетвертых форматов наилучшего ватмана, нарисовал цепочку квадратов, овалов, прямоугольников с надписями, явно и убедительно показывающую соподчиненность процессов изготовления микроэлектронных приборов и систем. «Крыльями» и «подкрылками» тех же геометрических фигур обозначил специфику перспективных изделий их КБ. Все это связал разноцветными линиями и стрелками обратных и прямых связей...

Когда наш инженер-первооткрыватель наносил на лист завершающую разноформатную штриховку нужных участков схемы, подошедший уже в который раз за день (за каждый дань творения) Дорофеев не смог скрыть восторга:

— Ну и мастак ты, Николай, голову высокому начальству дурить! Нет, нет, я шу-чу, конечно, но в главках и министерствах вот такие схемы именно уважают: в цвете, броско и, главное, все по делу. Молодец!

Через пару часов, бережно свернув ватманский лист со схемой, Дорофеев отнес его в кабинет Трибелину. А вернувшись через небольшое время, сообщил: Владислав Сергеевич очень доволен, в понедельник с утра едет с листом и докладом в главк.

— ...И тебе от шефа привет: иди в отдел кадров к Надежде Борисовне и распишись в приказе. Поздравляю тебя, как говорили в старину, инженером-конструктором II категории!

Была пятница. Обмывать новую должность Николай пошел в компании Витьки Смышляева и еще двух ближайших приятелей. Получение должности «ИК-II» с двадцатью полновесными советскими рублями* прибавки и соответствующим увеличением месячных, квартальных и годовых премий, 13-ой и 14-ой зарплат явно тянули и на пролонгацию «отмечания» в выходные дни. Да еще, пользуясь доброжелательностью Дорофеева, Николай подписал у него отгулы на понедельник и вторник, оставшиеся в загатнике с летне-осенних поездок в колхоз на сельхозработы.

Славно отдохнул Николай, расслабился, а потому, явившись в среду на работу, не смог сразу сообразить: почему Дорофеев с ним не поздоровался даже кивком головы, а все сотрудники отдела, отделения, да и всего КБ смотрят на новоиспеченного инженера-конструктора II категории как-то пристально, а женщины постарше и вовсе с легким испугом.

Встретившиеся ему в коридоре начальники отделений Кладунов и Гриневицкий даже обошли его по полуокружности, а почтенная секретарша Трибелина Вера Григорьевна, тож шедшая ему навстречу, укоризненно покачала головой.

В голове застучали молотки и молоточки, Николай перестал чувствовать охолодевшие ноги, еле удерживал себя на стуле перед пустым кульманом. Пытка длилась до обеденного перерыва, в который почему-то шахматисты не играли. Открылась дверь крохотного кабинета Дорофеева:

— Зайди ко мне.— Это были первые слова начальника, что он услышал сегодня за полдня.

На столе Дорофеева лежал развернутый лист с его великолепной схемой. Но что это? — По внешнему контуру цепей и цепочек квадратиков, овалов и прямоугольников с надписями чьей-то решительной рукой толстенной красной линией маркера, что только входили тогда в моду, был вырисован... православный, нет даже скорее староверческой осьмиконечный *крест*: стойка, перекладина для рук Спасителя, верхняя маленькая перекладина для надписи «INCI» (Иисус Назарянин — царь иудейский по латыни), нижняя косая перекладина для ног казненного.

— ...Что, уважаемый инженер-конструктор *третьей* категории, могильного холмика не хватает?

— Почему третьей? — явно не попадал ответил ошеломленный увиденным Николай,— ведь приказ уже есть?

— Потому и третьей, что приказ в пятницу и с утра в понедельник не успели кадровики занумеровать, а в понедельник Владислав Сергеевич из Москвы позволил пополудни и приказал дезавуировать. Нет, ты скажи мне начистоту: тебе мало было истории с картами? Понравилось штампы рисовать? А не желаешь ли последний год своего срока молодого специалиста технологом в заготовительном цеху проработать? И как тебе только такая пакость в голову пришла — ты что, сектант какой? Да тебя мало...

Минут двадцать добрейший по характеру Михаил Иванович обвинял бывшего

* Напомним, что по официальному курсу 1 USD стоил тогда 60 копеек, но де-факто покупательная способность рубля была намного выше.

инженера-конструктора II категории во всех смертных грехах, грозил самыми большими неприятностями.

А потом с четверть часа пришедший в себя Николай убеждал, апеллируя к содержанию схемы, начальника, что он ни в каких задне-передних мыслях не имел ничего подобного. Чистое совпадение!

* * *

Понизив в недолгой должности инженера второй категории, Николая все же оставили в отделе Дорофеева — работать кому-то надо, ибо план развития микроэлектроники в КБ утвердили-таки в главке. Даже к Первомаю вернули утраченную было должность.

И из уст скоро отошедшего Дорофеева Николай и узнал, что в самом конце совещания в главке, на ура приняв доклад Трибелина, проголосовали «за». Уже все поднялись со своих мест, как парторг главка, сидевший истуканом все три часа заседания, подошел к пришпиленной к демонстрационной доске схеме, вынул из нагрудного кармана новомодный маркер и вырисовал на ватмане высшего качества старорежимный церковный крест. Отомстил Трибелину, с которым у него имелись какие-то давние размолвки.

ЧЕЛНОКИ НАД РЕЙХОМ

Среди многих новорусских слов некоторые вызывали у Николая Андреевича неоднозначное восприятие. Например, пресловутые челноки, которые по мнению его внесли очень даже существенный вклад в разрушение великой страны. Именно это челночество в Турцию и в Китай (для жителей Дальнего Востока и Сибири) до предела обострило у женского пола, и без того от природы жадного, инстинкт накопительства. Ну, это объяснять не надо. И так всем понятно. Николай же Андреевич отвечал на прямые вопросы об этом факте ироническим напевом: «Кто паровозы оставил и шел...» Далее следовало малоцензурное, что, вообще говоря, было нехарактерно для потомка староверов. Иногда, в обществе дам, он давал и цензурный вариант песенного римейка: «...и уходил на шопинг-туры».

Сам же Николай Андреевич называл челноков мешочниками, как их и звали в годы послереволюционной разрухи. И морщился при упоминании новорусского слова. Все дело в том, что полагал он это кощунством, ибо истинные челноки у него были связаны исключительно с героическими годами Великой Отечественной войны. А коль скоро здесь задействованы и союзники, то и Второй мировой войны. Но об этом чуть позже. Все это шло еще с молодых лет, когда Николай Андреевич звался просто Николаем или Андреевичем и работал молодым специалистом в ЦКБ агрегатостроения.

* * *

Николая восхитила история с постройкой дома Зеленскому пленными фрицами за неполный бочонок спирта. И как мастера-самоделкина он уважал Василия Артемовича. Но в то же самое время у Николая сложилось мнение о заместителе начальника отдела техдокументации, как о ловком, в меру пронырливом человеке, для которого — типичного мещанина, столь характерного для города *T*. — главным является урвать для себя и семьи, правда, все в рамках законности и даже принятых норм морали. Впрочем, это характеристика мещанина при любом режиме: от царей до генсеков.

«Небось и воевал «от звонка до звонка» в интендантстве, в крайнем случае в какой-нибудь дивизионной ближнетыловой мастерской,— думал Николай,— впрочем, Зеленский упоминал в разговорах в курилке об авиации; значит, авиамехаником аэродромной службы, то есть тоже в тылу, хотя бы даже и ближнем».

К такому безапелляционному мнению его склоняли обычные рассказы Зеленского. Запомнился один из них. Как-то Василий Артемович, отсутствовавший в КБ почти весь август месяц, зашел в курилку в самом начале первого рабочего дня и с восторгом, подробно и со вкусом рассказал о поездке в Полтавскую область, где жили в небольшом районном городке многочисленные родственники по линии отца. Кстати и сам Зеленский там родился, но еще в глубоком детстве семья его переехала в Т., откуда была мать, попавшая на Украину в бескормицу Гражданской войны. Во всяком случае, Василий Артемович сам так пояснил.

...Сейчас демпресса, ихние же радио и телевидение, касаясь золотой советской эпохи 60—80-х годов, непременно вспомнят чуть ли не о голоде вне Москвы. Это сущая чушь, хорошо поясняемая бытовавшей тогда присказкой: в магазинах ничего нет, а холодильники у всех под завязку набиты. Ну, что поделаешь: приелись гражданам куры, масло, яйца, рыба и все остальное съедобное, натуральное, сделанное по ГОСТ'у, захотелось буженины, сырокопченой колбасы и прочих разносолов. Причем желательно в килограммах, а еще лучше — в пудах. Благо цены позволяли покупать и пудами рядовому инженеру. Работяге тем более. Отсюда и ситуация — см. присказку выше.

* * *

По словам возбужденного поездкой на историческую родину Василия Артемовича выходило, что в полтавской глубинке проживают полные идиоты*: при прилавках раймага, маленьких магазинчиков и окрестных сельмагов, заваленных парной говядиной, первосортной бараниной, ноздреватым выдержанным сыром пяти сортов, сыро- и полукопченой колбасой, не говоря уже о курах и гусях, сгущенке с зефиром и пастилой, горилке з'перцем и изобилии сала всевозможного колера, засолки, копчения и обсыпки... (Зеленский от восторга перечисления слотнул слюну, откашлялся и продолжал)... При всем этом изобилии, до которого лучшие столичные продмаги явно не дотягивают, местный народ не хватает сумки, мешки, на худой конец наволочки и пододеяльники, не мчитя в сторону магазинов, не сметает все съестное вместе с прилавками и дородными продавщицами и, отяжеленные многопудовыми ношами, не уходят домой затаривать зилковские холодильники и поместительные погреба своих частных домов, которыми на 99 % застроен районный городок.

— ...Очередь в пять-десять человек выстраивается только когда в магазин привозят замечательный, горячий еще белый хлеб местного завода. А так придирчиво принохиваются к свежайшей постной свинине, хулят баранину: «Тошевата она у тебя, Феодосьевна, чтой-то сегодня». На сырокопченку вовсе как на пустое место глядят, иногда только возьмут полпалки «полтавской» или кружок «краковской» — все обморочно ароматные. Да еще вроде как оправдываются: «Мужик мой со сватом выпить собрались, ждять не желают, пока я мяса нажарю с картохой». Понятно, поукраински говорят все друг с другом, но я маракую в мове — от родителей.

* Сейчас, когда де-юре цензура в форме обливов отсутствует, все одно следует литераторам очень даже тонко подходить к национальным вопросам. Здесь ориентир — высказывания СМИ, видно получающих инструкции. Так, например, не рекомендуется миролюбивых кавказцев и тружеников-цыган именовать «по-народному». Зато полная индульгенция в отношении украинцев и белорусов: первых — за стремление полностью отойти от России, вторых — наоборот. А недавно купил в магазине буханку черного хлеба... с салом; на притороченной к буханке бандероли-этикетке значилось: «Хлеб ржаной с салом «Радость хохла» (От автора).

Сделав пару затяжек, Василий Артемович поприветствовал на равных вошедшего по естественной нужде в туалет Дорофеева, продолжал:

— Я как в первый по приезду день зашел со своей супружницей в ближайший магазинчик, так сразу затариться в обратную дорогу захотел, но тетка Прасковья, что с нами пошла городок показать, оговорила: «Чай, через полмесяца аль того поболее уезжаете, куда торопитесь? Вот перед отъездом и закупитесь».

Так и поступили. Когда за день до отъезда заполняли сумки всякой всячиной, одной сырокопченки десять палок взяли, то народ, что случился в магазине, перешептывался: дескать, на свадьбу берут, широко гулять собираются... В три захода сумки затарили: свои, тетка Прасковья одну дала, да еще одну в «промтоварах» прикупили. Зато теперь у меня погребок, что твой столичный гастроном. Колбаска-то подсушится,— и к Ноябрьским и Новому году как хорошо-то!

— Намаялись, наверное, со своими сумками-то,— с ядовитой иронией встрял молодой специалист Овцовский, слегка косящий под диссидента,— ведь конец августа, все южные поезда переполнены, что в сторону Москвы идут?

— Да нет же. От райцентра до Полтавы рейсовый автобус полупустой, рядом с теткин домом остановка. А в Полтаве без хлопот в купейный вагон — по броне обкома, там дальний родственник тетки Прасковьи инструктором служит. Что называется, везде свои люди!

— Вот-вот, всюду блат,— нарочито погрузнел и посерьезнел Вовка Овцовский,— а где же сознательность строителя коммунизма?

И настолько лжедиссидент вошел в роль (он потом второй институт окончил — ВГИК*), что даже такой знаток жизни, как Зеленский, на миг смешался и что-то пробормотал: дескать, все так делают...

* * *

А Николай, вернувшись на рабочее место, все усмехался: почему-то супруга Зеленского, которую он никогда не видел, представилась ему этакой властной бойбабой, на голову выше низкорослого шупловатого мужа и непременно вдвое ширше благоверного. Что же, весьма распространенная и симптоматичная пара. По принципу: минус тяготее к плюсу и наоборот; это в смысле массы тела. И в роль мелкого телом супруга при властной и телесно обширной жене милейший Василий Артемович по мнению Николая подходил. В смысле образа типичного *m*-го обывателя с несколько сероватым прошлым и настоящим, что уже почти оформился у мыслящего резкими категориями, как и всякий молодой человек, Николая.

А Зеленский как будто читал мысли его и вроде как нарочито утверждал начинающего инженера в его мнении.

Например, середина прекрасной, долгой зимы с изобилием снега, умеренными морозами, почти без ветра и метелей, а уже с середины января солнышко слепит глаза веселым прохожим, отражаясь от окрестной белизны — даже в центре промышленного города.

...Вот сейчас Николай Андреевич повторил про себя эту оптимистичную фразу — и как будто язвительный голос бывшего диссидента, а теперь ярого демократарыночника, видного клерка в коммерческом банке, прислышался ему: «Ты, Андреевич, еще скажи: настоящая *советская* зима!»

Ну и что? Пусть будет советская. Разве вина Николая Андреевича в том, что при генсеках зима была со снегом, лето теплым, но не жарким за тридцать Цельсия, а Овцовский маскировался под диссидента. Но только в рамках, дозволенных работнику режимного КБ...

* Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Вот именно такая зима стояла по третьему году работы Николая после института. Понедельник. Значит с утра в курилке не протолкнуться, даже несмотря на свирепые взгляды Кладунова и Дорофеева, заходящих по своим физиологическим нуждам. И Гриневицкий косится, хотя он не их отделения начальник. Просто за два выходных дня народ соскучился по общению, варясь в кругу семьи. Ведь юморная нынче фраза «на работу как на праздник» имела тогда самый прямой смысл. Люди совмещали труд с клубным времяпрепровождением, все и вся подчинялось известной формуле: надо жить так, чтобы утром с охотой идти на работу, а вечером с удовольствием возвращаться домой.

Как всегда к концу первого перекура заходит Зеленский: уже с утра ликвидировал какую-то мелкую поломку множительной машины. Но еще не отошел полностью от субботне-воскресной расслабленности, голос нетороплив и домашний:

— В субботу в баню с тестем ходили, по пивку с рыбкой вяленой, что еще летом на полтавщине запас. А в воскресенье проснулся поздно, пошел двор от снега чистить, заодно и с крыши наметенный за неделю сбил. Вроде все сделал, закурил, опершись на лопату, а солнышко заходящее такое красно-багровое, но еще теплое. Красота!

Тут супружница с сенцев дверь приоткрыла, зовет обедать. Иди, мол, скорее. Борщ запарился, а к борщу пампушки только-только из духовки вытащила, чесноком тертым, как у вас, хохлов, принято, посыпала. На второе — курица с картошкой тушеная.

А я хитрю: нет, мол, не нагулял еще аппетиту, не хочется. Погожу. «Иди, иди, хитрован,— смеется супружница,— налью тебе сто грамм!»

Во! — Это другое дело, лопату к сараю приставил — и к борщу с пампушками.

Все курильщики добродушно рассмеялись, исключая молодых специалистов, что жили в общежитии; они грустно вспоминали свои родительские дома, свои борщи с пампушками, утомленные казенными столовскими обедами. А Овцовский, тощий и прожорливый, стал расспрашивать Василия Артемовича о рецептуре настоящего украинского борща и тонкостях выпечки пампушек с чесноком.

...Наконец-то полный и окончательный образ Зеленецкого сложился в голове Николая. Его и умилял этот добродушный, хитроватый в меру мастер на все руки и знаток практической жизни, и как-то жалко его было; наверное, Василию Артемовичу по большому счету и вспомнить-то нечего кроме постройки дома пленными немцами, поездки под Полтаву, да еще воскресных ста граммов? Вот и хорохорится где-то слышанной фразой-приказкой: «Легче завод Круппа разбомбить, чем эту рухлядь починить».

* * *

В половине шестого переключенные на дежурное освещение коридоры КБ опустели, только кое-где из раскрытых дверей отделов и лабораторий вырывался яркий неоновый свет: это где начальники поменьше рангом и инженеры постарше возрастом сражались в экспресс-шахматы. А в лабораториях продолжали дымить разогретыми с самого утра паяльниками наиболее одержимые, которым категорически не хватало трудодня для исполнения своего идефикс: чтобы схема заработала, а по экрану осциллографа замелькали нужного вида кривые и импульсы.

Это про таких Михаил Иванович Дорофеев говорил, ставя в пример молодым специалистам: «Вот Петров из седьмой лаборатории? — Всего полтора года как пришел к нам в КБ работать, а уже трудовую медаль к прошедшим Октябрьским праздникам схлопотал. А почему? — Потому что не заканчивает работать, как вы, за полчаса до звонка, а наоборот прихватывает час-другой после половины шестого. А еще через пару лет и серьезный орден за трудовые успехи ему вручат. Например, как у Кладунова — «Трудового Красного знамени».

...Но к семи часам, когда на улице всюю раскинула свой полог зимняя темень, свет выливался только из приоткрытых дверей кабинета Кладунова и комнаты с множительными машинками отдела техдокументации. Кладунов по третьему заходу (с утра) распекал инженера Лохматых, накануне попавшего в вытрезвитель, а Василий Артемович «добил»-таки внезапно вышедший из строя диазикалочный аппарат, то есть вернул в рабочее состояние. После чего, вымыв промазученные валиками-шестеренками руки соляжкой, а затем из-под крана водой с хозяйственным мылом, оделся, закрыл и опечатал комнату, спустился на лифте, на проходной поздоровался-попрощался с только что заступившими на ночную вахту вахтерами и с двумя пересадками к восьми часам добрался до своего домика в самом конце вытянувшегося от центра города до аэропорта Поречья.

После неторопливого ужина просмотрел обе выписываемые газеты — местную и «Труд»,— сказал супруге:

— Что-то меня сегодня разморило. Вот тебе и первый день недели!

— А вторую серию вчерашнего фильма не будешь смотреть,— несколько озабоченно спросила Антонина Павловна,— тебе ведь понравился: про ваших, про летчиков в войну?

— Да нет, Павловна, постели мне, а смотри сама; завтра расскажешь.

— Ну, как хочешь. Это ты вчера наломался, снег с крыши сбрасывая, да и давление, как в новостях сказали, очень скакнуло, к морозу видать. А я правда кино посмотрю, все одно до полуночи не лягу: холодец как раз к двенадцати доварится, разложить еще по посудинам надо...

* * *

Неуютно чувствовал себя Василий Артемович на обычно столь уютной пуховой перине: все никак не мог, поворочавшись, найти покойную позу для сна. Поначалу думал, что всему виной вчерашнее усердие с лопатой, сегодняшняя с диазикалочной машиной. Засыпал на десять-пятнадцать минут, но неглубоко, вновь просыпался. Из-за неплотно прилегающей к косякам двери спальни портьеры проникал мигающий свет от телеэкрана; затем появились уже запахи раскладываемого супругой холодца. Явно Павловна затянула это хозяйственное дело до часу ночи. Холодец — дело серьезное и суеты не терпит.

Дверей в доме в прямом их понимании не имелось. Когда немцы поставили сруб, подвели крышу и занялись внутренними разгородками комнат, хозяин сразу предупредил старшего, ефрейтора Ругисвальде: никаких внутри дверей! Только проемы с косяками. А на немой вопрос строителей ответил в том смысле, что ему эти закрытые отсеки осточертели на бомбардировщиках. На всю жизнь осточертели. И сосед его через два дома, бывший подводник Мясоедов тоже не имел внутренних дверей. Наверное, размышлял Василий Артемович, и у космонавтов так же. Но звездных героев космоса на их улице и вообще в городе не водилось.

Но зря он досадовал на завозившуюся на кухне супругу, не свет и запахи через портьеру были причиной беспокойного полусна-полуяви, не скакнувшее вверх давление, которое дикторы по-новомодному называли не в миллиметрах ртутного столба, а в гектопаскалях, не вчерашняя чистка снега. Уже супруга, мигом заснувшая, смотрела третьи сны — явно по хозяйству,— а он все засыпал на малое время и вновь просыпался. Скорее всего один из двух осколков, застрявших в пояснице, разворочался. И то пора — почти пять лет как не давали о себе знать. Еще в госпитале опытный врач-полковник сказал: «С ними положенное тебе от природы проживешь, хотя порой и мутрно будет. А оперировать — сам Бурденко не возьмется инвалида делать! И угораздило же тебя, лейтенант, три года провоевать без царапины единой, а под самый конец...»

Зеленский промолчал про две контузии, следствия прыжков из горящих бомбардировщиков, боясь, что комиссуют на День Победы. А полковник сдержал слово и через полтора месяца выписал в строй, правда, с оговоркой в госпитальной справке: годен к аэродромной службе авиатехником.

И еще сдружившийся с ним врач на выписке ободрял: «И то — хватит тебе летать; без того в неполные двадцать четыре года от души повоевал, всю Европу с воздуха повидал, заработал полный иконостас орденов: и наше командование не обидело, а союзники вовсе не поскупились. Ха-ха! У меня вот два солдатских «Егория» с империалистической, а у тебя тоже два английских «Георга», но зато офицерские. Тебя молодая жена в *T.* ждет не дождется, да и мне пора к своей старушке в Куйбышев возвращаться. Будь здоров, парень, и помни: как бы потом, особенно к старости, не прихватывало, не думай, что спасенье в скальпеле хирурга, а перемогай, барсучьим жиром растирайся. Да к тому времени наука медицинская много чего снимающего боль придумает».

* * *

Всю долгую зимнюю ночь проворочался Василий Артемович, только под самый звон будильника мягота пуховика и теплота, струящаяся от покойно спящей супруги, успокоили осколок немецкого зенитного снаряда. А ровно в семь проснулся по привычке за минуту до звона удивительно бодрым. Только осталось слабое воспоминание о бесконечной, болезненно прерывистой ночи.

И только Павловна поутру успокоилась, повеселела, глядя на переболевшего мужа, подала ему тарелку с выстудившимся за ночь в сенцах холодцом.

— Эх, грех такой холодец есть помимо ста грамм! — пошутил Василий Артемович, сроду не являвшийся на работу даже под вчерашним хмелем.

За завтраком с интересом дочитал вчерашний «Труд» — статью про современную инженерную молодежь, ее перспективы и широкое поле для приложения ума и таланта, коль скоро бог (в статье это слово не использовалось) ими не обидел.

Василий Артемович был солидарен с автором, профессором известного московского института. Действительно, хорошее поколение молодых инженеров сейчас приходит на заводы, в НИИ и КБ. Взять хотя бы наших? — Конечно, опытный в жизненных ситуациях, он про себя усмехался выходкам Овцовского: блефует по молодости лет с напускной сознательностью! И Николая, которого смешно звали Андреевичем в двадцать пять лет, он насквозь видел; считает его, Зеленского, таким мелким стяжателем, подкаблучником домовитой супруги. Ничего, лет через пяток и они начнут в людях разбираться. А парни хорошие. Дай, бог, чтобы не было в их жизни войн и революций. Пусть хоть одно поколение в стране от рождения до старости минует горе, беда и неустроенность.

В хорошие времена и человек хорош собой, а случись что? Взять тех же Овцовского и Николая. Первый — слишком переимчив, в любую веру может перейти. А вот Николаю будет сложнее. Этот характера не изменит, отсюда и всякие неприятности могут произойти.

Холодец доеден, второй стакан чая выпит, пора и на работу. Вчера Кладунов уже язвительно намекал: «Знаешь, Артемыч, мне уже надоело разбираться в чертежах на твоих полуслепых синьках!» Василий Артемович прекрасно знал, что у Кладунова за его озабоченностью дисциплиной сотрудников времени на рассмотрение чертежей вовсе не остается. Это он так, для красного словца. Однако же синьки действительно выходили не совсем качественными. И мало тому же Кладунову с Гриневецким, не говоря уже о Трибелине, что всю эту множительную рухлядь давно пора пионерам на металлолом отдать. Пока же получается — его вина во всем. Не привыкать-стать!

* * *

Еще дважды за эту неделю осколки по ночам давали о себе знать, но повторная боль — уже привычная. Главное — знал, что скоро осколки крупповского «изделия» успокоятся и на несколько лет перестанут его тревожить. И засыпал он в эти ночи уже не на считанные минуты, а на час-полтора. По ассоциации с причиной болезненного беспокойства и полусон-полуявь неизменно возвращали Василия Артемовича к военным годам, особенно к последнему полету.

...В десять утра на базовый аэродром под Оршей с тяжким гулом сели две эскадрильи англо-американских «челноков». С потерями; две «летающие крепости» гансы накрыли около Кёльна. Поэтому дружеский общий завтрак отменялся; союзники молча прошли в свое общежитие, а два комэска, также молча козыряя встречным офицерам, проследовали в объединенный штаб.

«Плохая примета», — присвистнул бортмеханик, младший лейтенант Зеленский, — а сегодня нам в обрат с вечера лететь». * День соответствовал общему настроению: хмурый, какой-то маревый. Впрочем, всем четверем членам экипажа их дальнего бомбардировщика *ДБ-3Ф*, он же в разговорной речи *Ил-4*, не до погоды: к сумеркам самолет должен быть готов стопроцентно. Из посторонних только оружейники заправляли пушку и три пулемета, навешивали три тонны разномастных бомб.

К восьми вечера командиры вернулись с диспозициями из штаба, а через полчаса, в темноте, две обратные эскадрильи *ДБ-3Ф*, *ТБ-7* и единственного в полку пятимоторного монстра *Пе-8* с экипажем в 11 человек взлетели курсом на аэродром в двадцати милях южнее Лондона.

У «челноков» давно сложилась традиция в ночном полете: думать только о приятном. Летим в ночи, а в нужной точке издыхающего рейха штурман означает место, и командир «спустит» на завод Круппа все три тонны бомб. Полегчавший самолет вскочит на самый верхний, десятикилометровый потолок высоты и — вперед в Британию.

А там номера на двоих в гостинице: душ, ванна, завтрак, переходящий в обед, а вечером, приодевшись и прихватив из шкафа лежащие там горкой фунты стерлингов — сколько нужно — отправятся в Лондон в известный всем летчикам ресторан. Для шику каждый сам-один катит на такси! Спасибо начальнику финчасти полка: все что можно присчитает к жалованью. Одна статья «за удаленность от родины» во сколько обходится британскому правительству? А что, чужие деньги счета не требуют...

В этот приятный момент, через четверть часа после взлета, самолет трянуло, а Василий почувствовал резкую боль в пояснице и повыше. В глазах замутилось, и он потерял сознание.

Очнулся, когда его вытаскивали из бомбардировщика на родном аэродроме: после разрыва у самого борта сразу двух зенитных снарядов, командир тотчас сбросил бомбы, развернулся и с одним горящим двигателем дотянул до базы.

РУЛЕВОЙ НА ПОКОЕ

Николай Андреевич, перейдя работать в университет, с интересом присматривался к здешней жизни. Все для него, с молодых лет проработавшего более четверти века в оборонных научно-исследовательских организациях, здесь было внове. Очень отличались эти миры обитания, хотя бы вроде там и там трудились люди от науки, в

* Достоин удивления, что при всех властях и режимах во всех учебниках истории — от школьных до вузовских — пишут только об англо-американских «челноках», напрочь забывая упоминать о таких же наших полетах над Германией.

основном — бывшие однокашники по студенческой скамье в том же самом вузе, только называвшемся тогда по-другому.

Что составляет главный интерес в жизни любого трудового коллектива, где основной контингент — люди преимущественно с образованием и каким-никаким интересом к окружающему? То есть не безликое, хотя и очень полезное для общества, скопище работяг в километровой длины цехах бывших заводов-гигантов. Их-то интересуют в основном расценки, нормы выработки, то есть в итоге «получка».

Ответ же дадите всегда стопроцентно правильный: более всего волнует — от несовершеннолетних лаборанток до матерых изобретателей, лауреатов высших научно-технических премий и не менее значимых государственных наград,— прямо-таки все закоулки мозга занимают... нет, не завидные женихи для девушек на выданье, вовсе не сексапильная Наденька для холостых (и не очень) мужчин отдела, не дармовой коньяк для пьющего инженера Лохматых из ЦКБ агрегатостроения, бывшего коллеги Николая Андреевича. Ответ все же один и выходит за рамки интересов общества потребления: наибольший интерес для коллектива составляет начальство всех уровней и расстановка власти, приязни-неприязни и системы предпочтения в его среде, начиная с ихнего руководителя сектора Бумбалаева и до самых небожителей второго, директорского этажа организации.

Этот интерес далее дробится на множество подпунктов в зависимости уже от личности самого члена коллектива, его поля, житейской мудрости и так далее.

Но Николая Андреевича, как аналитика житейских коллизий, более интересовала ситуация, когда начальник в силу разных обстоятельств перестает быть таковым и даже водворяется обратно в выращивший его коллектив.

Сразу оговоримся, что для НИИ-КБ, заводов и фабрик, то есть для всей промышленности и научно-промышленной сферы, такая постановка ситуации практически не имеет смысла. Особенно в оборонной отрасли, каковой во времена СССР считалась вся страна.

Здесь весь слой среднего, то есть станowego, начальства практически не менялся, уходили только на повышение или... увы, человек не вечен. Но с заслуженным почтом уходили. Причина же такой стабильности, исключая какой-то небольшой процент интриг, высокого родства-кумовства и прочее, проста и понятна: в начальство выходили не локтями, но хорошо соображающей головой, огромным трудолюбием, непререкаемой дисциплиной — и лишь отчасти умением держать нос по ветру.

Редчайшие случаи серьезных провинностей начальников заканчивались их ostrакизмом: изгнанием с предприятия или добровольным уходом. Вернуться на нижестоящую должность, исключая болезненность или преклонный возраст, считалось западло. В еще большей степени это относилось к высшему начальству; у них вообще имелось три дальнейших пути: в Москву в главк, руководителем объединения, куда включалось *его* бывшее НИИ или КБ, наконец... см. выше про марш Шопена.

Наконец, чуть посложнее с младшим начальствующим составом, то есть руководителями групп и секторов с числом подчиненных не более 10—15 человек. Это первая ступенька, исходный материал, поэтому здесь движение заметное, но опять же более в сторону повышения. Основной состав либо до пенсии остается «микроначальниками», но многие неперспективные уходят на другие, вновь создаваемые предприятия и организации с кадровым голодом даже в начальствующем составе. Опять же понятно, что все предыдущие рассуждения Николая Андреевича относятся к советским временам, когда наука и наукоемкая промышленность были в фаворе.

* * *

А вот в университетской среде мало что изменилось в данном вопросе с прошлого века и вообще со времен первых средневековых храмов науки в Италии и Испа-

нии. Тому причиной вовсе неведомая в промышленности демократия, закреплённая в вузовских уставах.

Чтобы не приходиться к скороспелым выводам, Николай Андреевич захотел ознакомиться с уставом родного университета, то есть почти собрался зайти в главный корпус к юриконсульту, но его вовремя остановил завкафедрой, у которого он поинтересовался местонахождением и именем-отчеством юриста и удовлетворил любопытство профессора насчет своего интереса.

— Ты, Николай Андреевич, человек в нашей сфере новый. Поэтому, как твой друг и бывший коллега по работе, и далее прошу информировать меня в случае возникновения подобных интересов...

И далее отсоветовал ходить к юристу и вообще интересоваться уставом:

— Поверь мне, не так все поймут, а главное — заподозрят бог весть в чем. Мигом дойдет до ректората, и внесут тебя в устный «черный список» по неблагонадежности. Со всеми вытекающими следствиями и последствиями. А твою любознательность я и сам не хуже юриконсульта удовлетворю. Пошли в мой кабинетик, чайку поьем, побеседуем.

Из задушевной беседы Николай Андреевич вынес следующее: все должности в вузе выборные де-юре, но де-факто смена среднего и высшего начальства случается крайне редко, да и то при смене ректора: по крайне почтенному возрасту согласно должностной таблице о рангах, еще реже — при переводе в министерство.

Все об этом знают, новый глава вуза приводит свою «команду», а прежние проректора, начальники административных отделов, даже кое-кто из деканов возвращаются на давние прежние места, порой и рядовыми профессорами. Никакой вины за собой они не чувствуют, сразу отрицают свою превосходительность и как ни в чем не бывало выписываются заново в коллектив. Такое на «производстве» и в страшном сне не приснится; разве что только в издевательско-веселом.

— И еще один момент, правда, существенный для бывших, советских времен: к «высшему свету» тогда приравнивались парторг — он по нашему большому институту тогда с правами райкомовского секретаря был — и отчасти председатель профкома и главный комсомолец. Но первого и третьего Ельцин своим указом от должностей освободил, а профсоюзы свою роль «школы коммунизма»* утратили. Они также на свои кафедры вернулись — тоже без всякой вины. Да вот, — завкафедрой шутливо хлопнул себя по лбу, — наш-то «холодный» профессор Вадим Васильевич и был последним в истории нашего заведения парторгом...

Николай Андреевич уже уверенно разбирался в вузовской терминологии: «холодный» профессор — он вовсе даже теплый и жизнерадостный, но только без докторского звания. А звание профессора, будучи только кандидатом наук, получил либо по большому стажу педагогической работы, но чаще по пребыванию на высокой административной или партийной должности.

— Кстати, — в контекст беседы за чаем хорошей заварки уточнил Николай Андреевич, — вот за полгода до моего прихода в университете сменился ректор. И всех проректоров и вообще высших руководителей назначил из имеющихся докторские степени и профессорские «горячие» звания. А вот при прежнем-то ректоре все прямые подчиненные, насколько я знаю, были только в «холодном» профзвании, а значит и в кандидатских степенях. Это что, генеральная линия поменялась?

— И да, и нет. Просто сейчас, учитывая всеобщую демократизацию нравов, докторские степени полностью обесценились. Не специально же в проректоры мальчишек-кандидатов искать? Это уже парадокс. А в прежние времена к таким делам отно-

* В профсоюзных билетах советского образца на каждой странице кремового цвета белым было отпечатадено в форме эллипса: «Профсоюзы — школа коммунизма».

сились архисерьезно. Поэтому всякий ректор намеренно отделял от своей должности возможных конкурентов существенными ступенями: нижерасположенной степенью и званием. И только доказавшему свою верность где-то на шестом десятке лет возраста давал «холодного» профессора. Проректора все понимали, не обижались. Да и простым кандидатом тогда было быть не обидно.

Ну, пошли, брат, лекции оболтусам скучно читать.

* * *

Действительно, Николай Андреевич припомнил: веселого хохотуна, румяного и пышущего здоровьем на последнем предпенсионном году, шарообразного, но ловкого в движениях живчика Вадима Васильевича, душу компании-кафедры за глаза и в глаза иногда по-дружески окликали «рулевым».

Почему-то Николай Андреевич связывал это с возможным военно-морским прошлым профессора-кандидата, потому испытывал к приятному во всех отношениях доброжелательное чувство. И даже слегка разочаровавшись в неморском происхождении «рулевого», окраски этого чувства не изменил.

Еще через полгода Николай Андреевич и вовсе сдружился с Вадимом Васильевичем. Формальная причина состояла в том, что по только что проведенной реструктуризации кафедры оба оказались на одной курсовой специализации; понятно, что Вадим Васильевич был назначен ответственным за нее. Неформальная же — а примерно одинаковом возрасте, также почти равных степенях-званиях, а главное, в веселом и необидном для окружающих скептицизме: у Николая Андреевича от военно-морского воспитания, а у коллеги от партийно-рулевого прошлого. Не столь уж и давнего. Скоро и на «ты» перешли.

В связи с реорганизацией, модной ныне в активно перестраиваемой высшей школе, сотрудникам кафедры пришлось и прихватывать вечерами после лекций от рабочего времени, корпеть в затихшем корпусе над учебными планами и прочей нудной дидактикой вводимого, согласно Болонскому процессу объединенной Европы, двухуровневого образования.

Николай Андреевич с морской прямоотой определял это так: «Первый уровень — это немного не дотягивает до советского техникума, а второй — вытягивание денег у родителей студентов. В итоге можно считать инженерное образование в стране завершенным, в смысле скончавшимся».

А Вадим Васильевич с нарочито серьезным видом говорил о необходимости следовать за общемировым опытом... но не закончив, заходился в веселом хохоте.

Бдели они по вечерам в пустой лабораторной комнате обычно сам-двое; более молодые доценты и ассистенты под разными предлогами разбегались еще засветло.

Но и они с сумерками все меньше говорили о надоевшем учебном процессе, заваривали кофейку и переключались на житейские воспоминания. Вадим Васильевич, всю сознательную жизнь проведший в вузе, живо интересовался спецификой работы в НИИ и КБ, в частности, современным состоянием их дел. Но и сам охотно рассказывал, как почти десять лет «рулил» партийной жизнью института, университета в беспартийные времена.

С недавних времен у бывшего партайгеноссе, обычно неунывающего по любым обстоятельствам, появилось и легкое недовольство неконкретного характера. А всему виной столь на шумевшая семитысячная докторская доплата. Николай Андреевич парировал вопросом:

— Что ж ты, Вадим Васильевич, за десять лет высокого партийного чина не сварганил себе на льготных условиях докторскую степень?

— Понимаешь, Андреевич, такая должность подразумевала волчий нюх, женскую изворотливость и бдительность полковника разведки. А у меня видно жизнен-

ного опыта тогда не хватило. Ведь я еще молодым, в неполные сорок лет, в парторги попал. Высоких родственников у меня не было, но мною сыграли проходной пешкой в ферзи две конкурирующие, равные по влиянию институтские партии. Так им было удобно, а мне и вовсе хорошо на дармовщинку-то!

Не зря Иван Харлампьевич, всем нам прекрасно памятный первый секретарь обкома в самые золотые советские годы, утверждая мою кандидатуру на пленуме, напутствовал: «Смотри, Вадим, должность твоя райкомовской равная... Знаю, справишься; вот и товарищи за тебя дружно проголосовали. Но молод ты. Это не недостаток, конечно, но к осмотрительности тебя призываю».

Хороший был человек, Иван Харлампьевич, но тут-то и сглазил. И не состоялась моя докторская степень. Пора, впрочем, и по домам, а как-нибудь за стопкой-другой расскажу по-дружески.

* * *

Вадим Васильевич Шерстобитов уже шесть лет трудился парторгом института. Вроде все шло прекрасно, знал: с его должности да еще в относительно молодом возрасте через год-другой он смело может рассчитывать, как минимум, на заведомое образование в обкоме. Сам Иван Харлампьевич на последнем пленуме намекнул. Ни одного «чепэ», ни единого происшествия за пятилетку с лишком! Но уже наметанным партийной работой чутьем угадывал без видимых признаков: что-то сгнило в королевстве Датском... Какая-то нестабильность, неуверенность в жизни страны наступила после кончины трех генсеков подряд; вот месяц назад и Константина Устиновича схоронили. Новый же руководитель партии и страны нравился народу, но у опытных людей вызывал серьезные сомнения. Ох, не к добру все это!

Главное, в таких ситуациях женщин не обманешь. Вот и супруга талдычит: защищай поскорее докторскую, не сомневайся — пригодится, как жизнь, не дай, бог, круто завернется.

И то верно, засиделся в кандидатах. Слишком увлекся партийными делами. Еще в бытность работы на кафедре кой-какие наметки по будущей докторской сделал. Однако чтобы довести дело до конца, нужно не менее трех-четырех лет плотной работы от темна до темна. Нет, все это нереально в его нынешнем положении. А реально поступить как все в его ранге делают: найти толкового парня, скомпенсировав ему чем можно и нужно, поставить задачу, самому «засветиться» в глазах начальства и профессорско-преподавательского состава института, используя имеющийся с кафедральных времен научный задел...

Все это хлопотно несколько, но уже через пару лет можно и на защиту выходить ничтоже сумняшеся.

Сказано — сделано с партийной боевитостью и принципиальностью. И исполнитель сам собой выискался, хотя Шерстобитов только двум-трем доверенным людям о своем решении, да и то иносказательно, поведал.

Словом, объявился некто Игорь Загорюльный. Окончил он в соседнем областном городе тамошний филиал Баумановки, там же аспирантуру. Защитился и года три преподавал, совмещая с комсомольским секретарством в филиале. То ли простое совпадение, а скорее по наводке друзей-коллег Шерстобитова, но Игорь объявился в их институте и по праву комсомольского секретаря сразу пошел на прием к парторгу. Разговорились. Загорюльный имел намерение поступить в докторантуру, которой в филиале не было. Потом он только что развелся с женой и жилья своего у него не было.

Вадиму Васильевичу Игорь понравился: серьезный и основательный в свои двадцать девять лет, масса научных публикаций в солидных столичных изданиях. Опять же комсомольский работник-профессионал и происхождения хорошего: из шахтерской

семьи; родители еще до войны с Украины на заработки приехали. Игорь — младший, четвертый ребенок. Вот только развод... правда, без детей. Это уже хорошо.

Парторг ничего не обещал, порекомендовал через пару недель зайти: «Дел сейчас много, к областной партконференции готовлюсь. Может что провентилирую». За это время навел подробные справки. Отзывы незаинтересованных людей были самые положительные. И из компетентных органов то же самое. А развод без обвиняков объясняли стержовностью экс-супруги. Дело было на мази. Уже через полтора месяца Игорь Загорюльный был зачислен в очную докторантуру по кафедре приятеля Шерстобитова, а уже по ведомству Вадима Васильевича Игорь занял вакантное место неосвобожденного заместителя по курированию институтской комсомольской организации. Парень действительно оказался деловит, умен и понятлив.

* * *

Уже к началу второго учебного семестра, в феврале, Загорюльный принес Вадиму Васильевичу аннотированный план диссертации парторга. Заодно прихватил из институтской библиотеки пару свежих номеров журналов с очередными совместными публикациями статей. Вадим Васильевич все это одобрил, поинтересовался о продвижении работы над диссертацией самого докторанта. Загорюльный таким образом выбрал обе темы, что на первых этапах в зачет шли совместные статьи.

Поговорили и о работе. Вадима Васильевича несколько настораживали отдельные проявления вещизма студентов, все большее распространение выполнения курсовых и дипломных работ малоуспешным в науках сокурсникам за деньги. Игорь соглашался, ознакомил партийного шефа с составленным полугодовым планом мероприятий. Тот тоже горячо одобрил, но в глазах Вадима Васильевича заметно присутствовала скука. Что-то уже гнило в советском королевстве.

Под конец беседы-отчета Игорь завизировал у шефа командировку в прежний свой город: там филиал Баумановки проводил отраслевую конференцию по их общей диссертационной тематике. Шерстобитов с удовольствием черкнул визу и подмигнул докторанту:

— Небось и к предбывшей своей заглянешь, а? То-то примечаю: парень ты видный, наши девки вокруг тебя вьются, а ты на них ноль внимания.

— Дело не в этом, Вадим Васильевич, один раз «замужем» побывал, так передохнуть нужно. Потом зарок, как товарищ Фидель Кастро, дал: пока *мы с вами* докторами не станем — ничего с женщинами серьезного. А с Еленой все одно придется встречаться, она ассистентом в Баумановке работает, к тому же секретарем оргкомитета этой конференции.

Знаете, Вадим Васильевич, письма мне пишет, раза два звонила: совсем другая интонация, жалеет вроде как о разводе, главное, что на нее вовсе не похоже, и свою вину частично стала признавать. Может действительно одумалась? Тем более узнала, что я сейчас докторант и заместитель парторга солидного института...

— Дай-то, бог, если твои успехи на жизненном поприще ее интерес к тебе снова вернули. Это самое лучшее, что можно от обиженной женщины ждать. Даже если и сама обиду сотворила. Поезжай, Игорь, но во всем будь осторожен... какие-то зябки что ли времена на дворе, а?

* * *

В первый день конференции он только пару раз перекинулся фразой-другой с бывшей женой, удивительно похорошевшей, что характерно для разведенных молодых женщин: на регистрации и обеденном перерыве.

С обоими своими докладами Игорь выступил в тот же день: на пленарном утрен-

нем заседании и на секционном после перерыва. Доклады были соавторские с Шерстобитовым: пленарный ближе к теме диссертации шефа, секционный — к своей.

Елена явно волновала докторанта, действительно почти полгода прожившего анахоретом, хотя и в отдельной двухсекционной квартире аспирантского общежития. Может и правда команданте Острова свободы подражал...

Но после вечернего ужина-банкета парторг филиала, загодя предупрежденный по телефону своим *m*-им коллегой, включил талантливого докторанта в состав наиболее избранных участников мероприятия, которых заказным автобусом отвезли в загородный санаторий в сосновом бору — с продолжением банкета и отдыхом в палатах-люкс обкомовского резерва.

На второй день пошабашили сразу после полудня. Иногородних участников повезли на экскурсию. Игорю это было, понятно, малоинтересно, он собрался было отправиться на автовокзал, но здесь Елена взяла реванш, заговорила бывшего супруга, пригласила на случившийся концерт московских артистов, а потом попросту и подружески предложила вместо забронированной оргкомитетом гостиницы переночевать у нее: «Вроде как не должен еще забыть, что в квартире две отдельные комнаты. Можешь и на задвижку от меня запереться», — рассмеялась прелестница.

Даже в предразводных баталиях Игорь всегда держал в уме: среди немногих достоинств жены — страсть к кулинарии, что, вообще говоря, нехарактерно для красивых молодых женщин. Ужин с шампанским и прихваченной гостем бутылочкой армянского был восхитителен, равно как и последовавшая ночь великого и бурного примирения. Утром затемно Игорь поспешил на автостанцию, чтобы успеть к одиннадцатичасовой лекции, что читал пятикурсникам. С Еленой договорился встретиться через пару недель: приедет на выходные. Тогда и обговорят все спокойно.

За три часа он выспался в автобусе, прочитал лекцию и зашел в партком — вручить шефу экземпляр трудов конференции. Тот посмеивался, все намекал насчет старой любви, которая не ржавеет. Партийными делами утомлять не стал, порекомендовал идти к себе и хорошо выспаться: «А то от тебя такой роскошный букет из коньяка, шампанского и духов «Фиджи»! Кстати, где это люди в провинции «Фиджи» достают? — Дочь моя школьница крайне интересуется...»

Елена обещала сама позвонить через три-четыре дня, но на четвертый как раз день от возвращения Загорульного с конференции его позвали к деканатскому телефону прямо с лекции.

— Немедленно ко мне, — с незнакомой жесткой интонацией сказал в трубку на той стороне Шерстобитов, — какая лекция? Мигом в партком! — вовсе перешел на крик парторг.

...Через два дня, подписав в нужных местах обходной лист и выписавшись из аспирантского общежития, отчисленный из докторантуру и уволенный из института Игорь Загорульный уехал к родителям в шахтерский поселок. Больше ему ехать было некуда.

* * *

— Вот так и закончились мои докторские поползновения, — с отделенной грустью в лице закончил свой рассказ Вадим Васильевич, сидя с Николаем Андреяновичем в маленьком кафе, куда они зашли в пятницу отметить «по маленькой» завершение трудов по учебным нагрузкам.

— А продолжать начатое? Ведь публикации уже были, планы подробные...

— Куда там! В парторгах едва усидел; сам Иван Харлампьевич вступился. Он человек был добрый по мелочам, даже с юмором. А я вот так кандидатом и остался. Впрочем, хватит о грустном, главное — эти чертовы планы мы с тобой скинули. Давай за это.

Еще Вадим Васильевич рассказал о судьбе неудачливого докторанта. А судьба оказалась более счастливой. Отсидевшись с душевной травмой в поселке у родителей, Игорь двинул сразу в Москву: удачно женился, защитил докторскую диссертацию, в новейшие времена бросил малокормящую науку, подался в бизнес. Сейчас — начальник информационно-аналитического отдела крупного столичного банка.

Возвращаясь после дружеского прощания домой, Николай Андреевич ухмылялся и продолжал восхищаться женской мстительностью.

Оказывается, на четвертый день после возвращения докторанта с конференции в партком института позвонили из обкома и велели Шерстобитову срочно явиться в отдел образования. Там его встретили сурово и молча протянули распечатанный конверт, пришедший по почте. В конверте находился... партбилет Игоря Загорульного и письмо на тетрадном листе в клеточку, написанное нарочито безграмотно. Это-то Вадим Васильевич смекнул сразу.

Из содержания письма в обком следовало, что пишет им обиженная партийцем Загорульным девушка Нина: *«...Я, конечно, женщина честная и незамужняя, поэтому имею право знакомиться с мужчинами и приглашать к себе в гости. А вот ваш партийец Загорульный И. Г. утром сказал, что денег мне на подарок у него нет, а вернется к себе в город и вышлет двадцать пять рублей мне по почте сразу же. Я поверила и денег жду посейчас. А стала постелю убирать, так нашла под подушкой партбилет, который Загорульный И. Г., как самое дорогое ему, туда положил, да видно утром второпях забыл. Знаю, что с партийца за потерю билета строго спрашивают и даже исключают из нашей партии, но не зная адреса его, посылаю вам. Прошу передать владельцу и сильно с него не спрашивать, если он пришлет мне двадцать пять рублей на подарок».*

...Игорь носил партбилет вместе с паспортом во внутреннем, левом кармане пиджака — ближе к сердцу. А так как в те мирные времена паспорта у людей никто и нигде не спрашивал, партбилеты тем более, то докторант его и не хватился. Зато место ношения книжицы с силуэтом Владимира Ильича хорошо знала бывшая его супруга, вскоре вышедшая замуж за разведенного ею же молоджавого декана из филиала Бауманки.

Николай Низиенко
(г. Москва)

Николай Филиппович Низиенко родился в Сибири в г. Красноярске в 1947 году. Солист оперы Государственного Академического Большого театра России, доцент кафедры «Академическое пение» ГМПИ им. М. М. Ипполитова-Иванова, Заслуженный артист России.

Н. Ф. Низиенко интенсивно ведет исполнительскую и научно-методическую работу. Разработана большая научная тема «Исполнительские задачи в создании художественного образа в вокальных произведениях». Фрагменты этой работы были опубликованы в журналах: «Страстной бульвар 10», «Галерка» и др.

Подготовлен к изданию сборник рассказов «Маленькие истории артиста Большого театра» — автобиографическая коллекция театральных заметок, историй, курьезных случаев, рассказывающих о невидимой зрителям жизни театра.

Свободное время очень любит проводить в деревеньке Ченцово Заокского района Тульской области. Там он поет в церковном хоре и черпает темы для деревенских баек.

Компьютерные иллюстрации Людмилы Плотниковой (г. Тула).

РАБОЧАЯ НЕДЕЛЯ

— О-хо-хо-хо-хо, вот и трудовая неделя прошла,— бодрым голосом сообщил Петрович, деревенский сосед, приглашенный мною для постройки дровяного сарая, и закурил сигарету... «Как прошла?! — вскричал я. — Сегодня всего лишь вторник!!»

— А ты посуди, Филиппыч, завтра среда. А в среду у нас что? А, вспомнил? Правильно. В среду к нам автолавка приедет. Приедет она к обеду, а ее уже с утра ждать будут. Все соберутся у Марьи Семеновны во дворе. Тары-бары, вот и обед прошел, а лавки-то все нет. Может, она к вечеру и прибудет, только какая уж тут работа. Ну, а в четверг, как и положено, ты сам установил, банный день. Пока мы с тобой с утра баньку водой заправим, да дровишек приготовим, протопим хорошо, то да се. Опять же попаримся, не спеша, посидим рядком да поговорим ладком — вот и день прошел... «Ну, а чем тебе пятница не рабочий день?» — уже осторожно спросил я... «Ну, Филиппыч, а еще городской человек, а наблюдения у тебя нет. В пятницу закон в силу входит. И закон ты этот не смей забывать, потому, как он есть основной закон рабочей недели...» — «Интересно,— пробурчал я,— это что еще за закон?» — «В пятницу — конец рабочей недели,— провозгласил торжественно Петрович.— И потому как конец — то он есть укороченный, как ему и подобает. Да только я не об ём пекуся. Это я тебе для сведения, чтобы ты своей «городской» головой дошел, что Оля — дочь моя — пораньше с работы убежит прямо на электричку и к полудню уже здесь, на станции, будет. А я, как и положено, ее на большаке ждать буду. А от дома до большака, сам знаешь, три километра будет. Пока туда да сюда да по дороге, может, и грибочков сыщем, вот тебе солнышко на закат пошло».

Он помолчал, снисходительно посмотрел на меня, пыхнул сигареткой и, завершая рассказ, сказал: «А там — суббота и воскресенье — выходные, а мы это, сам по-

нимаешь, строго соблюдаем. Вот и выходит, что в неделе всего два рабочих дня — понедельник да вторник. А ты говоришь!».

ДЕНЬ X

Петрович любит курить и молчать. Ко мне он приходит, садится на крылечко или в старое дачное кресло. Не спеша, достает длинный самодельный мундштук и закуривает сигарету от замысловатой, неизвестного происхождения старой зажигалки. О его приходе я узнаю от кота, который поднимается со своего лежбища на шкафу, недовольно фыркает и удаляется на второй этаж. Я открываю дверь и вижу сначала его преданного друга — это собака, о которых говорят в народе «смесь бульдога с носорогом». Когда-то это смешное чудо звали Волдырь, и оно жило неподалеку от меня, на соседнем участке, и даже не в доме, а рядом с домом и, не подумайте, что в собачьей будке, нет, просто так, где придется. Грязное, лохматое, вечно голодное существо робко тявкало, поджимая хвост, прося хоть какого-нибудь подаяния. Старый хозяин и не думал его кормить, кроме этой псушки, у него были еще две здоровенные собаки, гуси, куры, кошка и еще какая-то кричаще-пищащая живность в клетках. Поэтому он с радостью отдал Волдыря Петровичу толи за пачку «Примы», толи за «просто так». Петрович накинул на бедное животное веревку и увел его на другой конец деревни на свое подворье. Пес скулил целый день, не прельстился даже на вареные сосиски, а ночью перегрыз веревку и убежал к старому хозяину, который, услышав жалобное повизгивание, вышел из дома — нечесаный, злой с похмелья — грязно выругался, бросил в собаку полено и захлопнул дверь. Волдырь еще два раза прибежал на старое место, а Петрович два раза забирал беглеца, пока тот не сдался на милость победителя. А милость началась с того, что Петрович дал собаке новое, как он сказал, благородное имя — Валет. И, к удивлению всех, они так сдружились, что теперь их видели всегда только вместе. Валет не отходит от нового хозяина ни на шаг. Доходит до смешного — он провожает Петровича даже в туалет и ожидает друга положенное время, а когда тот, наконец-то, появляется, то бросается на него с таким радостным визгом, как будто они не виделись, по крайней мере, неделю. Так они и живут — Петрович и Валет. Петрович — маленький, сухой, с густой не по годам шевелюрой. Появляется в неизменном военном френче, на лацкане которого красуется накрепко прикрученный ромбик, что означает — хозяин ромбика имеет серьезное высшее образование, хотя Петрович закончил всего семь классов и всю жизнь проработал на одном секретном заводе слесарем, но до сих пор скрывает, что же производило это предприятие. А когда с ним заговаривают на эту тему, он строго смотрит на собеседника и молчит, как партизан. «Жизнь дала мне высшее образование, и я имею право на знак» — отвечает он на глупый вопрос. Появляется он на моей усадьбе по вечерам, когда заканчиваются дневные работы, а это сад и огород. Там у него все в идеальном порядке. В дом к Петровичу можно ходить, как в музей. Если мне в хозяйстве понадобится какая-нибудь вещица — это может быть просто железяка, или лампа 2пг для моей старой «Ригонды» — радиолы середины прошлого века, или ножницы для резки металла, или еще какая-нибудь хренотень — она у него всегда найдется! Там вы увидите штук пять примусов, керогаз, около десяти очень старых самоваров, среди которых есть, наверняка, представляющие художественную ценность. Всю современную информацию он черпает из двух черно-белых телевизоров и одного цветного. У одного черно-белого полностью отсутствует звук, но есть изображение; у другого нет изображения, но есть звук, который, правда, не регулируется, а застыл в положении «очень громко», и поэтому его слышно далеко от дома. На цветном есть изображение и хороший звук, но на экране в любое время года идет снег, и цвет все-

го один — зеленый. Поэтому, я думаю, не нужно объяснять, почему у него работают постоянно все три телевизора. Петрович — очень рассудительный человек, много повидавший за свои 76 лет. Он вполне мог бы быть депутатом Госдумы, а может быть и губернатором. В нем, я подозреваю, погиб крупный политик, так как он не раз предсказывал, к моему удивлению, тот или иной политический кризис и пути выхода из него. Я просто ахал от его прозорливости и дальновидности. В экономике он несколько слабее, но дефолт 98 года предсказал за полгода, и свои скромные сбережения перевел в доллары, что настоятельно советовал сделать и мне, а я, дурень, не поверил простому деревенскому мужику.

Однажды меня крайне озадачил сосед, поинтересовавшись, не заходил ли ко мне космонавт. «Кто, кто?» — переспросил я. — «Да твой друг, Петрович, он же космонавт!» От такого сообщения я просто обалдел. — «Да ты, видимо, ничего не знаешь? Долго же ты не был в деревне, — настала очередь удивляться соседу. — Ну, так ты у него поспрошай, он тебе сам поведает», — и сосед как-то нехорошо рассмеялся. В тот вечер я еле дождался друга. Он пришел несколько позже, чем обычно. Как всегда сел в кресло и, как мне показалось, с тоской стал вглядываться в небо. Раньше я не обратил бы на это никакого внимания, но теперь, во всем его поведении, я усматривал «глубокий смысл». Вечерело. Солнце багровым шаром катилось за горизонт. — «С чего же начать», — мучился я. Вошел в дом, достал из холодильника бутылку водки, налил полстакана, поставил на тарелку, нарезал огурец и положил кусок хлеба. Петрович ест мало, а когда выпивает, то почти не закусывает. Приняв мои дары как должное, он, не спеша, выпил, взял хлеб, поднес к носу, прикрыв глаза, сладостно втянул в себя воздух и, не откусывая, положил хлеб рядом с пустым стаканом. Я смотрел на него, видимо, мои беспокойные мысли передались Петровичу, и он сказал: — «Охо-хо-хо-хо, а ведь день ИКС приближается», — и опять поднял глаза к небу. — «А ты откуда знаешь?» — почему-то шепотом спросил я. — «Меня предупредили», — ответил он тоже шепотом и огляделся по сторонам. — «Кто?» Петрович приложил указательный палец к губам. Я понимающе кивнул и плеснул еще водки в стакан. Но Петрович не обратил на это никакого внимания, выкурил сигарету и только за тем одним глотком осушил стакан. — «Они все надо мной смеются, не верят, считают, что я был пьян или спятил на старости лет. И не знают, какая беда надвигается на нас». Его хриплый голос слегка дрожал от волнения, оно передалось и мне, стало как-то зябко. Я накинул куртку и уставился на Петровича. Главное — не спугнуть. И, не дай Бог, улыбнуться. Тогда — все, я не узнаю великую тайну. Видимо, мое поведение вызвало доверие, и он поведал мне эту странную историю.

— Дело было перед Петровым днем, в самый разгар сенокоса, — начал он. — За день я так уработался, еле притащил ноги домой. Бухнулся в кровать и думаю: — «Сейчас вырублюсь и отосплюсь». Ан, нет! Лежу час, другой, и ни в одном глазу. Вышел во двор. Ни ветерка. От реки туман стелется, луна, словно блин на сковородке, сияет. И так тихо кругом, будто все вымерло, даже птички не щебечут. И вдруг Валет жалобно заскулил, трется о мои ноги и скулит, скулит и трется, да так тоскливо. Вернулся я в избу, сел у печки, сижу полчаса, час, и встать не могу. Голова все соображает, а ноги ватные. Валет заснул и сладко посапывает. Тут слышу негромкий шум в сенях, дверь в горницу сама собой отворяется, и легкий ветерок обдал меня. Да такой аромат необыкновенный от этого ветерка пошел, и так мне хорошо стало. Все там было: и запах трав медовый, и забытый вкус пирогов, которые мать моя по утрам пекла, и что-то еще, что и объяснить-то не могу. А голова ясная-ясная, и чую я в себе, ну, как в молодости, когда проснешься, силу мужицкую и бодрость во всем теле. Понимаешь? — уперся он в меня цепким взглядом. — Охо-хо, хо, хо! Ничего-то ты не понимаешь. Это надо пережить. Он с какой-то жалостью посмотрел на меня и продолжил. — Ноженьки-то у меня опять сделались хорошими: хочь иди, хочь бе-

ги... Вначале, где-то в глубине сеней сияние слабое появилось. Как будто фонарь кто включил. Свет все ярче, ярче разгорается... И тут в дверях ОНИ показались. Сначала один вошел, потом еще двое. Такие же как мы, только росту небольшого, и одежда на них блестящая, вся так и светится. Лицом белые, смотрят на меня, а я и не испугался совсем. Покойно мне так и радостно. Встал я с табуретки и говорю: «Здравствуйте». И они мне «Здравствуй, Анатолий Петрович!» Нет, говорил один, да только рта никто не открывал. Я и не понял, кто сказал. Я, вежливо так,— «Присаживайтесь. Кто Вы, откуда? Куда путь держите? Может самовар поставить? Медку откушайте да с дороги передохните». А голос мне отвечает: «Нет, Анатолий Петрович, пришли мы к тебе издалека не за тем, чтобы чай распивать, а просим тебя последовать за нами на нашу планету. Ты нам очень нужен». Как он это сказал, так я сразу понял, что не шутка это, и дело серьезный оборот принимает. Но опять страха никакого, только слегка взволновался. Сел и думаю себе: «Куда же мне с ними идти и надолго ли?» А голос мне: «Мы с созвездия планеты Центавра»,— я это название до конца жизни помнить буду, хотя слова такого, отродясь, не слышал. «Улететь мы должны сейчас, и обещаем вернуть тебя на землю через двести лет молодым и невредимым». — «Во, даже мысли читают»,— удивился я. А голос продолжал: «Нашей цивилизации миллион лет, и мы достигли почти полного совершенства». — «А я-то зачем вам нужен? Я не ученый какой-нибудь, мужик простой». А они мне: «Мы,— говорят,— всю вашу деревню обрыскали, многих осмотрели, да только остановились на тебе. Есть у тебя внутри, в душе твоей, нечто такое, что мы давно утеряли, да и в вашем людском народе почти ни у кого не осталось». — «Да что же это такое? Я совсем обыкновенный!» — «Нет, Петрович, не знаешь ты себя, и мы тебе ничего не скажем, пока ты здесь. Изучать тебя хотим и много чего расспросить желаем. Так что, собирайся с нами!» Тут я и призадумался: и хочется полететь, да ведь надолго так! А Валет с кем будет? Он же с тоски помрет. Опять же сенокос, картошка в цвету... Дочь придет на выходные, а меня нет... Да она же с ума сойдет... И все вокруг чужое будет: и небо, и солнце. А Земли вовсе нет. А как же я без Земли?! А если мне не приглянется там, путь-то неблизкий, назад не убежишь, да и отпустят ли? Размышляю я так и вдруг слышу: «Понимаем тебя, Петрович, но и ты войди в наше положение — очень ты нам нужен!» — «И я вас понимаю и очень сочувствую, да только помочь ничем не могу. Рад бы, да дел не впрокорот!» Они помолчали и говорят: — «Жаль, братец, что не можешь с нами улететь. А насильничать тебя не будем. Оставайся, коли так. Хотим тебе, напоследок, тайну поведать. Слушай да запоминай. Земля ваша — она же живая. Вы думаете, она каменюка бесчувственная? Ан, нет! Все она понимает. И сейчас тяжело ей, болеет она от ваших дел людских. День приближается, и тогда...» — «Что тогда?» — «Не имеем права открывать всю тайну до конца, только ДЕНЬ ИКС близок. А если ты предупредишь, то никто не поверит тебе. Желаем, чтобы проводил нас к кораблю». Сказали так и из горницы вон пошли. Я с ними. Огородами вышли за околицу. Все также тихо, и только вижу — на лугу, как раз, где днем корова сестры моей, Нинки, паслась, корабль ихний стоит. Большущий такой и светится весь изнутри. Свет мягкий, нежаркий. И опять ветерок повеял на меня благовониями своими. Пожали они мне руку и сказали: «Прощевай, брат Петрович, не поминай нас лихом! Хотели мы тебя взять с собой, да вон, как получилось». Петрович замолк, выкурил очередную сигарету, долго смотрел на черное звездное небо, и такая печаль была в его взоре, что мне показалось, он сейчас взвояет. Но он встал и ушел, не попрощавшись.

*«Прощай, брат Петрович, не поминай нас лихом!
Хотели мы тебя взять с собой, да вон, как получилось»*

ЛЕХА

Леха проснулся и долго не мог ничего понять. С трудом он вспомнил, что жена, зареванная, с огромным синяком под глазом, подхватила детей и, в чем была, укатила к родителям в Мордовию, сказав на прощание, что терпение ее лопнуло, ноги ее здесь не будет, и к нему — пьянице и забулдыге — она никогда не вернется.

Леха плюнул ей вслед. Попытался что-то сказать, вроде того, что она еще пожалеет, но язык его совсем не слушался. Да и вообще он слабо понимал, что вокруг происходит. Потом он рухнул на кровать в грязных штанах, разорванной рубашке, сапогах и проспал почти сутки. А теперь он проснулся окончательно. И ему было ужасно мутно на душе: «Ну, почему я такой идиот? Почему вовремя не остановиться, не одуматься? Нет, вечно у меня так: как начну чего, так пошло, поехало».

Голова дико болела. С трудом он поднялся, вышел в сени и несколько раз окунул голову в стоявшую там кадку с водой. Немного полегчало. Что теперь будет? Как дальше жить?

Жить хотел не только он. Корова, куры, две свиньи и собака — все вопили озверевшими голосами о своем желании жить. Но уже сутки их никто не кормил и не поил. Было тяжело, но Леха выполнил все необходимые работы. Задал животным корм и стал думать думать. А мысли его были невеселыми. Все у него вроде бы неплохо в жизни получалось. С Катериной жили они уже около десяти лет. Двух дочек она ему родила. Сама была работающая да и собой ладная. Да вот только с Лехой что-то

стало твориться недоброе. Стал он попивать и так втянулся в это дело, что и сам был не рад. Но как говорится: «Охота — пуще неволи». Размышляя обо всем этом, он и сам не заметил, как ноги сами по себе привели его на почту.

Матрена, пробежав текст глазами, приняла телеграмму, пристально посмотрела на Алексея, вздохнула, хотела что-то сказать, но промолчала и только лишь осуждающе покачала головой. А текст был такой: «Катерина, прости. Вернись. Жду. Алексей».

Прошли две сумасшедшие недели. Никто к нему не ехал. Леха не пил совсем. Вставал рано, ложился за полночь и все равно ничего не успевал. Он страшно похудел и был сам не свой. Писем он в жизни не писал. Но однажды вечером, с трудом отыскав ручку и бумагу, написал длинное, покаянное письмо, в котором просил у жены и детишек прощения и слезно умолял их, воротиться домой.

Прошло еще две недели. Но из Мордовии не было никаких вестей. Люди на улице не узнавали и шарахались от него. Леха был на грани отчаяния. Самые страшные мысли крутились у него в башке. «Наложу на себя руки, вот тогда они узнают». А чего узнают, он и сам не знал. Но ему очень хотелось, чтобы его пожалели, чтобы все было как прежде, как в старые, добрые времена. Хотелось, чтобы его Катерина — вся такая теплая и улыбочивая — была рядом. Чтобы дочки встречали с работы. Как хорошо сидеть за чистым столом и пить парное молоко. Все эти сладостные воспоминания так взволновали и растревожили его, что Леха не выдержал, уронил голову на стол и разрыдался.

Так он просидел в тягостных думах до рассвета. На работу он не пошел, а вытащил из сарая старенький, запыленный мотоцикл, долго возился с ним, наконец, завел его и поехал в район.

Здание почты он отыскал быстро. В районе его никто не знал. Заполнил бланк телеграммы и подал его пухлой, еще не проснувшейся, девице. Та, не спеша, взяла листок, прочитала текст и, зевнув, спросила: «Справка есть?» Леха быстро проговорил: «Есть, есть», — засуетился и зачем-то стал шарить по карманам. Но девица уже забыла о справке, посчитала буквы и назвала цену. Леха расплатился, почти бегом выскочил на улицу, прыгнул на свой драндулет и помчался домой. И только одна мысль болталась в его дурной голове: «Что будет? Что теперь будет?».

Родители очень удивились неожиданному приезду дочери с детьми и без мужа. Катерина была единственной дочерью, и старики ее жалели. Старуха-мать поплакала, повздыхала и сказала: «Живите. Чего уж там...» Отец долго молчал, курил, кряхтел, тер рукой затылок, наконец, плюнул, длинно выругался и закончил все это такими словами: «Ну, Леха, паразит! Не ожидал я от тебя такого. А с виду-то приличный человек показался».

Было лето. Работая на огороде, в поле, занимаясь детьми, Катерина старалась не думать о муже и о своем дальнейшем житие. Время несло стремительно. Вот уже и месяц пролетел, как они здесь. Письма и телеграммы достигали своих адресатов вовремя. Катерина получила, конечно же, послание от мужа. Но так она намучилась последний год с Алексеем, так настрадалась, а теперь успокоилась и просто отдыхала у родителей. И дочки тоже были счастливы у бабушки с дедушкой. Все им было дозволено. Старики баловали их, как могли. И ехать ей совсем не хотелось к пьянице-мужу, хотя она все еще любила и жалела его.

Почту по селу обычно ранним утром развозила на велосипеде женщина без определенного возраста. Можно было сказать, что ей лет тридцать, а можно было дать и за пятьдесят. Да и пол был также трудно определяем. Никаких тебе выпуклостей на теле не рассматривалось даже при самом пристальном разглядывании. Говорила она низким грудным голосом, имела щеки гладкие, а под носом обильно рос пушок, похожий на усики. Ходила в любое время года в брюках. Брюки были мужские. Все

звали его — нет, все-таки ее — Раис Василич. И она откликнулась на это странное имя.

Так вот, в то утро Катерина обирала малину с куста в полисаднике и еще издали увидела почтальоншу. Та шла почему-то пешком, и это уже было необычно. Шла она медленно и смотрела на Катерину каким-то странным взглядом. Почуввав недоброе, Катерина пошла к калитке. «Ты, Катерина, того... не волнуйся. Всяко бывает», — сказала каким-то не своим, треснутым голосом почтальонша, достала почему-то из кармана, а не из сумки, голубой листок и подала его двумя руками Катерине. Та взяла листок и тоже почему-то вслух быстро прочла. «Алексей скоропостижно скончался. Похороны пятнадцатого. Зампредместкома: Иван Петров».

«Ох!» — простонала Катерина, схватилась за живот и упала в траву, прямо под ноги почтальонше. «Воды! Воды! Ну, кто-нибудь!» — завопила та, словно пожарная сирена. На вопли и крики прибежали не только старики, дочери, но и соседи. Привели Катерину в чувство и тут же стали выражать соболезнования и давать советы. Решили сразу же, что ехать нужно Катерине немедленно, и нечего связываться с поездом, на который и билетов то уже давно нет. У деда был старый «Запорожец», который ему, как фронтовику, выделили без очереди, много лет назад. Дед хоть и был профессиональный шофер, но на «Запорожце» ездил редко, и тот пылился годами в сарае. Тут же дружно разобрали хлам, которым была завалена машина. Выкатили ее. Кто-то притащил бензин, и на удивление машина завелась почти сразу же. Сосед прошелся с шапкой по кругу и насобирал приличную сумму. Денег вполне могло хватить на дорогу. А путь был немалый, ехать нужно было где-то семьсот километров.

Стали собираться. В багажник запихнули четверть самогонки, ведро огурцов, ящик помидор, пять потрошенных кур, большой шматок сала и много чего еще. Все это необходимо было для того, чтобы устроить поминки. «Все должно быть как положено ...», — сказал грустно дед.

Вдову, бледную и уже одетую во все черное, усадили на заднее сидение. Тут же примостились притихшие детки. В полдень машина тронулась. Без приключений добрались до областного центра. Дед знал город хорошо и вел машину уверенно. Вскоре они оказались у серого здания, на фасаде которого красовалась надпись «Ритуальные услуги». Дед вернулся быстро, держа в руках два венка, сделанных из ярких бумажных цветов. И пока он привязывал их к багажнику на крыше автомобиля, Катерина тихо плакала, прижимая девочек к себе. Ехали они не быстро и поэтому долго: весь день и всю ночь. Ранним утром наконец-то показалось село, в котором прожила Катерина с Алексеем десять лет. Пастух, щелкая кнутом, гнал стадо коров в луга. Запоздалый трактор спешил в поле. Людей не было видно вовсе. Машина, тихо урча, уткнулась в знакомые ворота.

Катерина выбралась из машины. Дочки, намучавшись за дорогу, спали, прижавшись друг к другу, и она их не стала будить. Словно больная, еле передвигая ноги, она отворила калитку, которая была заперта. Дверь в дом также была затворена.

«Все не по-людски. Покойник в доме, а калитка и дверь закрыты», — подумала она и шагнула за порог дома. Прошла сени, прихожую и очутилась в горнице.

Горница была светлая, чистая. На стене мирно тикали ходики. «А где же гроб?» Катерине казалось, что это не она идет по своему дому, что это сон какой-то: она вся в черном ходит по дому и ищет гроб. А гроба нигде нет, и от этого ей сделалось жутко. Из горницы дверь вела в их спальню. Катерина повернулась к спальне, протянула руку к двери, и вдруг дверь распахнулась. На пороге, в лучах утреннего солнца, стоял муж в белой солдатской рубахе. Катерина, как подкошенная, упала без чувств. «Да, живой я, живой», — неслись голоса откуда-то сверху. Их было много, они сливались в один стройный хор и распевали по слогам: «Жи-вой, жи-вой. Я твой Алексей. Прости, про-сти, Ка-те-ри-на». Потом голоса затихли, и пошел дождь, теплый, летний

дождь. И от этого дождя Катерина очнулась. И увидела над собой мужа в ночной рубахе, с растрепанными волосами, который брызгал из кружки на ее лицо. Она всматривалась в лицо мужа, такое родное и такое бестолковое. И вдруг, ей стало так горько и обидно, за себя, за детей, за свою жизнь. Откуда-то снизу поднималась горячая волна, наполняя всю ее бешеной энергией. Она дико вскрикнула, вскочила, схватила подвернувшуюся ей под руку скалку и с криком: «Живой! Ах, живой!» — начала лупцевать своего непутевого мужа куда ни попадя. Слезы градом лились из ее глаз. Алексей слабо защищался руками, бегал вокруг стола и глупо улыбался.

Она дико вскрикнула, вскочила, схватила подвернувшуюся ей под руку скалку и с криком: "Живой! Ах, живой!" - начала лупцевать своего непутевого мужа куда ни попадя.

Потом все у них было хорошо. Леха вообще бросил пить. Некоторое время сельяне при встрече приветствовали его не иначе как: «Здорово, покойник!» Председатель колхоза сочувственно отнесся к Алексею. Как-то даже вызвал в контору и сказал: «Как лицу заблудшему и пострадавшему, но вставшему на правильный путь, оказываю тебе, Алексей, материальную помощь», — и выписал два мешка пшеницы. Вот и все.

Валерий Богушев*
(г. Воронеж)

ПОРТРЕТ
(Новогодняя история)

Илья Николаевич, мужчина среднего возраста, отработал на Крайнем Севере добровольно пятнадцатилетний срок и возвращался «на материк», на юг Европейской части отогреться и начинать новую жизнь. Самолет задержался из-за метели на трое суток, и он попал в Домодедово только утром тридцать первого декабря. Домой к Новому году было уже не успеть.

Илья, как прилетел налегке, с одним портфелем, первым делом добрался до станции метро «Смоленская». После глухого таежного поселка хотелось окунуться в предпраздничное оживление столичного центра, начав, по обыкновению, со Старого Арбата. Было солнечно, слегка морозило. Снег непривычно мягко, без звенящего скрипа хрустел под добротными импортными подошвами. Бывший северянин был одет в серое пальто и шапку из волка. Лицо сосредоточенно-серьезное, почти хмурое, но в серых глазах таилась усмешка, будто он вот-вот вспомнит какой-нибудь забавный случай.

Неподалеку возле театра расположились ряды художников. Одни уже заканчивали портреты, другие только начинали, третьи без дела топтались на месте, чтобы не замерзнуть, и зазывали прохожих. Илья неторопливо переходил от мольберта к мольберту, оценивая, насколько похоже рисуют. Мостовую устлали натюрморты, пейзажи и портреты. Он рассеянно скользил по ним взглядом, пока не почудилось, что с холста в небольшой рамке за ним с усмешкой наблюдает знакомое лицо. Господи, сколько он ее уже не видел: должно быть тысячу лет! Возможно, это была изображена и не она, но сходство поразительное, она была здесь такой, какой, скорее всего, приснилась ему, когда ей было девятнадцать. Те же огромные черные, внимательные и ироничные глаза, вздернутый нос, умопомрачительные надменные и чувственные губы королевы. Портрет был написан маслом в теплых коричневато-золотистых тонах.

Илья вспомнил, как нежданно-негаданно познакомился с ней на студенческом празднике, и она закружила его в своем легком озорном вихре... Но все это продолжалось недолго. Не давала покоя странная мысль, что, если бы он проявил настойчивость, Юлия никуда бы от него не делась, и все пошло бы по-другому, с тем особенным и ясным смыслом, который она излучала.

Потом он уехал по распределению на Север, работал на разбросанных в тайге буровых. Вахты длились по полмесяца. Летом жара и комары, зимой — морозы за пятьдесят. Он закончил еще заочно математический факультет в Новосибирске. Толстую книгу в черном переплете «Высшая математика. Избранные главы» читал с наслаждением, как любимые стихи или детектив, и между сменами, охотой, рыбалкой и преферансом выучил ее почти наизусть.

Во время командировок и длительных северных отпусков, которые брал раз в три

* Наш постоянный автор; см. «ПЗ» № 2, 2008.

года, он изъездил полстраны, но ни разу не встретил похожей на нее. Попадались почти такие же умные, или ласковые, или веселые, или красивые, или независимые, но чтобы все это было сосредоточено в одной — увы!

— Молодой человек желает заказать свой портрет? — услышал он голос художника, который уже освободился и подошел к нему.

— Нет, мне бы купить готовый. Вон тот. Вы не знаете, кто изображен на нем?

— Это собирательный образ... Идеал, если угодно. Такая женщина существует только в воображении... Хотя иногда реальность превосходит самый смелый вымысел.

— Я знал весьма похожую. Сколько вы за него хотите? — Илья нащупал в кармане крупную купюру.

Цена оказалась небольшой, Илья торговаться не стал, взял портрет, сдул с него снежную пыль, положил в портфель и заторопился на доносившиеся издалека сливающиеся звуки гитары и скрипки...

Потом купил книгу на Новом Арбате и, укладывая ее рядом с портретом, заметил, на обратной незагрунтованной стороне холста в уголке едва различимую карандашную надпись — семизначное число, разделенное двумя тире. Телефонный номер? Илья вернулся узнать что-нибудь у художника, но его и след простыл. Оставалось только позвонить. После трех долгих гудков услышал ее совершенно не изменившийся голос, который узнал бы из миллиона.

— Здравствуй, Юля! С наступающим Новым годом тебя! — сказал он так, словно они расстались на днях...

— Илья?! — она узнала его сразу. — Я тебя тоже поздравляю. Откуда ты звонишь?..

И дальше он хорошо запомнил только адрес.

Через час с букетом белых хризантем, конфетами и шампанским Илья нажал на кнопку звонка. Открыла Юля. Те же черные загадочные глаза, золотистые волосы и гордая осанка. Он еще острее ощутил, как ему не хватало этого взгляда и этой улыбки.

— Ох, какой волк!.. Раздевайся... Проходи... — сказала она.

Поставила букет в вазу с водой, гостя пригласила сесть в кресло, а сама села напротив.

— Ты одна? — спросил он.

— Да. Дочь должна скоро вернуться из колледжа. Пошла курсовую работу сдавать.

— А муж?

— Видишь ли, мы с ним развелись несколько лет назад.

— Вот как. А я то считал, что у тебя все удачно складывается...

Он давно мечтал расспросить Юлю о каждом дне, который она прожила без него. Ему казалось, что она по-другому видела мир и даже делала ежедневные покупки в соседнем гастрономе не так, как все.

Через полчаса открылась входная дверь, и их беседу прервало появление раскрасневшейся с мороза девушки.

— Как курсовая?

— Нормально. Рекомендовали на выставку.

— Познакомься, Илья, это моя дочь Ира, — сказала Юля.

Ира и Илья, с любопытством посмотрев друг на друга, одновременно улыбнулись. Ира была похожа на мать, скорее, отдельными чертами, таким же выражением лица.

— Илья, как тебе удалось разыскать мой телефон? Прошло столько лет, у меня и фамилия изменилась...

— Ты не поверишь. Телефон оказался записан на обратной стороне картины, ко-

торую я купил сегодня на Арбате,— сказал Илья, доставая портрет.— Вот посмотри.

— Ира, это же твоя курсовая работа,— удивленно воскликнула Юля...

— Мамочка, не волнуйся, я сделала копию,— ответила Ира.— Знакомый художник согласился продать портрет. А телефон записала на всякий случай.

— И ничего мне не сказала. Зачем тебе понадобились деньги?

— Я купила корм для собачьего приюта. Там такие замечательные щеночки... Вот приколы!

— Поразительно! Согласно теории вероятности не было почти ни одного шанса, что портрет попадет ко мне,— сказал Илья.

— И все-таки, Ирочка, надо признать, приколы тебе удаются,— иронически заметила Юля.— Пойдемте пить кофе... Кстати, Илья, какие у тебя планы на сегодня?

— До вечера я свободен, а потом собираюсь на вокзал.

— А как ты относишься к тому, чтобы встретить Новый год у нас? — она как-то по-особенному взглянула на него.

— Дорога — не самое подходящее место для этого,— добавила Ира.

— Согласен,— кивнул он и увидел теплые искорки в их глазах.

Поздно ночью, когда Ира уже спала, по предложению Ильи, они вдвоем с Юлей, забрались по лестнице на крышу и выпили шампанского, на темно-золотой поверхности которого таяли снежинки, залетевшие в бокалы. В полной тишине медленно падали белые хлопья. Внизу открывалась панорама многоэтажек с еще светившимися окнами. На черном небе отчетливо проступали звезды.

— У меня голова кружится от высоты и от шампанского,— произнесла она, весело, с закрытыми глазами.

Он обнял и поцеловал ее, ощутив забытый вкус ее губ.

— По-моему, мы уже целовались однажды на крыше в новогоднюю ночь,— сказала она с неподражаемой улыбкой, сводившей его с ума.

— Это было ужасно давно,— вздохнул Илья.

— А кажется, что только вчера!

Генриэтта Назина
(п. Таловая Воронежской обл.)

ОТЕЦ

Василий смотрел в открытое окно кафе. На улице по-осеннему ярко светило солнце. И только желтые листья, медленно падавшие с деревьев от легкого дуновения ветерка, напоминали о том, что сегодня первый день осени. Первое сентября... Сегодня он привел Маринку в первый класс. Как ждал Василий этого дня!

Воспоминания нахлынули с такой силой, что у него закружилась голова и голос человека, сидевшего с ним в кафе за столиком и второй час пьяно бубнившего, что он родной отец Маринки, улетел от Василия куда-то далеко-далеко.

Когда окончилась война, Василий вернулся в родные места не сразу. Тяжелое ранение приковало его на два года к госпитальной койке. Это время прошло как в полусне. Иногда, когда сознание возвращалось к нему, хотелось домой. Но там его никто не ждал. Из писем соседки он узнал, что жена и сын, родившийся после его ухода в армию, погибли при бомбежке.

И все-таки он приехал на родину после выписки из госпиталя. От вокзала Василий почти бежал к своей улице, стараясь представить пепелище родного дома. Как-то же было его удивление, когда он увидел среди молодого сада маленький домик с голубыми ставнями. На грядках возился мужчина, в котором Василий признал соседа, своего одногодка Федора.

— Никак жив, Васютка?! — удивился Федор. Василий уже не помнил, сколько они просидели на скамейке во дворе, сколько махорки искурили, пока не вбежал во двор мальчонка лет шести с удочкой и связкой плотвы в руках.

— Пап, гляди,— обратился он к Федору,— вот сколько наловил! На целую сковородку.

Из рассказа Федора Василий узнал, что жена Ирина не погибла при бомбежке: соседка ошиблась. Федор отправил ее и Васютку в деревню, к своей матери.

Вернувшись с фронта без ноги, на костылях, Федор вскоре получил письмо из Сибири от жены Полины. Она сообщала, что вышла замуж за обеспеченного мужчину с «бронью». Потом пришла на Василия «похоронка». Ирина ждала мужа еще год после окончания войны. Федор отремонтировал свой дом, помог постройиться Ирине. Потом решили вместе Васютку на ноги поднимать.

— Ребенка ждем,— промолвил Федор и опустил голову.

...Василий очнулся в купе скорого поезда. Билет был взят наугад. На станции Касторная устроился на работу стрелочником. Жил уединенно в будке, в нескольких километрах от большого старинного села. Однажды летним вечером у будки неожиданно затормозил поезд, начальник которого помог выйти из вагона молодой женщине с тяжело дышавшей девчушкой на руках.

— Слышь, друг, помоги,— смущенно обратился он к Василию.— Кончается ребенок от «глотошной», а у нас в поезде еще дети.

Не успел Василий что-либо сообразить, как поезд уже отправился.

— Помоги, сделай что-нибудь,— зарыдала женщина, протягивая Василию умиравшего ребенка. Недолго думая, Василий взял девочку на руки и побежал в село...

Марина лежала в больнице почти три месяца, но выкарабкалась из лап смерти. Надежда находилась с дочерью. А Василий каждый день относил им еду.

В один из его приходов Надежда рассказала невеселую историю своей жизни. Воспитывалась в детском доме. Там подружилась с доброй нянечкой Анной Ивановной, часто бывала в ее доме. Познакомилась с ее племянником. Вскоре вышла за него замуж. Родилась Маринка, а через несколько лет муж ушел к другой женщине, свекровь Надежду с ребенком выставила за дверь. Добрые люди посоветовали ей завербоваться на целину. И вот в дороге Маринка заболела.

Через два дня после этого разговора Маринку выписали из больницы. Василий принес Надежде купленную ей и дочери одежду и обувь. Он привез их в новую квартиру при станции. Увидев детскую кроватку и игрушки, Надежда поняла все, но промолчала. И лишь вечером, когда уложили Маринку спать, сказала:

— Зачем мы тебе?

Василий ласково произнес:

— Спать пора. Завтра рано вставать: со мной на работу пойдешь. Беру тебя в напарницы. Будем сменять друг друга, чтобы Маринку одну не оставлять...

К новой жизни Маринка привыкала трудно, сторонилась Василия. К его заботам относилась настороженно. Особенно тревожным был взгляд ее больших голубых глаз, когда он приходил с работы. Девочка внимательно и недоверчиво смотрела, как он раздевался, мыл руки.

— Дядя Вася, а почему ты приходишь не пьяный? Это понарошку? — спросила и заплакала. Василий опешил, задумался. Ответил вполне серьезно:

— Нет, Марина, не понарошку. Не люблю пьяных.

— И я тоже! — оживилась она, вытирая слезы. — Папка всегда пьяный приходил, маму обижал. А ты обижать маму не будешь?

Он взял ее на руки и сказал:

— Нет, малышка, не буду! Все у нас будет хорошо.

Василий любил после работы столлярничать. Тайком смастерил для Маринки резной стульчик. Увидев подарок, она заулыбалась, захлопала в ладоши, подбежала к Василию и поцеловала его в щеку:

— Спасибо, дядя Вася.

— А когда же папкой звать меня будешь? — вздохнул он.

— Когда? В школу осенью пойду и стану звать!

— Ну, мать, готовься, отпразднуем! — улыбнулся Надежде Василий...

Этот день настал. Только праздника не получилось. В середине августа Надежду, ехавшую на велосипеде, сбила машина. «Скорая» увезла ее в больницу с серьезной травмой головы. Операция продолжалась несколько часов. Василий, оставив Маринку у соседки, сидел на ступеньках и курил.

— Вряд ли Надежда выживет,— заявил вышедший к нему врач.— Вызывайте родных, пока она жива.

Василий зашел на почту и дал телеграммы сестрам Надежды. Несколько дней и ночей, отпросившись с работы, он не отходил от жены. А когда пришел домой на несколько часов, то увидел неприятную картину. Над поникшей Маринкой голосили сестры Надежды. Картинно заламывая руки, старшая сестра выкрикивала:

— Сиротинушка ты наша! Деточка ты наша!

Младшая, взглянув враждебно на Василия, вторила ей:

— Никому ты не нужна. И этому, чужому дядьке, тоже!

— Что же это вы родную сестру раньше времени хороните?! Надежда в себя пришла,— сдерживая гнев, произнес Василий. Он забрал у них Маринку и вышел в палисадник.

— Ты почему долго домой не приходил, а? Где мама? — она с надеждой смотрела на него.

— Я у мамы был. Ей уже лучше,— он заставил себя улыбнуться. — Пойдем-ка лучше покушаем, Марина, и я немного отдохну.

Мимо них молча прошли сестры. Василий не стал их останавливать. И вот сегодня, когда он возвращался из школы, куда отвел нарядную Маринку, у дома его встретил незнакомец. Не здороваясь, сказал:

— Петр, отец Маринки. Заберу ее. Надька, как сообщили мне ее сестры, не жилища на этом свете.

Василий почувствовал, что сердце будто остановилось, придавленное чем-то тяжелым. Он вспомнил, как час назад смотрела на него Маринка. Он слышал ее голос: «Встречай из школы. Скажу тебе это! — она сделала ударение на последнем слове.— А потом к маме в больницу пойдём. Ладно»?

Голос Петра вернул Василия к действительности:

— Давай, выпьем по сто граммов за знакомство. И пошли...

— А как же без ничего?! — заволновался Василий.

— Э-это ты о чем?! — удивился, пьяно икая, Петр.

— Как о чем, конфет ребенку надо купить!

Купив в буфете коробку шоколадных конфет, Василий вышел вслед за ним. Они повернули за угол и пересекли площадь. В эту минуту показалась Маринка. Она помахала рукой и бросилась навстречу с криком:

— Папа! Папочка!

Петр осклабился:

— Узнала родного отца! — он расставил руки и загнусавил, присев на корточки:

— Доченька моя!

Но Маринка миновала его, обняла Василия и закричала:

— Вот мой папка! Вот мой папка! Я не хочу уезжать отсюда!

— Успокойся, доченька, успокойся, никому я тебя не отдам,— утешал ее Василий.— Пойдем к маме. Она хочет тебя видеть.

И они, взявшись за руки, пошли по улице.

СУДЬБА

Рахманинов открыл крышку рояля. Пальцы привычно легли на клавиши. Но после нескольких аккордов он почувствовал слабость во всем теле. Снова появилась тупая боль в правом боку. Сергей Васильевич покосился на жену, которая беседовала с певицей Юлией Фатовой. Он встал, преодолевая слабость и боль, подошел к открытому окну. Его взор скользнул по чистой и тихой улице Беверли-Хилл, крошечному садику перед домом и остановился на двух березах, росших рядом с участком. Они его прельстили больше всего еще при покупке этого дома.

Наталья Александровна, наблюдавшая за мужем, произнесла тихо:

— Сергею Васильевичу все труднее играть. Давно бы пора оставить напряженную концертную деятельность. Но... Извините, я на минутку прерву беседу. С вашего позволения.

Она встала и подошла к Рахманинову. Он стоял, опершись руками о подоконник, и раздраженно говорил сам себе:

— И поделом тебе. Не отнимай хлеб у молодых. Не лезь, куда тебе по возрасту лезть не полагается.

— Ну, наконец-то, понял, что пора отдохнуть,— Наталья Александровна ласково погладила мужа по руке. Рахманинов с удивлением посмотрел на нее:

— Разве я что-то сказал?!

Она покачала головой:

— Не лукавь, Сережа... Пора, давно пора подумать о своем здоровье.

— Ах, Наташенька, ты же знаешь, что концерты — моя единственная радость. Без них я изведусь. Даже боль прекращается, когда я играю. Я не могу меньше играть. Если я не буду работать — зачахну. Нет... Лучше умереть на эстраде!

Наталья Александровна смотрела на него с такой любовью и состраданием, что он смягчился и пообещал:

— Друг мой, следующее турне будет последним. Не будет больше поездок, волнений. Я всецело займусь композицией.

Их разговор прервали звуки рояля и тихое пение:

— Ах ты, степь широкая, степь раздольная...

Рахманинов подошел к роялю и посмотрел на Фатову. В его глазах стояли слезы. Певица смутилась и прервала песню. Она знала, что в другой обстановке не посмела бы запеть в присутствии Рахманинова.

— Голубушка, спойте еще, не прекращайте это чудное настроение. Ведь редко приходится слушать такой задушевный голос. Ваши песни — подлинная Россия, которую мы все любим и которой нам, живущим в Америке, так не хватает. Пойте, пойте, прошу вас, только много и долго. Позвольте мне вам аккомпанировать?

Рахманинов играл с упоением одну мелодию за другой. Юлия пела с не меньшим упоением. В эти минуты их души были в России: они обзревала дорогие сердцу места. А Наталья Александровна слушала, вытирая слезы кружевным платочком.

— Юленька, спойте, пожалуйста, «Судьбу». Этот романс так много значит для меня и Сергея Васильевича. Он навеивает воспоминания о нашей молодости, о поездках в село Красненькое, под Новохоперском. Это там, за Воронежем,— попросила Наталья Александровна.

— Сергей Васильевич, а не сыграть ли нам с вами в четыре руки?

Рахманинов и Фатова сели рядом. Юлия заметно волновалась. Он ободряюще улыбнулся ей и запел:

*— Со своей походною клюкой,
Со своими мрачными очами,
Судьба, как грозный часовой,
Повсюду следует за нами...
Фатова вторила ему.*

* * *

Проводив Юлию, Наталья Александровна застала мужа у открытого окна.

— Люблю березу русскую,

То светлую, то грустную,— продекламировал он с просветленным лицом. — Вот смотрю на эти две березы и вспоминаю аллею в Красненьком.

— Да, сорок лет прошло,— вздохнула Наталья Александровна,— а закрою глаза, вижу большой одноэтажный дом, окруженный садом и цветущим лугом. Невдалеке лес и река Хопер.

— А помнишь наши прогулки?! Как в саду пели квартетом! Твое высокое сопрано звучало восхитительно. Леночка Крейцер пела вторым голосом, ее брат — партию тенора. А ваш покорный слуга был одновременно и басом, и дирижером.

— О-о, нам это пение доставляло большое удовольствие! Ах, боже мой, сколько же русских песен исполняли! Но твой «Пантелей-Целитель» был нашим коронным номером. Какая светлая музыка хора! Она так близка по складу к русским песням — в ней слышится что-то древнее. А ты помнишь, как мы с Еленой старались, выкрикивая шутливо: «Государь Пантелей! Ты и нас пожалей! Свой чудесный елей в наши раны излей, в наши многие раны сердечные!»

— В это время ты всегда смотрела на меня. Почему?

— А мне хотелось, чтобы тебе понравилось мое пение!

Рахманинов снова сел за рояль и проронил:

— Ах, Россия, Россия! Как ты сейчас далека!

По комнате поплыли гулкие набатные аккорды первой части Второго концерта. Их сменило лирическое адажио. И сразу же гостиная наполнилась красотой расцветающей природы, ощущением молодости, счастья и душевного покоя. Мелодия как бы «парила», постоянно притягиваясь к одному звуку. Для Рахманинова не было в настоящий момент ни расстояния, ни времени. Он спешил по луговой тропинке вдоль Хопра и вскоре оказался в Калиновской роще. За поворотом открылся вид на Шилово озеро. Его чистая серебряная гладь была окаймлена дубравой, которую сменяла березовая роща. А на фоне белоствольных берез над озером возвышалось Чудное дерево. Оно напоминало лиру. У его подножья сидела девушка в белом платье, с длинной черной косой. Она читала книгу. Рахманинов неслышно подошел к ней и положил на книгу букет полевых цветов.

— Сережа?! — девушка стремительно поднялась. Он обнял ее.

— Наташа, любовь моя! Наконец-то мы вместе! Как я скучал по милым глазам! — он осыпал ее лицо поцелуями.

Наташа отстранила его мягко, но настойчиво, усадила на траву.

— Расскажи, как обстоит дело со Вторым фортепьянным концертом?

— Пока не знаю, что будет. Но я познакомил музыкантов с его первой частью. Первое публичное исполнение назначено на октябрь, — он вздохнул. — Боюсь, не все поняли мою музыку.

— Не отчаивайся, Сережа. Все пройдет хорошо.

— Ты так думаешь?! — обрадовался Рахманинов.

— Абсолютно уверена!

— И еще одно радостное известие, — он замолчал, загадочно улыбаясь.

— Какое известие?! — глаза Наташи излучали радость. — Я догадываюсь... — она потупилась.

— Я привез высочайшее разрешение на наш брак.

...Со времени этого свидания минуло сто лет. Когда весной оживает Калиновская роща, то кажется, что над ней в голубом поднебесье слышатся аккорды рахманиновского рояля и ностальгический шепот:

— Я навсегда с тобой Россия, моя любовь и судьба...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА МОЛОДАЯ

Алексей Колосов

КАПЛИ НА СТЕКЛЕ

Сказка

Алексей Колосову 22 года, магистрант факультета кибернетики Тульского госуниверситета; ранее публиковался в городских и областных сборниках, издал небольшую книжку (изд-во ТулГУ), все у него еще впереди, а наш журнал его поддержит. Далее, в качестве краткого предуведомления, предоставим слово известному тульскому публицисту и литературному критику Сергею Норильскому (см. газету «МРeG», 2008, вып. 9, с. 4).

«Фантастический рассказ студента тульского госуниверситета Алексея Колосова опубликован в журнале «Если» — по оценкам конгресса «Еврокон-2000» это лучший научно-фантастический журнал Европы. Теперь, после публикации в столь солидном журнале, можно сказать, что Колосов вышел на европейский уровень. Кстати, рассказ Колосова «Копии» в этом году получил высшую сумму баллов на конкурсе «Альтернативная реальность».

Рассказ называется «Копии» и повествует о времени, когда появившихся на свет естественным образом людей заменили искусственно созданными — клонами. Чтобы избежать чрезмерного размножения, подчинили их быт строжайшим нормам, запретили производить потомство, а сам период существования ограничили двумя-тремя десятилетиями. Ввели быстрое старение с последующим обязательным уничтожением и заменой новыми копиями.

Эти клоны-копии, сохраняя внешний облик и черты обычного человека, по сути, превратились в роботов, безвольных работ, управляемых всеохватной электронной системой. Но человеческие чувства прорываются иногда сквозь плотины автоматических запретов, вступают в смертельную схватку с невидимыми властелинами.

Герои рассказа 25-летний Олег и его подруга Марина-2 нарушают запрет, за что им грозит досрочная смерть. Но это для них не имеет значения: «Мы же все равно люди». Ощущение трагичности этой любви потрясает, пронзает чувство жалости к этим существам, которым не оставили ничего из тех ценностей и привязанностей, какие свойственны нам, неклонированным людям.

Как известно, в литературе все жанры хороши, кроме скучного. К сожалению, сегодня в жанре фантастики редко можно встретить произведения, затрагивающие правозащитные темы. Хотя в свое время именно фантасты (Рей Брэдбери, например) впервые подняли тему гуманизма и технократии. Тем приятнее, что молодой тульский автор продолжает эти традиции».

Где-то в мире, не столь уже важно, где именно, находилось стекло. Самое обыкновенное стекло, самой обычной толщины, не слишком толстое и не слишком тонкое, слой хрупкого прозрачного материала, отделявшего большой мир от маленького. В маленьком мире, наверное, кто-то жил, в маленьком мире было жарко и душно, но не о нем сейчас пойдет речь, потому что внутренняя сторона стекла была всегда гладкой, чистой, ее постоянно протирали, и на ней не оставалось ничего, даже случайно осевших пылинки.

Речь пойдет о внешней стороне стекла, о той, которая соприкасалась с большим миром. Большой мир был совсем не такой, как маленький. В большом мире не было жарко, в большом мире воздух колыхался огромными невидимыми полотнами, совершенно неощутимыми во время покоя, но очень заметными при движении. Когда эти полотна двигались, когда они сталкивались с миром, волновались деревья, вздымались облака пыли, в поверхности невидимых полотен вплетались листья, пестрый мусор, мелкие веточки, осколки стекол и прочее, прочее, прочее, разнообразнейшие маленькие предметы. А потом невидимые полотна сталкивались друг с другом и исчезали, сплетаясь воедино и в то же время распадаясь. Люди называли невидимые упругие поверхности ветром. Но они были неправы. Ведь когда большой мир успокаивался, то, что они называли ветром, на самом деле никуда не исчезало, просто все полотна сливались воедино и становились одной большой, колышущейся массой, готовой в любой момент снова распасться от малейшего изменения на отдельные движущиеся части, которые обрушатся сверху и полетят в разные стороны, чтобы люди вновь смогли сказать: «Поднимается ветер».

То же самое, впрочем, можно было сказать и о самих людях. Люди, подобно полотнам ветра, с людской точки зрения исчезали, когда являлись частью толпы, и появлялись, когда отделялись от нее. Люди собирались в большие, слабо колышущиеся массы, и лишь изредка распадались на быстрые, сильные, агрессивные волны. А каждая волна в свою очередь могла распадаться на отдельных людей. Только тогда этих отдельных людей и замечали, только тогда, когда они отделялись от общей массы, так что не будем слишком уж строго судить человечество за неправильное отношение к ветру, если оно и само себя не замечало, пока находилось в состоянии покоя.

Люди, как бы то ни было, не имели никакого отношения к тому, о чем повествует этот рассказ. Люди только протирали внутреннюю сторону стекла, делая ее скучной и неинтересной, а нас, как вы помните, интересует внешняя сторона.

Итак, внешняя сторона стекла соприкасалась с большим миром. Большой мир волновался, и в нем гуляли могучие силы. Большой мир был залит бледным киселем, затянут необъятным телом тумана, полотнищем, не имеющим краев, а имеющим только самую свою суть. А этот туман состоял из множества капель. Капли были разные — большие и маленькие, легкие и тяжелые, одни из них падали, другие оставались висеть, образуя то самое бледное тело. И некоторые из этих капель, соприкасаясь с внешней стороной стекла, оставались на нем, образуя свой собственный, маленький-маленький, мир.

Капли, так же, как полотна ветра и так же, как люди, собирались в одну единую массу, но все же не до конца, потому что каждая капля все равно обладала своим собственным разумом. Ведь если бы все капли, сливаясь, образовывали что-то новое, то океан был бы самым старым и самым мудрым разумным существом на Земле, да и само человечество, слившись и образовав такой же коллективный разум, давно стало бы Богом. Но так как не произошло ни того, ни другого, мы будем считать, что капли все же, сливаясь в массы, все равно сохраняли в некотором роде свою индивидуальность. Так что на внешней стороне стекла объединившиеся воедино бесформенные кусочки воды, внутри которых в свою очередь так же, как и в людях, жило очень много микроскопических существ, все же были разными. Одни капли были большими

ми и важными, их все слушали и все им поклонялись, другие были средними, и их тоже слушали, хотя и не все и не так внимательно, как большие капли, но основную часть, конечно же, составляли маленькие капли, которым никто не поклонялся и которых, естественно, никто не слушал. Потому что именно эти маленькие капли и должны были слушать всех остальных, так уж было заведено. Но капли большие и средние, естественно, были тяжелыми, и поэтому им зачастую приходилось отрываться от общей массы и падать вниз. Куда они уходили — никто не знал, потому что *оттуда* не возвращалась еще ни одна капля, а те капли, которые приходили на стекло из тумана, тоже никогда не бывали внизу.

Падали, естественно, только *избранные*, самые лучшие капли, эта должность считалась очень почетной, потому что они, падая, спасали от падения всю массу. Большинство, естественно, боялось падения, потому что никто не знал, что там, внизу. И сами избранные тоже боялись, но они тщательно скрывали это, потому что страх был им не к лицу. Они были большими и важными, они были самыми лучшими, и все остальные именно поэтому должны были слушаться их. Уход из массы, отделение, было исключительно их правом, их привилегией, и некоторые большие и средние капли очень гордились этим, а некоторые панически боялись этого, но рано или поздно всем им все равно приходилось падать. Потому что если бы они не падали, их все равно просто столкнули бы маленькие капли, ведь они тоже очень боялись тящейся внизу неизвестности.

Маленьким каплям падать строжайшим образом запрещалось, потому что именно они и должны были составлять основу, самую устойчивую часть массы капель. Но ведь в любом, даже самом правильном и послушном обществе, как известно, все равно всегда найдется аномалии, флуктуации, отклонения, не вписывающиеся в общую картину. Один такой элемент нашелся и в массе капель. Это была одна маленькая капля, которая всегда очень внимательно следила настолько, насколько могла, за полетом каждой капли, отделявшейся от общей массы. Она, эта маленькая капля, была самой обыкновенной и незаметной, она не обладала высокой привилегией отделения, о ней никто не знал, она была просто частью массы, она должна была просто оказывать почтение другим, средним и большим, каплям, и в этом заключалось ее единственное занятие.

Но ей, в отличие от других, такое занятие вовсе не нравилось. Она была очень любознательна, и ей очень хотелось узнать, что же находится там, внизу, куда же периодически уходят они, большие и важные, лучшие и избранные, другие капли. И однажды, когда очередная капля отделилась от массы и ушла в непознаваемую пустоту, когда все остальные капли проводили ее всеми положенными почестями и ритуалами, маленькая капля вдруг выделилась из толпы своих собратьев и сказала:

— Я тоже хочу отделиться!

В массе капель повисло гробовое молчание, потому что все капли были поражены до глубины своей водянистой души. Ни разу за всю историю массы ни одна маленькая капля не смела претендовать на роль избранных. И именно поэтому, конечно же, именно избранные и прервали молчание первыми:

— Да как же ты можешь? Ты же всего лишь самая обыкновенная маленькая капля, ты не имеешь права на то, чтобы уйти туда, в более совершенный мир, где живут только большие капли! Да посмотри на себя! Ты же в три раза меньше каждой из нас!

— Посмотри на себя! Посмотри на себя! — со злым смехом и издевками закричали со всех сторон другие маленькие капли. Они очень не хотели, чтобы кто-то из них вдруг оказался лучше всех остальных, они хотели быть единой, однородной массой, ведь когда пресмыкаются все, каждому в отдельности никогда не бывает стыдно. Одинокая маленькая капля знала все это, она знала, что любое, даже самое отвратительное дело вроде насильственного отделения от массы не желавшей этого и трясу-

щейся от страха капли, может выглядеть исключительно благородным поступком, если его совершит вся толпа, а не кто-то один. Поэтому маленькая капля терпеливо подождала, а потом сказала вновь:

— Я тоже хочу отделиться! — на этот раз другие маленькие капли уже не загалдели, потому что у них не осталось сил. Ответила лишь самая большая, самая важная капля всей массы, которая очень гордилась своим правом избранной и готовилась вскоре с большими почестями покинуть своих сестер:

— Почему? Что же тебе не нравится здесь? Ведь здесь все вы равны, вы все обладаете одинаковыми возможностями, у вас есть все, что нужно!

— Вот именно! — ответила маленькая капля. — Ведь мы все одинаковы! Мы все образуем единую массу и совершенно ничего не знаем друг о друге. Мы просто одинаковые составляющие! И наша единственная роль — это поклоняться вам, избранным, лучшим и самым большим, каплям!

— Но ведь так заведено! — возмущенно загудели большие капли. — Так было всегда! Только мы, большие капли, можем спасти всю массу от падения!

— Спасти? — спросила маленькая капля. — Или просто не пустить нас, маленьких и никчемных, к более совершенному миру, где живут только большие капли?

На этот раз маленькие капли, слушавшие разговор в молчании, начали тихонько перешептываться. Они уже больше не пытались наброситься всей толпой на одинокую маленькую каплю, они просто стояли, слегка отступив со всех сторон от нее, и слушали, как маленькая капля впервые бросала вызов большим.

— Так заведено, и тебе это прекрасно известно! — вновь прогудела самая большая капля. — Тебе не положено отделяться! Ты — ничто, и ты должна оставаться здесь, среди других таких же ничтожеств. Ты должна оставаться частью целого, чтобы масса могла существовать так же, как и всегда!

— Но если спасение массы в том, чтобы все оставались единым целым, — сказала маленькая капля, — то зачем же отделяетесь вы? Оставайтесь здесь!

— Мы не можем! Мы избраны свыше, для того, чтобы явиться вашими спасителями и, отделившись от массы, уйти вниз.

— Но чем же вы лучше нас? Чем же вы избраны? Вы просто больше нас, вот и все! Неужели один лишь размер является признаком того, что вы имеете право жить в лучшем мире?

— А что же еще? — в недоумении спросила большая капля.

— Вы говорите, что уходите в лучший мир, где живут только большие капли, но ведь на самом деле никто не знает, что же находится там. Глупая масса боится неизвестности, поэтому большинство стремится спихивать вас, лишь бы спастись самому, а вы почитаете это за честь! Ваше единственное отличие от нас — это ваш вес! Вы просто слишком тяжелы для того, чтобы масса могла удерживать вас, вот и все! Вы ничем не лучше! — гул среди маленьких капель все нарастал. — Неужели никто никогда не мечтал о том, чтобы самому отправиться туда и узнать, что же находится внизу? Неужели все вы настолько трусливы, что боитесь попытать счастья в лучшем мире?

— Но ведь это же опасно! — воскликнул кто-то.

— Что если мы погибнем? — содрогнулась другая капля.

— И это же, наверняка, так сложно! — подтвердила третья.

— А что, если у меня ничего не получится? Такого разочарования я не перенесу! — вскрикнула четвертая.

— Нет, мы лучше останемся здесь! — заключила пятая маленькая капля.

— Чего же ты хочешь? — спросила самая большая из капель массы. — Ты же видишь, никто не хочет отделяться, кроме тебя! Чем же ты лучше их? Зачем ты хочешь покинуть своих сестер?

— Потому что я не боюсь, — ответила одинокая маленькая капля. — Я не хочу

вечно оставаться здесь, лишь глупо поклоняясь вам, большим и хорошим, которые уходят *туда*, и вечно наблюдать за тем, как вы исчезаете в пустоте. Потому что я тоже хочу попытаться счастья! И если уж вы говорите, что все мы равны, то и я могу иметь на это право!

Гул среди маленьких капель, тем не менее, все возрастал. Маленькие капли волновались, и самая большая капля прекрасно видела это. И хотя нарушать устоявшийся порядок было рискованно, еще рискованнее было позволить одинокой маленькой капле продолжать говорить. Поэтому самая большая капля сказала:

— В таком случае, да будет так! — и все маленькие капли, услышав это, тут же навалились на одинокую маленькую каплю единой волной. Они подхватили ее, потащили к краю массы, где могли удерживаться только самые маленькие капли, и сбросили ее вниз.

Одинокая маленькая капля отделилась от них и полетела в неведомое. Если бы у нее было сердце, оно бы, наверное, колотилось бы, словно колокол, но у маленькой капли не было сердца, она, в отличие от человека, состояла из воды целиком, а не на две трети. Она летела очень долго, мимо нее пронеслись загадочные тени непознаваемой бесконечности, какие-то темные и светлые пятна, смутные формы, идеи и образы, и маленькая одинокая капля в эти мгновения жила на самом острие своих чувств, стараясь все воспринять, не упустить ничего, ведь она прекрасно понимала, что этот полет может быть последним эпизодом ее существования.

Маленькая капля летела долго, но любое путешествие, конечно, не бесконечно. Внизу внезапно возник новый мир, не такой смутный и расплывчатый, как то, что наполняло пустоту, а вполне плотный и осязаемый, обладающий формой и цветом, и маленькая капля упала в него. Она не разбилась, потому что она была очень маленькой, она осталась целой, и увидела, что этот новый мир действительно был прекрасен. Потому что теперь, вместо холодного и скучного стекла, она оказалась на тонких розовых лепестках прекрасного цветка на ветви дерева, теперь мир вокруг был не таким плоским и однообразным, мир не был просто гладкой поверхностью между двумя серыми бесконечностями, мир стал нежными лепестками и ярким, невыразимо красивым центром, где зарождалась пыльца, и где, как увидела маленькая капля, собрались ее сестры. В мире также были огромные, не такие тонкие, как лепестки, изумрудные поверхности, — это были листья дерева, а где-то вдалеке, почти на самой грани восприятия, были и другие розовые цветы, там было не менее пяти этих великолепных творений природы. Маленькая капля, задыхаясь от счастья, восхищаясь красотой этого нового мира, и радуясь тому, что ее догадка оказалась правильной, и здесь, в этом лучшем мире, тоже живут капли, устремилась к ним.

А когда эти новые капли (о, счастье, они оказались такими же маленькими, как и она сама!), заметили ее, одна из новых капель сказала:

— Приветствую тебя от лица нашей массы! Добро пожаловать в лучший мир, из которого тебе уже никогда никуда не придется падать! — маленькая капля ничего не могла произнести от счастья, она просто стояла и в восхищении смотрела на новых сестер. Ей не приходило в голову, что место в цветке тоже было не бесконечно, и рано или поздно из этого прекрасного нового мира неизбежно начнут кого-нибудь изгонять.

— Ты из скольких? — спросила тем временем другая капля.

— Что? — не поняла путешественница.

— Ну, сколько маленьких капель тебе пришлось поглотить, чтобы стать большой и попасть сюда?

— Ни одной... — в изумлении ответила одинокая маленькая капля. — Я... я всегда была маленькой каплей... — и как только она это сказала, все новые сестры в ужасе отступились от нее. И только тогда одинокая маленькая капля вдруг поняла страшную истину.

Капли не возникали большими или средними изначально. Все капли на самом деле были маленькими. Разница заключалась лишь в том, что некоторые маленькие капли были достаточно смелы и хотели рискнуть, поэтому некоторые из них ради того, чтобы попасть в лучший мир, подкарауливали более слабые маленькие капли и поглощали их, лишая разума, делали их частью себя, чтобы стать больше, потому что испокон веков уходить могли лишь большие капли, так было заведено. И средними каплями были просто те, кто еще погубил недостаточно много своих сестер, чтобы сделаться большими и уйти в более совершенный мир. А когда они падали, большие капли разбивались, бывшие тела их жертв, окружавшие их снаружи, как оболочка, отделялись от них, и они вновь становились теми, кем были изначально — просто маленькими каплями, такими же, как и все остальные. И когда одинокая маленькая капля поняла эта, она тоже в ужасе отшатнулась от массы, жившей в этом красивом, прекрасном цветке. Она все отступала и отступала, пока не оказалась на самом краю и не сорвалась с него, покинув этот уютный, красивый мирок, который населяли такие отвратительные существа.

И одинокая маленькая капля снова летела вниз, долго-долго, и на этот раз новый мир, в котором она оказалась, был черным, рыхлым и полным дыр. В нем не было красоты и изящества цветка, и здесь путешественницу встретила всего одна маленькая капля:

— Ты сверху? — спросила она. — Тебя что, тоже замучила совесть?

— Нет, — ответила одинокая маленькая капля. — Я всегда была маленькой каплей. Я никого никогда не глотала. Я просто была смелой и мне захотелось попасть в лучший мир, и я отделилась от массы там, далеко наверху, в гладком мире между двух серых бесконечностей.

— Тогда идем, — сказала маленькая капля. — Скоро взойдет солнце, и все они высохнут, исчезнут навсегда. А мы пойдем вниз, сквозь эти дыры. Там, внизу, много-много наших сестер, таких же, как мы. Там не так хорошо и красиво, как на цветке, но зато там никто не делает плохо другим для того, чтобы самому сделаться лучше. А они, — маленькая капля посмотрела наверх, — все равно скоро исчезнут. Идем же. Там, внизу, наша масса настолько огромна, что тебе она и не снилась. И она не висит, вечно боясь сорваться, а движется, постоянно движется вперед, к другой массе, еще более, не представимо, огромной, и вот в той массе гораздо лучше, чем даже на цветке. Там есть закат и влажный, теплый воздух. Там есть облака, в которые уходят наши погибшие сестры, и золотистый песок. И по вечерам, на закате, когда этот добрый, теплый, мягкий, совсем не такой, как здесь, воздух движется, он превращает эти облака в картины настолько прекрасные, что на них можно любоваться всю жизнь. Каждый вечер на небе появляется что-то новое, новые оттенки, новые цвета, и мы, купаясь в теплых лучах, можем восхищаться этой красотой. Мы можем созерцать все представление, от начала, когда солнце начинает клониться к океану, до самого конца, когда на уставшем, потемневшем небе возникают искорки звезд. А самое главное — все капли там такие же, как мы. Мы никого не погубили, мы просто были смелыми, мы не испугались неудачи, мы попытались, мы убежали от этих мерзких созданий, убивавших своих сестер для того, чтобы попасть в лучший мир, и в результате мы все получили то, что хотели.

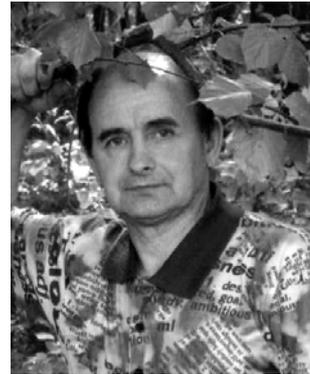
— Идем, — сказала одинокая маленькая капля, счастливая, и они вместе начали просачиваться сквозь землю, чтобы потом, спустя долгое стремительное движение в темноте, оказаться там, куда попадают лишь самые достойные капли.

Две одинокие капли, не побоявшиеся погнаться за своей мечтой, нашли свой путь к океану.

ПОЭЗИЯ

Игорь Жихарев

ПРАЗДНИК ДУШИ — ВЕЛЕГОЖ

От главного редактора: Не только тулякам, но многим московским, калужским жителям известно одно из лучших курортных мест Тульской области — Велегож. Топонимика этого слова восходит, по всей видимости, к словосочетанию Велес-Бож, а по преданию и некоторым археологическими данным именно на велегожском взгорье, опоясываемом полноводной там и посейчас Окой, до крещения Руси стоял деревянный идол бога Велеса (Волоса), а само это место являлось главным капищем славянского племени вятичей (по другим данным — мордовского племени эрзя)...

Не только дом отдыха, пансионат, турбаза и окрестные санатории привлекают сюда людей; тут и два очень известных в Туле и области пионерских лагеря: «Сосновая горка» и тезка нашего журнала — «Приокские зори». Приходилось в 80-х годах там бывать и в качестве отдыхающего, и работником «Сосновой горки»: плаврук, руководитель кружковой работы. Там я написал лучший на сегодняшний день свой роман «В канцелярии». Возможно на ниве этой работы в пионерлагере пересекались и с Игорем Жихаревым, стихи которого из его только что изданной книги, иллюстрированной изумительными фотографиями тех мест, мы и публикуем ниже.*

«Читая стихи Игоря Жихарева, словно окунаешься в живительную купель, возрождающую тело и душу. И веришь, веришь, что далеко не все потеряно, и тебя завтра ждет всепоглощающая любовь, любовь к родному краю, родной природе. Божественная любовь».

Владимир Кочерженко

*Член Союза журналистов Российской Федерации,
писатель, лауреат премии Союза писателей СССР*

Чудо чудное, диво дивное

Немного больше часа в пути на электропоезде от Тулы — и вы на станции Тарусская. В 13 км отсюда на берегу Оки расположилась санаторно-курортная зона «Велегож», которая позаимствовала свое название у находящейся неподалёку деревеньки.

Санаторий, пансионаты, базы отдыха принимают здесь отдыхающих круглогодично. На живописные берега Оки в летнюю пору приезжает много туристов подышать костром, по-

* Жихарев И. Родник желаний — сказка Велегожа / Сост. И. В. Жихарев. — Тула: ИПК ООО «Селена», 2008. — 60 с.

сидеть с удочкой, отдохнуть на пляже. Отсюда можно совершить экскурсии в музей-усадьбу В. Д. Поленова, в музей-усадьбу А. Т. Болотова, в Тарусский краеведческий музей, осмотреть памятные места, связанные с жизнью писателя К. Паустовского и поэтессы М. Цветаевой.

Сохранилась легенда о происхождении названия деревни, которая существовала еще в XVII веке.

Иван Грозный пожаловал эти земли кому-то из своих приближенных, возможно, чем-то провинившихся. Прибыв на место и осмотрев пожалованные земли, сосланный воскликнул: «О, это место велико гоже!». То есть очень красивое, пригодное для устройства здесь жилья и хозяйства.

Эти слова слились в разговорной речи в единое слово «Велегож». Версия красивая, правдоподобная. Потому что на самом деле природа на берегу Оки замечательна. Сосновый бор, холмы, заливные нуга, родники, просеки, тропинки. Заберешься на холм, посмотришь вдаль — великий открывается простор, где умещается и река, и поля, и дачные посёлки, и леса, леса... Благодать!

Кстати, в исторических документах где-то недалеко от д. Велегож значилось село с названием «Благодать». Символично, не правда ли?

О благодати нашей русской земли рассказывают стихи и фотографии автора настоящей книги.

*Алексей Мохов,
Глава администрации
Заокского района Тульской области*

От автора

Так случилось, что на протяжении многих лет я приезжаю в Велегож то для отдыха, то для работы в качестве педагога. Приезжаю и всегда нахожу здесь новые золотые жилы творческого вдохновения, физических и духовных сил.

Со временем слово «Велегож» стало для меня не только географическим названием. Это еще и определение. Определение степени красоты нашей природы, и я счел бы уместным сказать о любом благодатном местечке России: «О, это Велегож!»

Я позволяю этим словом определять и состояние души. Если мне хорошо, значит, «царит на сердце Велегож», а любимая женщина — «мое велико гоже».

Буду счастлив, если мои стихи о Велегоже станут для кого-то эликсиром хорошего настроения, родником светлых и добрых чувств.

Игорь Жихарев

ВЕЛЕГОЖ. ГЛУБИНКА. РУСЬ

Вновь колесики спешат
К станции Тарусская.
Расспрошу у камыша
Про напевы русские.

Забывая про недуг,
Здесь душа не мается
И во все, что есть вокруг,
Не спеша, влюбляется.

Речкин друг — роскошный луг —
Ив ласкает платьяца.
Нынче здесь не бегал плуг.
Ах! Как травы ластятся!

Я ли здесь не приживусь?! ...
Велегож. Глубинка. Русь.

Мне лекарство с давних пор —
Речка, поле, просека...
Прихожу в сосновый бор —
Чувства в строчки просятся

Отмету печалей хлам,
Наносное, лишнее.
В деревеньке — чудный храм —
Помолюсь Всевышнему.

Здесь беседы старички
Заведут мудреные.
Здесь глаза, как светлячки,
Души просветленные.

Вместе с ними помолюсь
Я за будущую Русь.

* * *

Благодать! В Оке купаюсь,
Велегожем упиваюсь
И стихом не занимаюсь,
Хоть и шепчет все: «Пиши!»

Одуванчик — вдохновенье.
Разлетелись мыслей звенья.
Прячу чувства на хранение
В заповедниках души.

В ПОЧЕТНОМ ДОЗОРЕ

«Приокские зори», «Приокские зори» —
Созвездие добрых, внимательных глаз.
И денно, и ночью — в почетном дозоре,
Чтоб детского счастья огонь не погас.

Вольнее для юного сердца простора,
Пожалуй, не сыщешь на землях иных.
Река нескончаемых игр и задора
Течет среди смеха лугов заливных.

(«Приокские зори» — пионерский лагерь на Оке)

ПЛАКАЛ ЛАГЕРЬ

В небе вольном беспечно журчал
Неуемный ручей жаворонка.
Хищник-коршун крылами качал
И готовил налет вероломный.

Шел заросшей тропой к сосняку.
Через изгородь видел, как горько
Плакал лагерь, влюбленный в Оку,
Под названьем «Сосновая горка».

Заколочены окна в страну
Удивительно-солнечной сказки.
Детства парусник здесь затонул
По людской, не по Божьей, указке.

Канул мир интересных затей.
Неуютно в знакомой сторонке.
Здесь меж сосен гулял смех детей,
А теперь улетел к жаворонку.

Преступленья не сыщешь улик.
Смотрят с крыш одичавшие кошки.
То залает, а то заскулит
Пес огромный у тихой сторожки.

ЦАРИТ НА СЕРДЦЕ ВЕЛЕГОЖ

Какое утро, сколько ласки!
Какое благо жития!
Как завораживают краски:
Лес, небо, речка, блеск ручья!

Трава росой окатила
Мне босы ноги. Хорошо!
Над лесом нежное светило
Довольно, что сюда пришло.

Шагаю тропочкой прогретой,
Рукой поглаживаю рожь,
Во мне хозяйничает лето,
Царит на сердце Велегож.

БЁХОВО

Растроган нежностью берез,
Спокойной силою дубравы,
Я попадаю под наркоз
Лип, врачевательниц кудрявых.

На холм высокий заберусь,
Где знаменитая церквушка,
Где вся поленовская Русь,
Где крест могильный, где старушка

Худую козочку пасет,
Где у мольберта в день погожий
Паломник. И пейзаж похожий.
Все, как тогда, и век — не в счет.

* * *

Я пришел по Божьей воле
Стать спасением от боли
И в твоей остаться власти,
Исполнять любой каприз.

И неведомо доколе
Ты пребудешь на престоле —
На цепочке сладострастья
Я кулончиком повис.

ОКА

Это ж просто чудо русское!
Счастье — что сюда я вхож!
Влево, глянь, — леса тарусские,
А направо — Велегож.

Здесь игривая, проворная,
Словно песенки строка,
Своенравно-непокорная
Наша кровная река.

С берегов песок крадущая,
С неба — облака вуаль,
Быстрой лодочкой влекущая
В затуманенную даль.

То грустит, то улыбается,
Мелким камушком шуршит,
Важным делом занимается —
К Волге-матушке спешит.

МУЗЫКА НОЧИ

Под тихую музыку сонного леса
Со мною танцует ночная принцесса.
Под куполом звездным в собратстве растений —
Слиянье сияний, разлив откровений.

Печали до нас ни за что не пробиться —
Ее не допустит дежурная птица.
Далеко лягушки лепечут у лилий.
В кустах светлячки темноту просверлили.

Пуškai комариные кружат оравы,
Таращатся совы, цепляются травы.
Закружены головы вальсом свиданья —
Потеря опоры, потеря сознания.

Ох! Вредное время! Промчалось мгновенно!
У ласковой ночи окончилась смена.
Казалось, что волны блаженства безбрежны —
Рассвет торопливый за лесом забрезжил.

Бессовестно выключил музыку ночи...
Росою рассвета мы ноги намочим.
Но, знаю, запишутся, как на кассете,
На сердце мелодии сладкие эти.

Галина Винокурова

По образованию филолог, педагог, работала преподавателем в ТулГУ с иностранными гражданами. Первый поэтический сборник «Родник души» вышел в 1999 г. Известна как автор нескольких поэтических книг: «Родник души», «Боль», «Звуки сердца», «Я растворюсь в стихах», Член литературного объединения «Пегас». Публиковалась во всех альманахах «На крыльях «Пегаса», в коллективных сборниках «Ветер времени над полем Куликовым», «Здравствуй Тула», «Отчий край», в газетах Тулы.

КУЛИКОВО ПОЛЕ

1

На Куликовом поле т и ш и н а
С порхающими бабочками в травах...
И помнят люди мало времена,
Когда Россия в полоне жила,
Когда стекались русские полки
В лесу, средь поля, берега реки...

Здесь состоялась битва всех времен:
Мелькали копы, древки всех знамен...
На землю падали тела и головы врагов...
И в схватке смертной — смерть в упор.
Здесь ярость с яростью
 сплелись в клубок
И рвались тьмы вглубь, на восток...
В кольчугах кровью омывались тела
И смерть шептала в искаженные уста,
Она звала, шептала: «Отдохни...»
Но поднимались новые полки
И Дмитрий храбрый — главный здесь герой...
Оставил здесь на вечный упокой
Осатаневших от крови татар...
Возмездья векового дар...

Сыра земля хранит с тех давних пор
Костей останки, шлемов, стрел узор
И славу Дмитрия Донского на века...
И славу доблестного русского клинка...

И славу воина — защитника земли
В музее — храме в поле у реки.

А на холме стоит чугунный столп,
Как страж России, славный Ярополк,
Чтобы враги все помнить бы могли,
Как их к а р а л и русские штыки...

2

На ратном поле торжества.
Святая Русь, твои колокола,
Отлитые по громкому заказу,
Напоминают, как сынов звала...
По твоему суровому наказу
Победу в день священный принесли,
Не ощутив сомнения ни разу,
Когда судьбу и жизнь все
на алтарь несли.

Великий князь Московский на коне
Неудержимо вел полки к победе
Сквозь бреши в злобной
вражеской стене,
Сквозь смерть и кровь людскую
в конском следе...

Святая Русь, твои колокола
Звучат как гимн на Куликовом поле...
На Красный холм ты нынче созвала
Всех помнящих о горько – славной доле,
О Родине державной, что вокруг,
И вызывает чистых чувств смятенье,
И хочется сомкнуть теснее круг,
Отбросив прочь бесовское сомненье.

РУСЬ МОЯ...

Ах, ты Русь моя,—
Поле безбрежное...
И в ромашках с росой луга...
С детских лет
Я с любовью безмерною
Лишь тебя воспеваю,
т е б я ...
Лишь тобой я живу
Годы долгие.
Лишь в тебе
Силы я нахожу.
Ах, ты Русь моя,—

ОСЕННИЙ ЛЕС

Осенний лес печален, пуст,
Забыв весенний гам...
И только черных веток хруст
Напоминает нам,
Как весело шагали здесь,
Смеясь задорно так,
Что отвечал нам эхом лес.
На шуточки, зло мастак.

Природа радостно жила,
Дарила жизнь, плоды...
Красивой, яркою была,
Храня зверей следы.
Сейчас лишь серый цвет вокруг.
В преддверии зимы
Так ярко зрим природы круг...
Подвластны ей мы.

Шуршит опавшая листва,
Напоминая нам
Любви несмелые слова,
Любви, что в нас жива.

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ

«Миллионы убитых задешево...»
Осип Мандельштам

1

«Миллионы убитых задешево»
Не узнали ответа: за что?
Превратились в кровавое крошево,
В неземное, в простое ничто.

По земле раскиданы косточки
За свободу, за веру, любовь.
За бесчисленные на карте точки
Льется щедро людская кровь.

Бьют поклоны в церквях и на паперти
Седые солдатские матери...
Молят Бога вернуть сыновей
С пустынных бранных полей.

2

В прикремлевской известной могиле
Неизвестный положен солдат.

4

— Дай мне нежность небесной лазури,
 Дай мне силу морской бури,
 Дай мне силу дневного луча,
 Чтоб любви не погасла свеча,—
 Молила Бога душа.

— Полечу я вослед дневному лучу
 К тем, в чьих душах умирать не хочу,
 Где меня любили, какая есть,
 Где мне объяснили:
 Что такое Родина, честь.

Полечу, нечуемая никем,
 Полечу, незримая никому,
 Туда, где меня нет совсем,
 Где небо чернело в дыму...
 Но сын родился...
 Какое имя дали ему?
 Я побуду в родной стороне,
 Чтоб навеки с нею проститься,
 Чтобы память твоя обо мне
 Не падала слезой на ресницы.

5

Ты, стоящий сейчас надо мной,
 Живой, не убитый пулей шальной,
 Выпей молча за душу мою,
 Выпей со слезою кроткою.

Ты, кто смотрит, скорбя, вниз,
 Не плачь обо мне, не плачь...
 Ближе к родной душе прижмись
 И не гаси любви пламя.

Ты, который стоишь надо мной,
 Живой...
 Герой иль человек простой,-
 Выпей молча за душу мою...
 Береги совесть и честь свою.

6

Израненный, молча упал
 На землю родную солдат.
 Он не кричал, не стонал,
 Не просил воды и наград.

Иосиф Рухович
(г. Донецк, Украина)

ПО ДОРОГЕ В ЗМИЕВ

«— Вот она, жизнь-то, как повернулась, а?...»

Юрий Казаков «На полустанке», 1954 г.

Россия вновь на полустанке.
Чтоб не узнать себя вблизи,
Куда-то мчится, как на танке,
Дорогой битую в грязи.

Движенье жизнь, и мчаться надо,
Но вот куда ее несет?!
Куда ты тронулась, громада?
Назад? Иль все-таки вперед?

Куда несешься, птица-тройка?
Куда, родная моя Русь?
Не отвечает! Слышно только:
«К себе я больше не вернусь...»

ПО БЕРЕГУ

Все брожу и брожу по заветным песчаным дорожкам,
Не могу надышаться дарованной мне тишиной.
Даже кажется, будто — отпущено счастья немножко,
И Луна, словно Солнце, сияет средь звезд надо мной.

Я и сам словно тень и бреду по причудливым теням,
Ночью тени объемней, чем темные плоскости днем,
Я захвачен не тем, что зовется в миру вдохновеньем,
Просто плоскости слов обретают всемерный объем.

И уже мне не кажется мир, погибающим в корчах,
Изъясняющий суть свою скверным дневным языком,
Словно небом и тьмою снимается сглаз или порча
И я с легкой душой на Земле буду в мире другом.

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Есть тяжкое свойство земного пространства —
Теряешь ли веру в родные края,

Меняешь прописку, любовь и гражданство,
А все возвратится на круги своя.

Виновна ли форма чуть сплюснутой сферы,
Кружные ли наши земные пути,
Но здесь от себя, как от истинной веры,
Тебе далеко не удастся уйти.

Когда перестанешь уже суетиться,
И жизнь твоя вступит в последнюю треть,
Не дай тебе Бог видеть чуждые лица,
На круге чужом встретить верную смерть.

Да только ли лучше мое постоянство?
Меняются круто круги бытия.
Родное, нам данное детством, пространство
Уже не вернется на круги своя.

* * *

Вот вы глядите,— лес красив!
И, утомленный знойной зеленью,
Зрачок, расширенно-рассеянный,
По слайдам осени скользит.

Стена листвы не столь плотна,
Но так порой листопрелитной
Переливаются тона,
Что лес — для вас — из листьев слитных.

Но вы взгляните в каждый лист!
Приблизьтесь к мириадам кружев:
Их покидающая жизнь
Повергнет вас в печаль и ужас.

Как страшен лист полуживой,
Как бы затронутый проказой!
Как смерть берет его! Не сразу,
Но краем —
судорогой цветной...

Нет!..

Вновь с усиьем листья слив,
Глядите,— осень золотая.
И вслед за вами отступая,
И я зрачок свой отпускаю,
И я смотрю,— как лес красив!

СЕНТЯБРЬ

Между мной и небом тучи,
Между тучами и мной
Дождик мелкий и колючий
И теперь уж — обложной.

В сером замкнутом пространстве
Я, как перст, среди людей.
Стих, как умер, ветер странствий.
Пробирает до костей.

Так, бреду сырым бульваром.
Вдруг на мой защитный плащ
Легким солнечным ударом
Лист кленовый лег — хоть плачь!

Весь в слезинках лучик лета —
Где-то ж он нашел пробел?!
Милый вестник того света
Душу ты мою согрел!

НОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

Я один во всей вселенной,
Впереди мерцает мгла,
Словно к тайне сокровенной
Приближает взмах весла.

Звезды падают беззвучно,
Выбиваясь из кольца,
Приостановился лучник
Из созвездия Стрельца.

Незнакомая картина,
Виденная тыщи раз...
Что мне звездная пустыня?
Что во тьме увидит глаз?

Да и кто что открывает
Каждой жилкою звеня?
От Вселенной нить живая,
Иль к Вселенной от меня?

Даст ли разум мой неверный
Докопаться до корней?
Кто был прав — смельчак Коперник
Или мудрый Птолемей?

Здесь, сейчас начала Мира
Иль окраинный тупик?
Кто я — вольный сын эфира
Или мыслящий тростник?

...Но плывет моя «Наяда»
Разрезая лунный след...
Может и искать не надо
То, на что ответа нет...

Владимир Резцов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

КАК ДЕЛА?

Сыну Всеволоду в день 18-летия

1

Дружно хлынули талые воды.
Зазвенела челестой капель.
Солнцем залиты первые всходы.
Молодой и веселый апрель!
Мы как будто на крыльях летаем,
Любим, верим в грядущий успех.
Нас окликнут, а мы отвечаем:
«Как дела? Как у всех: лучше всех!»

2

Лютый зной обжигает нещадно,
И ненастье торопится вслед.
Что-то с нашей погодой неладно,—
И конца потрясениям нет.
Мы удары судьбы принимаем.
Реже слышат подруги наш смех.
Но по-прежнему скупко роняем:
«Как дела? Как у всех: лучше всех!»

3

Листьев желтых пора отшуршала,
И под снегом не видно жнивья.
Но от нас не услышите жалоб:
Нам на смену пришли сыновья!
Знаем, парни, всего вы добьетесь,
Сколько б ни было в жизни помех,
А в ответ на вопрос рассмеетесь:
«Как дела? Как у всех: лучше всех!»

* * *

Друг мой! Ты постарел от ударов судьбы.
Взгляд твой скорбью наполнен, тревожен.
Ты готов отказаться от всякой борьбы.
Ты устал. Ты почти уничтожен.

Не сдавайся, не то сокрушен будешь в прах!
Сильный борется, слабый заплачет.
Мы с удачей живем в параллельных мирах,
Но живем вопреки неудаче.

ЗАРЕЗЦОВКИ

(МОЛИТВА БЕЗБОЖНИКА)

Все считают его «голубым».
Опасенья, увы, не напрасны.
А по мне — так уж лучше быть «красным»
Или быть безнадежно тупым!

С виду кровь с молоком, как всегда,
Та же поступь и стать, и порода.
Но как зло пошутила природа!
Как чудовищна эта беда!

Коль такое проявится вдруг,
Неизбывно отцовское горе:
Навсегда человек опозорен.
Никогда не появится внук.

Скорбным утром рассвет не придет,
Дверь не скрипнет, надежда обманет,
Даже завтрашний день не настанет:
Пресечется на сыне твой род.

Есть ли кара страшнее, друзья?
Это самая страшная кара!
Что чума, что там пламя пожара!
Да минует нас чаша сия...

И в смиренном сложении рук
Обращаюсь я к Деве Пречистой:
Не отвергни мольбу атеиста,
Дай взглянуть, как взрослеет мой внук!..

ПОУЧЕНИЕ БЛАГОЧЕСТИВОГО ОТЦА

(Подражание русским поэтам XVIII века)

Помыл посуду я. Какой я молодец!
Но не пришел еще всем горестям конец.
Чтоб птица счастья распростерла крылья,
Нам надо всячески удваивать усилья.

Любезный старший сын! Не будь такой лентяй
И не веди себя отнюдь, как разгильдяй!
Лишь кропотливый труд, наш добрый гений,
Да будет светочем для новых поколений!

Но если ты, мой сын, такой-сякой нахал,
Совет отеческий — да на краю видал,
Отпраздновавши разума утрату,
Зело решил предаться праздности разврату,

То гнев родительский, знай, на тебя падет,
О ты, что сам себя повел, как обормот!
Бездельника под зад с презреньем пну я,
Потом на всех церквах ленивца прокляну я!

А если будешь добродетельным, сынок,
И самой праведной пойдешь из всех дорог,
Немедленно получишь, без сомненья,
Трудолюбивого отца благословенье.

Да не останься без награды, человек!
Одарен будешь наилучшею из «Сег»;
Опречь еще покруче ждут подарки:
Возьму опять тебя с собою на байдарке!

СЫН! НЕ КУРИ!

(Гост)

Слушай, сын, и не забудь:
Лучше выпить, чем курнуть.
А нельзя — так и не пей,
Батьке старому налей.
Он готов за сына в бой!
Он пожертвует собой!
Чтобы сын в расцвете сил
Табачищем не разил!
Чтоб привычкам вредным он
Ставил правильный заслон!
Сигареты с водкой — в ров!
Ну, родимый, будь здоров!..

* * *

Мелькают дни и годы, как мгновенья.
Минувшее не поворачишь вспять.
И нет просвета, нет отдохновенья.
Нужда. Работа. Дочь. Больная мать.

Но надо жить и рано ставить точку,
Мол, все в былом, заела суета.
Нельзя, чтоб неземная красота
Брела по этой жизни в одиночку!

СТРОФОЮ ПУШКИНА

Я к вам стремлюсь. И нету мочи:
Я вами грежу белым днем;
Без вас невыносимы ночи...
А преуспел — и что потом?
Ах, если б суждено влюбиться,
Чтоб в такт сердцам до веку биться,
И в них торжественно играл
Один божественный хорал!
О, душ святое единенье,
Мечта заветная моя!..
Но полно, размечтался я.
Рассвет — и горькое прозренья:
Ваш идеал — духи «Ланком»,
А у меня — театр «Ленком».

Олег Пантюхин

Снег заметает прошлого следы
И дарит белоснежные одежды.
В огромном мире есть лишь я и ты,
И будет лучше все, чем было прежде.

И сердцу вновь захочется любви,
Оно устало биться в ожидании.
Ты просто меня тихо позови,
Спасая от тревоги и страданья.

* * *

В звенящей ночной тишине
Ко мне ты приходишь во сне.
Твой образ, как легкий туман
Из дальних заоблачных стран.

Венчают столетия нас,
А мы каждый прожитый час
Стараемся в сердце сберечь
Для кратких, но сказочных встреч.

* * *

Как порою не хватает нам весны,
Чтобы в комнату вновь солнце ворвалось,
Осветив собою уголки души,
Те, в которых недоверье улеглось.

Как порою не хватает нам друзей,
Что поддержат в самый трудный в жизни час,
Тех, что дружбой крепкой, верною своей
В миг последний из беды спасали нас.

Как порою не хватает нам любви,
Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь.
Без нее совсем другими стали мы,
А найдя, как-будто снова родились.

Александр Хадарцев

СОЧИНСКИЕ МОТИВЫ

КОРЫТА́

По дороге в горы
остановка есть.
(На крутых просторах —
их не перечесть!)
Горно-ресторанный
уголок-мечта
С удареньем странным,
старым: «Корыта́».
В скальности гранита
струями воды
Желобов пробиты
стройные ряды.
Там вода — хрустальна,
от деревьев — тень.
Солнце лишь местами
осветляет день.
Ледяным потоком
речка камни мнет,
У реки под боком
ест и пьет народ.
Вдоль корыт природных
там, на крутизне,
Отдых — всепогодный,
будто бы во сне.
Прямо над ущельем
мощные столы,
Меж деревьев в щелях —
горные орлы.
Да и мы — орлами
ощущаем мир:
В горы и с друзьями!
Это счастья пир!
Но дороги дальше
вьется серпантин.

Нет в природе фальши!
Только свет картин.
До Солох-аула,
где Шахе река,
Как змея скользнула
раз — и на века!
Там уже природа
взята за бока
И для «слуг народа»
будет жизнь легка!
Там — коттеджи, бани,
корты и бассейн,
Не считают «мани»
и не пьют портвейн...
Но и мы не хилы,
не дрожит рука,
Пьем вино в полсилы
с горкой шашлыка.
В ворохе событий
дни — не все просты!
Это дни открытий
новой красоты!

БОЧАРОВ РУЧЕЙ

Берег не очень ухожен,
будто он нынче ничей.
Выглядит стильно, похоже,
только Бочаров ручей.

Там вроде галька помельче,
да и народ посвежей.
Солнце не давит на плечи.
Больше — одних сторожей.

Там и дороги ровнее,
там не царит «Общепит»,
там не найти, кто главнее
тех, кто на пляже лежит.

Только по-честному скажем:
«Что нам на них уповать?»
Можно ведь даже на пляже
что-то самим порешать!

Правда, вселенских масштабов
вряд ли коснешься в песке...
Чем-то похожи на крабов —
пятыся мысли в виске.

* * *

Волн искрящихся волнение
то наступит, то замрет.
Вдалеке, как наваждение,
белой чайкой — теплоход.

Он до трюмов полон судьбами
незнакомых мне людей
с их судами-пересудами
над планетой нашей всей.

Мчится курсом в неизвестное,
горизонт перечеркнув,
как знаменье наше крестное
три перста в один сомкнув.

ДОЖДЬ В СОЧИ

Над пляжем сочинским водой сочились тучи,
шуршали волны галькой о песок...
Струй дождевых шумел поток кипучий,
смывая в море берега кусок...
Из глубины морской взбурлило, что ли,
сливаясь в Сочи с самого утра?
Сырели мысли и ржавела воля...
Но это было только лишь вчера!
А нынче — солнце жарит беспощадно!
Да так, что кожа от воды шипит.
Волнение моря — есть! Ну да и ладно!
Зато растет на отдых аппетит!

НА ДАЧЕ БЕРИИ

Здесь вечером сидел Лаврентий Палыч
за чаем в чесучовом пиджаке,
Вдыхая аромат магнолий на ночь
с блестящим подстаканником в руке.

Открытая веранда продувалась
от моря налетевшим ветерком,
у входа тихо пальма колыхалась
вращенная несбывшимся вождем.

В розетке — мед варенья из кизила,
там — щипчики, там — сахар кусковой.
Как будто время на бегу застыло
и наступил безоблачный покой.

В пенсне сверкали отблески заката,
в пучину канул красный солнца диск,
бродили по периметру солдаты,
надежно исключая всякий риск.

Взглянул туда, где дача сына Сталина
(за ним тогда был нужен глаз да глаз!)
И, хоть охрана по кустам расставлена,
а вдруг контроль исчезнет хоть на час?

Ему тогда не думалось, возможно,
об атомных проектах, лагерях...
Своим чутьем болезненно-тревожным
он ощущал неотвратимый крах.

Но море оевало и шуршало
накатывая волны на песок...
И не хотел он жизнь начать сначала.
И был до отвращения одинок.

ГДЕ ОТВЕТ НА ВОПРОС?

Винокуров БээЛ
раза в три похудел!
Говорит, что магнитное чудо.
Может, просто дозрел?
Или выбрал удел
худобу получить ниоткуда?

Дай, дружище совет!
Или это — секрет?
Как мне сбросить кило хоть пятнадцать?
Но в ответ слышу: «Нет!
Без меня это бред!
Не могу в тайне века признаться!»

Ну, конечно, мой друг!
Не откроешься вдруг!
Нас спецслужбы не этому учат!
Тесен дружеский круг.
Дарит ухо нам слух,
только враг может слышать покруче!

Ну, а я тут причем?
Мне и враг нипочем,
если я похудею за лето!
Кто мне станет врачом?
Как узнать что почем?
Есть вопросы, но нету ответа!

ШТОРМИТ

От солнца яркой инфракрасности,
как будто в гриле,— кожу жжет...
И с ощущением опасности
морских сюрпризов сердце ждет.

Качнулось блюдце моря Черного —
вот тут и начало плескаться!
Как будто воду кто вычерпывал,
чтоб облака прополоскать.

Штормует море бесшабашное!
Ему погода — не указ!
Теперь не белыми барашками
природа удивляет нас...

Валов зеленых мощь закручивать
шаллому морю не впервой!
Не надо рукавов засучивать,
взбивая штормовой прибой.

Вскипает пеной бело-бешеной
вдоль всей прибрежной полосы...
С шипеньем пузырей замешаны
морские пенные усы.

По ним босые дети топчутся,
А, значит, прекратит штормить!
Сюрпризы неизбежно кончатся —
ведь надо чаек покормить...

Природой-мамой соблюдается
режим чередования бед.
А неожиданность включается
в обычный ритмов винегрет.

ХОРОШИЙ ОТДЫХ

Хорошо отдыхать — хорошо!
Только мне это трудно понять!
День пришел, пролетел и — ушел,
и не стоит о нем вспоминать?

Ты не сделал, что мог бы свершить!
Не увидел, что можно узреть!
Не сложил, то, что можно сложить!
Не успел, там, где надо успеть!

Этот отдых — болезни сродни
стойким вирусом в клетки проник.
Мысли вслух — остаются одни,
иссякает здоровья родник.

Отдыхать хорошо меж друзей,
где работы сигналил маяк,
где не хочется лечь в мавзолей,
даже, если он вечности знак!

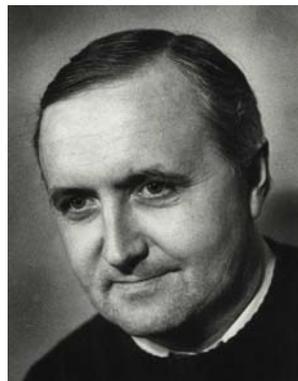
Хорошо из седла на скаку
вылетать, чтоб прижаться к земле!
Хорошо дописать бы строку,
и увидеть стакан на столе!

Хорошо побеждать бы врагов
на житейских дуэлях без пуль.
Хорошо — научить дураков
понимать, где десятка, где нуль.

Хорошо — не мешать никому
сделать собственной в жизни задел.
И не быть никогда одному!
Не сидеть, прохлаждаясь, без дел!

Но неделя, другая — нужны,
чтобы все это вместе понять!
Лени вирусы нам не страшны,
научиться бы, как отдыхать!

Владимир Сапожников

Моя родная, милая, прости,
Что я не тот, как прежде. Стал спокойней.
И, что меня труднее завести,
И возраст представляется преклонней.

Все чутче просыпается душа,
От плевел зерна чистятся все проще...
Лишь ты одна, как прежде, хороша...
Но реже тянет заблудиться в роше...

* * *

В том городе живет родная женщина,
С которой не встречались мы давно...
Она не раз повенчена, развенчана...
Но любим мы друг друга все равно!

А у нее глаза такие милые,
Улыбка с горькой складочкой у губ...
И снова будем, как тогда — невинные,
В горячке говорить, что каждый люб...

И до утра бродить, обнявшись станем вновь,
От нежности безумные пьяны...
Нас плазмой захлестнет и унесет любовь
В те времена без признаков вины...

В том городе живет чужая женщина,
С которой не встречались мы давно...
Она со мной одним навек повенчена,
Но не судьба быть вместе все равно...

* * *

Что на роду написано —
Того не изменить...
Судьба шенгенской визой
Нам будет. С ней и жить.

А мы порой пытаемся
От рока убежать...
Брыкаемся, бодаемся...
— Судьбу не поменять!

* * *

Жирные московские коты
То, что было совестью — проели,
А деревни наши захирели,
Дел не видно — много суеты.

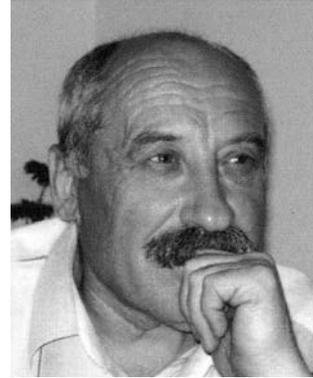
Много любования собой,
Собственной откормленной персоной,
Много воровства и пустозвона,
Только нет радения страной.

Меряются друг с другом — кто жирней!?
Чей дворец покруче на Рублевке,
Выпендрится кто там на тусовке...
Им плевать на жизнь простых людей.

Им плевать, что Родина в беде,
Им чихать, что враг кругом и всюду...
— Предаются вдохновенно блуду,
Об откатах думая, о мзде.

А мышей не ловят-то давно...
Да и те их вовсе не боятся...
Пусть коты друг с дружкой резвятся,
Пусть глумятся в собственном дерьме!

Евгений Черняев *

У тишины так много звуков
Несут величие, покоя чистоту.
Ко мне приходят в комнату без стука,
Собою заполняя пустоту.

Полупрозрачные одежды без названья
Чуть прикрывают тона наготу
Цветной мозаикой на дне сознания
Создатель лепит эту красоту

Чудесной россыпью из рога изобилья
Отбросив в прошлое сомненье шелуху
Ложатся строки четко, без усилья
И музыка витает на слуху.

Благодарю тебя, мой старый мир
И счастья миг, в котором я живу,
Где боль и радость правят вечный мир
И где могу я слушать тишину.

* * *

Боготворите женщину,
Начало всех начал.
Благословите женщину,
Дающей нам причал.

Взгляните и увидите
Весь мир в ее глазах,
Ваяя мудрость первозданная
Звучит в ее словах.

Не обессудьте женщину,
Что вдруг не вас полюбит.
Не отвергайте женщину,
Что вас уже не любит.

* Наш постоянный автор; см. «ПЗ» № 2, 2008.

Не оставляйте женщину,
Что вам была близка,
И не спешите строить
Ей замок из песка.

Свое тепло, души огонь
Любимым женщинам дарите.
Пусть счастья вам не принесла,
За все судьбу благодарите.

Прошу вас будьте благодарны,
Держайте, мучайтесь, творите,
Но как единственную страсть
Любите женщину, любите.

* * *

Осенняя листва, как прошлогодний снег,
Таит в себе воспоминание былое.
Погонщики мои все убыстряют бег
И заставляют думать о покое.

Забав веселые ручьи
Давно иссякли, измельчили русло.
Не будят утром шумные грачи,
И сок березовый похож на сусло.

Развяжет память узелок,
Дверь приоткроет на мгновенье,
Но держит крепко их брелок —
Здесь все и радость и сомненье.

Ключ истины ржавеет у божницы,
Лампадным маслом окроплю его,
Как жаль, что дал он крылья птице,
Забыл мечту любимца своего.

Но с первой бархатной листвой
Вся благодать на землю хлынет,
И это грустный с бородой
Меня вниманьем не обидит.

Рассудок свеж, еще на чувства скор,
Желаний, что на нитке бусин,
В глазах зеленых чувствую укор,
Но, боже мой, как запах жизни вкусен.

* * *

Пустите в дом несчастную любовь,
Вы слышите, она уже стучится.

Не поднимайте удивленно бровь,
Ей видно негде приютиться.

Пришла застывшая по снегу босиком,
Она не носит праздные одежды.
Возьмите руку, проводите в дом,
Укутайте теплом своей одежды.

Подайте тапочки, любимый свой халат.
К камину ближе в кресло посадите.
Зажгите свечи таинства обряд
И крепкий чай с лимоном предложите.

Не говорите много лишних слов,
Она и так давно о нас все знает.
Еще немного принесите дров,
Ведь ночь длинна, а снег все заметает.

Как хорошо в тиши сидеть вдвоем,
Бокал шампанского, чуть горький шоколад,
А там за замороженным окном
К нам никого не пустит снегопад.

* * *

Уставшие деревья опустили руки.
Ярко-желтые ковры гасят леса звуки.
Блеклой бахромою по краям тропинки,
От июньской пыли оботру ботинки.

Лихорадочным ознобом охватило тело,
Где-то там, за озером девушка запела.
Помолчим с березой, вспоминая лето.
Отзовется болью в пальцах сигарета.

Песней колыбельной этот голос дальний
Наполняет сердце радостью неожиданной.
Удержать пытаюсь след горячей соли,
Прижимают щеки мокрые ладони.

Если бы с березой до весны остаться,
Может, было время с мыслями собраться.
Что же ты, неловкая, слезы разбудила,
Это значит осень, осень наступила.

ДАВАЙ ПОГОВОРИМ, СЕСТРА

Давай поговорим, сестра,
Так редко видим мы друг друга.
Как трудно вырваться порой

Из злого жизненного круга.
Давай глаза не отводить,
А просто посидим в тиши,
И ты почувствуешь родное
Прикосновение души.

Пусть от волнения эти слезы,
Они не портят твоих глаз.
Апрельской звонкою капелью
Звучит мелодия для нас.
Я обниму тебя за плечи,
Прижмусь щекой к твоей руке,
Нас унесут воспоминанья,
Как половодье по реке.

И наша мать совсем седая,
Скрестив ладони на груди,
Чуть шепчет слезы вытирая,
Господь, вас дети, сохрани.
И я от счастья замираю.
Как сильно бьется в сердце кровь,
И нитью нас соединяет
Надежда, Вера и Любовь.

Я вас люблю, мои родные.
Вы женщины, и в этом соль.
Как у святых, прошу прощенья,
Что причинял вам грусть и боль.
Но жизнь идет, стучат колеса,
Как жаль, что уходит пора.
Как мало знаем мы друг друга,
Давай поговорим, сестра.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУЛЫ И ОБЛАСТИ

НОВОМОСКОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ГАЛИНА РЯБОВА (п. Брусянский, Узловая)

Рябова Галина Викторовна Родилась 12 августа 1957 г. в г. Узловая Тульской области.

В 1975 г. окончила техническое училище № 1 г. Новомосковска. 30 лет проработала на ОАО «Кран» инспектором, старшим техником, последние 11 лет журналистом в заводской редакции газеты «Металлист».

С апреля 2006 года референт-специалист по социальным вопросам администрации МО р.п. Брусянский Узловского района Тульской области. Окончила курсы повышения квалификации в Юридическом колледже г. Тулы — отделение «Муниципальное управление».

В 2001 г. избиралась депутатом Узловской районной Думы. 11 лет является секретарем литературных объединений г.г. Узловая и Новомосковск. Замужем. Имеет двоих взрослых детей.

Стихи пишет более 10 лет. Участница 3-х литературных семинаров. Ее стихи публиковались в коллективных сборниках «Вам, женщины», «Свет любви», «Добром платите щедро за добро», в ежегодных альманахах «НЛО», а также в периодической печати разного уровня.

В апреле 2007 года выходит в свет литературно-краеведческое издание «Мой Брусянский», которое подготовлено при ее непосредственном участии.

Увлекается литературой, музыкой, спортом, туризмом.

НА ПОГОСТЕ

Март. Пока что не закончен пост.
По сугробам, что водой полны,
Тороплюсь я к маме на погост.
В сапоги черпаю снег весны.

На меня безмолвно каждый раз,
Не нарушив словом тишины,
С фотографий разных сотни глаз
Смотрят, удивления полны.

А вокруг такая тишина!
Только снег шуршит, да лай собак.

Что-то в нашей жизни и сбылось,
Что-то было все-таки не так...

Отвоюет мартовскую синь,
Облаков нахлынувший пейзаж,
Тенью ляжет на сугробов стынь,
Словно судеб прожитых багаж.

На портрете милые черты.
Для меня улыбка на лице,
Будто снова рада видеть ты,
Только я не на родном крыльце.

Вот пришла к тебе найти ответ
Не совсем уж правильная дочь...
Уходящий день не даст совет,
Сумерки его торопят прочь.

Чувствую, с тобой мы не одни.
И безмолвно, страхами дразня,
Каждый взгляд — прикованный магнит,
С укоризной смотрит на меня.

ШЕПОТ ВЕСНЫ

Тает снег.
И капли сливаются
 в шумные лужицы.
Разливают они
 первозданную радость весеннюю.
А вода, отражаясь на солнце
 блестит изумительно чистая.
И смеется заливисто-звонко
 девчонка соседская,
И в глазах ее тайна
 бездонного неба высокого,
Ведь сегодня она породнилась
 с прозрачной весной.
Пахнет воздух мимозой.
И снег, на прощание шепчется.
Наши добрые мысли
 становятся легкими птицами.
И на лицах прохожих
 играет улыбками солнышко...
В наши души теперь
 беззаботно, наивно струится весна.

СЕРЕНАДА УЛЫБКИ

Вчера на морозе
 снег блестел хрусталем,
А сегодня — осел, посерел и нахохлился.

Солнца нет, вялый снег доедает туман —
настроенье испорчено.
Так и ты был вчера
откровенен, и весел, и смел,
Но сегодня для нас
серенада улыбки закончена.
А вчера! Она властно звучала в сердцах
Начиналась в твоём и
Торжественно, плавно вливалась в моё...

СЛАДКАЯ ВЕСНА

За морозным окном — январь,
Но поет о весне трясогузка.
Время выткало свой календарь
И листает его под музыку.

Эта музыка — судеб связь,
Двух сердец очарованных ритмы,
Словно черным по белому вязь,
Перед нею мы все беззащитны.

И летят зашифровано ввысь
Эхом нежного чувства звуки.
От него мы не сбереглись
И в спасительной тени разлуки.

И нельзя повернуть нам вспять,
И увидеть «Что будет?» во сне.
Переполнены счастьем опять,
Растворяемся в сладкой весне.

ГАЛИНА ПЛАХОВА (г. Новомосковск)

Плахова Галина Васильевна родилась 13 марта 1952 года в городе Новомосковске.

Поэзией увлеклась в юности. В Новомосковском литературном объединении (НЛО) с 2000 года. Стихи были опубликованы в областной поэтической тетради «Перо», в газете «Новомосковская правда», в журнале «Православный Новомосковск». Стихи публиковались в книге «Вам, женщины», в альманахах «НЛО» (2001—2006 г.).

Имеет четыре книги: «Откройте дверь», «Я душу русскую открою», «Размечталась» и «Возвращайся, моряк».

Как напиться из родника —
Пообщаться с людьми хорошими.
Наши встречи наверняка
Не засыплет снежной порошею.

Дай, Господь, мне магию слов,
И пойму я: мечты сбываются,
Коль увижу сквозь их покров
Чувства, мысли к вам пробиваются.

Я желаю вам жить светло,
Пусть в душе у вас светит солнышко.
Чтобы в жизни вам повезло
Выпить счастья бокал до доньшка.

Жить без дружбы, любви, нельзя
Пусть они вас волнуют чаще
Наши с вами встречи друзья
Умножают гормоны счастья.

* * *

Жизнь не раз мне давала урок:
Не ходи с душой нараспашку.
Только все не идет он мне впрок,
Оттого вновь на сердце тяжко.

Хоть убейте меня, не пойму,
Отчего ж такое бывает.
Если мне хорошо — почему
Кто-то злобно переживает?

Только света лучи, глядишь,
Да и высветят злую душу.
В глубине ее возитсямышь,
Рядом жаба кого-то душит.

Если ж в сердце моем неуют,
Почему, словно в майской роще,
В злой душе соловьи поют?
Боль мою пережить ей проще.

Если рады удаче чужой,
Стать и сами счастливее можем,
Принимая ее всей душой,
Мы не делим радость, а множим.

* * *

Это сердце диктует мне строчки:
Чтобы не было счастьем конца,
Пусть погаснут «горячие точки»,
Пусть горячими будут сердца.

А пока что с голодными псами
Бьется в кровь на помойке изгой.
И недетскими смотрит глазами
В подворотне ребенок нагой.

Сколько ж их и голодных и нищих!
На плаву, работяга, держись,
Пусть у каждого будет жилище,
Человека достойная жизнь.

Не изменится все в одночасье,
Жизнь — не поле чудес, не игра.
Что могу для всеобщего счастья?
Только жить по законам Добра.

СУДЬБА МОЯ И РОДИНА МОЯ

Не надо мне ни славы, ни оваций,
Не променяю совесть на рубли.
Но не могу никак налюбоваться
На красоту родной своей земли.

Да и возможно ль разве насладиться,
Когда цветы на клумбах — просто ах!
И даже городские наши птицы
Щебечут звонче, чем в других краях.

Ни на один из городов России
И в целом свете не сменяю я
Новомосковск — милее и красивей,
Судьба моя и родина моя!

НОВОМОСКОВСК

Новомосковск! К тебе душой и телом
Я прикипела, родина моя.
Здесь занимаюсь я любимым делом,
Здесь родилась, и здесь моя семья.

В саду деревья и цветы сажаю
И в электричке еду на завод.
И если вдруг куда-то уезжаю,
То сердце вновь меня к тебе зовет.

Я веру в истину несу сквозь годы.
С тобою вместе радость и беда,
И рада, что ты краше год от года,
И за тебя я истинно горда!

Хоть я слаба, но многое осилю,
Все потому, что и живу любя.
И для меня Великая Россия,
Мой город, начинается с тебя!

ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО (Северо-Задонск)

Публикуется в местной печати, в коллективных сборниках «НЛО». Автор сборников «Рябина за окном», «Откровение», «Диалог».

ДЕРЕВЕНЬКИ ОГНИ

Мне сегодня приснился
Старый дом у реки.
В небе месяц лоснился
Сеть плели рыбаки.

Светят ярко у Дона
Деревеньки огни.
С ними с детства знакома.
Душу греют они.

То далекое лето
Невозможно забыть.
Мне доносит приветы
Детства милого жизнь.

ОБЛАКА

Куда, куда вы облака
Плывете в кучно-белом
Счастье.
Куда несет вас синь-река,
Где раздробят ветра
На части.

Я вам вослед махну рукой,
Благословляя путь ваш
Дальний.
Со всеобъемлющей тоской,
Вздыхнув, прикрою окон
Ставни.

И осторожно белый лист
В машинку пишушую
Вставлю.
Еще так девственно он чист.
Еще трепещет перед
Явью.

Но сердца явственнее стук
И выбивая дробь
Стаккато,
Такая мощь идет от рук,
Что с ней и я лечу —
Куда-то.

Я ВЧЕРА ЗАГЛЯНУЛА В МУЗЕЙ...

Я вчера заглянула в музей.
Выставлялся наш местный
Художник.
Но обидно, что мало людей
Посчитало приход свой
Возможным.

Отражало картин полотно
Удалецкую русскую волно.
Волновало природы панно
И манила тропиночка к полю.

Там, на теплой полоске
Межи,
У изгиба широкой реки,
Обнимались с колосьями ржи
Ясным солнечным днем —
Васильки.

Ввысь взмывали играясь
Стрижи...
И мне вспомнились юные годы.
Той далекой поры виражи
И сегодняшней — зрелые всходы.

А какие мазки и тона
На картине «В березовой роще».
В них живительной силы волна
Покорялась бушующей мощи.

Рядом церковь. Дороги накат.
У пруда шаловливые ивы.
И малиновым светом закат
Разгорался в сережках игривых.

В ярких красках «Осенний пейзаж».
Накатила истома волнения.
Достаю свой блокнот, карандаш.
Значит будет стихотворение.

Я вчера заглянула в музей.
Выставлялся наш местный
Художник.
Очень жаль, что так мало людей
Посчитало приход свой возможным.

АЛЕНА КУЗНЕЦОВА (г. Новомосковск)

Родилась в городе Новомосковске Тульской области 13 июня 1989 года.

В 2006 году окончила МОУ «СОШ № 15» с золотой медалью, а в настоящее время является студенткой первого курса НИ РХТУ им. Менделеева.

Свои первые стихи написала в 2003 году. С 2004 года является членом «Школы молодого поэта» Новомосковского литературного объединения.

Публиковалась в новомосковских печатных и в литературно-музыкальном альманахе Новомосковского литературного объединения за 2005, 2006 и 2007 гг.

Весной 2006 года в тульском издательстве «Инфра» вышел первый сборник стихов и прозы Алены Кузнецовой «И любовь я эту берегу...» в серии «Библиотечка альманаха НЛО».

Я ВСТАНУ ПРЕД ТОБОЮ НА КОЛЕНИ...

Я на колени пред тобою встану
И, в сердце боль слезами затушив,
Россия, на ногах твоих
Я поцелую огненные раны!
И может быть, прощенья заслужив,
Покаюсь я пред богом и тобою
За все грехи, что люди сотворив,
Посмели называть тебя рабою!

Быть может, встречу боль я и ответ
В чужих сердцах, раскаяньем пронзенных,
Еще увидишь ты, Россия, свет,
Поднимешься ты в землях разоренных,
И снова варвары развеются, как прах,
И снова вера и духовность возродятся,
А тех, кто подлостью, жестокостью гордятся,
Убьет тобою посланный к ним страх —
Страх перед жизнью праведной и честной,
Страх перед солнцем, небом голубым!..
Уже звенит молитвой храм небесный
И свысока спускается... к живым!

И назовут тебя еще Святыней,
Россия, Матерью тебя вновь назовут!
Где был пожар, иль серый жгучий иней,
Я верю, снова злаки зацветут!..

* * *

Мой прадед ушел на войну...
Казалось, вернутся всем строем...
Но пулю поймав не одну,
Он все же погиб там героем!

Погиб... Только в сердце живет,
Как будто совсем где-то рядом;
Цветы за окошком он рвет,
Что были засыпаны градом...

Но только могилка его
В ушедшей войне потерялась,
И хочется больше всего,
Чтоб в землях чужих отыскалась,

Чтоб крест водрузился над ней,
Слезами вся скорбь излечилась,
И вспыхнула в сердце сильней
Печаль, что до этого снилась!..

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь ты ночью не уснешь,
В тебе душа, как раненая птица,
Лишь вскрикнет громко, и тогда поймешь,
Что смог любимой ты своей присниться,
Что вдруг заметила она
Твой нежный взгляд, страданья полный,
И этой ночью, у окна,
Стоит она, и мир огромный
Померк вокруг... В глазах твоих
Весь мир ее — земля, и солнце,
И тихий домик для двоих,
Где в жизнь распахнуто оконце!..

И ты про страх забудешь свой,
И в небе звезды вновь засветят!
Ты скажешь просто: «Я с тобой!..»
«Навек с тобой!» — она ответит!

ДА ГДЕ Ж ЕЩЕ?!

Да где ж еще такие зимы,
Такой искристый белый снег,

И серебристый хрупкий иней,
И сквозь мороз ребячий смех?!

Да где ж так звездны, светлы ночи,
И черный омут полыньи
Зовет в крещение, что есть мочи,
Людей очистить их грехи?!

Да где ж еще душе раздолье,
Как не в России, на полях,
Ее дорог для нас приволье —
Святыня вечная в сердцах!

Идешь ли, едешь, снег взрывая,
Восторгом снова душу рвет:
Россия-матушка родная,
Зима сестрицей с ней идет!

И в этот миг душа прозреньем
Оделена, награждена —
Звучит под небом вдохновеньем
Лишь песня родины одна!..

НАДЕЖДА ДЕМЧЕНКО (г. Новомосковск)

Надежда Демченко — Член Новомосковского литературного объединения (НЛО) с 2000 года. Впервые опубликовала стихи в сборнике «Вам, женщины». В 2002 году вышел сборник стихов и прозы «Вовремя». В 2006 году — сборник стихов «Камень преткновения». Публикуется во всех коллективных сборниках альманаха НЛО, местных газетах.

СЛАВА

Слава местного значения
Впереди бежит, смеясь.
И, без преувеличения,
Над людьми имеет власть.

Тяжела ее обязанность:
Всех бесславных ублажать.
Слава вольная привязанность,
Трудно рядом удержать.

Вскружит голову коварная,
Бросит сверху нимб из звезд.
И, улыбкой лучезарною
Поиграв, покажет хвост...

Но как сладко, если почести!..
Слава смертному — бальзам.
Тяжело нести, но хочется!
Пользы нет, но не отдам!

МАРТОВСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Март сосульками украшен.
Им мороз совсем не страшен —
Ведь в тепле хрусталь природный
Истечет водой холодной.
В марте день длинней и ярче,
И становится все жарче
Там, где солнышко пригрело.
Март — совсем другое дело:
Днем морозов нет уж сильных,
Но с утра на ветках иней.
Ель припудрилась седая,
Легкий снег с нее слетает
Еле видимым пушком,
Серебристым порошком.
Бахромой висят сосульки.
С них стекает слезы струйкой.
В полдень звонкие капли
Нам напомнят об апреле —
Он уже не за горами,
За соседними холмами:
Вешних вод он ждет разлива,
Приближаясь торопливо
С птичьим гомоном и солнцем,
С чистым вымытым оконцем,
С небом синим и бескрайним
И с цветастым теплым маем!

ПРИМЕТА

Полночь небо тьмой укрыла.
Ковш в потемках уронила.
И рассыпались все звезды —
Значит, будет день морозный.
Тонут, вздрагивая, в бездне,
Словно в омуте, созвездья
И о помощи зывают,
Потому что замерзают.
Нет ни облачка, ни ветра.

Это верная примета —
Подморозит спозаранку.
Ночь луну везет на санках
По накатанному своду
В эту ясную погоду.
Там, вверху, уже морозно-
От того так небо звездно!

КАПЛЯ

Бог — океан. А я лишь капля в нем.
Нет, я — микроб, которых миллион
В той капле копошатся, мельтешат
И суетой Создателя смешат.

Ведь в каждой капле жизнь своя кишит,
И каждый долг свой выполнить спешит.
Как в муравьиной куче целый день
Враждуют зло с добром, со светом — тень.

Соседствуют рождение и смерть
Обычная для жизни круговерть.
И каждая бактерия — вампир!
А капля — густонаселенный мир.

НАТАЛЬЯ РЯЗАНЦЕВА (г. Новомосковск)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Земля прекрасна и полна сюрпризов,
И кажется, что это навсегда.
Но если вдруг рассердится она,
Наступит время жутких катаклизмов.

Коттеджи, вилы и солома хижин,
Любовь и ненависть, надежды и мечты,
Мгновенья счастья цвета спелых вишен,
Прекрасные душистые сады.

За то, что люди превращают в «измы»
Дары планеты нашей голубой,
В минуты мирового катаклизма
Исчезнут под бушующей волной.

ОСЕННЯЯ ФАНТАЗИЯ

«Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой...»

Я вспоминаю эти строки неизменно,
Когда иду желтеющей тропой.

Стекает дождь по пестрому зонту,
И горько пахнет мокрой корой.
Я с нетерпением с поэтом встречи жду
Грустящего осеннею порой.

Мелькнет за поворотом силуэт:
Знакомый профиль, фрак, цилиндр, трость.
Как будто не минуло двести лет...
И вот он рядом, мой желанный гость.

Порывисто присядет на скамью.
В душе утихнут ожидания муки.
И светом радости наполнят жизнь мою
Поэзии пленительные звуки.

Я — ЖЕНЩИНА, И НАДО МНЕ ТАК «МАЛО»

Я — женщина, и надо мне так «мало»:
Глаза в глаза любимому смотреть,
Чтоб было в нем желание терпеть,
Чтоб жизнь вдвоем мне душу согревала.

Я — женщина, ведь надо мне так «мало»:
Театр, музыку, наряды и цветы,
Царицей быть в великолепье бала,
Осуществить безумные мечты.

Всему мешает женское начало.
Любимый, эту тайну знаешь ты:
Прикрытое одеждой доброты,
Мелькнет, порой, раздвоенное жало.

* * *

Поникли плечи у любви,
Поникли плечи.
Ты горьких слов наговорил
В тот страшный вечер.

Умолкла музыка души,
Сломалась скрипка,
И наждаком во мне шуршит
Моя ошибка.

ЛАЛА АХВЕРДИЕВА (г. Узловая)

Ахвердиева Лала Машух кызы родилась в городе Баку. С 2004 года проживает в г. Узловая Тульской области.

Стихи начала писать с детства.

Член Узловского литературного общества и Новомосковского литобъединения «НЛЮ».

В 10-м классе ее опубликовал Советский журнал «Комсомольская жизнь». Затем, печаталась в журналах «Литературный Азербайджан», «Гюняш», в газетах «Вышка», «Ежедневные новости» и др.

В ноябре 2002 года была награждена дипломом третьей степени на Первом фестивале поэзии «Поэтический Баку 2002» в номинации «Стихи для детей».

В сентябре 2003 года в Азербайджанском государственном театре кукол им. А. Шаига состоялась премьера спектакля «Девичья башня», поставленная по мотивам сказки Л.Ахвердиевой «Легенда о девичьей башне». Вскоре, состоялась радиопередача на радиостанции «Араз», посвященное творчеству писательницы. Также о ней вышла статья в газете «Caspian business news». Многие из ее произведений публиковались в альманахах «Содружество», «Родник», а так же в журнале «Мутарджим».

В России Лалу знают по многим публикациям в газетах «Металлист», «Знамя», «Петровка 38», альманаху «НЛЮ» и т.д. Она часто выступает со своими произведениями на утренниках и вечерах перед учащимися, передачи о которых транслируются по телевидению.

Ее перу принадлежат книги «Dis Manibus» (2004 г.) и «Караван» (2005 г.).

Книга «Фазтон любовных грез» является третьей книгой автора.

МОРСКАЯ ИСТОРИЯ

Заходящее солнце было ярко оранжевым, как апельсин. И этот огромный апельсин висел над самым морем. Ноги утопали в теплом песке — таком же оранжевом, как и солнце.

Солнце садилось. Стгушавшийся сумрак удлинял тени. И вот уже четкие, удлиненные тени легли на песок.

Я подошла к морю. Оно медленно перекатывало черные базальтовые волны. Белая пена застывала мраморной рябью на поверхности воды. Ступать в воду было как-то необычно. Казалось, кто-то неведомый поджидает тебя там — в глубине и вот-вот готов вынырнуть.

Гребни волн шли к берегу. Был прилив или что-то вроде прилива. Ведь ветра, того самого ароматного бриза, что несет в себе соленый запах морских водорослей, почти не ощущалось.

Солнце спускалось в море, окрасив горизонт в багровые тона. На другой стороне небосклона появился слабый едва различимый серп луны. Луна и солнце стояли одновременно в небе.

Пора домой. Но уходить не хотелось. И я все стояла и смотрела на эту красоту малинового горизонта и бесшумно наплывающую тьму из глубины космоса.

Замерцали звезды.

Луна своим светом тронула поверхность моря и посеребрила ее. Яркий лунный свет проложил дорожку на поверхности темной морской глади.

Светило село.
Вдоль берега зажглись прибрежные огни домов.
А высоко в небе пролетал самолет, мигая своими тремя красными звездочками на борту. Куда он летел?
Наверное, к моему любимому, который так ждал меня на другой стороне моря.

СОСЕДНЯЯ НОЧЬ

Как-то вечером на чердаке одного дома собралась компания: три кошки — Кика, Мума, Лулу и большой серый кот. Я забыла, как его зовут. Но это не важно, так как речь пойдет о другом. Кот и кошки беседовали.

Кот сказал:

— Сегодня ночь очень тусклая. Прямо сказать — бесцветная. Как будто бы звезды, в целях экономии электричества потушили свои сто и стопятидесяти ватные лампочки, а вместо них зажгли обычные парафиновые свечи. Мой любимый Млечный путь выглядит серой, прямо сказать асфальтной, дорогой и совершенно не соответствует своему названию. А луна, так та вообще спряталась за облаком. Думаю, что не стоит тратить время на эту ночь, а лучше уйти в соседнюю ночь и насладиться там чудесной панорамой неба.

— А что,— спросила Кука,— разве есть где-то соседняя ночь? Я не слышала о такой...— Она с любопытством посмотрела на кота. Мума и Лулу тоже наостригли свои ушки, ведь они, как и Кука, ничегошеньки не знали о соседней ночи.

Кот рассмеялся. На кошачьем языке это звучало: «Мяу-мяу-мур-мя» и ответил:

— Конечно, соседняя ночь существует! Она есть! Это факт! Есть не только соседняя ночь, но и многоэтажная, бумажная. Так же имеются треугольные, квадратные, овальные ночи и многие другие названия, которых даже я не знаю! — Кот пригладил лапкой свои усы.

Обитатели знали этот жест. На языке котов он означал: «Смотрите, какой я умный!»

В разговор вмешалась Лулу:

— Ты,— она посмотрела на кота,— перечислил названия разных ночей, но о белой, темной или хотя бы жаркой ночи ничего не сказал. А они ведь тоже существуют. Я встречалась с такими ночами.

— О таких простых ночах знает каждый. Что о них говорить? — хмыкнул кот.— Увидеть или почувствовать их могут все. То ли дело вести разговор о ночах, названия которых никто не знает, да и видеть их посчастливилось не многим. Ну, что,— Кот, прищурив желтый глаз, посмотрел на кошек,— хотите попасть в соседнюю ночь?!

— А это не будет больно или страшно? — робко спросила Мума, самая младшая из всех собеседников. Она ужасно боялась попадать во всякие неприятные ситуации, когда требовалась отвага или мужество.

— Что ты! — Заверил ее кот.— Это будет ни капельки не больно! Наоборот, интересно и приятно. Столько новых ощущений! Итак, вперед, в соседнюю ночь!

Кот выгнул спину дугой, зашипел и махнул хвостом. Наступила тишина. Все затаили дыхание. Спустя несколько мгновений кот торжественно сказал:

— Вот мы и в соседней ночи!

— Но ведь ничего не произошло! — запротестовала Кука.— Мы все так же сидим на нашем чердаке.

— Да, но ты посмотри на небо! Все звезды стали яркими, и луна вышла из-за туч. А Млечный путь молочно-белый, а не серый, под цвет моей шкурки, как в той ночи, из которой мы только что ушли.— И кот указал лапкой на небо.

Кошки подняли мордочки к чердачному окну, из которого лился лунный свет. Действительно, все небо было усыпано яркими звездами: большими, средними, крошечными. Они переливались и искрились, будто огоньки на рождественской елке. Ярче всех, конечно, сиял Сириус — нерушимая звезда мореходов и путешественников. Млечный путь широкой, белой дорогой раскинулся на звездном небе. Думалось, если пойдешь по Млечному пути — ноги начнут утопать в нем, словно в мягкой перине из лебяжьего пуха. Матовая луна ласково протягивала к земле свои лучи и освещала ее, а вместе с ней и всех обитателей чердака. В свете звезд и луны небо кружилось. Или так только казалось? А может, это были чары серого кота?!

— Как здорово! — восторженно выдохнула Мума. — Я такого никогда не видела! И, это, в самом деле, ни сколько не больно, а просто... Просто... — Мума никак не могла подобрать подходящего слова. Ведь она была маленькой, и ее словарный запас тоже был маленьким.

— Замечательно! — нашлась за нее Лулу. — Это просто замечательно!

— Вот видите! — назидательно сказал кот. — А вы волновались! — Он был не совсем прав. Ведь в покинутой ими ночи волновалась только Мума, а остальных просто раздирало любопытство.

— А почему эта ночь называется соседней? — Спросила Кука. — Ее можно назвать красивой, восхитительной. А ты говоришь — соседняя. И что, все соседние ночи бывают такими красивыми?

— Не знаю, почему ее называют соседней. Называют и все. Знаю только, что если в одной ночи гроза и холод, то в соседней тишина и тепло. Если в одной ночи нет луны и звезд, то в соседней они обязательно будут. — Так ответил кот и продолжил:

— Кстати, здесь, мы можем погулять по крыше. И это будет необычный экскурс, ведь в соседней ночи все необычно!

— А мы будем гулять по соседней крыше? Раз мы находимся в соседней ночи, следовательно, наша крыша стала соседней? — вновь поинтересовалась любопытная Кука.

— Почему же? — ответил вопросом на вопрос кот. — Мы сидим на нашем чердаке, а не на соседнем. Поэтому и крыша чердака **Наша**, а не **Соседняя**. Соседней стала только ночь! Пойдемте, погуляем!

Но ни кто: ни Кука, ни Мума, ни Лулу не выказали желания погулять по крыше чердака, пусть даже и своего. «Мало ли что может случиться в этой соседней ночи?!» — подумали они и тактично отказались.

— Не хотите, как хотите, — почему-то обиделся кот, — я так старался! А вы! — Он досадливо махнул хвостом. — Может вас всех вернуть в ту ночь, откуда пришли? Будете сидеть в ней, и вздыхать об этой прекрасной, светлой ночи. И еще думать о том, как плохо в потемках ходить по крыше чердака, наощупь касаться труб. И ужасно бояться упасть с высоты на землю, потому что ни зги не видно.

— Но ведь, если мы не вернемся в нашу безлунную, бесцветную ночь, то наутро мы окажемся не в нашем утре, а соседнем. И кто знает, принесет ли нам хозяйка вкусных куриных лап и рыбьих голов в это соседнее утро? — печально спросила Лулу кота. Кот помолчал. Задумался. Затем пробормотал:

— Честно говоря, я об этом не подумал. Как-то не приходилось мне в соседних и многоэтажных ночах встречать рассвет. Я не был ни в соседнем утре, ни в соседнем дне. Нет, еще не был. В сущности, рассвет наступит — и это факт. И он, безусловно, будет соседний. А хозяйка, конечно, будет наша. И это тоже факт. И она, наверняка, должна нам будет принести рыбы головы и куриные ноги, но это не факт. Да, давайте, лучше вернемся в нашу тусклую ночь и подождем рассвета. А на утро наша хозяйка принесет нам еды, хотя не факт, что это будут головы и лапы. Может статься, насыплет нам только пшенной каши в миску. Но завтрак там мы точно получим. А здесь — не известно!

Кот снова выгнул спинку дугой, зашипел и махнул хвостом. Все затаили дыхание. Через несколько мгновений кот сказал:

— Ну, вот и все. Мы вернулись из соседней ночи в нашу.

Кука, Мума и Лулу немедленно посмотрели на небо: луны не было и в помине. Звезды — тусклые-тусклые, а Млечный путь напоминал собой серую асфальтную дорогу. Да, они вернулись в свою ночь. Все облегченно вздохнули.

— Теперь мы дома, то есть в своей ночи,— сказала Кука.

— И будем ждать утра, когда придет хозяйка. Гулять на нашу крышу сейчас не пойдем, так как можно поскользнуться в темноте, упасть на землю и разбиться.— подала голос Лулу.

— Все-таки соседняя ночь была такой красивой! Просто... Замечательной,— прошептала Мума,— замечательной! — повторила она, с наслаждением смакуя новое слово, вошедшее теперь в ее маленький словарный запас.

— Хватит болтать! — раздраженно сказал кот.— Вернулись в свою бесцветную ночь вот и радуйтесь! И, вообще, дайте поспать! — И кот, недовольно фыркнув, свернулся клубком на соломенной подстилке.

Кука, Мума и Лулу замолчали. Каждый думал о своем: Лулу о вкусном завтраке, Кука — о прогулках на крыше чердака, Мума — о соседней ночи. Потом все уснули...

Серый пасмурный рассвет пробился сквозь щели чердака, проник через чердачное окно. Начали потихоньку вырисовываться контуры деревьев, кустов, дома вместе с чердаком, на котором спали его обитатели.

Становилось все светлее и светлее. Скоро выпадет утренняя роса, запоют птицы, и наступит утро. И не какое-то там соседнее утро, а самое что ни на есть настоящее, всамделишное утро!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Сергей Скоробогатов

*Я надеюсь и верю — найдут и меня,
Как находят пропавших среди бури*

Сергей Скоробогатов

Скоробогатов Сергей Васильевич родился 21 июля 1956 года в с. Караванка Сталинградской области. Закончил Московское Высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское), художник-монументалист, доцент ТулГУ. Первые стихи напечатаны в книге «Здравствуй, Тула» в 2006 г. А еще его увлечением был спорт, в первую очередь — бег. Бегом он лечил больное сердце. Утром в любое время года его можно было видеть бегущим в Белоусовском парке, где он пробегал десятикилометровку. Осенью 2006 на дистанции 43 километра занял третье место. К сожалению, жизнь оборвалась в ночь с 1 на 2 января 2007 года. Но остались его картины, росписи в храмах, стихи и наша светлая память об этом замечательном человеке.

На старом причале
Три чайки кричали.
Кричали три чайки —
Печали встречайте.

А волны седые
Хребты разбивали
О глыбы литые
На старом причале.

И грустные ноты,
Как тонкие нити,
На красном восходе
Взлетали в зените.

Прошло не со мною,
Сказалось ошибкой,
Размылось волною
И пеною зыбкой.

В далекие дали
Волна унесла
Ту песню печали
И росчерк крыла.

ТУЛЬСКИЙ МИНОР

Ты стой или падай со стула.
Но только поверь мне на слово,
Что город голодный Тула,
Хоть есть там Мясново и Маслово

И крутятся жизни стрелки,
Но где же ты, время лучшее?
Глушанки ждут и Горелки,
Заждались и в Криволучье.

К забытой традиции старой
Обратно трудна дорожка.
За тульским сидел самоваром
Народ и плясал под гармошку.

Истории курс доподлин —
Болотникова успех
Три века назад потоплен
В тогда еще чистой Упе.

Простреляна и прокована,
В названьях война живет.
Штыковая и Курковая,
Да «Арсенал» — завод.

Виват, туляки! Пусть и трудно вам,
Но в сердце жива отвага.
Наследники славы Руднева,
Геройского стяга «Варяга».

Тысячелетняя узница
Мятущейся души.
Оружия русского кузница,
Родина Льва и Левши.

* * *

На деревьях солнца пятна,
На траве, в листве густой.
Все культурно и опрятно —
Здесь когда-то жил Толстой.
На поклон к Поляне Ясной
Приезжают сотни лиц —

Посмотреть на то, как страстно
Дуб с березою сплелись.

Здесь словно зазывает в гости
С резной верандой старый дом,
Купальня, роща, белый мостик
И без креста зеленый холм.

* * *

Я верю а силу завтрашнего дня,
Ведь посудите — это много значит —
Зима и лето, осень и весна —
Все болдинские, вот удача!

Из тысяч пройденных дорог
Дорога на работу — ноль процента.
По ней шагая, я дорос
До должности доцента.

Но шутке той не вопреки
Уже немало пройдено.
Моя любовь — мои ученики
И этот дом на Болдина.

* * *

Упала роса на траву.
Раскройте глаза — наяву.
Увидите чудо земное
И вы повторите за мною —
Я верю, люблю и живу.

В морозную стынь-синеву
Среди листопада и зноя
Кто верит, скажите со мною —
Надеюсь, люблю и живу.

Я все испытанья стерплю,
Лишь только б осталось со мною
Неверное счастье земное,
И верю, надеюсь, люблю!

От главного редактора: Сергей Скоробогатов был моим другом. Познакомились мы в «волчьи» 90-е годы, когда все тульские художники зарабатывали на хлеб насущный продажей своих картин у тульского главпочтамта. Туда я часто заходил по выходным дням к своим приятелям из живописного цеха, которых в те самые времена нужда погнала в «холодные художники» из своих мастерских. Позже мы и работали с ним в одном вузе — в Тульском госуниверситете, где Сергей преподавал монументальную живопись сначала на кафедре дизайна, затем на горно-строительном факультете, на кафедре архитектуры.

...Но еще чаще, почти каждый день, встречал его в Белоусовском парке, где после работы, гуляючи, обдумывал новый рассказ или повесть, а Сергей уже бежал пятый или десятый «большой круг», готовясь к очередным всероссийским соревнованиям — бегу на длинные и сверхдлинные дистанции, где он был многократным победителем и призером (см. на фото). Многим постоянным посетителям центрального тульского парка наверняка запомнилась это колоритная фигура неутомимого бегуна с развевающейся ярко-красной (не рыжей!) бородой — это у него было то ли знак принадлежности к художникам, а может и память о предках-староверах. Возможно, этот общий староверческий генотип и сдружил нас с ним.

Истинно талантливый человек талантлив если не во всем, то во многом. Это не хорошо известный литературный штамп, но веками подтвержденная истина. Был Сергей известным художником, многого добился и в спорте, причем «лошадиным» — по его определению. И еще в душе его жил настоящий русский поэт. Заходя ближе к вечеру, после работы в одну известную простонародную рюмочную (куда сейчас только и могут зайти доценты и профессора...), что у «трех штыков» (ныне там игровой клуб, где «подают» дурман иного рода, более коммерчески выгодный...), с Сергеем и нашим общим другом, известным в Туле художником-графиком, тоже доцентом кафедры дизайна, мы заслушивались его стихами. Как всякий настоящий поэт, он все их держал в памяти.

Сколько его уговаривали издать свою книжку стихов? — Все Сергей оставлял «на потом». Еще уговорил его дать подборки стихов в сборник «Здравствуй, Тула» и в журнал «Приокские зори». Увы, номер 3—4/2006 журнала со стихами Скоробогатова вышел уже с траурной рамкой его фамилии. И номер «Тульского литератора» с его стихами, публикуемыми выше, также вышел позже.

...Всякий, кто входит в храм Св. Алексия, что на территории Артучилица (называю по-старинке; как-то слово «Институт» у меня не созвучно военной профессии), может увидеть росписи Сергея Скоробогатова. Какой еще лучший памятник может быть лучше? И мы его помним, публикуя стихи Сергея.

Валерий Савостьянов

«И ЛЮБЛЮ Я ТЕБЯ ОДИНОКО...»

(Мои воспоминания о поэте Николае Дмитриеве)

1

Я не знаю, как мне быть: имею ли я право писать воспоминания о Николае Дмитриеве? Ибо наверняка есть люди, знавшие его гораздо больше, чем я. Люди, чья судьба наградила гораздо большим количеством встреч, разговоров с ним, просто большим, чем меня, временем общения с ним. Люди, с которыми он ездил в литературные командировки, сидел за одним столом, за «высоким пузырем», как он любил говорить. Люди, посещавшие его творческие вечера, слышавшие его стихи — в его, авторском исполнении. Я же встречался с Николаем только три раза, а четвертой встречи, о которой я мечтал много лет, так и не случилось: не хватило каких-то дней, ну, может, самое большее — месяца. Сейчас это и мне самому кажется странным, просто каким-то мистическим невезением, но кто тогда мог предположить, что Коля так рано и так неожиданно покинет нас.

В конце 90-х, наконец-то принятый в Союз писателей России (а принимали меня почти 12 лет: с 1985 года по 1997 год — и это отдельная история), я все-таки вернулся к поэтическому творчеству (прошу простить за столь высокий слог!). Вернулся после тяжелых изматывающих суматошных предпринимательских буден, в эпицентре которых я оказался из-за необходимости буквально спасать от голода свою семью. И, вернувшись, прежде всего хотел повидаться с Николаем — показать ему свои новые стихи, посоветоваться, и, может быть, попросить его стать редактором моей новой большой книги, которую я назвал «Русский крест» (книга до сих пор так и не вышла: седьмой год ждет губернаторского финансирования).

Именно с ним, с Николаем Дмитриевым, большим русским поэтом, творческий потенциал которого наш общий учитель Николай Константинович Старшинов оценивал как равный или даже больший, чем у самого Рубцова, я чувствовал какую-то душевную связь («самую смертную связь»). А про эту оценку Колиного творческого потенциала рассказал мне тоже «старшиновец» Виктор Федорович Пахомов — мой старший товарищ и Ответственный секретарь нашего Тульского отделения Союза писателей России.

Ну вот, казалось бы, все просто: есть адрес в Балашихе, где я уже был у Коли в гостях, есть даже телефон в подаренном мне по случаю в Большом Союзе, что на Комсомольском проспекте, 13, адресном справочнике «Московский парнас» (раньше у Дмитриевых телефона не было). Но когда я позвонил в Балашиху по телефону, мне ответили, что Дмитриевы здесь уже не живут, куда-то переехали. А куда — не знали. Я начал поиски Николая, спрашивая его адрес и телефон в Большом Союзе у своих знакомых, и мне обещали найти его телефон. Но время шло. И не дни, а месяцы и даже годы...

Но уж если пытаться писать до конца честно, — а иначе не стоит и браться за

столь святое дело, как воспоминания о друге—поэте,— то, наверное, сейчас не было бы мне так порой невыносимо больно и обидно, и не был бы я так сердит на себя, когда бы все здесь объяснялось лишь отсутствием у меня новых координат местожительства Николая. То есть фактором как бы объективным, не очень, либо совсем независящим от меня. Нет, это, вероятно, слишком уж просто, слишком прямолинейно. Потому что, если заглянуть в себя пристальнее, то, увы, обнаружится и фактор субъективный, я бы так выразился — психологический, исходя из которого, видимо, я сам не слишком торопился и, значит, не очень торопил моих знакомых в Союзе писателей с поиском телефона Николая. И фактор этот, в общем-то, совсем простой: если уж не простительный, то хотя бы вполне понятный.

Поскольку губернаторских денег на издание моего «Русского креста» мне не давали, постоянно по разным причинам из года в год перенося мою кандидатуру, лишь все обещали и обещали — то и острой необходимости в редакторской работе Николая над рукописью «Русского креста» у меня пока не возникало. Ну а сами знаете: гром не грянет — русский мужик не перекрестится. Да и после стольких лет разлуки приходиться к Николаю, хоть и с большой, но всего лишь с рукописью, было как-то стыдно. А тут как раз в эти годы мне хорошо работалось, я довольно много писал. И давным-давно у меня была мечта собрать стихи, связанные с моими впечатлениями от Селигера, где я любил бывать летом, особенно последние годы, а также и другие стихи, написанные под впечатлением туристических, в основном, водных походов. Так в 2003-ем году появилась моя новая книга, первая моя книга нового века — «Объятия Селигера и Оки». Книга была красочно, талантливо и оригинально оформлена Ириной Гавриловой, художницей и поэтессой, моим давним другом еще по юношескому литературному объединению «Поиск».

Потом прошло еще два года, и новые стихи собрались в новую рукопись «Однолюб». И тут однажды я вдруг отчетливо понял, что, несмотря на великолепное оформление, «Объятьями» я Колю, пожалуй, не удивлю — а вот «Однолюбом», вполне возможно, пораду. Ведь, откровенно говоря, мне и сейчас кажется, что «Однолюб» — это на сегодняшний день моя лучшая книга, мое, как говорится, высшее достижение. Так почему же не отметить, кроме всего прочего, и самым первым ее подарочным экземпляром встречу со старым добрым другом. С другом, может быть, лучше всех из моего литературного окружения разбирающимся в поэзии. А там и за «Русский крест» возьмемся: в том, что Николай согласится стать редактором моей рукописи я даже и не сомневался. Да мне собственно и не нужен был никто другой, ибо редактором самого дорогого детища, каким является книга стихов, может быть лишь человек, вызывающий доверие. А доверие к Николаю у меня было действительно полное. Ведь у него замечательная школа работы в издательстве «Современник», и он прекрасно разбирался не только в поэзии, но и в таком непростом и деликатном деле, как редакция и рецензирование. Деле, требующем высочайшего вкуса, исключительного опыта, принципиальности, честности и смелости, сочетаемых при необходимости с дипломатическим тактом. И все это, вне всякого сомнения, у Николая было. И я решил: вот издам «Однолюба» — и уж тогда сразу...

Мой «Однолюб» был полностью готов и подписан в печать 16 июня 2005 года, издан в конце июня — а Коля, как мне стало потом известно, умер 13 июня 2005 года. И сразу же, словно в насмешку за мою нерасторопность, в следующий мой приезд в Большой Союз — а они в эти годы были весьма редкими — телефон Дмитриевых нашелся, и дал мне его Александр Дорин (теперь уже и Александра нет: так вечная ему память!). Но это было уже хоть совсем чуть-чуть, но все-таки после смерти Коли. И когда я, вспоминая о Николае, прочитал Александру и Светлане Васильевне Вьюгиной, познакомившей меня с ним, по памяти одно из лучших, на мой взгляд, последних стихотворений Дмитриева «Где малина ясная, овражная...» и рассказал

Дорину вкратце эту историю поисков нового Колиного адреса и телефона — Александр Борисович, оказывается, участвовавший от Союза писателей в похоронах Николая Дмитриева, сразу же без раздумий вынул свою записную книжку. Но уже единственное, что я смог — это позвонить Колиному сыну Евгению (которого я, когда приезжал к Николаю в гости, запомнил еще совсем ребенком) и вдове Николая АLINE Доминиковне и передать им, как это говорится, свои соболезнования.

Теперь сколько угодно можно винить собственную медлительность, нецелеустремленность, обычный русский «авось». Но случилось все, как случилось: я так и не встретился с Колей в четвертый раз. И теперь вот остается надеяться лишь на ту «будущую встречу»:

*...Когда звучат последние «прости!»,
Последние отчаянные речи,
Мне кажется: я мог тебя спасти —
Искал,
Но не случилось нашей встречи.*

*Ты переехал. Перемена мест —
Вторая жизнь и молодость вторая...
И смерть —
Не смерть:
Лишь новый «переезд».
Мы встретимся. Ты позвони из рая.*

«Памяти Николая Дмитриева»

...И помню еще, как уже представленный вам выше Виктор Федорович Пахомов, тоже хорошо знавший Николая, а также мое неоднократно высказываемое желание повидаться, мою давнюю мечту встретиться с Дмитриевым, сказал тогда мне с горечью (а может быть, и с тайным упреком): «Ты не успел!..».

2

Я не знаю, как мне быть: имею ли я право писать воспоминания о Николае Дмитриеве? Скорее это все-таки не история наших встреч в этой жизни, а история заочной любви и уважения одного поэта к другому, чуть более молодому и гораздо более талантливому, с которым совершенно неожиданно, еще не зная его лично, а лишь прочитав его стихи, он почувствовал духовное родство. Ведь стихи — часто более короткий путь к пониманию души, характера и мироощущения человека, их написавшего, чем даже встречи, чем даже долгие разговоры с глазу на глаз за тем же самым «высоким пузырем».

А со стихами Николая Дмитриева я познакомился еще в 1975 году, прочитав их в его первой «молодогвардейской» книге с предисловием Риммы Казаковой. Называлась она «Я — от мира сего». Из нее мне почему-то сразу стало ясно, что я встретился с неординарным явлением большого русского поэта, ибо до этого ни одна из книг моих ровесников не производила на меня такого впечатления, не была столь глубоко гармоничной и простой современной.

И еще я узнал, что родился Николай, как теперь говорят, в дальнем Подмосковье, недалеко от Рузы, в селе Архангельское — а я родился недалеко от Тулы, в селе Сергиевское. И даже эти чем-то похожие и по звучанию, и по протяженности, и по количеству слогов названия наших малых родин были для меня тогда уже добрым знаком некой общности нашей «корневой системы».

А еще мне показалось тогда, что наши творческие приемы в чем-то похожи: мы оба, как бы отталкиваясь от судьбы, истории, жизни наших земляков, от суровой и нежной одновременно красоты нашей отчей природы, в чертах своих малых родин постоянно ищем и находим черты всей нашей России, ее горькой и величественной судьбы. И в дальнейшем это мое интуитивное ощущение нашей общности подтвердилось напрямую: так у меня было опубликовано стихотворение «Сергиевское», а у Коли «Деревне Архангельское». И даже то, что свое село Архангельское Коля здесь назвал деревней, меня нисколько не смутило: я сам да и мои земляки тоже называем наше Сергиевское то селом, то деревней. Ведь известно, что селом на Руси принято называть поселение, где есть церковь. А что делать, если церковь-то была, но — увы! — снесена вместе с церковным кладбищем в 1929 году?..

Но вернемся все-таки к моим впечатлениям от первой книги Николая Дмитриева. Начиналась книга стихотворением «Я родился невдали от Рузы...», где были такие строки:

*...Есть большое сходство — Русь и Руза,
Но не в звуках дело, а в судьбе.*

Кто же тут будет спорить: конечно, «дело в судьбе», но как можно настоящему поэту, родившемуся на **рузской земле**, не почувствовать почти полное звуковое совпадение его родин: родины малой и Родины большой — и как можно тут не писать о **Русской Земле**. Это же не простое совпадение и не случайное созвучие — это ведь уже прямой Божественный Знак, это указание Свыше.

Ну а разве можно писать о Русской Земле — и забыть о ее Великой Войне? Среди наших поэтических ровесников, по-моему, нет ни одного, кто бы хоть как-то не прикоснулся к этой, еще до сих пор так до конца и не затянувшейся, Русской Ране. Но именно Николай Дмитриев нашел емкую, казалось бы, лежащую на поверхности, но никем, тем не менее, до него не выраженную, формулу нашего общего отношения к Великой Трагедии, ставшей благодаря нашей Победе нашей Национальной Гордостью:

*В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и все же
В какой-то мере все мы тоже
Вернувшиеся с той войны...*

«В пятидесятых рождены...»

И еще: ну разве можно писать о Русской Земле — и не писать о том, что волнует каждого (и не только русского) человека: о жизни и смерти, о любви, о своей семье.

И вот об отце: а это, значит, для Николая, потерявшего своего отца в 13 лет — о жизни и смерти:

*...Он умрет под птичьи свисты,
Упадет листом
В васильковом, в ненавистном,
В шестьдесят шестом.*

«Только снегу сердце радо...»

А вот о любви:

*...Как на трех китах,
Как на трех слонах,
Мир стоит на трех*

*На твоих словах.
Тихо спела дверь,
Ты ушла к утру,
Знаю, что теперь
Нищим я умру.
Тверди нет прочней
Под моей судьбой,
Чем среди ночей
Слабый голос твой.*

«Пусть придет потоп...»

И еще о любви, но уже другой — она ведь такая разная, и ее так много в стихах Николая!

*Я тебе рассказывал про ежика
И про липы, где полно ояг,
И еще про то, как сник и съежился
Жестяным прикинувшийся сад...*

*Я тебе писал про землю стылую,
О ее нерадостной гульбе —
Ты верни написанное, стыдное,
Все равно ненужное тебе.*

*Просто я любил слова вынянчивать,
Снегирями сманивать под кров.
Я ведь не хотел любовь выклянчивать —
Разве можно выклянчить любовь!..*

«Я тебе рассказывал про ежика...»

А о чем это: о литературе, о природе, о деревне, о любви? Обо всем сразу, с чем столкнулся когда-то приехавший в деревню по распределению после института вчерашний студент, а сегодня уже, хоть и еще желторотый, но тем не менее заведующий учебной частью по воспитательной работе и одновременно учитель русского языка и литературы сельской школы. И опять — все по-дмитриевски просто, ярко, самобытно, все пропущено через собственную душу, собственную судьбу:

*За окном проселок хмурый
Да кротоми взрытый луг,
Я — полпред литературы
На пятнадцать сел вокруг.*

*Много теми, много лесу,
Все трудней приходят дни,
А в дипломе что там весу —
Только корочки одни!*

*И девчонка (вы учитите),
Лишь под вечер свет включу:
«Выходи, — кричит, — учитель,
Целоваться научу!»*

«Из письма в институт»

После таких стихов совершенно естественно, что я запомнил имя поэта и стал ждать его новых книг, тем более что этот период совпал и с моей творческой активностью. И за стихами своих ровесников, за их книгами, которые тогда щедро, но тем не менее куда качественнее, чем сейчас, выпускались издательствами «Молодая гвардия», «Современник» и «Советский писатель», я следил внимательно и ревностно, как собственно, на мой взгляд, и подобает всякому молодому поэту. А сколько их было тогда — целые огромные книжные полки в нашем тульском «Книжном мире», и никакого тебе дефицита, как на некоторые другие издания. Подходи, смотри, листай, читай — хоть целый день: за поэзией (разве что за исключением нескольких имен), тем более за поэзией молодых — и тогда не выстраивалась очередь. А уж теперь поэзию, похоже, вообще читают лишь избранные. Только вот где они ее берут? Ибо нет уже ни тех огромных книжных полок, ни даже самого того знаменитого «Книжного мира» — осталось лишь какое-то жалкое подобие, заполненное в основном глянцевыми обложками...

Но мы отвлеклись от главного. И вот в 1978 году я снова нахожу на книжных полках, покупаю и читаю сразу же залпом новую книгу Николая Дмитриева «О самом-самом». Книга тоже «молодогвардейская», но не такая, как та первая, в один авторский лист, в серии «Молодые голоса», — а настоящая, уже большая поэтическая книжка. И сразу же, с первых же стихов, возникло ощущение резко возросшего сопротивления поэтического материала. Примерно то же ощущение, какое испытывает тренировавшийся в бассейне пловец, вдруг попавший в мощное течение нашей Оки где-нибудь в районе Велегожа. И мне стало ясно, что даже сверхталантливому, но пока еще действительно молодому, всего лишь 25-летнему, поэту Николаю Дмитриеву не просто «плыть через Оку». Но вот что хочу отметить: именно здесь, в этой его еще ранней книге, в стихотворении «Я не стану окать или якать...» появилась строчка «о ночных соловьях» — так он через много-много лет назовет свою последнюю прижизненную книгу. Вот где был Исток еще невидимого за туманами лет его полноводного Устья...

Шли годы. Тульский областной семинар 1978 года, которым руководил поэт-фронтовик Александр Маркович Николаев, рекомендовал меня в г. Москву, на 7-ое Всесоюзное Совещание молодых писателей. Там я, участвуя в работе поэтического семинара, возглавляемого Николаем Константиновичем Старшиновым, и познакомился с нашим общим с Николаем Дмитриевым Учителем и Наставником.

Сколько нас таких сейчас во всей нашей великой России, в каждой ее области, считающих себя учениками Николая Старшинова! Видимо, целая поэтическая Армия. И тем не менее не зря ведь, наверное, именно Николая Дмитриева Николай Константинович всегда выделял из всех нас. Да и сам Николай как бы чувствовал это особое отношение, когда писал о Николае Константиновиче:

*Я люблю твой изломанный почерк —
Разобрать его трудно сперва.
Научи погибать между строчек,
Воскрешающих веру в слова...*

.....

*Не оставь эту землю до срока,
Не погасни, как вечер в окне.
И люблю я тебя одиноко,
От влюбленной толпы в стороне.*

«Я люблю твой изломанный почерк...»

«И люблю я тебя одиноко» — ключевая строка этого стихотворения, а слово «одиноко» в ней — вообще главное, как мне кажется, слово для понимания мироощущения поэта Николая Дмитриева. Не случайно, видимо, недавно в «Литературке» был опубликован Поэтический Венок Николаю Дмитриеву с характерным названием «Одиночество поэта». Все мы, поэты, по-своему одиноки, но такие вершины, как Николай Дмитриев, одиноки уже потому, что они вершины, это, как бы точнее выразиться,— одиночество по определению. И никакие поэтические братания Всесоюзных ли, местных ли Сопещаний и семинаров, никакие, даже многотысячные, аудитории поклонников поэта во время его авторских выступлений ничего не меняют. Ибо они нисколько не уменьшают в настоящем поэте степени его одиночества. А графоману же, наоборот, не могут ее добавить — цель-то у графомана совсем другая: во всем быть на виду. Вот и получается, что одиночество — это одно из главных условий выражения своего личностного поэтического чувства, условие индивидуальности поэта. А в этом и есть как раз его главная ценность. Как же хорошо, как же удивительно точно написал об этом в предисловии к Венку его составитель поэт Борис Луккин: «...И все-таки поэзия — дело одинокое. Но и артельное одновременно, цеховое... Одиноко идут поэты, слыша друг друга и помогая словом, подгоняя делом. И нет этой дороге конца...»

...И вот уже 1982 год, и опять на моем письменном столе новая книга Николая Дмитриева. А какое название — «С тобой»! Стоит лишь прочесть название — и ты уже с другом или хотя бы с надежным попутчиком. До сих пор, хоть прошло четверть века с того момента, как я открыл ее, помню удивление, изумление даже, тому, как выросло за эти годы не столько даже мастерство поэта, — его-то всегда было у Николая, пожалуй, предостаточно, — сколько выросла душа поэта. Так рано настрадавшаяся, ощутившая красоту и гармонию жизни одновременно с ее зыбкой мимолетностью. А какие стихотворные шедевры были здесь: «Не исчезай, мое село...», «Край мой оттаявших черных скворешен...», «Жизнь состоялась...», и еще мое всегда любимое:

*Дует. И порывисто, светяще
Листья залетают на чердак.
Ты мне снова снишься, и все чаще
Родина сквозит в твоих чертах.*

*Как сумели рябь речная, колос
И сырая во поле лоза
Воскресить улыбку, руки, голос
И твои далекие глаза?..*

«Дует. И порывисто, светящее...»

И здесь же, в этой книге, изумительное стихотворение «Тьма живая», которое даст название следующей книге Николая Дмитриева, уже отчасти итоговой, — книге не только новых стихотворений, которые войдут в раздел «Забота», но, прежде всего, первой книге его избранных стихов. И я до сих пор люблю «С тобой», я горжусь этой книгой, я держу ее как талисман на своем письменном столе — еще и потому, что именно на ней, видимо, почувствовав что-то особенное, Николай при нашей первой встрече напишет для меня:

*Дорогой ты мой Валера,
Рыцарь Тулы и стиха,
Есть любовь, добро и вера, —
Остальное — чепуха.*

Так имею ли я право писать воспоминания о Николае Дмитриеве? Ну, а почему бы и нет, — если это право оплачено моей любовью и нежностью, моим собственным прочтением его стихов, неоднократно повторяющимся и протяженным во времени, если до сих пор не забыты и свежи в основном восторженные впечатления этого прочтения. А ведь еще, кроме самих стихов, были и встречи на этой земле. Три — какое это удивительное сакраментальное число — наши встречи! И вот теперь, кажется, пришло время рассказать о них по порядку.

В начале апреля 1988 года в Туле, в здании бывшего Дома политпросвещения, где сегодня размещается телекомпания «Тула», проходил семинар молодых литераторов области, — кстати, один из самых крупных — по количеству участников — семинаров за всю историю тульской литературы. (При необходимости смотрите более подробный отчет и впечатления об этом семинаре в статье известного тульского журналиста и поэта Сергея Белозерова «Кто вы, поэт 2000 года?». Газета «Молодой коммунар» № 43 (6834) от 12 апреля 1988 года).

Из Москвы в качестве руководителей семинара приехали Николай Константинович Старшинов, и сами еще молодые, но уже известные и к тому же лауреаты Ленинского комсомола, критик Владимир Коробов и поэт Николай Дмитриев. Разумеется, я посчитал это неожиданной благосклонностью фортуны, удачей, которую я уже просто не имел права упустить, и, подойдя к Николаю Дмитриеву, подарил ему свои первые книги, изданные в Туле и Москве. Сказал также откровенно, что уже давным-давно слежу за его творчеством, люблю и ценю его стихи.

Но, думаю, вряд ли бы я запомнил Николаю этим: таких встреч и откровений, таких поклонников, наверное, было немало на его творческом пути. Но тут неожиданно, как-то сам собою завязался разговор о любимых поэтах. И Николай вдруг заговорил о поэте из города Березники Пермской области Алексее Решетове. Оказывается, Алексей Леонидович Решетов был в то время его открытием, его любимым поэтом. Но так уж случилось, что, находясь явно в тени своего однофамильца поэта Александра Решетова и являясь как бы областным, а не московским поэтом, Алексей Решетов был тогда мало кому известен, даже в поэтических кругах.

Но тут судьба, видимо, ко мне благоволила: еще двадцать лет назад (считая со времени проведения семинара), в 1968 году, я получил в подарок от совершенно незнакомой мне студентки МГУ Ирины Сидоровой книжечку стихов Алексея Решетова «Белый лист», великолепно изданную в Перми. Оказывается, Ирина Сидорова, моя землячка из города Алексин, была на студенческой практике в Пермской области и, услышав там мои стихи по Всесоюзному радио в передаче «Ровесники», решила сделать мне подарок. Вернувшись в Москву, она узнала мой адрес на радио и прислала мне восторженное письмо и «Белый лист» Алексея Решетова. Так, благодаря этому удивительному случаю, я не только прочитал стихи «неизвестного» пермского поэта, но и, полюбив их, выучил даже кое-что наизусть.

Здесь позволю себе сделать и еще одно краткое отступление. Судьба в начале 70-х годов прошлого века, когда я уже работал инженером научно-исследовательского сектора (НИСа) в Тульском политехническом институте, преподнесла мне и еще один подарок, связанный с тем же поэтом Алексеем Решетовым. Я, будучи в Березниках в командировке по своим научным делам, совершенно случайно встретился с ним на калийном руднике, где он работал электрослесарем.

А дело было так: почти ежедневно я спускался в рудник, чтобы контролировать заготовку для НИСа нашего института больших кубов калийной соли, со сторонами размером примерно метр на метр. Нужны они были для научных исследований по резанию, которыми занималась кафедра «Горные машины», чтобы на основе этих исследований делать новые хорошие горнопроходческие и горнодобывающие ком-

байны. По распоряжению руководства калийного комбината директор рудника дал мне, как важной персоне, постоянно сопровождающего меня инженера.

И вот однажды, когда мы с моим инженером, выехав на-гора, спешили в душ, нам на рудничном дворе встретился высокий сухошавый человек в спецовке, каске, с аккумуляторной лампой и самоспасателем. В общем, как говорится, в полном боевом шахтерском обмундировании. Он тоже спешил, но, в отличие от нас, на смену. Мой инженер, мимоходом поздоровавшись с ним, сказал мне чуть позже: «Это наш поэт пошел...». Сказал до того насмешливо и снисходительно, что я даже улыбнулся про себя: ну мало ли нас, чудаков, пробующих писать, и мало ли среди нас графоманов. Из моей занятой научными заботами головы совсем вылетело, что поэт Алексей Решетов живет здесь, в Березниках, и работает как раз на этом калийном комбинате. А значит, может быть и на этом руднике. Потому-то я — увы! — и никак не воспользовался этой встречей, и, более того, даже не сразу осознал, что это «тот самый» Решетов.

И лишь, когда я вернулся домой, в Тулу, и однажды перечитывая мой любимый «Белый лист», увидел снова фотографию Алексея Решетова — вздрогнул! Да это же был сам Решетов! В общем, «осознал» — да уже поздно...

Об этом случае я Николаю Дмитриеву никогда не рассказывал: просто мне и до сих пор стыдно за такую свою оплошность с любимым поэтом, которого я не узнал в шахтерской робе. И Николай, так мечтавший о встрече с Алексеем Леонидовичем, конечно бы, меня не понял и не простил бы...

Так вот: продолжаем. В перерыве семинара, когда мы пошли на обед в теперь уже несуществующее кафе «Цирк», что было неподалеку от Дома политпросвещения, я прочитал Николаю по дороге решетовское :

*За мои печали плата —
Теплота твоих колен,
Милосерднейшая плаха,
Чудодейственный плен.*

*Как светла моя темница,
Как горьки бывлые сны,
Как жестоко очутиться
На свободе без вины...*

Видно было, что Николай этим очень удивлен: никто никогда раньше, как сказал он, не только не читал ему Алексея Решетова наизусть, но чаще всего и вообще ничего не знал об этом поэте, непременно путая его с куда более известным в то время советским поэтом Александром Решетовым. Теперь я думаю, что наша общая с Николаем восторженная любовь к одному и тому же поэту — и была тем самым первым, но крепким ростком всей нашей дальнейшей дружбы. Не зря же ведь в последний день нашего тульского семинара Николай так неординарно и с таким уважением подписал мне три свои книжечки: причем, каждую по-своему.

И вот еще что удивило меня тогда и что, в общем-то, до конца не понятно мне до сих пор. В каждой из этих трех надписях на книгах, и особенно в первых двух, чувствуется вовсе не самоуверенная менторская рука большого поэта и руководителя литературного семинара, а даже наоборот — мятущаяся, постоянно сомневающаяся одинокая поэтическая душа, которая радуется встрече с себе подобной...

4

Ну вот. А теперь еще об одной нашей с Николаем Дмитриевым встрече. Встрече для меня особенно дорогой, особенно памятной. Памятной потому, что она была никак

и ничем, кроме самой судьбы, разумеется, не запланирована. И была она, если так можно выразиться, не официальной, то есть не такой, как первая — на семинаре литераторов. И произошла она, кроме того, по желанию самого Николая, по его инициативе. Ведь именно ко мне обратился он в непростую минуту своей непростой творческой жизни. Было это, видимо, летом 1988 года, а, возможно, и в следующем 1989 году: дневников я не веду и за абсолютную точность дат наших встреч, — кроме, естественно, времени состоявшегося в Туле и описанного мною выше семинара молодых литераторов, подтвержденного статьей из газеты «Молодой коммунар», — ручаться не могу. В общем, однажды мне на работу в Политехнический институт позвонил вдруг Виктор Федорович Пахомов, Ответственный секретарь нашей, тогда еще неразделенной на два писательских Союза, Тульской писательской организации. И сказал: «Вот у меня тут Коля Дмитриев проездом из Орла, так он хочет заехать к тебе в гости...»

Оказывается, Коля был в Орле с выступлениями по линии Бюро пропаганды художественной литературы, где много работал, и, видимо, несколько не рассчитал своих сил. И вот прежде чем ехать в Москву, он заехал к нам в Тулу повидаться и, насколько это было возможно, привести себя в порядок.

Несколько удивленный, я ответил Пахомову по телефону, что буду рад встретиться с Николаем, однако у меня «лабораторки», за которые я лично отвечаю, и свободен лишь обеденный перерыв. Поэтому встреча с Николаем состоялась у меня на квартире именно в обед.

Ровно в двенадцать часов дня, как мы и договаривались, Коля позвонил в мою зеленостроевскую «хрущевку». (Зеленстрой — это такой жилой район в южной части нашей Тулы.) Вошел, немного помятый и смущенный, с какой-то столь же помятой дорожной сумкой. Мы обнялись и, видимо, чувствуя мою радость, он быстро освоился — никого, кроме нас двоих, в квартире не было: жена на работе, дети в школе.

Я пригласил его к столу: жена, уходя на работу, обязательно что-нибудь готовила, да и в холодильнике непременно всегда что-нибудь было. Чувствовалось, что Коля голоден, однако, прежде чем обедать, он захотел помыться. Я включил газовую колонку — благо, в этот раз у нас на пятом этаже была вода, что случалось днем не часто — и предложил ему принять ванну или душ. Но, видимо, от смущения Николай позволил себе помыть только голову и торс, как, наверное, когда-то привык делать это, служа в Советской Армии.

Потом за обедом мы немного поговорили, так — обо все сразу. Час, отпущенный мне на обед, пролетел быстро — опаздывать на «лабораторки» мне было никак нельзя. (Кто связан с учебным процессом, тот, конечно, поймет меня лучше.) Мы вышли, сели в троллейбус 5-го маршрута, идущий с Зеленстроя на Московский вокзал. Проводить Николая до вокзала и посадить его в электричку я уже не успевал, и через пару остановок, на площади Победы, мне пришлось выйти. Помню, на прощанье мы обнялись, и Коля пригласил меня к себе в Балашиху.

Позже, вспоминая об этом периоде своей жизни в письме ко мне, Николай пишет:

«Здравствуй, дорогой Валера.

Даже не знаю, как объяснить свое молчание. После орловско-тульско-ВЛКовской эпопеи еще заложил массу выражей. Выкарабкивался из всего этого очень долго. Складывал себя заново — из рибонуклеина, клеток, документов...

Сейчас работаю в «Современнике», на договоре...».

5

Есть одна древняя, вечная, как мир, но, по-моему, точная и вполне справедливая мудрость: хочешь узнать о человеке больше — посмотри, как он живет. Вещи, окружающие человека, даже сами стены его квартиры пронизаны энергией его индивиду-

альности. И стоит лишь войти в жилище этого человека, стоит лишь настроиться на нужную волну, они охотно, как заядлые сплетницы, все тебе про него выложат. Имей только терпение, умей только слушать.

А мне так хотелось узнать о Николае больше. И главное, как, в какой обстановке, в каких житейских мелочах, в какой обыденности буден, «из какого сора» растут его, обожаемые мною, поэтические шедевры. Ну да, конечно, я понимал, что все не так просто: пришел, увидел, раскусил. Но ведь должно же быть какое-то простое жизненное обоснование и объяснение Чуду, должен же быть у него какой-то вполне реальный бытовой фундамент. Уж я-то непременно увижу, уж я-то сразу пойму, сразу почувствую...

Бог ты мой, в своих неистовых попытках проверить алгеброй гармонию мы бываем наивны, как дети. Поэтому ли, а, может быть, и еще почему-то, ну просто, как говорят, из обычного человеческого любопытства, но я, однако, все-таки воспользовался приглашением Николая и побывал у него в гостях. Жил он в Балашихе, а это минут 40 на электричке с Курского вокзала. Дом его нашел довольно быстро: он был недалеко от станции. Телефона у Дмитриевых тогда не было, поэтому смело, — а что же делать? — позвонил прямо в их квартирный звонок. На мое счастье все, и, главное, сам Николай, оказались в этот воскресный день дома.

Жили Дмитриевы в двухкомнатной стандартной квартире, скорее «брежневской», чем «хрущевской» планировки, ибо комнаты были хоть и маленькие, но раздельные. Принимали меня Дмитриевы в зале, обставленном весьма скромно: обеденный стол, стулья, кровать-диван, телевизор, шкафы с книгами. Цветы на окне, выходящем, если не ошибаюсь, на восток. Николай познакомил меня со своей женой Алиной Доминиковной, судя по отчеству имевшей в своем роду какие-то литовские корни. Она хотела накрывать на стол, но я был не голоден: от угощения и тем более от выпивки сразу же отказался.

Мы разговорились. Алина спрашивала, а я отвечал, в основном рассказывая о своей работе в Тульском политехническом институте. Ну а работу свою я любил, и, видимо, Алина Доминиковна сразу же это почувствовала. И поняла, что я довольно твердо в профессиональном, а значит, и в житейском смысле стою на своих ногах. И еще, видимо, поняла к тому же, что я не только не курю, но, уж тем более, и не злоупотребляю алкоголем. И как бы в шутку она сказала Коле: «Вот с кого тебе надо брать пример...». Не думаю, что это сильно понравилось Николаю, но — увы! — из песни-то строчки не выбросить: все так и было...

Тут в соседней комнате, в спальне, заплакал ребенок, и Алина ушла его качать и успокаивать. В зале остались мы с Колей и маленький Колин сын-первенец Евгений, тем не менее весьма внимательно слушавший нашу с Колей беседу. И тут Коля «преподнес» мне свое главное угощение: показал новую книгу Алексея Решетова, изданную в Перми, с новыми стихотворениями любимого поэта. Эту книгу кто-то из его знакомых специально привез ему оттуда. Как она называется, я теперь уже не помню. Помню лишь, как он читал из нее какие-то особенно понравившиеся ему стихи. И одно из них сразу же запало мне в душу — называлось оно, кажется, «Белая кровь». А сюжет был примерно такой: молодой научный работник смотрит из окна своей «шарашки», то есть «закрытого» научного учреждения, и каждый день видит красивую девушку, которую он давно любит. Но он знает, что облучен, и поэтому у него как бы нет права на эту нечаянную любовь. И в этом — трагедия. А заканчивалось стихотворение примерно такими строками:

*...Я готов под нежданной любовью —
Лишь бы только вершилась любовь —
Подписать и собственной кровью!
Но годится ли белая кровь?*

На первый взгляд кажется: все так просто в этих стихах, а уж рифмы-то до того заезжены и тривиальны, что дальше некуда. А вот, поди ж ты, другое, прочитанное Николаем вслух, почему-то сразу забылось, а эти, вроде бы простые строки, запали в душу навсегда. Значит, стихи — это все-таки не рифмы, как думают многие, это что-то гораздо более глубокое, что стоит за рифмами. Это искусство, умение поэта «переплавлять» свою, а порой и чужую жизнь «в доменной печи» такой нежной, такой хрупкой поэтической души, превращая тем самым обычную человеческую жизнь в Ее Величество Поэзию! Поэтому, вероятно, поэты долго и не живут, часто умирают молодыми: слишком уж высока «температура плавления»...

Но, однако, за точность цитируемого четверостишья не ручаюсь, особенно за вторую строчку. Хотел проверить по книгам Алексея Решетова. В моей библиотеке две книги Алексея Решетова, и ни в одной из них такого стихотворения нет. Пошел пару дней назад в наши главные тульские библиотеки: областную и городскую. Увы! Целый список книг Александра Решетова — и ни одной книжечки Алексея Решетова. Ни единой!

А ведь Вадим Валерьянович Кожинов, весьма авторитетный критик 20-го столетия, считал Алексея Решетова одним из двенадцати лучших советских поэтов, представителем так называемой «тихой» лирики. Кто желает убедиться в этом, пусть хотя бы полистает составленную Кожиновым великолепную книгу «Страницы современной лирики», изданную в Москве издательством «Детская литература» в 1983 году... Возвратился я домой грустный и расстроенный жутко: обидно за любимого поэта. Но еще обиднее за сегодняшнюю литературную молодежь, которую лишили радости знакомства с ним, да просто жаль ее до слез! Ну о чем же тут дальше говорить?..

Помню еще вот что: когда я рассказал Николаю, что уже дважды бывал в Березниках, в городе Алексея Решетова, живя там почти по месяцу в командировках, то он сразу же стал предлагать мне снова туда поехать, чтобы встретиться с Алексеем Леонидовичем. Позднее и наш Виктор Пахомов говорил мне об этой давней Кожиной мечте: видимо, и ему Коля предлагал поехать в Березники. Я, конечно, не отказывался, даже наоборот: горячо поддержал эту идею Николая. Но, увы, все так и закончилось одними разговорами. Впрочем, нет, не все: этот наш, теперь давний, разговор определил сюжет и дал мне повод и возможность написать в память о Николае Дмитриеве мое стихотворение—реквием «Одиночество поэта», опубликованное недавно в «Литературной газете»...

Вскоре я уже уходил, и Николаю тоже нужно было в Москву, кажется, в Ленинскую библиотеку. Заодно он хотел проводить меня. Решили поехать автобусом. Прощаясь с Алиной Доминиковной, я сказал ей тоже вроде бы в шутку, что быть женой такого большого поэта, как Николай Дмитриев — это уже само по себе серьезная работа, невероятно ответственная задача, почти государственное дело. И поэтому по праву половина его успеха — ее половина. Кажется, моя, в общем-то, несколько рискованная шутка была ею благосклонно принята. С тех пор мы с Алиной Доминиковной так больше никогда и не встречались, но в памяти моей остался яркий образ красивой и благородной юной женщины, которой ее муж и настоящий поэт посвящал свои лучшие любовные стихотворения...

Помню еще показавшуюся мне довольно долгой автобусную дорогу до Москвы, и особенно по Москве, где мы вскоре с Колей и расстались, И еще почему-то отчетливо помню центр города, улицу Герцена, по которой я иду к Тверскому бульвару и повторяю, как магическое заклинание, удивительные таинственные строки Алексея Решетова, подаренные мне Колей:

*...Подписаться и собственной кровью!
Но годится ли белая кровь?*

И начинаю вдруг понимать, что строчки эти гораздо глубже их первоначального значения: что они и о Коле, и обо мне, и о каждом из нас, взявшемся за перо — о нашем отношении к Поэзии, и ее отношении к нам...

6

Ну вот, пожалуй, и все. Давайте подведем итоги. Наверное, главное для вас то, что вы наверняка узнали о Николае Дмитриеве, хоть, может быть, и не так уж много, но все-таки что-то новое. То, чего вам не расскажут о нем другие, даже знающие его ближе и дольше, чем я: у меня свой, личный, индивидуальный — удаленный ракурс. Позволяющий, однако, именно из-за своей удаленности, видеть все более объемисто, более широко, а, может быть, даже и более глубоко.

Ну а главное — для меня: то, что теперь наконец-то в процессе работы над этими воспоминаниями я окреп в своем убеждении, что имею полное право писать их. Да и не только их — я вообще теперь твердо знаю, что просто обязан писать о Николае Дмитриеве все, что захочет моя беззвучно рыдающая душа, все, что потребует от меня моя неумная память. Потому что беспощадное время, безжалостно смывая следы нашего пребывания на земле, уважает лишь Слово, цепкое, как дерево, твердое, как скала. И теперь это — мое Слово о моем друге, о моем поэтическом соратнике. Слово, которое, кроме меня, так о нем не скажет никто. Именно у меня есть действительно веские основания, важные, всей моей жизнью, всей моей судьбой, моими любовью и нежностью к его творчеству, оплаченные аргументы — сказать это Слово о Николае Дмитриеве. Ведь это мне он читал своего любимого поэта, и мы вместе цитировали и почитали его — и даже неизвестно еще, кто больше. Ведь это ко мне он приезжал в свою трудную минуту, и я встретил его и помог, как мог, ни о чем не спрашивая: так, как хотел бы, чтобы помогли мне — молча, по-мужски сдержанно. И это мне он писал в своем письме:

«...Приезжай в Балашиху. Поговорим «о путях манускриптов к станкам Гуттенберга» (это — моя строчка) и о чем-нибудь высоком за высоким пузырем...».

Это он — мне. А теперь — наоборот. Это я мечтал о встрече с ним все мои долгие тяжкие «предпринимательские» годы, и для меня Поэзия и Николай Дмитриев были как бы синонимами, близнецами. Это к нему рвалась моя душа, и хоть мы так и не встретились, но все эти годы он давал мне надежду. И это о нем я написал в своем «Одиночестве поэта»:

*...И случается нередко —
Признаюсь, хоть, может, зря —
Плачусь я в твою жилетку,
Никому не говоря.*

*И тогда за счастье это
Друга выслушать совет —
Я рванул бы на край света!
Только некуда, Мой Свет...*

Ну так что же еще? Какие мне еще нужны доказательства, чтобы убедить, прежде всего самого себя, что мы с Колей были все-таки друзьями. И, более того, в этой дружбе у меня порой возникало ощущение, что я как бы в роли старшего брата. Я бы даже сказал еще сильнее: возникало чувство, похожее на отцовское. Почему так, я не знаю: казалось бы, все должно быть наоборот. Потому-то, от этого чувства, может быть, и выплеснулась в стихах «Памяти Николая Дмитриева» такая, для кого-то, наверное, странная, строка:

«...Мне кажется: я мог тебя спасти...».

Но знаете, мои уважаемые читатели и друзья (да-да, друзья: ибо друзья моего друга — мои друзья!) — хотите верьте, хотите нет — но мне до сих пор кажется именно так: мог спасти. Потому-то и горько так, и обидно так, и так одиноко, потому-то и каюсь, повторяя вслед за Виктором Пахомовым: «Ты не успел!..» Не успел, такой, казалось бы, всегда обязательный, такой предусмотрительный. Видимо, это все-таки судьба, а с нею трудно спорить...

Так что же тогда еще? А еще — всегда доступная мне роскошь процитировать любимые мною Колины строки, в которых он, уже из своего заоблачного далека, все прощая, благословляет всех нас и снова, как мне когда-то в мои «проклятые девяностые», дает каждому из нас надежду:

*Жизнь состоялась, и что там любые промашки!
Если щекочут лицо полевые ромашки.
Если в потемках, у них занимая свеченье,
Смутный рассвет за холмом начинает течение...*

7

Однако, в заключении еще вот о чем: один из моих московских друзей написал мне о желании «Литературной газеты» учредить для молодых поэтов России премию имени Николая Дмитриева. И я ответил ему в письме:

«...Премия для молодых имени Николая Дмитриева — это очень умный поступок, очень правильный ход: теперь Колино творчество станет для них ближе и, естественно, дороже...

Хотелось бы поблагодарить Юрия Полякова за понимание: я думаю, он как никто другой из поэтов, понимал и понимает значение феномена по имени Николай Дмитриев. Юрия Полякова я помню молодым поэтом, еще не имеющим книг. Мы встречались в 1979 году на 7-ом Всесоюзном совещании в фойе и зале гостиницы «Юность» и в коридорах нового «молодогвардейского» корпуса, где собственно и проходили сами занятия. Познакомиться поближе не удалось: он был, по-моему, у Соколова, а я у Старшинова.

Поэтический старт его был стремительным: 4 книги за 8 лет. Особенно удивительно это было для нас, провинциалов (мою книгу в «Современнике» мурыжили больше 5-ти лет). Две из этих четырех книг в моей библиотеке есть. Поэт он добротный, очень работоспособный. У меня складывалось впечатление, что он как бы пытался соревноваться с Дмитриевым.

Но лидером нашего поколения остался все-таки Николай, в его судьбе к тому времени было уже много горького и трагического, на чем и росло его творчество. Своими книгами «С тобой» и «Тьма живая» он как бы поставил в этом споре окончательную точку. Поляков же, очевидно, чувствуя это, ушел в прозу, и довольно успешно.

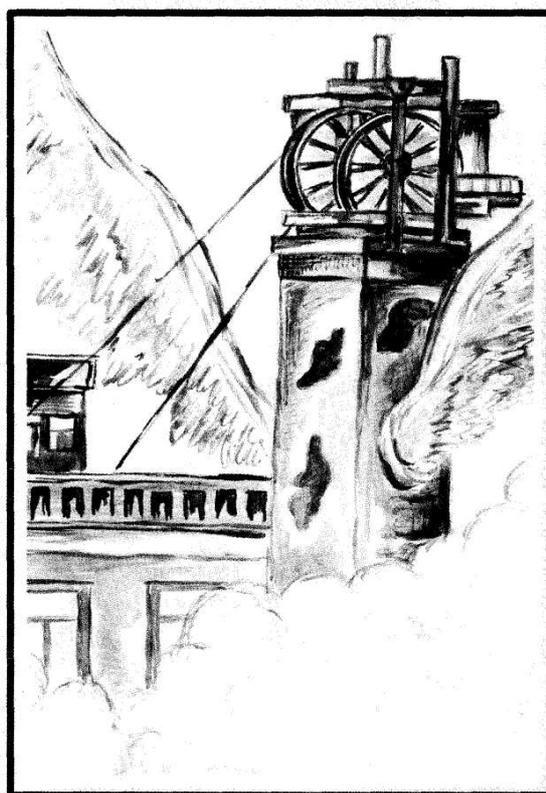
Думаю, что все, о чем я сейчас рассказал, и подвигло Юрия Полякова к решению сделать премию имени Николая Дмитриева. Дай Бог ей долгой жизни! Жму руку. Постараюсь сделать для памяти Николая все, что смогу.

Валерий Савостьянов».

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Михаил Чикин
(г. Сокольники)

ТУЛЬСКИЙ КРАЙ В ЖИЗНИ СЕМЬИ ШАХОВСКИХ

Михаил Чикин, директор школы № 1 г. Сокольники, учитель русского языка и литературы, окончил Тульский педагогический университет им. Л. Н. Толстого, с 2000 года живет и работает в г. Сокольники

*Пускай пожар горит над нами,
О, Русь, я связана с тобой
Тысячелетними снегами
Под черной русской землей.*

*С тобою скованная снами
Твой гнев и боль твою деля,
Я помню — дышит под снегами
Все та же черная земля.*

З. Шаховская, 1934 г.

1

Имена семьи Шаховских были в Тульской губернии, в Веневском и Епифанском уездах, но отец был москвичом, как и все почти его родственники. Зинаида Алексеевна родилась в 1906 году в Москве на Сивцевом Вражке, а ее брат Дмитрий (владыка Иоанн архиепископ Сан-Францисский) в Леонтьевском переулке (ныне ул. Станиславского).

С детства они жили в имении Матово, лишь на зиму переезжая в Москву. И особые черты усадебного быта навсегда вошли в их плоть и кровь — благородство и сострадание, гордость (а не гордыня) и честь — вот, пожалуй, главные составляющие черты российского помещичьего дворянства.

Мать развивала в детях смелость и предприимчивость; заставляла лазить по высоким деревьям и сама показывала этому пример. С балкона второго этажа матовского дома Дмитрий Алексеевич, будучи ребенком, должен был слезать по веревочной лестнице, преодолевая «чувство бездны» за своей спиной. Все это было воспитанием инициативы, преодолением малодушия. Внешнее в ребенке становится выражением

внутреннего состояния и характером взрослого. Мать учила своей живостью, допускавшей лишь в меру снисхождения и слабостям. В памяти Зинаиды и Дмитрия Шаховских на всю жизнь осталось поучение родителей — «не лгать», даже в пустяках, и иметь мужество сознаваться в недолжном поступке. С ранних лет слово «правда» преподносилось им как ценность сама по себе, не зависящая ни от какой инструментальной ее нужности и ценности. С детства правда была для них чем-то прекрасным и привлекательным... Жизнь в семье Шаховских, по словам Дмитрия Алексеевича, была «бодро-веселая, без отвлеченных нравоучений». Свобода человеческая входила в семью сама собой в открывающейся все шире — жизни.

Отец влиял на детей всем стилем своей спокойной жизни, благодушной трудолюбивостью и серьезным, честным отношением к вещам.

Зинаида Шаховская вспоминала: «Отец, будучи человеком высокой скромности, не любил показываться в мундире камергера и при орденах и отсылал нас в наши комнаты, а мы, наоборот, конечно, хотели присутствовать при таком преображении. Я все хотела «примыслить» себе его позолоченный ключ, если память не изменяет, на голубой ленте, прикрепленный к мундиру».

Нужно отметить довольно-таки интересную родословную этой семьи.

Бабушка Зинаиды и Дмитрия Шаховских по материнской линии, урожденная Чирикова, была дочерью Егора Чирикова, стоявшего во главе комиссии по разграничению России и Персии. Женат он был на Зинаиде Карловне Росси — дочери зодчего (в ее честь и называли правнучку Зинаидой).

«И я с детства знала, что и арка Генерального Штаба, и спуск к Неве со львами, и Музей, ныне носящий имя Русского музея, и другие здания — часть нашего неотъемлемого наследства», — вспоминает Шаховская в частном письме

Об отцовской линии Шаховских мы узнаем из воспоминаний Дмитрия Алексеевича Шаховского.

У храма слободы Новики села Гремячего, в семейном склепе, в часовне, был погребен бывший хозяин Матова князь Дмитрий Федорович Шаховской, в честь которого он (Д. А. Шаховской) был назван Дмитрием. Рядом была погребена его незамужняя сестра Варвара Федоровна, в честь которой была названа старшая сестра Шаховских. Эта линия была в родстве с прабабушкой Зинаиды Алексеевны и Дмитрия Алексеевича Поликсеной Егоровной Книна, урожденной Чириковой. По этой линии мать Шаховских была в дальнем родстве с отцом (своим мужем).

На зиму семья Шаховских перебиралась в Москву, а когда дети стали старше, в Петербург. «Там (в Матове) жил мой отец, который так любил землю, что оставался в деревне даже тогда, когда мы, дети, с матерью проводили зиму в Москве, в Петербурге» («Биография юности» Д. А. Шаховской).

Отец Шаховских большую часть времени проводил в Матове, занимаясь имением, делами по земству. Приехавший описывать землю представитель дворянского земельного банка был поражен увиденным и честно признался, что подобного рачительного и хорошо отлаженного хозяйства более он в Тульской губернии не видел. В 1916 году в Матове был десятипольный севооборот, щадящее землепользование — здесь следили не за максимальными доходами, а, в первую очередь, за «улучшением качества почвы». Документ этот сохранился в Тульском государственном архиве.

Данный факт, пожалуй, и объясняет отношение крестьян к одиннадцатилетней Зинаиде, оставшейся весной 1918 года заложницей в Матове. Мать была в тюрьме в Веневе, отец скрывался, старшая сестра Варвара и 15-летний брат Дмитрий в Москве хлопотали о матери.

Сестра Наташа с теткой жили в Веневе для «передач» в тюрьму. «За пределы усадьбы, — вспоминала Зинаида Шаховская, — красноармейцы не рисковали выходить и выезжать. В деревню развлекаться не ходили, опасаясь народного гнева. Ведь

помещиков выгнали, не спрося на то крестьянского разрешения... Деревня (Матово) ко мне не переменялась. Из изб выходили мужики, те самые, что почти начисто вырубали посаженную моим отцом рощицу, «чтоб другим (чужим) не досталась». Собирались бабы... расспрашивали о матери, охали, приговаривал, гладили меня по голове... Бабы обещали собрать «яичек да маслица» и с оказией послать в Венев заключенной, угощали меня «пирогом», пшеничным хлебом...». («Собачья смерть» З. Шаховская).

С какой-то необычайно трепетной глубокой любовью вспоминает Шаховская о времени, когда они жили в Матове, о тех людях, которые находились там рядом с ними.

«Мое детство — это, прежде всего, Матово, средняя черноземная полоса России, милая русская, тульская земля...». (Д. Шаховской).

Живя в Матове, Шаховские по воскресеньям и праздникам отправлялись утром к обедне в Гремяче: «Особенно ярко помню весенние дни Троицы: солнце, храм, украшенный березками. Подавалась пролетка тройкой, а иногда желтый шарабан, английский кеб, запряженный парой в дышло. Кучера были одеты в бархатные полукафтаны и яркие оранжевые или малиновые рубахи, рукавами выступавшие из кафтана, а на головах их были крупные шапочки с павлиньими перышками. Войдя в храм, мы всей семьей становились на левом клиросе. Деревенский хор парней и девок пел на другом клиросе бойко и голосисто. Церковь наполнялась крестьянами, разодетыми в праздничное; парни стояли в чистых высоких сапогах и блестящих галошах (галоши считались украшением, их во время дождя снимали)». (Д. Шаховской).

В храме Гремячего служил приятный, тихий, молодой, вдовый священник отец Александр Маковский, который иногда приезжал с псаломщиком в Матово и служил на дому всенощную на праздник. Именно он весной 1918 года, не страшась последствий, навещал в Матове малолетнюю заложницу Зинаиду Шаховскую. «Протрясшись на своей клячонке около десяти верст, он привез мне красное яичко и пропел пасхальные песнопения» (дело было после Пасхи). (З. Шаховская «Собачья смерть»).

В Матове был большой двухэтажный дом с террасой, огороды с парниками, сад, скотный двор с конюшней и коровником, курятник, людская кухня, сарай, псарня, скотный пруд.

Сама деревня Матово находилась в нескольких верстах от усадьбы. Еще до отмены крепостного права туда были переселены крепостные «Матовской волости».

Из воспоминаний З. Шаховской мы узнаем, что в Матове была «лавчонка», в которой продавались все немудреные товары сельского обихода, жамки, тульские пряники, раковые шейки, подсолнухи. В этой «лавчонке» Шаховские обычно останавливались, переезжая из одного имения в другое, для того, чтобы купить лакомства для деревенских детей.

В молодости Дмитрий Шаховской был заядлым охотником и с «зауэровской» бескурковой двустволкой и собакой, как Тургенев, хаживал по тульским полям, болотам и лесам. «Самое же сладостное было для меня стоять в совершенной тишине белого зимнего леса, слышать дальше завывание гончих и вдруг увидев (ВДРУГ — в этом все дело), как из леса, невдалеке от себя, настороженно ковылял русак» (Д. Шаховской «Биография юности»).

Охотился он на уток в болотах Епифанского уезда, у истока Дона, в 20 верстах от другого имения, Прони, где Шаховские одно время жили после совершившегося в 1914 году развода их родителей (В этом же году, летом, произошло бракосочетание матери с помещиком Епифанского уезда Иваном Александровичем Бернардом, который летом 1916 года был убит).

По воспоминаниям Дмитрия Шаховского, в усадьбе Прони, в большом ее парке, стояла церковь, в которой и происходило венчание матери с И. А. Бернардом. Около

этой церкви с колокольней, на которую Дмитрий залезал с дьяконским сыном Ленею, находилось заросшее густой травой, со старыми покосившимися крестами, «типичное» русское кладбище. Среди парка располагалось озеро, на лесном высоком берегу которого, в «Дубках», как его называли, любил рыбачить местный батюшка.

2. Родословная князей Шаховских

К сожалению, мы совсем не знаем истории своего родного края. Знаем Л. Толстого, В. Вересаева, знаем Куликово Поле, Ясную Поляну... И все!

Оказывается, тесными нитями с Гремячим, Веневом, Епифанью связан род князей Шаховских, имение которых находилось всего в нескольких километрах от нашего родного города, в селе Матово.

Князья Шаховские относятся к старинному русскому дворянскому роду, ведущему свое родословное древо от новгородского князя Рюрика.

Родоначальник князей Шаховских — князь Константин Глебович по прозвищу Шах (17-е колено от Рюрика). Род был внесен в 5-ю часть дворянских родословных книг Курской, Московской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Санкт-Петербургской, Тверской и Харьковской губерний.

Родословная линия князей Шаховских продолжалась в 11—13 веках от киевского князя Владимира I Святославича к его правнуку Владимиру Мономаху, потомки которого владели Смоленском и назывались князьями Смоленскими. Один из них — Федор Ростиславич, умерший в 1299 году, к концу жизни княжил в Ярославле. Сын его — Давид Федорович, умерший в 1321 году, получил в удел город Ярославль. Его правнук — Константин Глебович, князь Ярославский, потомок Рюрика в 17 колене, живший в 15 веке, получил прозвище — Шах. Его внук — Александр Андреевич Шемяка с многочисленным потомством образовали девять ветвей родословного древа. Правнуки уже носили фамилию князей Шаховских, хотя до 17 века подчас назывались князьями Шемякиными. Таким образом род князей Шаховских непосредственно произошел от князей ярославских.

В 80-е годы 18 века был утвержден герб князей Шаховских. По составу этот древний княжеский герб содержит основные детали городских гербов Киева, Смоленска, Ярославля. На гербе князей Шаховских в центре четырехчастного щита помещен черный медведь с золотой секирой на золотом поле — герб княжества Ярославского. В других двух больших частях, расположенных по диагонали, — ангел в серебряной одежде с серебряным мечом и золотым щитом на лазурном поле — это герб Великого княжества Киевского. И, наконец, герб древнего Смоленского княжества — в серебряном поле пушка на золотом лафете, на которой сидит райская птичка. Герб внесен во вторую часть «Общего гербовника».

В первой ветви, родоначальником которой был князь Данило Андреевич, наиболее известен Федор Иванович Шаховской, служивший воеводой в Смоленске, Пскове, Великих Луках, Чернигове. В 1683 году он был пожалован в окольных. В 1700 году Ф. И. Шаховской был назначен членом комиссии по составлению нового Уложения. Князь Григорий Петрович Шаховской (из третьей ветви) впервые упоминается в 1587 году в качестве вернувшегося из польского плена. Он ревностно служил царю Федору Иоанновичу, а затем Борису Годунову. В 1596 году Г. П. Шаховской был воеводой в Туле, потом командиром сторожевого полка в Крапивне, в следующем году — в Новомонастырском остроге в Черниговской области. В 1600 году был объезжим головой в Москве, затем в передовом полку в Новосили, в 1603 году — первым воеводой в Белгороде. В 1605 году он перешел на сторону Лжедмитрия I. Будучи воеводой в Путивле поднял восстание против царя Василия Ивановича Шуйского, а затем вступил в ополчение Ляпунова и участвовал в освобождении Москвы

от поляков. Из этой же ветви известен Семен Иванович Харя, политический деятель и духовный писатель начала XVII века. Автор таких произведений как «Повесть известна сказуема на память великомученика благоверного царевича Дмитрия», «Повесть о некоем мниси, како послася от Бога на царя Бориса», посвященных «смутному времени». В многочисленной третьей ветви, родоначальником которой был Петр Андреевич Шаховской, значится драматург, академик Академии наук Александр Александрович Шаховской (1770—1846 гг.). Он окончил Благородный пансион при Московском университете. В 1802—1826 годах возглавлял петербургскую драматическую труппу. Член «Беседы любителей русского слова». Написал более 10 пьес, из которых наиболее известна — «Новый Стерн». В ведущей своей род от Федора Александровича шестой ветви известен действительный тайный советник и сенатор князь Николай Леонтьевич Шаховской (1757—1837 г.г.), участник русско-турецкой войны. В бою под Измаилом он был ранен в голову и лишился руки. Награжден орденом святого Георгия. Его родной брат Иван Леонтьевич (1776—1860 г.г.), генерал — от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813—1814 годов, член Государственного Совета (1839 г.), председатель Департамента военных дел (1848 г.). Кроме орденов св. Георгия четвертой, третьей и второй степени был награжден орденом святого Александра Невского, святого Владимира первой степени, святого Андрея Первозванного. Потомок шестой ветви Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902—1989 гг.) — проповедник и духовный писатель был в сане архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского. Дочь князя Алексея Николаевича Шаховского, камергера, действительного статского советника и предводителя дворянства — Зинаида Алексеевна Шаховская умерла в июне 2001 года в Париже в возрасте почти 95 лет. Родилась она в Москве, на Сивцевом Вражке. Вместе с матерью и сестрами в феврале 1920 года эмигрировала во Францию. Занималась журналистской деятельностью, редактировала газету «Русская мысль» в Париже. Автор более 20 книг. Среди мемуаров книги «Моя Россия, одетая в Советский Союз», переведенная на множество языков и «Отражение» — воспоминания о людях, с которыми встречалась З. И. Шаховская: Бунин, Цветаева, Ходасевич, Замятин и др. Родная сестра отца Иоанна — Зинаида (р. 1906 г.) — известная писательница (псевдоним Жан Краузе). Шестую ветвь продолжает Дмитрий Михайлович Шаховской, родившийся во Франции в 1934 году. Доктор исторических наук, профессор университета Верхней Бретани в г. Ренн, издатель многотомника «Российское общество и дворянство», ученик выдающегося русского генеалога Н. Иконникова. В седьмой ветви, ведущей свое начало от князя Ивана Александровича Шаховского, многим хорошо знакомо имя Федора Петровича Шаховского (1796—1829 гг.), осужденного по делу декабристов по VII разряду с лишением чинов и званий на вечное поселение. Он вместе с А. Н. Муравьевым был одним из учредителей «Союза Спасения» (1816 г.) и «Союза Благоденствия» (1818 г.). Несмотря на то, что после 1821 г. он отошел от революционного движения, был жестоко наказан царем. Умер в Суздале, в Спасо-Ефимьеве монастыре. Его отец, князь Петр Иванович (1751—1827 гг.) — тайный советник, в 1811—1816 годах был Псковским гражданским губернатором. Внук декабриста — Дмитрий Иванович (1861—1939 г.г.) — член Государственной Думы первого созыва, руководил фракцией кадетов. После Февральской революции до июльского кризиса возглавлял Министерство государственного призрения Временного правительства. Репрессирован в 1939 году. Петр Михайлович Шаховской, по прозвищу Кила, (8-я ветвь рода) умерший в 1605 г., начал дипломатическую службу во второй половине XVI в. при Иване Грозном, а в начале XVII века представлял Россию в переговорах с иностранными послами. Его родной брат Мирон Михайлович Безродный (умер в 1632 г.) участвовал в качестве ближнего боярина в избрании на царство Михаила Федоровича Романова. По поводу девятой ветви рода Шахов-

ских ученые не приходят к единому мнению и пока с сомнением относят ее представителей к древнейшему княжескому роду. Родоначальником князей Шаховских второй ветви являлся праправнук князя Константина Глебовича — Иван Андреевич Шаховской. Один из представителей этой ветви — Юрий Иванович Косой получил известность своей победой под Погорелым Городищем в 1612 году над превосходящими силами польской армии под командованием короля Сигизмунда. В 1614 г. он попал в польский плен, а после удачного извращения от него был воеводой передового полка в Михайлове. За жестокое отношение к инородцам, будучи воеводой на Таре, был отозван со службы и наказан. Как известно из архивных источников, князь Алексей Иванович (ок. 1690—1737 гг.) обучался в 1704 году математическим наукам в Москве на Сухаревой башне, а в 1706 году был определен волонтером на службу к князю А. Меншикову. В 1718 г. князь А. И. Шаховской был определен в поручики и зачислен в Рижский драгунский полк. Принимал участие в Северной войне, в сражении под Полтавой. В 1727 году он был пожалован в почетное звание майора лейб-гвардии Семеновского полка. 6 марта 1730 года князь Алексей Иванович стал сенатором. Императрица Анна Иоановна пожаловала ему в разных уездах России 1023 душ крестьян, а всего в 12 уездах у него имелось 1900 душ крестьян. В 1733 году Алексей Иванович был произведен в генерал-лейтенанты, а 26 января 1734 года стал правителем Малороссии. Умер Алексей Иванович Шаховской в чине генерал-аншефа 26 апреля 1737 года. Царский стольник князь Степан Никитич Шаховской в 1658 году купил село Колпь Андреевское «с деревнями и пустошами» у боярина и своего родственника Василия Ивановича Стрешнева. Именно стольник С. Н. Шаховской был послан царем Алексеем Михайловичем 4 сентября 1666 года к запорожскому гетману Ивану Брюховецкому с грамотой, в которой извещалось о рождении царевича и великого князя Иоанна Алексеевича.

3. Дмитрий Алексеевич Шаховской

*Хоть и прекрасны дни былые,
И ныне чужд родимый край,
Но ты молчи, моя Россия,
И голосов не подавай.
Пройдут года, ты скажешь слово,
Твое зажженное в ночи,
Но на закате дня людского
Ты, униженная, молчи.
Молчи и верь словам поэта:
Быстро изменчивы года.
Бывают ночи без рассвета,
Но без надежды никогда.*

Д. А. Шаховской

Изучая духовное богатство Русского Зарубежья, нельзя миновать труды, созданные одним человеком, но подписанные по-разному: Дмитрий Шаховской — иеромонах Иоанн — архиепископ Иоанн Сан-Францисский — Странник — священнослужитель. В закономерной смене этих наименований отражается сложный, но удивительно целостный жизненный путь замечательного человека — пастыря, философа, поэта, — путь к Богу.

Дмитрий Алексеевич Шаховской родился 23 августа по старому стилю, в 1902 году, в Москве.

«Земное существование свое я начал в Москве, 23 августа 1902 года, — пишет в

биографии своей юности Дмитрий Шаховской.— Тайна человеческого бытия не позволяет мне точно определить время, когда бессмертный мой дух, созданный Богом, вошел в ставшее моим тело, — было ли это во чреве матери моей, или когда я, впервые вдохнув земной воздух и прорезав им свои легкие, закричал в мире,— не знаю. Но воздух земной вошел в мои легкие под вечер 23 августа 1902 года, в Леонтьевском переулке в Москве».

Несколько зим вся семья провела в Матово. Дмитрий Алексеевич тогда учился дома и свои экзамены в первый класс сдал в Туле, в Дворянской гимназии на Киевской улице. «По этой улице тогда ходила конка, — вспоминает он,— причем в гору по этой широкой улице тащила конку одна лошаденка, а с горы ее лихо мчала тройка. Это было уже некое видение русских черт — ненужной лихости и терпеливого страдальчества (может быть и иррационализма, коим полна русская история); но мы смеялись над этим».

Еще одна географическая точка на карте нашего края связана с семьей Шаховских: «Проня была от Матова в десяти верстах. Станция Епифань, Сызранско-Вяземской железной дороги, ближайшая к обоим именьям, отстояла в 18 верстах от Матова и в 8 от Прони. В Веневе была станция Рязанско-Уральской железной дороги, но до Венева от Матова было 30 верст, и мы редко ездили этим путем. Помню только два путешествия в Венев. Одно зимой, в возке, тройкой цугом, а другое весной, в распутицу, в тяжелой, на железных шинах, карете, запряженной шестериком (кучер правил четверкой, а парой лошадей впереди — сидевший на одной из них фореитор)».

Осенью 1915 года он поступает в Императорский Александровский Лицей; однако занятия прерываются катаклизмом 1917 года. Семнадцатилетний князь Дмитрий принимал участие в белом движении, но, оказавшись в изгнании, он четко проведет свою независимую линию между правыми и левыми, видя в каждом человеке неповторимый лишь образ Божий. Начиная с 1923 года Дмитрий Шаховской выпускает один за другим три поэтических сборника, начинает издавать в Брюсселе литературный журнал «Благонамеренный».

И вдруг — резкий поворот: оставив все светское и мирское, Дмитрий Алексеевич, по совету своего старца, уходит в монашество. Иноческий постриг был принят им на Афоне в 1926 году, в день своего рождения — 23 августа (стар. стиля), с наречением имени Св. Иоанна Богослова, апостола любви. Впрочем, внутренняя подготовка к этому событию давно где-то зрела в глубинах его души.

Как и когда великий пастырь православного зарубежья пришел к Богу?

«В Бога я верил всегда,— пишет он.— Но религиозное сознание мое было младенческим, и таким оставалось до университетских лет. Я никогда не проходил в жизни через «кризис веры», колебания или сомнения. Я кратко молился Богу утром и перед сном, и, может быть, не вполне понимая глубокого смысла всего происходящего в православном храме, участвовал в православной молитве, когда меня приводили, или — потом я сам приходил в храм.

Впрочем, не надо преувеличивать сознательности в вере. И вообще в мире... В усадьбе Прони, в большом ее парке, стояла церковь, недалеко от дома. Кроме таинства венчания в ней моей матери, когда мне было 12 лет, у меня совершенно не осталось в памяти о церковных ее службах. Но я хорошо помню кладбище около этой церкви, заросшее густой травой, со старыми покосившимися крестами, типичное русское кладбище. Помню колокольню, и как я залезал на нее с дьяконским сыном Лене́й, и как пахло там голубями. Помню и пожилого батюшку этого храма, но не служащим в храме, а сидящим с удочкой, в «Дубках», на высоком лесном берегу озера, среди нашего парка».

Как видим, рос Дмитрий Шаховской, как обычный деревенский мальчишка, рос среди лесов и полей, русских деревень. Любил родные края и писал о своей земле с большой любовью.

И кажется, все складывалось хорошо в жизни Дмитрия Алексеевича. Но наступил 1917 год.

«Может быть, тогда... я впервые ощутил Россию, почувствовал ее историю. Чувство «русскости» во мне возникло раньше, и этим я всего более обязан отцу. Помню его в матовском доме, склоняющегося над картой Балканского полуострова; в карту вколоты флажки, это время войны 1914 года. Отца волнуют события, он чувствует связь балканской и русской судьбы. Отец был националистом в чистом и гуманном, «московском» смысле этого слова.

А вот слова Шаховского о своей родословной.

«Чувство России, я думаю, стало у меня развиваться с десятилетнего возраста. С благоговением и детской гордостью я читал в историческом повествовании, как, во время Бородинского сражения, действовал у деревни Утица, против маршала Даву, корпус «егерей Шаховского». Тогда генерал-майор и командир егерей в бородинской битве, прадед мой, Иван Леонтьевич, стал в тридцатые годы одним из усмирителей Польши, а потом генералом Аудитората (высший чин юстиции Русской армии). Император Николай I говорил о нем, как о «своей совести» (сейчас трудно определить, в чем он был внимателен к этой совести). Его портрет, висевший у нас и показывавший на нем все российские ордена (кроме Георгия 1-ой степени) возбуждал во мне чувство России. Я осознавал чрез него себя причастным к России. Это чувство русскости у меня еще более обострилось, когда мне стало известно, что наша семья свое начало ведет от Рюрика и св. князя Владимира, через святых благоверных князей Федора Смоленского и Ярославского, память которого и сыновей его, Давида и Константина, церковь празднует 19 сентября (2 октября) и 5 (18 марта)».

Осенью 1915 года — младший класс лицея. Уже ощущалась война. Последние месяцы лицейской жизни прошли у Дмитрия уже при революции.

Начинался новый, второй этап, уже зарубежной жизни Дмитрия Алексеевича.

«Вряд ли Россия когда-либо в истории так много говорила,— пишет он в воспоминаниях юности.— Цари не поощряли излишней говорливости. Но крышка котла сорвалась, и пар пошел. Потом его опять загонят внутрь и будут впускать в колеса. Но в те дни машина легла колесами вверх, и пар, несясь в воздух, свистел».

Нагрянула беда и к Шаховским. В рязанском имении бабушки Муравьевой люди из города арестовали ее сына Сергея и дочь Наталью, по дороге в город вместе с соседями по имени расстреляли.

«Перед рассветом холодного мартовского дня, когда я был уже на скотном дворе и наблюдал за приготовлением к дойке (мне было в Матовее поручено заведование молочным хозяйством), я увидел, через дальние ворота, вливавшихся во двор вооруженных всадников. Это был отряд красногвардейцев, прискакавших из Венева. Всадники быстро окружили усадьбу, и начался обыск.

Несколько револьверов и охотничьих ружей было найдено в доме. Мать арестовали и увезли в Венева...».

Как и свое детство, Шаховской покинул матовский дом.

Пятнадцатилетним юнцом Дмитрий попадает в Добровольческую армию Деникина. Чтобы его взяли вольноопределяющимся, пришлось прибавить два года.

«Участие мое в гражданской войне на юге России было эпизодическим, — вспоминает Дмитрий Шаховской, — и я не расцениваю его серьезно. Это было с моей стороны не зрелое дело, а мальчишеское приключение. Мне, очевидно, должен был быть на мгновение показан ад. В те дни немало подлинно героических людей, которым нельзя было стать легальной оппозицией властям в России, со всех концов России сочились, как русская кровь, на юг и там проливались в землю. Оставшаяся часть их в 1919 и в 1920 годах вытекла из России, составив первую эмиграцию. Кроме героев, конечно, были и просто захваченные общим сумасшествием человекоубийства,

перешедшего в братоубийство. Были среди военных и по инерции перешедшие в новую войну. Война стала для них жизнью».

Летом 1920 года на пароходе «Цесаревич Георгий» Дмитрий Алексеевич Шаховской покидает Россию. Навсегда. Франция, Париж. Здесь он знакомится с И. Буниным, Б. Зайцевым, М. Алдановым. Учеба в университете. Но его мысли, как и всей русской эмиграции, были о России.

«Мы не считали себя тогда оторванными от России. Только что вышедшие из ее недр, вернее вырванные с кровью из ее плоти, мы были плотью и кровью России, ее продолжением в мире. Политическая интерпретация эмиграции в Советском Союзе грешит односторонностью и не объективна в оценке той зарубежной России, которая «с севера, запада, юга и востока» выливалась со своей Родины на просторы мира и служила ей своим русским словом, своей свободой и трудной для многих жизнью.

Странно было бы преувеличивать значение русской эмиграции. Но нельзя его и преуменьшать. Мы были подобно большому кораблю, который, выйдя из родной гавани, зажил своей, по-своему полной жизнью, ощущая, впрочем, что он лишь часть целого, что он лишь корабль своей Родины, а не гавань...».

Дмитрий Шаховской уходит в монашество.

«Я сидел в редакции «Благонамеренного», занимаясь просмотром рукописей за письменным столом. Это была брюссельская квартира моей матери. Был я здоров, молод и совершенно ни о чем в те минуты не думал, кроме литературных задач, они занимали все мое внимание. И — вдруг — все исчезло. И я увидел пред собой огромнейшую книгу, окованную драгоценным металлом и камнями, стоящую на некоей, словно древней, колеснице. И на этой книге была яркая, ясная надпись русскими буквами:

Книга книг соблазна.

Сколько секунд продолжалось это видение, я не знаю... Очнувшись, я обнаружил, что сижу у письменного стола, но моя голова лежит на моих коленях... Такого со мной никогда не случалось... У меня не было тогда ни сонливости, ни усталости. Что-то, как молния, явилось мне — и скрылось. Я как-то обмер, но душе моей было мирно. Никому я об этом не сказал... Только позже я осознал смысл этого явления, которое было мне символическим, чисто духовным указанием неверного направления моей жизни... Литературное слово, оторванное от служения Божьему слову, конечно, соблазн духа, — и для многих... Тут был и соблазн и моей душе, — я мог в него уйти целиком, и уходил... И из мира духа ко мне протянулась рука, чтобы остановился я на этом своем пути абсолютизации неабсолютного».

23 августа по старому стилю 1926 года, в день своего 24-летия, на рассвете, в одной из церковок-паракоисов Пантелеймоновского монастыря на Афоне Дмитрий Шаховской был пострижен в монахи под именем Иоанн.

Пастырство отца Иоанна началось в Югославии, в Белой Церкви, где он оставался с 1927 по 1931 год. Он задумывает свое Православное миссионерское издательство «ЗА ЦЕРКОВЬ». Начинают выходить брошюры, проповеди, беседы, выдержки из творений святых отцов. Отец Иоанн понял также, что его священство не есть преграда для литературного таланта. Только то, что он писал до монашества, было направлено в сторону мира, делалось во имя свое. А теперь этот дар, преображенный и очищенный, должен служить спасению душ человеческих и славе Божьей. До конца дней эта творческая любовь к слову не оставляла его.

Пребывание иеромонаха Иоанна в Югославии было временным. Попав туда по зову своего духовника, епископа Вениамина, он оставался там до середины 1931 года, после чего вернулся в Париж под амафор своего первосвятителя, митрополита Евлогия. В начале 1932 года митрополит Евлогий назначает иеромонаха Иоанна в Берлин настоятелем Свято-Владимирского храма, а позже и благочинным всех своих приходов в Германии.

В 1945 году отец Иоанн уезжает в Париж. Во Франции отец Иоанн остается недолго. Следует вызов в Америку. В начале января 1946 года отец Иоанн прибывает во Флориду — последний удел своих земных странствий. Посланный из Нью-Йорка заменить больного священника в Лос-Анжелесе, в Калифорнии, архимандрит Иоанн остается там около года. Потом — он епископ Бруклинский, епископ и архиепископ Сан-Францисский... Много сделано отцом Иоанном для Православной Церкви на этой новой для него земле. Ряд административных начинаний большого размаха, многочисленные путешествия в Европу и другие страны мира, расширение изданий его литературных трудов и поэтических сборников.

Умер он в 1989 году, служа Богу и России. Дмитрий Шаховской — Иеромонах Иоанн — Архиепископ Сан-Францисский — Странник — Священнослужитель — таковы имена, которыми он подписывал свои труды... Поэт, философ, пастырь, он, как и все великие люди русского зарубежья самозабвенно любил Россию. И поверьте, я с гордостью осознаю, что на нашей земле, в моем родном крае, жил когда-то, гулял по этим полям и лесам великий патриот России Дмитрий Алексеевич Шаховской.

4. Зинаида Алексеевна Шаховская

Земля Тульская. Русское раздолье. Все здесь дышит многовековой историей. Куда бы вы не заглянули, обязательно прикоснетесь к ней, услышите отголоски прошлого.

Испокон веков здесь рождались сильные, мужественные, талантливые люди. Этот край — родина многих из тех, кто принес славу своей стране, своему народу. С этой землей связано имя великого реформатора человеческой души — Льва Николаевича Толстого, писателя — сатирика Салтыкова-Щедрина, писателя-демократа Глеба Успенского, нежнейшего и прекраснейшего Ивана Бунина. Сегодня, спустя почти столетие, мы открываем имя почти неизвестной поэтессы, нашей землячки — Шаховской Зинаиды Алексеевны.

Зинаида Алексеевна проучилась в России только шесть месяцев, десятилетней девочкой выдержала экзамен в 7-й класс (первый) Екатерининского института в Петрограде на Фонтанке, 36, где судьбой отведено ей было заниматься только с сентября 1916 года до февраля 1917 года. Успев затвердить все слова на «ять» — «звезда, гнезда» и прочие, она с тех пор, по ее признанию, грамматики «в руках не держала», хотя впоследствии плодотворно писала по-русски, справедливо и дерзко утверждая: «мой язык, как хочу, так и говорю», утешаясь пушкинским: «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю».

«Учившись понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» в разных местах, куда история забрасывала мою семью, кроме любви к литературе и истории, насыщаемой с раннего детства книжным запоем, никакого образования у меня не было. А прочла я уже многое, особенно в нашем тульском имении Матово, от 1917 до 1918 года, когда моя мать, как бы предчувствуя, что от матовских книг вскоре ничего, кроме пепла, не останется, открыла мне безо всякой цензуры помещицью библиотеку. Были тут и Шекспир, и Мольер, Толстой и Боборыкин, Лесков и Лажечников, Надсон и Фет, Писемский и Достоевский, Белинский и Вальтер Скотт, вся «Нива» и все приложения к «Ниве» — добрая окрошка, из которой я, не все, конечно, понимая и в шкалах ценностей не раз-

бираясь, все же вынесла немало, а главное — пристрастилась к чтению даже трудных для 11-летнего ума книг». (З. Шаховская «Отражения» глава «Начало»).

Недолгое российское образование прервала революция. В 1920 году Зинаида Шаховская, пережив лишь частично описанные в «Собачей смерти» мытарство и ужасы гражданской войны, с матерью и сестрами отправилась в эмиграцию. Отец уезжать категорически отказался. Он был уверен, что скоро все встанет на свои места, и спасая родных, сам остался в России. Конец его последовал скоро — по свидетельствам матовских старожилов, «князь Шаховской в 1921 году замерз под сараем, сторожа какой-то склад».

Незавершенное образование Зинаиде Алексеевне пришлось доканчивать в различных колледжах Константинополя, Брюсселя и Парижа. Совсем еще юной, в 17 лет, не без помощи брата Дмитрия, в ту пору уже известного в эмиграции поэта и издателя журнала «Благонамеренный», попала она в общество русских поэтов, художников, музыкантов зарубежья, и с тех пор, где бы она ни жила, стала активной пропагандисткой дорогой ей российской культуры, российской словесности. Она сразу же стала писать по-русски и по-французски. Переводила русских поэтов, писала о них заметки, критические статьи, эссе — в ее богатом литературном наследстве есть две книги о Пушкине, несколько историко-культурных монографий о русской истории. Широкою известность и различные литературные премии принесли ей романы, написанные по-французски под псевдонимом Жак Краузе.

В 1926 вышла замуж за С. Малевского-Малевича; их венчал в парижском Сергиевом подворье отец Сергей Булгаков. В конце 20-х — начале 30-х участвовала в работе Парижского союза молодых писателей и поэтов (А. Эйсер, Ю. Софиев, А. Штейгер, Вл. Смоленский). Писала по-русский и по-французски в различных европейских и эмигрантских изданиях, переводила русских поэтов. В Брюсселе вышли сборники стихов «Двадцать одно» (1927, под псевд. «Зинаида Сарана»; Сарана — название имения в Пермской губернии), «Уход» (1934) и «Дорога» (1935), замеченные эмигрантской критикой.

В 1940 находилась в санитарных войсках французской армии, потом принимала участие в движении Сопротивления на юге Франции. В январе 1942 г. друзья помогли ей перебраться в Англию, где находился ее муж. В Лондоне работала редактором Французского информационного агентства. В 1945—48 военный корреспондент при союзных армиях в Германии, Австрии, Италии, затем в Греции. Передавала репортажи с Нюрнбергского процесса. Награждена орденом Почетного легиона. Лауреат премии Парижа (1949), дважды лауреат Французской Академии.

Много путешествовала по Африке, США, Канаде, Мексике. В 1956—57 жила с мужем в Москве. Результатом осмысления всего виденного и пережитого стали книги мемуаров, воспоминаний и очерков. Первые четыре тома воспоминаний под общим названием «Tel est mon siecle» («Таков мой век») охватывают период с 1910 по 1950. Впечатления о пребывании в Москве составили книгу «Ma Russie Habillee en URSS» (1958), переведенную с французского на многие языки. В 1960—68 заведовала русской секцией французского радио и телевидения, в 1968—83 возглавляла редакцию газеты «Русская мысль». Проработала она на этом посту десять лет, когда на смену первой эмиграции начали приходить другие, идеологические выверенные и более предсказуемые люди. Однако именно при ней устраивались в редакции раз в месяц приемы для иностранных журналистов, авторов и друзей «Русской мысли». Сотрудничала во многих литературных журналах Бельгии, Швейцарии, США, Франции. Член Общества французских писателей, Пен-клуба и Синдиката французских критиков. В послевоенные годы в газете «Возрождение» и в «Новом журнале» печатались новые стихотворения Шаховской, в 1970 вышел поэтический сборник «Перед сном» с предисловием Адамовича.

Зинаида Алексеевна была ярким, очень волевым и остроумным человеком. Суждения ее были резкими и окончательными, но она с интересом и уважением относилась к иной точке зрения. Высказывания о людях — необычайно откровенными и контрастными, как хорошее черно-белое кино. Выковала свою необычайную судьбу и талант со всепокоряющей силой. Ивана Бунина, страшно стеснявшегося того, что образования у него было два или три класса, она утешала так: «Но теперь вы же классик русской литературы, первый стилист. А я вообще никогда и ничего не заканчивала. Так сложилось. Ну и что?» Она была патриотом и грудью стояла за честь родной страны. Однажды она внимательно выслушала реакцию французских коллег-журналистов на какие-то события в Советском Союзе. Те поинтересовались ее мнением. «Сволочи», — пожалала она плечами. В качестве курьеза она хранила ручные часы, подаренные ей Хрущевым, который называл ее «наша княгинюшка».

Очерки-воспоминания и материалы из личного архива о писателях-эмигрантах собраны в книге «Отражения» (Париж, 1975). Среди тех, с кем дружила Шаховская, — А. Ремизов, В. Набоков, М. Цветаева, В. Ходасевич, Е. Замятин и мн. др.; ее ценили И. Бунин, И. Шмелев, Б. Зайцев. Шаховская — автор первой монографии о творчестве В. В. Набокова на русском языке «В поисках Набокова» (Париж, 1979).

Всю свою жизнь она оставалась пропагандистом и защитником российской словесности и культуры. Одной из первых она стала поддерживать А. Солженицына, написала о нем не одну статью еще до его изгнания из страны.

«Память не фотографический аппарат, воспоминания не снимок, который для всех и каждого одинаково восстанавливает кажущуюся реальность событий и лиц. Память нечто очень личное, субъективное. Она питается зрением и слухом того, кто видит и кто слышит не только слово, произнесенное другим, но и звучание этого слова», — пишет Зинаида Алексеевна Шаховская в предисловии к «Отражениям». И мы — те, к кому, в частности, обращена ее память, должны внимательно вслушаться в бережно сохраненный и донесенный до нас строй ее слов, чтобы постараться открыть в них что-то новое о нашем недавнем прошлом.

МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Любовь Котикова

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«КУЛИКОВО ПОЛЕ»**

Музей — это история личности, предмета, явления, история события. Порой жизнь знаменитости, факты, связанные с созданием открытия, или значимое событие отделены от нас целыми столетиями, и их удаленность рождает загадки и вопросы, ответить на которые может... музей.

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» — это история судьбоносного для нашей страны события. Куликово поле в сознании народа испокон веков — поле русской славы, памятное место борьбы русского народа за независимость. В 300 километрах к югу-востоку от Москвы, на границе великой степи 8 сентября 1380 года объединенные рати Великого Московского князя Дмитрия Ивановича разбили орду темника Мамаю. Именно на Куликовом поле было нанесено сокрушительное поражение Золотой Орде, и именно Куликовская битва положило начало объединению русских земель вокруг Москвы и началу российской государственности.

Более шести веков отделяет нас от величайшего сражения средневековья, однако даже многовековые загадки истории раскрывают свои тайны в руках профессионалов — сотрудников музея, в ведении которых — Первое ратное поле нашей страны.

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» не так давно отметил свой первый круглый юбилей. Двенадцать лет назад 14 октября 1996 года было подписано постановление Правительства РФ о создании музея «Куликово поле». Закон Российской Федерации «О днях воинской славы (победных днях) России» подарил Тульской земле Первое ратное поле России.

Куликово поле — это не только место легендарного сражения 8 сентября 1380 года, которое стало отправным пунктом в формировании российской государственности. Куликово поле — это обширная территория, насчитывающая 2,5 тысячи квадратных километров. Это уникальное место объединило исследователей из разных научных областей для комплексного изучения наследия Тульского края, наследия Куликовской битвы. И результаты этих исследований положены в основу всей многоплановой деятельности музея и четырех экспозиций: музейно-мемориального комплекса на Красном холме Куликова поля, музейно-мемориального комплекса в селе

Монастырщина, историко-этнографического музея поселка Епифань и музейно-выставочного центра «Тульские древности».

Музейно-мемориальный комплекс на Красном холме Куликова поля расположен там, где осенью 1380 года Мамай разбил свой стан — поле сражения простирается как на ладони! Здесь же после сражения были водружены стяги объединенного русского войска в ознаменование победы на Дону.

Вот уже более полутора веков всех, кто направляется на Красный холм Куликова поля, встречает символ русской доблести и мужества — чугунный монумент, установленный в честь великого русского полководца 8 сентября 1850 года — памятник-колонна Дмитрию Донскому.

Одна из главных реликвий Первого ратного поля России была свидетелем многих событий, произошедших здесь за 150 лет, она выстояла под артиллерийскими канонадами и авиабомбардировками в годы Великой Отечественной войны, и только время напомнило о недолговечности. За годы, что возвышался монумент над полем Куликовым, растрескались коринфские колонны памятника, покрылись сколами, выбоинами, коррозией практически все его элементы, некоторые детали украшения оказались утраченными. Специалистам удалось выяснить, что за одно только лето 2004 года монумент отклонился почти на 7 см от вертикали и стал своеобразной «пизанской башней»! И что наиболее опасно — отклонение все более усиливалось.

С зимы 2005 года шла реставрация реликвии Куликова поля, каждый этап которой специалисты по праву считают уникальным. В кратчайшие сроки реставраторы попытались вернуть на Первое ратное поле России не новодел, а восстановленный и обновленный монумент. И спасти памятник Дмитрию Донскому, как и создать его более 150 лет назад, стало возможным лишь благодаря народной поддержке.

Сегодня, когда монумент вновь возвышается над Первым ратным полем России, верится с трудом, что уже позади демонтаж памятника зимой 2006 года, в ходе которого пришлось на месте реставрировать основные детали конструкции, восстановление декора, утраченного за полуторавековую историю монумента. Специалисты полностью заменили фундамент и создали внутреннюю несущую конструкцию, которую запланировал еще автор проекта А. П. Брюллов, и которая не была сделана в XIX веке. В ходе реставрации был также отреставрирован и позолочен купол и крест, мемориальные надписи монумента. Памятник обрел специальное покрытие, была установлена молниезащита, что наряду с мониторингом позволит обеспечить ему многолетний запас прочности.

История создания и второго рождения монумента на Красном холме Куликова поля воплотилась в выставке, которая проливает свет на многие тайны, связанные с памятником Дмитрию Донскому. В ходе реставрации открылись новые факты, которыми специалисты сразу же захотели поделиться с общественностью. Интересно, что не один похожий монумент был создан в России в то время. Однако куликовская колонна — единственный сохранившийся до наших дней памятник. Сколько тонн чугуна ушло на изготовление монумента? Что стало причиной плачевного состояния колонны? На эти и многие другие вопросы способны ответить лишь архивные документы, которые представили экспозиционеры в качестве неопровержимых фактов научных исследований.

Красный холм, особенно после строительства храма-памятника Преподобному Сергию Радонежскому, в народном сознании навеки стал святым, неподверженным никаким злым силам местом. Церковь на Красном холме Куликова поля изначально была задумана как храм-музей. Он был создан выдающимся архитектором А.В. Щусевым и сейчас в храме-памятнике Сергию Радонежскому действует экспозиция «За землю русскую и веру христианскую...». В ее основе как «воспоминание» о битве положены произведения московской литературы XIV — середины XV веков:

летописная повесть «Побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем», поэтическая повесть «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». Именно здесь можно найти ответы на вопросы, которые рождает у современников событие 8 сентября 1380 года: как стало возможным возрождение Руси и победа над Золотой Ордой, а также как воплотилась победа на Куликовом поле в расцвете культуры конца XIV — начала XV веков?

Недалеко от Красного Холма находится еще одно легендарное место, непосредственно связанное с Куликовской битвой — село Монастырщина, где расположен еще один музейный комплекс «Куликова поля». По преданию, здесь, у слияния Дона и Непрядвы накануне сражения располагался лагерь Дмитрия Донского, и именно на монастырщинской земле похоронены павшие в Куликовской битве русские воины.

В здании бывшей церковно-приходской школы разместился музей Куликовской битвы, в котором в год 625-летнего юбилея сражения у Дона и Непрядвы открылась новая экспозиция «Руси великое начало». И название это не случайно, ведь именно на Куликовом поле начиналась единая Московская Русь, «на Куликово поле,— по образному выражению Л. Н. Гумилева,— пошли рати московичей, владимирцев, суздальцев... а вернулась рать русских... Это было началом осознания ими себя как единой целостности — России». Экспозиция в селе Монастырщина посвящена одной из главных проблем отечественной истории — обретению единства России.

Музейно-мемориальный комплекс в селе Монастырщина — это единственный в России музей, посвященный средневековому сражению. Это живая экспозиция, которая, по задумке авторов, ежегодно пополняется новыми экспонатами — подлинными реликвиями Куликовского сражения, найденными на поле битвы. Наконечники стрел, копий, фрагменты доспехов наряду с реконструкциями вооружения и снаряжения русских и ордынских воинов XIV века раскрывают тайны Куликовской битвы и тактику и стратегию средневековой войны. Ремесленные орудия и предметы производства и промыслов, рассказывающие о развитии Руси до монгольского нашествия, рассказ о взаимоотношении русских земель и Золотой Орды, о том, как отблеск славы Куликовской битвы отразился в нашей культуре, и параллель между тремя ратными полями нашей страны, где на Куликовом поле ковался фундамент будущей Великой России, где на Бородинском поле Российская империя подтвердила свое право на существование, и где на поле под Прохоровкой русский народ показал всему миру образец стойкости и патриотизма — это наиболее полный рассказ о самом крупном сражении средневековья и его значении для последующих поколений.

Восприятие потомками событий шестисотлетней давности воплотилось в Музейно-мемориальном комплексе села Монастырщина в Аллее Памяти и Единства, которая расположена недалеко от храма Рождества Пресвятой Богородицы. Она символизирует собой идею единения Отечества и память о героях, погибших за Отечество во все времена. Серпухов, Ярославль, Коломна, Владимир, Липецк, Рязань, Москва, Псков и Полоцк, Ростов Великий — жители этих городов установили на Аллее мемориалы, в память о предках, защищавших на ратных полях идеи государства.

В поселке Епифань, некогда крупном уездном городе, который называют «столицей» Куликова поля, в усадьбе мещан Байбаковых расположился историко-этнографический музей. Жилой дом с гостиной, где любой посетитель сможет взять в руки гитару и наиграть любимую мелодию; торговая лавка с подвалом, где современные «купцы» могут проявить себя в знании традиций русского торгова, и где мы ощущаем особый колорит торгового процесса той эпохи, запросы местных жителей, моды; а также хозяйственный двор, огород и баня — все это открывают перед нами сложный и интересный мир мещан старой России, особенности их быта, семейных отношений, духовных и материальных потребностей.

Музейно-выставочный центр «Тульские древности» в этом году отметил свое

15-летие. 18 мая 1995 года в Международный день музеев здесь была торжественно открыта экспозиция, посвященная истории Тульского края от каменного века до позднего средневековья. В ее основу легла деятельность Тульской археологической экспедиции.

Музейно-выставочный центр «Тульские древности» — это две экспозиции «Поступь веков» и «Секреты тульских мастеров». И если первая на основе богатого предметного ряда и уникальных археологических экспонатов проведет вас по вехам истории — каменный, бронзовый, железный века и эпоха средневековья, то экспозиция «Секреты тульских мастеров» позволит в игровой форме прожить жизнь тульского гончара и кузнеца, предложив поработать с глиной или горячим металлом, раскроет тайны русских обычаев, пригласив принять участие в старинных обрядах и праздниках.

Несмотря на тематическое разнообразие, которое демонстрируют музейные комплексы «Куликова поля», без сомнения, главной «экспозицией» Первого ратного поля нашей страны является поле битвы. Именно здесь подтверждают и опровергают ученые свои гипотезы относительно Куликовской битвы.

Куликово поле — это не только памятники архитектуры и археологии, это уникальный природный ландшафт, который силами специалистов способен спустя шесть столетий, отделяющих нас от Куликовской битвы, предстать в том облике, каким его увидело войско Дмитрия Донского осенью 1380 года.

На протяжении нескольких лет на Куликовом поле идут планомерные работы по восстановлению исторического ландшафта времен Куликовской битвы. Ковыльные степи встретили осенью 1380 года войска Дмитрия Донского и темника Мамаю. В легендарном лесном массиве — Зеленой Дубраве — ожидал своего часа Засадный полк, решивший исход битвы.

Еще в XVIII веке Петр I, побывав на Куликовом поле, приказал заклеить сохранившееся деревья Зеленой Дубравы. Ко второй половине XIX века дубрава насчитывала лишь «девять дубов многовековых», которые вскоре также исчезли.

Зеленую Дубраву восстанавливали жители окрестных деревень, их посадки растут и по сей день на Куликовом поле наряду с дубовыми посадками, которые в 80-е годы появились здесь силами местных лесхозов. А сегодня, когда в ходе комплексных исследований ученые определили площадь Зеленой Дубравы, музей, используя самые современные технологии, восстанавливает ее облик.

В ходе всероссийской акции «Зеленая Дубрава», акции увековечения памяти воинов, погибших за Отечество во все времена, каждый россиянин может высадить на Куликовом поле молодой дубок в память о своем предке, сложившем свою голову на ратном поле, а дубы-долгожители сохранят и пронесут сквозь века эту память в далекое будущее.

На протяжении нескольких лет биологи — сотрудники музея-заповедника «Куликова поля» — пытаются превратить веками распахиваемые куликовские поля в настоящую ковыльную степь, которая когда-то простиралась на этой территории. Именно это степное растение — ковыль-трава — упоминается в «Задонщине».

На Куликовом поле и в наши дни можно встретить реликтовые участки ковыльной степи, но они столь малочисленны и беззащитны в условиях современных экологических угроз. Сохраняя их, а также пытаясь приручить дикие степные реликтовые растения, встречавшиеся здесь столетия и тысячелетия назад, и из которых впоследствии будет собран своеобразный живой степной «букет», главенствующая роль в котором будет принадлежать ковылю, сотрудники музея-заповедника представят Первое ратное поле России во всей красе для каждого, кто увидит его весной, летом и осенью.

Музей-заповедник «Куликово поле» и его ежегодные мероприятия привлекают на Первое ратное поле России десятки тысяч посетителей. В последние выходные мая, накануне 1 июня — Дня поминовения Святого благоверного князя Дмитрия Донского,

в селе Монастырщина собираются люди самых разных возрастов и профессий. Их объединяет романтика костра, гитары и душевной беседы. В живописном месте на берегу Непрядвы в это время проходит Всероссийский фестиваль авторской песни «Куликово поле», на который съезжаются барды со всей России и ближнего зарубежья.

Накануне Медового Спаса в «столице» Куликова поля — Епифани — царит атмосфера настоящего старинного купеческого города с привкусом лучших сортов меда и ароматной медовухи, с калейдоскопом самобытных сувениров со всей России и разудалой казачьей песней. Сюда съезжаются народные умельцы и творческие коллективы со всего Верхнего Дона на традиционный Межрегиональный фестиваль «Епифанская ярмарка». А встречает гостей хранитель старинных купеческих традиций Епифан вместе со своим гостеприимным семейством.

Самое массовое и, по-праву, яркое мероприятие — празднование Дня воинской славы России, Дня Куликовской битвы, которое, по традиции, проходит в Тульской области в третьи выходные сентября. Его открывает Международный военно-исторический фестиваль «Поле Куликово». На правом берегу Дона, где переправлялось войско Дмитрия Донского, направляясь к месту сражения, разбивают свой лагерь участники военно-исторических клубов — настоящие современные ратники из России, Белоруссии, Украины, Прибалтики. Здесь оживает эпоха средневековья, здесь можно встретить русского воина и золотоордынского хана, и лишь лучшие из них участвуют в массовой реконструкции Куликовского сражения на праздновании годовщины Куликовской битвы.

В эти дни на Первом ратном поле России представлена настоящая хронология становления Российских вооруженных сил со времен Дмитрия Донского до наших дней, шумит традиционная Краснохолмская ярмарка с аттракционами и народными забавами.

Не менее зрелищным и популярным готов в скором будущем стать еще один праздник — День России на Куликовом поле. 12 июня, а также накануне Дмитриевской родительской субботы, установленной после победы над Ордой князем Дмитрием Донским для поминовения усопших воинов, Первое ратное поле провожает в ряды Российской Армии лучших призывников. Древние традиции проводов в армию оживают в эти дни в Монастырщине и на Красном холме. Именно так, в кругу воинства, с родительскими напутствиями и хлебом из домашнего очага, с благословляющей водой из святого источника, родной землей в ладанке, подаренной солдату в память о доме, провожали столетия назад на военную службу донских казаков.

В 2008 году День России собрал на Первом ратном поле самых сильных людей нашей страны. Все состязания первого этапа чемпионата России по силовому экстриму «Богатырские игры на Куликовом поле» были поистине богатырские. И не каждому современному богатырю удалось перерубить мечом пеньковый канат, стронуть с места груженую телегу, пройти эстафету с средневековой пушкой в руках.

Современные ратники, представители военно-исторических клубов, 12 июня также состязались в силе и ловкости на «Русских маневрах»: в перетягивании каната через реку, в историческом регби и историческом фехтовании, в стрельбе из лука и других исторических спортивных эстафетах.

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» многолик, также как и многолико событие, которое легло в основу его создания. В его разнообразии можно найти что-то близкое именно для себя или понимать музей в калейдоскопе всех его ярких граней.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

Алексей Третьяков

ПОЭТИЧЕСКАЯ АПОЛОГИЯ ПАТРИАРШЕСТВА

Провинциальная муза не особенно балует читателей поэтической формой поэмы. Здесь приятное исключение Константин Струков: вслед за оригинальной в построении космогонической поэмой «Эвер» (см. наш отзыв на нее в одном из номеров «Тульского литератора») поэт представил на суд своих читателей и почитателей новое эпическое полотно — «Отец Тихон», первоначально опубликованную на страницах «Приокских зорь»*, а затем вошедшую в недавно изданной автором в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» сборник «След, оставленный тобой»**.

Данное произведение интересно как в собственно поэтическом смысле, так и в части фактологии его содержания, ибо главный герой поэмы — первый патриарх Московский и Всея Руси советского периода истории нашей страны Тихон. В конце настоящего очерка приведена краткая справка о патриархе Тихоне, пока же напомним: патриаршество в Русской православной церкви было упразднено Петром Первым и восстановлено было спустя двести лет, почти сразу за Великой Октябрьской социалистической революцией на Поместном соборе РПЦ:

*На Поместном соборе
— спасение веры.
Под густой канонадой
тяжелых боев
Собрались все епископы
для откровения.
.....
Он читать начал сразу,
торжественно, тихо.
Но под сводами храма
голос силу набрал:
— Патриарх у нас есть!
Патриарх — отец Тихон.
На него выпал жребий,
так Господь пожелал!*

* Константин Струков. Отец Тихон (поэма) // Приокские зори. — 2006. — № 1(2) — С. 170—185.

** Струков К. В. След, оставленный тобой: Стихи, поэма. — Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2007. — 188 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Опять же поясним. В советской историографии, крайне нетерпимой к религии вообще, и в нынешней — уже мало терпимой в отношении советского периода истории страны — к этому событию подходят с диаметрально противоположных позиций, но мнения о факте восстановления патриаршества в РПЦ чудесным образом сошлись в трогательном единении: дескать, избрание Тихона суть протест «широкой общественности верующих» против большевизации России. Акценты здесь сам читатель без труда расставит...

Ан здесь не все так просто, и большевики тут мало при чем. А «причем» первый русский император. По всей видимости, кощунственную для православного мировоззрения и православной церковной полноты* мысль об упразднении в России патриаршества и передаче управления РПЦ чиновничье-бюрократическому Святейшему Синоду «подсказали» доверчивому к европейским нововведениям Петру во множестве окружавшие его немцы и голландцы, как издавна прижившиеся в Москве, так и потянувшиеся из-за рубежа к царю-просветителю. Во-первых, все они были из протестантов; во-вторых, нетрудно догадаться, что многие из них являлись масонами, либо же агентами Ватикана. Намерения тайных посланцев апостольской церкви в отношении РПЦ понятны еще со времен Тевтонского и Ливонского орденов; а сверхзадачей масонства всегда было (и сейчас остается) уничтожение канонических христианских церквей, кстати, и Римско-католической тож...

И Петр Великий, особо великий в безрассудствах, одним махом сделал то, на что не решилось два с лишком века спустя даже сверхсамонадеянное руководство Третьего рейха, планировавшее упразднение христианства и замену его государственной национал-социалистической церковью... Наверное, под управлением *итат-скирхенфюрера*.

Однако, все это историки лучше и доказательнее расскажут. Но даже в забитом династией Романовых русском народе два века жила мечта о возвращении патриаршества:

*Безволие, неверье и грех
Ведут неизбежно к краху.
Россия без Патриарха...
Как душу ее согреть?*

Понятно, что патриарх — не мессия, не сможет спасти Россию от тягот Первой мировой бойни, обрушения обветшалой царской государственности и более всего от воследовавшей войны гражданской, но он же и многое может — прежде всего указать пути спасения души каждого и всей России многострадальной:

*И лишь через покаяние
Страна наша может спастись.
Прости, Боже Правый, прости
Нам нашу вражду и шатания.

Молись, православная страна,
Молись под угрозы и выстрелы,
Стремись к той единственной истине,
Что Богом России дана.*

Фигура патриарха Тихона, пожалуй, самая трагическая в ряду высших иерархов РПЦ за всю ее тысячелетнюю историю. Ибо высокий свой престол он занял в ситуации «между молотом и наковальней». Поясним этот существенный момент в новейшей истории русского православия. Прочитаем следующую строфу поэмы:

* Принятое в церкви наименование той самой «широкой общественности верующих».

*По-сиротски Россия,
без теплой надежды
Все последние годы
жила на авось.
Всюду грабили церкви.
Обнадежить, утешить
И Россию спасти
— никого не нашлось.*

«Молотом», гвоздившим русскую православную церковь в первые послереволюционные годы, был ортодоксальный большевизм, точнее — ленинизм-троцкизм. Пресловутая «старая ленинская гвардия», а по сути — правоверные троцкисты, ибо влияние Владимира Ильича очень быстро сошло на нет из-за его болезни и умелого отстранения его от реальной власти Троцким — Каменевым — Зиновьевым и иже с ними... так вот, эта самая гвардия являлась агрессивно атеистичной, но из всех имевших место быть в России конфессий именно православие более всего было им ненавистно. Причина здесь заключена в борьбе за умы и души 150-миллионного населения страны, тогда преимущественно православного. Именно православное мировоззрение мешало троцкистам, большевикам «ленинского призыва», исполнять их кардинальную линию от всемирного масонства: сделать Россию испытательным полигоном и горючим материалом для разжигания всепланетной революции. Отсюда и крушение руками неразумных по малости лет *комсомолстами* церквей и монастырей, расстрел в застенках троцкистского ЧК (тоже тогда) тысяч священнослужителей и все прочее, кровавое и антихристово:

*Ввалились в церковь
в кожанках
бугаи,
Сплевывали
на пол, на иконостас.
Все вокруг
вытапывали
грубо сапогами,
Громко, исступленно матерясь.*

А вот что было «наковальной»? — Да сам народ, который чистоплюйная русская интеллигенция конца XIX — первой трети XX века саркастично именовала (в кавычках) богоносцем! Дескать, смотрите на этого «богоносца»! Тысячу лет он истово крестился, а теперь дружно плюнул на свою церковь и пошел по приказу большевиков и вовсе без приказа кресты, колокола и маковки с этих церквей сшибать! Вот тебе и богоносец...

Напрасно они иронизировали. И правильно Владимир Ильич русскую интеллигенцию гнилой именовал, задним умом только и сильную. Конечно, стремительная капитализация и пауперизация России в 80—90-х годах XIX века, три революции подряд, дестабилизирующий ужас мировой бойни сделали свое дело:

*Время смутное, тревожное, суровое.
Весь народ подняли воевать.
Грязь и скрип телег,
Солдаты нездоровые —
Но была команда — наступать.*

.....

*Войны учат всех
жестокости и мести.
Все забудешь здесь и даже мать.
Кровь и стоны,
и бессмысленные смерти...*

Но все равно русский народ в массе своей следовал заветам Христа, как ни один другой христианский — по определению — народ на земле. Но надо различать церковь Божию, то есть веру и моральные устои, и церковь как институт религиозной организации и управления. А вот со времен Петра Первого православная церковь-институт стала лишь административной составляющей государства. А это государство за 300 лет династии Романовых так «приелось» народу, что свержение царской власти и все три революции в России были отнюдь не заговором неких группировок, но стихийным восстанием. Другое дело, что кто-то все это умело режиссировал, в том числе в интересах мировой закулисы и конкретных, враждебных России государств.

«Нет ничего страшнее русского бунта», — сказал классик нашей литературы. Громилось все, что имело отношение к царизму, в том числе и официальная, государственная церковь. И народ мог изменить свое отношение к церкви-институту только в том случае, если она станет независимой от светской власти, символом чего должно было быть восстановление патриаршества. Круг замкнулся, и подвигом патриарха Тихона, зажатого меж молотом и наковальней, явилась попытка решения такой дилеммы: восстановить доверие церковной полноты, нарушенное деянием Петра, и найти определенный компромисс с большевистской властью. Это стоило ему многих мучений и смерти. Но — смертью смерть поправ, Тихон восстановил патриаршество, передал его Сергию. Поэтому РПЦ смогла пережить беспощадные — в силу обстоятельств — тридцатые годы и уже полностью восстановить свою инфраструктуру по инициативе Сталина. Правда, потом был период, когда троцкист по духу Хрущев снова было развязал гонение на церковь, но его и самого от власти скоро отвели...

Все сказанное выше образно передано в поэме языком поэзии, выверенным, где надо экспрессивным, а где и стилизованным (глава вторая: молитва из акафиста державной иконе). Сюжетная линия выстроена параллельным развитием фабулы поэмы: наряду с подвижнической деятельностью и высокими мыслями патриарха Тихона раскрывается и характер «зеркального» персонажа — героя поэмы: классического русского юродивого Христа ради Федора-креста. Имя его автором явно «не с кондачка» взято, оно несет определенный смысл: Федор — от греч. *τεωδωρ*, то есть Богом данный, в смысле — посланный в мир Богом.

*Хаживал по свету
Федор-крест, юродивый.
Крест носил он — тяжелей оков.
Он известен, почитаем
был в народе,
Его ждали и его боялись слов.
.....
Говорил он:
— Что же вы друг друга бьете?
Жизни отдаете за кого?
Кровь ударила вам
в голову и в душу.
Убивая — губите себя.*

Итак, Тихон с амвона, а Федор-крест в ярмарочной толкотне убеждают народ вернуться к заповедям Христовым, которые только одни и смогут вырвать измученных, оболваненных людей из грязи и крови той нелегкой эпохи, в которую им довелось жить... Если это еще можно назвать жизнью.

И вот встреча Федора с патриархом; именно юродивому, олицетворяющему весь народ, исповедуется, словно своему духовнику, умирающий Тихон:

— *Скиталец! Пришел-таки?
Сядь, посиди!*

.....
*Пока еще жив и рассудок, и голос,
хочу исповедаться полно.*

*Ты исповедь примешь,
ведь к Богу ты ближе многих отцов.*

...Покинул этот, не лучший из миров патриарх Тихон, а принявший его последнюю исповедь юродивый Федор-крест остался на земле уже со своей сверхзадачей: нести в народ слово истины, слово о возрождении Христова учения на Руси, поправного и царями, и «комиссарами в пыльных шлемах». Правда за ним.

Примечание: Обширный материал к биографии и святоотеческим делам патриарха Тихона содержится в книге: «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 гг. / Сост. М. Е. Губонин.— М.: Мзд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994.— 1064 с.: илл. (Материалы по истории Русской православной Церкви)». Поскольку книга издана 20-тысячным тиражом, то каждый интересующийся может ознакомиться с ней в библиотеках.

Патриарх Московский и всея Руси (так правильно звучит этот высший в РПЦ титул) Святейший Тихон (Белавин Василий Иванович в миру) родился 19(31) января 1865 г., а кончину принял 25 марта (7 апреля) 1925 года. Возглавлял РПЦ 7 лет, 4 месяца и 4 дня.

«...Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы. Им мы живем, движемся и существует как православные люди... Один он безбоязненно шел прямым путем служения Христу...» — сказал над гробом Святейшего патриарха Тихона 29 марта (11 апреля) 1925 года митрополит Сергей (Старгородский) — восприемник Тихона на посту главы РПЦ, будущий патриарх Московский и всея Руси Сергей.

Был патриарх Тихон истинно безбоязнен, ибо не власти мирской служил, но Отцу Небесному. В самый разгар «красного террора» (вообще говоря, надо помнить, что это был ответ на «белый террор»...) он шлет пастве и священнослужителям свое знаменитое «Послание об анафематствовании творящих беззакония и гонителей веры и Церкви Православной (от 19.01(01.02).1918):

«Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани...

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной...

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «Измите зло от вас самих» (1 Кор. 5, 13)...

Враги Церкви захватывают власть над Нею и Ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч» (Рим. 8, 35)».

Да, были в истории России истовые ревнители исконного русского православия: патриарх Тихон и протопоп Аввакум (хотя и понимали они сущность православия с различных конфессиональных сторон...). Не нам, мирянам, судить о делах церкви, но ведь не услышали мы таких слов в событиях пятнадцатилетней давности, когда снова — в который уже в истории раз?! — лилась кровь на улицах Первопрестольной. Ведь, рассуждая по-христиански, неважно кто кого избивает: правый неправого или неправый правого (правоту-то только один Бог знает), но пролитая кровь все падает на чашу весов Антихриста, усиливая его позиции, античеловеческие, антигуманные в извечной борьбе Добра и Зла.

Леонид Ханбеков
(г. Москва)

ИСТОРИК И ЕГО ИСТОРИЯ*

О прозе Алексея Яшина

Самыми значительными на сегодня его книгами, по моему разумению, являются три: «Историк и его история» (2004), «В час волка» (2005) и «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» (2006).

Кто-то прибавит к ним еще и весьма нарядный, респектабельный том с оборотистой красоткой на обложке — «Живые шахматы» (2006), я же придерживаюсь на сей счет другого мнения и постараюсь несколько позже его обосновать.

Итак, «Историк и его история».

Менее всего в этом опусе меня занимает... занимательная сторона — дьяволиада. История продажи скромным провинциальным архивистом Виктором Ильичом своей бессмертной души Аседону-младшему. Она написана искрометно, с раблезианской широтой и веласкесовой сочностью деталей. Одна история «открытия», что же это такое «рулонная» семга на пиршественном столе — чего стоит!

А сотворение тульскими умельцами из объединения «Меткость», или какого другого, в данном случае не имеет значения, емкостей для технического спирта, которые легко и изящно помещаются в канцелярскую папку для бумаг!

А визит рассказчика, пусть и во сне в образе полковника разведки, в кабинет Верховного!

Слов нет, обстоятельно и со вкусом выписанные свидания неудержимого ловеласа Виктора Ильича с некоей замужней дамочкой тускнеют, когда у провинциального архивиста появляется возможность покуражиться над собственным начальством, еще недавно подвизавшимся в недостижимых для Виктора Ильича номенклатурных сферах.

Вот уж простор фантазии и сатире! Гоголевский и щедринский размах! Гнущийся в три погибели перед вчерашним клерком патрон. Вчера в упор не видевший своего подчиненного, он на блюдечке с золотой каемочкой подносит теперь приказ о назначении того в свои заместители, а в придачу еще более лакомый кусочек — свою дочку. В жены этому наглецу!

«История» Алексея Яшина куда богаче того, что преподается на истфаках современных университетов и пединститутах, тесно ей и во многих академических фолиантах, поскольку кандидаты и доктора привычно молятся на труды своих учителей.

А он совершает дальние экскурсии в XVI—XVII века и по-своему анализирует становление российской государственности, бесконечные поползновения на гигантские православные просторы католической Европы, не брезгает поразмышлять о сторонниках и противниках гомосексуализма в России, вчерашней и нынешней, о борьбе Сталина с поднимавшим головы троцкизмом во всех его проявлениях.

Ученый, он вспоминает тщательно замалчиваемый анализ работ Эйнштейна, который шесть десятков лет назад опубликовал в Штатах автор теоремы о неполноте Гёдель в своих заметках о научной теории и идеалистической философии.

* Отрывки из книги: Ханбеков Л. В. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. — М.: «Московский Парнас», 2008. — 90 с. + 16 с. вкл.

Я не большой знаток теории относительности, но мне были страшно интересны яшинские размышления об ее истинных отцах — Лоренце, Пуанкаре, Минковском, Богданове...

Скажете, причем тут авантюрный роман? И соглашусь: совершенно ни при чем. Иное дело, когда Виктор Ильич, по архивной своей специальности будучи патриотом оружейного края, раскапывает занимательнейшую историю с явлением миру знаменитой русской трехлинейки. Попутно мы узнаем, как штабс-капитан Мосин, выиграв со своей винтовкой в 1885 году конкурс оружейников и получив солидную премию, отдал, не дрогнув, ее как отступное разорившемуся помещику Арсеньеву, и тот отпустил подобру-поздорову свою жену Варвару Николаевну, возлюбленную изобретателя, в Москву.

Ничуть не удивляюсь тому обстоятельству, что «демократическая критика» помалкивает о романистике Алексея Яшина. Для этой публики одного упоминания о том, как досадовал Сталин, что не мог предать гласности разворовывания Троцким и его приспешниками национальных богатств страны, достаточно. А тот досадовал, поскольку не любил неточностей. Но даже Анастас Микоян, ответственный исполнитель известного ленинского постановления СНК от 7 февраля 1921 года, разрешающего продажу и вывоз за рубеж, не знал размеров этого санкционированного грабежа.

Позже, уже в 1929 году, сведущие люди сообщили, что из Алма-Аты в Одессу прибыл целый спецпоезд с народным добром, нахапанным в личное пользование неистовым народным трибуном и пламенным революционером, который на словах всегда ставил интересы революции выше интересов всякой личности. Кроме своей, разумеется. И гигантские коллекционные сокровища уплыли с Лейбой Троцким в Мексику. Сторонников, помощников и сочувствующих у него было предостаточно.

Сталин же махать после драки кулаками не любил. Для «демократической истории» нет развязавшего «красный террор» и открывшего первые концлагеря тирана и душегуба Троцкого, есть лишь невинная жертва политической борьбы душака Лев Давыдович — почитатель поэтической и художественной богемы.

Впрочем, и о поползновениях клеветов Троцкого к созданию Крымской автономии также усердно помалкивают. Никак не могут простить Сталину двух решительных шагов: упреждающего все их изыски создания автономной области на Дальнем Востоке, в составе Хабаровского края, поблизости от очагов японской агрессии, и решительного выкорчевывания из органов НКВД тех, кто под видом славных «ежовых рукавиц» уничтожал интеллектуальный цвет молодой республики Советов.

У читателей могут быть и иные соображения на этот счет, но Яшин-историк во всем помогает Виктору Ильичу — архивисту. Вот и нередко выстраивает он свои рассуждения и открытия в виде исторического курьеза, давая возможность своему «герою» легко вернуться из конца XX века в его начало или середину. Для чего? А для того, чтоб он мог побеседовать с вождем... лично. А что? Облечив Виктора Ильича в полковничью форму с орденами Красного Знамени и Красной Звезды на кителе и сделав его кадровым разведчиком Устюжниным, он сообщает читателю редкостные вещи о ситуации, сложившейся в высших эшелонах военного командования перед финской кампанией, перед вторжением на советскую землю гитлеровских полчищ.

Авантюрная канва романа порой прерывается и очень надолго. Скажем, Виктор Ильич отправляется в дальние монастырские села Архангельщины, где его бабка была старостихой при церкви Преображения, куда, оказывается, снесли все самое ценное из Богородичного храма, из местного монастыря. Глядишь, там сохранилось что-то ценное из старинных книг? Но попутно, на много страниц, рассказывается сама по себе очень и очень увлекательная история возникновения и печального конца самопровозглашенной коммуны комиссара Гоши — обыкновенного жулика и авантюриста, которая хозяйничала в тамошних местах, самолично выписывая себе всяческие мандаты на экспроприацию. Искал наш исследователь-архивист старинные книги, а обнаружил «дело».

Впрочем таким внушительным и объемным, и так, между прочим, кратким экс-

курсам в современную и отдаленную, в российскую и европейскую историю, наш герой находит вполне подходящее обоснование.

Скажем, болтается в утомительной качке где-то у берегов Италии судно, на которое забросил рогатый бес нашего героя, любителя приключений и житейских прелестей. Ну и болтайся в свое удовольствие, ведь рядом неумолимая юная красотка. Но герой-то — историк, архивист, и самое время вспомнить гибель линкора «Новороссийск», — бывшего флагмана флота Муссолини линкора «Джулио Чезаре» (Юлий Цезарь), полученного по репарации Советским Союзом. Таких, по случаю, воспоминаний, а точнее, разысканий, неумолимого историка в книге масса. Они различны по манере изложения, по фактуре, по объему. Но это всегда — история, в которой нет места голословным заявлениям. Вот читаем мы прославленные «демократическими» средствами массовой информации книги Александра Исаевича Солженицына. Они, знаем, настояны, как украинская горилка на перце, на теме «незаконных репрессий». Наш же историк обращает внимание почтенной публики на то обстоятельство, что среди этих самых «незаконно репрессированных» было немало и осужденных вполне законно. За сотрудничество с оккупантами, за службу в полиции и карательных отрядах, в которые фашисты старательно набирали скороспело амнистированных Советской властью перед войной уголовников, а после войны — в их число попали тысячи весьма и весьма высокопоставленных мародеров, вывезших из Германии, несмотря на запреты, предметы искусства, составляющие национальную ценность.

Я в общем-то не об отступлениях лирического свойства, на которые имеет полное право всякий романист. Это в некотором роде даже и похвально, поскольку автор, или его герой, предстают перед читателем в этом случае куда более объемно и убедительно, демонстрируя свои пристрастия и привязанности, увлечения и круг общения. Кто же против, если в сюжетной канве романа появляется главка-другая о том, как люди карьерного толка искали тех, кто охотно состряпает им приличную «пролетарскую биографию», поскольку для партийной карьеры ее наличие имело весьма продуктивное значение. Подобным образом нынче ищут следы дворянского происхождения, выстраивают — за энные суммы в «зеленых» — несуществующие генеалогические развесистые деревья. А там глядишь, и местечко в райских природных куцах отведено с соответствующим льготами для восстановления «сметенного классовыми бурями» жалованного государем предкам (а как же иначе?) за службу Отечеству поместья.

Так вот в советские времена наш архивист волею судеб оказался в приятелях у Витьки Логинова. Отец того в войну подвизался по интендантской части и вывез из поверженной Германии целый музей. Достаточно сказать, что у оборотистого полковника оказался полный комплект наград 3-го рейха, парадные кинжалы и шпаги штурмовиков и эсэсовцев, издание «*Mein Kampf*» за номером 9 из уникального тиража в 100 экземпляров, а что-то еще более ценное для коллекционеров хранилось в специальном сейфе... Что там перечислять, если Витькин родитель прихватил из Берлина даже стол рейхс-маршала авиации Геринга? Наверное, было еще немало такого, за что коллекционеры отдали бы любые деньги, если Витькин папаша, ныне полный военный и гражданский пенсионер, был среди тех, кто выселял по приказу Верховного в 24 часа крымских татар...

Вот и понадобилась Витьке Логинову, наследнику шикарной усадьбы в Зареченской части города, предназначенной под застройку, помощь приятеля-архивиста. Все же несут к чертовой матери, если не доказать какой-то особой, исторической ценности его подворья. Докажи, что здесь еще до коронации царя Николая II бывал известный городской революционер, слесарь с Оружейного завода Федька Селифанов. Вот бы дом-музей соорудить! Мемориальная таблица. Охраняется законом. То, се. А не подсуепись вовремя — и пошло все под снос. И пусть тот подпольный свободолюбец приходил сюда с молодкой из местных за полночь, а уходил, как водится, чуть свет, чтоб народу глаза не мозолить, не в этом суть. Ты — архивист, тебе и карты, то есть документы, в руки. А в награду за труды — вот, хоть шпагу от парадного

эсэсовского мундира и серебряный значок члена национал-социалистической партии. Реликвии. Хоть и вражеские.

Захмелел тогда Виктор Ильич от кальвадоса домашней выделки и легко согласился помочь приятелю с необходимыми бумагами...

Сама по себе эта история, легко тянущая на яркую сатирическую повесть, как-то не увлекла автора. Жаль. Вы только прикиньте: один внешний рисунок чего стоит. Наш ученый архивариус за месяц кропотливой работы отыскивает следы «революционной деятельности»: забирали Федьку Селифанова в участок не за революционные подвиги. А за дебош в Заречье. Хорошо, нашлись в жандармских протоколах намеки старательных филеров-доглядчиков, что в том же Заречье в одном заброшенном помещении попадались им в руки втоптаные в грязь типографские наборные литеры. Ага, можно присовокупить к Федьке. Пустили дело по инстанции.

На счастье искателям «революционных подвигов», нашелся среди зареченских комсомольских деятелей инструктор по фамилии Селифанов. Этот, недолго размышляя, отнес себя к дальним родственникам незабвенного героя, пусть более всего доказывали его родство тяга к выпивке и к дебошам...

В итоге: дом-то не снесли. Поставили на контроль. Конечно, это дополнительный штрих к характеристике персонажей данной истории: не отдал Логинов архивисту обещанную шпагу, а нацистский значок кто-то из сотрудников архива спер из стола. Крепко подозревал наш герой, что сделал это один из тех, кому он показал вещицу из драгметалла...

Авторская фантазия делает порой совершенно невероятные кульбиты, и сюжетные ходы то вытягиваются в прямые линии, то делают замысловатые зигзаги...

Наш автор выбрал путешествие по дальним странам и весям под покровительством рогатого Аседона-младшего, который легко устраняет с пути тульского Магеллана языковые барьеры, таможенные процедуры, временные границы и моральные ограничения... И великолепно. Фаустиада в ее философско-нравственном или религиозно-мистическом развитии требовала одних приемов и типов, а авантюрный роман в 3-х частях, как заявлено автором, — все таки, если быть строгим и последовательным, несколько иная штука. Пока, в первой его части, мы видели одну «авантюру» — подписание героем договора с Аседоном-младшим, самозабвенное кувырканье архивариуса в кровати со старинной приятельницей Нелли и мстительный кураж над собственным начальством и его дочкой. Ну, сатира, фантазмагория, анекдот. И только. Довольно далеко от романа авантюрного и вообще от всякого романа, затянутая на множество страниц убористого текста история с курсовой работой начинающего архивиста под названием, которое, как говорится, без поллитры и не выговоришь. Однако попробуем: «Онтологические и герменевтические аспекты языковедения в многоязычной среде обитания в соотношении сознательное — бессознательное». Также, как на это ни смотри, выбиваются из романного текста научно-публицистические выкладки о том, на какие-такие языковые сферы выходил вчерашний, выходит сегодняшний и станет выходить завтрашний читатель; явно запоздалые соображения автора о практике художественного перевода в СССР и в современной России, глубокие, тут уж ничего не отнять, размышления о тенденциях в организации массового изучения иностранных языков... То, что суть работы, хитро замаскированная терминологической эквилибристикой, в расчете на потомственного преподавателя Архивного института Рабиновича, однако (и понятно, почему!) сильно взволновала кагэбешного доцента Громобойцева, замечательно, милейший, великолепно. Но ведь ни потомственный доцент Рабинович, ни кагэбешный Громобойцев в романе, кроме как своими выразительными фамилиями, никак не обозначены. Вот и обильно процитированная в романе курсовая героя — ни к селу, ни к городу. Рогатый Аседон, кажется, вообще ее никак не заметил.

Подобный «романный» провал и в подробном описании книжных сокровищ, которые сумел организовать у себя на холостяцкой квартире наш герой, и как потом

запоздало романист ни пытается убедить нас, что устал спорить с Рогатым о неких постулатах, высказанных Гёте или Толстым, Достоевским или Фрейдом, содержимое книжных полок — это одно, а пружина романного действия — совершенно иное.

Слишком велика и «эротическая начинка» авантюрного романа. Поверьте, я во все не моралист и не зануда. Но мне трудно поверить в этого ученого и философа, критика и геополитика, когда тот так старательно перебирает в памяти своих подружек, раздумывая, кого же из них взять с собой в путешествие.

Вот хотя бы Светка, Светочка, Светланка с их поцелуями до изнеможения на скамейке в скверике, или не обласканная из-за обоюдной нерешительности и скромности сокурница по Архивному институту Ида, или свалившаяся, как снег на голову, «отвязанная» по сексуальной части, как сейчас говорят, Вероника. Прочие, прочие, случайные и «законные»...

А, может, попросту, как частенько бывает с нашим братом, увлек автора экскурс в историю сексуальной революции? Историк же! Я только против изложения в таком объеме практической стороны дела, ведь автор с холодностью и обстоятельностью врача-гинеколога представляет механические и физиологические параметры сексуальных партнеров.

И вы хотите уверить меня, что это тоже необходимая часть романа?

Никогда не стану спорить, что автор волен (тем более в авантюрном-то романе!) бросать своего героя в разные века и разные страны, в разные психофизические состояния, но самые смелые геополитические прогнозы, а такой в книге есть, что могло быть с мироустройством, останови Сталин наши войска на границе, когда разгром фашистской Германии стал неминуем, и подпиши с Гитлером перемирие, увы, всего лишь прогнозы. История не знает сослагательного наклонения. Да и для авантюрного романа это слишком серьезно. Куда веселей и страшней, убедительней и фантазматичнее два кульбита океанского лайнера в штормовые дни, устроенные Рогатым. Я имею в виду посещение сексуально-озабоченной парочкой Государства Восходящего Хмеля, некоего Карримардака. Жизнь пивного острова со всеми его установлениями, вплоть до забавных текстов: государственного гимна, подробного изложения местной религии, культа священной Матери буфетчицы и т.п.

Смешно, по-настоящему смешно. Но убежден, что редкий читатель, — разве что самый упертый? — выдержит... опрос, который учинил нашим путешественникам карримардакский чиновник по поводу того, какое пиво, и как, и с чем вприкуску собираются пить.

Роман остается романом. Шикарное пивное меню его не испортит. Только место ли ему в книге?

Вырвались путешественники из объятий Пивных Людей и Матери Буфетчицы — и попали в руки Военных Людей, в суперсекретный Хиндельбраант, весь «оплетенный заборами из колючей проволоки, подвешенной на белых, как зубы молодых негритянок, изоляторах высокого напряжения».

Авантюрный роман, слава Богу, продолжен. Но и тут не удержусь от замечания. Зачем в текст включены... ноты каримардакских песен и ...схемы некоего французского замка, в апартаментах которого после посещения страны Военных Людей, жили наши любовники. Куда уместнее были бы картинки, изображающие самого Рогатого беса и корабельного боцмана, ставшего собеседником и собутыльником архивиста.

Согласен, с оформлением книг нынче трудно. И мне очень импонирует оформление, которое «изобрел» Алексей Яшин в «Часе волка», повторив его и в «Живых шахматах» и даже в «Подводной лодке «Капитан Старосельцев». Речь идет о некоем даже самостоятельном житии оформления в книге, если такое в принципе возможно. Кто-то из яшинских читателей, допускаю, в принципе не приемлет такого приема. Однако он живет! Я имею ввиду прекрасные иллюстрации к «Мертвым душам» Голя и другим изданиям второй половины XIX века, тексты к которым, совершенно

блестящие, саркастические, сегодняшние по всей своей содержательной сути, да, да, не имеющие порой совершенно никакого отношения к тексту книги, но имеющие прямое отношение к миропониманию автора, к вечным коллизиям жизни, живут в книге. Спасибо уникальной яшинской библиотеке!

Однако вернемся к книге.

Просветительство — важнейшее дело. Только подходящее ли для этого место — авантюрный роман? Да еще в беседах с историком-архивистом, который очень уж увлеченно предается любовным утехам с прелестницей-попугачихой, ошалевшей перед возможностью тратить, тратить и тратить... Ей же невдомек, что немислимые покупные и иные возможности, в том числе и сексуальные, ему обеспечивает искуситель Дьявол.

Право, времени для погружения читателя-собеседника в философские и исторические «темные пятна» или, на его взгляд, слишком поверхностные истолкования иных трудов и судеб, в частности, Яна Гуса, Яна Жижки, Томаса Мора, Томазо Кампанеллы, Маркса и Энгельса, Зиновьева, российских писателей разных времен и взглядов — от Сологуба и Арцыбашева, Гоголя и Достоевского, Соловьева и Зиновьева (уже — философа и писателя — Л. Х.), Верстакова и Бунина, он оставляет нам не слишком много. Да и откуда ему взяться, если нам предлагается между делом перелистать многотомное сочинение Рида «Две тысячи лет Сиона», и тут же автор устремляется в кабинет Сталина и, вертя штурвал машины времени, высказывает одну историческую версию за другой. И поскольку нашему архивисту в силу особенности его профессии могли быть доступны некие необнародованные и секретные документы, вот одна из таких версий. Это вовсе не наши героические разведчики и их агенты выкрали в США атомные секреты, а наши, отечественные разработки были вывезены из страны и потом с величайшими трудами возвращены...

Еще одна деталь. Уже полсотни с лишним лет «демократическая история» вопит о ненужности рытья канала «Волго-Балт», о бесчисленных утратах, едва ли не кандалном труде — и дружный молчок о том, что именно этим каналом из Сормово с Волги прошли на театр боевых действий на флотах наши знаменитые подлодки «Щуки», которыми командовали Лунин, торпедировавший немецкий линкор — линкор! — «Тирпиц», и Маринеско, пустивший на дно вместе с крейсером «Вильгельмом Густловым» экипажи семидесяти — 70! — подводных лодок врага, то есть целый подводный флот, который мог прикрыть Германию от нашего и британского флотов. А ведь он, Маринеско, торпедировал еще и транспорт «Генерал фон Штойбен», на борту которого был личный состав целой танковой армии!

Как вождь бросает в бой полки и дивизии, писатель-историк бросает в свое сочинение соображения, предположения, факты, гипотезы, обобщения о целях и методах мирового правительства по уничтожению как монархий и империй, так и религий, наиболее серьезных преград на пути к овладению миром. Вульгарные политики-временщики, отдав приоритет классовой борьбе, как основной движущей силе развития общества, отсекали все остальные силы и потоки, относя их в область сакрального, мифологического, оккультизма. Но существуют — и это убедительно показали события ушедшего века, — международные институты, фонды, банки и подчиненная им четвертая власть.

Роман и об этом.

Переиздать бы его, Алексей Афанасьевич, обрезав, как это делает по весне садовник, мешающие дереву сухие ветки!

Марк Дубинский

ПОЭТ

Размышления о новой книге стихов
Виктора Пахомова «Окоем»

Поэт Виктор Пахомов относится к поколению, на долю которого выпало много трудностей и страданий. Оставив позади трагические годы Великой Отечественной войны, когда даже сама надежда на жизнь доходила до такой призрачности, что выжить было почти невозможно. Выжили! И что же? Новые потрясения, новые испытания, новые страдания, — перестройка!.. Но не сдаваться же! Что бы там ни говорили, а в сердце каждого поэта живет, не давал покоя, спасительный дух протivления, который движет им.

*У матери, вдовы солдата,
Нас было пятеро галчат.
— Все силы фронту! — Это свято,
А в кочегарке дым и чад.*

*Вы помните, родные доли,
Что довелось ей испытать?
Кирку, лопату, лом тяжелый
Ей приходилось в руки брать.*

*С тоскою думала о муже,
У топок маялась когда.
Тут и мужик не всякий сдюжит—
Она справлялась в те года.*

*От пыли угольной и пота
Порой не отмывался след.
Но никогда с доски почета
Не исчезал ее портрет...*

Это, написанное на одном дыхании, стихотворение о матери как нельзя лучше передает дух атмосферы военных лет. Поэт помнит о тех днях и ночах. Израненная детская память рождает строки, которые не могут оставить равнодушным современного читателя. Но это в прошлом.

*Я шел полями и во мне
Увиденное рвало душу.
Казалось: это все во сне —
Сейчас проснусь и все порушу!*

*Про плуг забывшая земля
В сплошной крапиве и полыни,
О доле лучшей не моля,
Лежала в мороси и стыни.*

От этих слов хочется лечь и зарыдать в голос, но не к этому призывает поэт.

*Я б задохнулся от тоски,
Меня сковавшей до предела.
Но севов прошлых колоски
Мне попадались то и дело.*

*И сердце верило всерьез,
Что край родимый возродится,
Что после ливней, бурь и гроз
Хлеб на полях заколосится!*

Читая эти стихи, всем сердцем ощущаешь их горькую правоту, начинаешь жить их жизнью, ибо энергия слова всколыхнула тебя, подвигнула на какие то конкретные действия, хотя ты, как читатель, пока еще не осознал этого, но «это» уже живет в тебе. В стихах Пахомова нет каких то замысловатостей, заумных рассуждений, они просты, даже обыденны, но в них глубина мысли, боль за окружающее, за Россию. Оттого боль души не отпускает, становится невыносимой. Стихи Пахомова — его гражданская ноша, вериги. Сбросить их он не может, они — его святой долг, судьба.

Перелистывая страницы сборника, вникая в стихи, понимаешь, что есть настоящая поэзия. Внутренняя мелодика стиха, готовая вот-вот прорваться, составляет сильное чувственное начало, такое сильное, что иногда слеза застилает глаза, мешая читать,— но оторваться нет сил. Во всем чувствуется поэтический накал. Поэтические образы лаконичны, рельефны. Непритязательные художественные средства создают картину яркую и правдоподобную, без выкрутасов и вычурности. Пронзительность его поэтической строки, ее сакральная сторона,— не что иное как правда жизни. Признаться, многие его мысли оказались для меня неожиданными, в них я уловил его взгляд на современную жизнь. В них я увидел истинно народное начало, тяготение к добру и справедливости, веру в правоту жизни.

НА БЛАГОВЕЩЕНИЕ

*Я в этот день купил щеглу свободу.
Тот этого никак не ожидал.
Он молнией метнулся к небосводу
С моей руки вздетой и пропал.*

*Свободу птахе, беззаботно давший,
Глядел ему вослед я, без гроша,
Но радостью какой-то запоздавшей
Наполнена была моя душа.*

*Уже не клял я собственную долю,
Во всем другой мне виделся исход.
Как будто бы не я ему дал волю,
А бедный узник — мне, наоборот.*

Система образов, используемая поэтом, воспринимается ясно и органично. Стихи его чаще грустные, но в них живет, таится солнечный свет, ибо они по духу своему светлы и человеколюбивы, вселяют в нас веру в победу добра и, тем самым, придают новые силы для сопротивления тяготам жизни. Откуда все это у В. Пахомова? Из детства, из переживаний? Ясно одно: поэтический дар его, талант делают его стихи притягательными и доходчивыми; они дают человеку необходимый глоток кислорода. И делает это Поэт так естественно, так искренне, так просто и выразительно, что хочется его стихи читать и читать.

Большое количество его стихотворений посвящено Великой Отечественной войне, что вполне естественно, так как тема ни для кого из пишущих не имеет срока дальности.

*Зря листовки враг разбрасывал.
В них, белевших на пути,
Не за Сталиным — за Власовым
Предлагалось им идти.
По кюветам, по обочинам
Ветер гнал их, уносил...
Предлагался плен и прочее,
Даже марки — выбор был!
Только шли отцы угрюмые,
Сапожищами пыля.
Не о жизни своей думали,
О твоей судьбе, земля.
О твоей судьбе, Россия,
Шли, катая желваки,
Сыновья твои простые,
Работяги, мужики.*

Во всех стихотворениях этой темы ощущается гордость поэта за деяния отцов и дедов, победителей фашизма, гордость за свою страну.

Поэт Виктор Пахомов не только художник слова, но и живописец, художник. Не случайно в его книге имеются репродукции с картин замечательного художника Виктора Попкова, его собрата по судьбе. В. Пахомов живет в Туле. Приятно сознавать, что на тульской земле вызрел настоящий российский поэт, творчество которого давно перешагнуло губернские границы.

Выход новой книги для писателя – волнующее событие, новая веха на его творческом пути. В этом смысле воспринимается и сборник стихов В. Пахомова «Окоем». Что убедительно подтверждает и Геннадий Красников в своей предисловии к книге. Поэт признается:

*«Не заносись! Мир полон слез и крови.
От них не отворачивай лица.
В служенье милосердью и любви
Иди своей дорогой до конца!»*

Этой концовкой стихотворения «Обет» мне и хочется закончить свои размышления. Рассматриваемая книга вышла в Туле, в издательстве «Гриф и К»; сделана профессионально, добротно. Всегда, когда берешь книгу в руки, возникает ощущение тепла, которое идет из книги. Тираж, правда, всего 700 экземпляров. Но утешает мысль: мал золотник, да дорог! Доброго пути тебе, книга, к читателю, к его душе, к его сердцу.

Борис Роганков

АРМЕЙСКАЯ ЮНОСТЬ

Ужасная война 1941—1945 г. несла голод, разруху, эпидемии, уничтожила миллионы молодых жизней, осиротила очень многих детей. И вот в самый разгар войны были сформированы суворовские училища /43 г./, куда брали осиротевших детей младшего школьного возраста; а несколько позже возникли и военные подготовительные училища, куда могли поступить /в первую очередь/ дети погибших фронтовиков — но уже среднего школьного возраста.

И вот о жизни подростков в таком артиллерийском подготовительном училище в послевоенные годы и написана книга Марка Дубинского «Наследники, «бога войны».

О суворовских училищах и артиллерийских подготовительных училищах я знаю не понаслышке. Сам учился во 2 Московском артиллерийском подготовительном училище /2 МАПУ/ в 1954—55 уч. году. А в 1955 году, когда подготовительные училища безжалостно расформировали, нашу 4 батарею направили доканчивать учебу в Ставропольское СВУ.

Когда читал книгу Марка Дубинского «Наследники «бога войны», на меня повеяло очень знакомым армейским однообразием: «строиться!», «равняйся!», «смирно», «отставить разговоры в строю!» и т.д. Ведь и у нас в подготовительном было то же самое, и в суворовском — тоже, и в любом армейском подразделении тот же порядок. Тот же комплекс упражнений на зарядке, та же неизменная обязанность сходить строем на завтрак, обед и ужин; спеть на вечерней прогулке армейскую песню... лечь спать а определенное время, в определенное время встать... Но как раз это самое армейское «однообразие», скрепленное железной дисциплиной, составляет единство армейского коллектива, его монолит, его целеустремленность — одним словом, это и есть та самая «несокрушимая и легендарная» русская армия.

В романе кратко но выразительно показаны приметы времени 1947 года, когда еще порцию продуктов можно было купить только по определенным карточкам, а вещи — по ордеру. Еще не перестроились окончательно на мирный лад заводы и фабрики, еще не получили сполна нужную технику колхозы и совхозы, нехватка и разруха — основные приметы того времени. И вот от разрушенного вокзала идет босоногий мальчишка поступать в военное подготовительное артиллерийское училище. На улице часто встречаются разрушенные и полуразрушенные недавней войной дома. И конечно же полуголодного парня, одетого в ситцевую курточку на голое тело, просто восхитил армейский порядок в училище и армейская четкость: «... все в вестибюле дышало свежестью, удивляло налаженным порядком...». А в столовой «в идеальном равнении выстроились квадратные столики, накрытые белыми скатертями...».

И хотя во 2 МАПУ в 1954 году был ощутимый отборочный конкурс при поступлении, а в 47-м году конкурса преимущественно не было, но положение у воспитанников с учебной /в любые времена/ было почти одинаковое — весьма и весьма шаткое — поскольку требования в подготовительных училищах были гораздо выше, чем

в обычной школе. Вот потому у первогодников ХАПУ успеваемость поначалу была с двойки на тройку... /То, что речь в романе идет о Харьковском артиллерийском подготовительном предполагается изначально, когда главный герой вспоминает красочную картину своего доучилищного детства: «... огромная базарная площадь была забита народом, возами, волами, конями. Горы арбузов, дынь, огурцов, помидор. Блеяли бараны, мекали козы, трубно мычали коровы, квохтали куры, гоготали гуси...»/— Ну, конечно же, это Украина!

Итак, в романе возникают две извечные проблемы подготовительных училищ: учеба и дисциплина. Надо попутно заметить, что Дубинский не только показывает очень разные характеры воспитанников, но и освещает жизнь и работу учителей, офицеров, начальника училища. Мы видим как крепнет, спаянный общими проблемами, офицерско-преподавательский коллектив, как встает перед ними первейшая задача: как найти путь сближения воспитателя и воспитуемого? как найти правильную методику общения? как, в конечном счете, привить интерес к учебе?

Трудно на первых порах, но необходимо заложить фундамент для создания из уличных мальчишек высокообразованных культурных офицеров. И уже есть первые наброски: непосредственное, раскованное общение воспитателя с воспитанником, индивидуальный подход к каждому воспитаннику, разумное наставление: «...Надо воспитывать в себе чувство прекрасного, иначе ваша жизнь будет серой и скучной...» — наставляет воспитанников преподаватель литературы.

Преподаватели и офицеры училища работают с полной отдачей, и усилия их не пропадают даром — во взводе уже возникают разговоры о правде, о товарищеской взаимопомощи, о дружбе, доброте, о силе и праве ее применения. Наладилась дисциплина на самоподготовке. Издается рукописный журнал. Постепенно у ребят пробуждается самосознание — они уже не те бесшабашные озорники — происходит становление личности.

Хочу попутно заметить, что роман Дубинского, несмотря на все достоинства художественного произведения, имеет все же очерковый характер, то есть за каждым героем просматривается реальный человек, реальные взаимоотношения, реальные факты и события. Да это и понятно,— невозможно художнику создать настоящее реалистическое произведение, не имея перед собой живой природы, достоверных фактов.

Особое место в романе занимает природа. Дождливая, слякотная погода — как резкий контраст субботней бане, когда сам начальник училища «...бросив все дела, радостно отдавался во власть воды и пара...».

А вот молодой офицер сидит одиноко на садовой скамейке в городском парке и, любуясь красками заката, мечтает о женской ласке, с грустью вспоминает неудавшуюся любовь.

«Нежно-голубой сумрак раннего утра, отдаленная улыбка алой зари» бодрили и радовали учительницу литературы, но вместе с тем настраивали и на рабочий лад. Она уже прикидывала, как будет строить отношения с воспитанниками училища.

«...Мы все время стремимся в водоворот жизни, в гущу событий, в суету больших городов, грохочущих и дымных, а сами тоскуем по живой природе, интуитивно чувствуя ее целебную силу, ее материнскую нежность, врачующую красоту...» — философски размышляет Дмитрий Павлович, любуясь просторами берегов Байкала.

Возникает в романе и любовная линия. Но прежде, чем сказать о любовных отношениях героев, я вынужден еще раз вернуться в 1947 год /то есть ко времени действия романа/. Ведь пошел только второй год после окончания войны. Жизнь постепенно налаживалась, но тем не менее, сколько же миллионов людей остались без отцов, мужей, женихов. А ведь женщина по природе своей чувствует себя созданной для семейной жизни. И бесперспективное одиночество для молодой, цветущей красавицы особенно тягостно.

И вот если на улице или в трамвае появляется стройный молодой офицер /по всем признакам неженатый/, то повод для знакомства ему обеспечен /и не единожды/. Испытание не менее сильное и опасное, чем обстрел или бомбежка. Здесь вполне может образоваться любовный многоугольник, здесь вполне можно запутаться в любовных сетях...

Именно в такое послевоенное время и таким офицером в романе и был майор Ролков — стройный, красивый и неженатый. Однако благодаря своей выдержке, самообладанию и постоянству он устоял-таки от неоднократных любовных искушений, но любовного треугольника все-таки не избежал. Но так уж обстоятельства сложились, так нескладно любимая девушка повела... Заинтригованный читатель пока еще не знает, чем кончится эта драма. Видимо завершение будет в следующей книге.

Были и у воспитанников первые знакомства с девочками, но встречи эти происходили на почтительном расстоянии — к примеру, в виде восторженной беседы с девочкой на балконе. «...Жора словно прилип взглядом к Марине... ему было беспричинно весело и радостно; безумное веселье толкало на необдуманные поступки, но Жора напускал на себя серьезность и суровость, пытаясь казаться повидавшим жизнь... Марина интуитивно чувствовала любование ею... невольно кокетничая стрельчатыми бровями, инстинктивно стараясь еще больше понравиться ребятам...».

Как видно, пока это взаимное любование, но, видимо, и у воспитанников получают развитие отношения с девочками в следующей книге.

Еще раз повторю, что события, описываемые в романе Дубинского, относятся к 1947 году, то есть ко времени тридцатилетия годовщины Октябрьской социалистической революции. Этот праздник в советское время был весьма почитаемым, а годовщина — в особенности. Это означало, что к параду в честь такого события будут предъявлены особо строгие требования. А коли в параде принимало участие и подготовительное училище, то задолго до праздника отработывалась четкость строевого шага, выправка, равнение. На параде надо было выполнить все необходимые строевые элементы особенно слаженно и красиво. А потому тревожное и торжественное волнение не покидала офицеров и воспитанников училища до самого парада.

Само грандиозное зрелище парада Дубинский описывает и от лица героя, и от себя, и как репортер, и как комментатор, и как посторонний наблюдатель. Поэтому мне остается лишь дать несколько характерных выдержек из романа: «...Обилие кумачовых флагов, полотнищ, транспарантов, портретов вождей, но особое уважение вызывали колонны воинских подразделений... Командующий парадом, алея генеральскими лампасами и слепя окружающих блеском орденов и медалей на мундире, словно влитой, сидел в седле...». «...Наступил тот самый, самый ответственный момент... момент прохождения маршем мимо трибун; но даже в самых затаенных мыслях ни у кого из ребят не возникало сомнения, что они пройдут хорошо, по всем правилам военного искусства... Ведь прохождение торжественным маршем на параде — это не только зрелище развлекательное, но это как бы экзамен их военной выучки, их готовности к службе, к защите всех этих граждан, которые стояли на трибунах и около трибун...».

Остается только добавить: армия славилась мощью своей страны!

Итак, я рассмотрел основные проблемы и перипетии книги Марка Дубинского «Наследники «бога войны». Помимо воспитательного значения и художественных достоинств книга, безусловно, имеет и познавательное значение /и для родителей, и для сыновей/ уже потому, что далеко не всякому довелось учиться в военном подготовительном или суворовском училище, однако, читая эту книгу, невольно окунаешься в атмосферу работы и быта как офицеров, так и маленьких военных, ощущаешь тот суровый казарменный порядок, проживая вместе с героями определенный отрезок времени. И вот здесь возникает естественный вопрос: а создан ли ты в про-

должении всей своей молодой жизни с достоинством и честью переносить все тяготы и лишения военной службы во имя спокойствия и блага миллионов людей твоего Отечества?! Или ты предназначен для другой, не менее важной деятельности?

Познавательное значение романа еще и в том, что не всякому пришлось жить в то время — время разрухи и полуголодной, но полной энтузиазма и надежд жизни.

Но с другой стороны, книга Марка Дубинского довольно-таки объемистая, и для современного пресыщенного читателя, пожалуй, немножечко тяжеловесна. Хотя документальные книги воспоминаний Геннадия Толокольниковца /о Тульском суворовском/ и Бориса Сыченкова /о Первом МАПУ/ тоже не менее объемны. Но что поделаешь, если эти годы пребывания в подготовительном училище были такими насыщенными и оставили такое неизгладимое впечатление!?

Тяжеловато, конечно, было создавать фундаментальную книгу армейской молодости, эпопею тех трудных, незабываемых послевоенных лет. Много времени и сил было отдано произведению, в основу которого положены юные годы, своей биографии и биографии товарищей по подготовительному училищу; но внедрить свое детище в жизнь, заинтересовать и привлечь читателей, оторвав их от телевизора или компьютера, будет тоже нелегко.

От редакции: Ранее на книгу Марка Самойловича Дубинского были опубликованы рецензии в журнале «Приокские зори» (№ 2, 2008) и газетах «Тульская правда» (№ 23, 2008) и «Российский писатель» (№ 11, 2008).

Марина Баланюк

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ РУССКОГО СВЯЩЕННИКА

Марина Григорьевна Баланюк — секретарь редакции журнала «Приокские зори». Окончила Московский государственный педагогический институт. Длительное время работала учителем изобразительного искусства в школах Тулы. Ведет активную общественную работу в части развития детского художественного творчества, участвует в деятельности областной организации Всероссийского общества «Мемориал». Начиная с 90-х гг. возглавляет Детское объединение «Организация детской истории, искусства и культуры «Дети — творцы мира», творчество которого многократно представлялось и отмечалось призовыми местами и почетными наградами на международных выставках детского творчества в Японии (префектура Канагава), США, Италии и других странах. Автор изданного ИПО «Лев Толстой» (Тула) альбома «Рисуют дети». Публиковалась во многих педагогических журналах, в литературно-публицистических изданиях: газетах, журналах и сборниках. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. В «Приокских зорях» печатается впервые.

В конце августа 2008 года в тульском издательстве «Гриф и К» вышла необычная, удивительная, уникальная книга под названием «Павел и Клавдия». Это дневники и письма жены русского священника Клавдии Ивановны Устиновой, которые чудесным образом сохранились, пройдя через все трагические испытания — политические репрессии, Великую Отечественную войну и сейчас, многие десятилетия спустя, увидели свет, стали книгой.

История ее появления такова. Как пишет в предисловии внука Клавдии Ивановны и Павла Сергеевича Устиновых, живущая ныне в Москве, Ольга Михайловна Стронгина, она передала в архив Всероссийского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» сохранившиеся пожелтевшие от времени тетради. Об этом узнал член этого общества Сергей Львович Щеглов.

В детстве он был знаком с Павлом Устиновым, общался с ним незадолго перед тем, как тот был арестован в городе Муроме бывшей Владимирской губернии. Сергей Львович и посоветовал, а затем и помог подготовить дневники и письма Устиновых к печати. Наследники Клавдии Ивановны и Павла Сергеевича собрали необходимые средства, чтобы расплатиться с издательством.

Книга получилась очень объемная — 810 страниц, тираж, естественно, небольшой — всего 200 экземпляров. Вполне понятно, что у этой книги свой читатель. Я уверена, что эти 200 экземпляров разойдутся и принесут большую пользу тем, кто приобретет или хотя бы прочитает эту книгу. Дело в том, что Клавдия Ивановна Устинова — не просто автор дневников и подробных обстоятельных писем, запечатлевших свое время. Она — писательница, хотя таковой себя не полагала и о лаврах писательских мысли не держала. В ее художественном даровании убедится всякий, прочитавший ее записи, у кого есть чувство и понимание творческого таланта. Можно познакомиться, какие детали и подробности она запечатлела. С какой проникновенностью повествует о своих детских впечатлениях, о родных и близких, о любви к избраннику сердца, о верности

супругу в самых тяжелых испытаниях. Сцены посещения брата Николая перед его смертью от туберкулеза, ссоры с сыном из-за Кати Глыбинной и подобные им — это глубокое и точное описание психологических состояний. С волнением читаешь записи Клавдии о любви к мужу, сохраненной в условиях, когда у многих людей исчезают светлые чувства.

Книга воспринимается как учебник жизни, — пишет в приложенной к книге статье один из ее составителей тульский журналист и писатель Сергей Львович Щеглов (Норильский). Огромный объем материала, сравнимый с романами-эпопеями, не тяготит читателя (хотя некоторые места, повторяющие рассказанное ранее, и читаются с меньшим интересом, но их жаль пропустить, потому что и в них есть важные сведения и мысли).

По многим страницам произведение представляет своего рода исследование нравов. Раскрываются противоречивости характеров, показываются слабости и срывы хороших, добрых людей, попавших в жизненные передряги.

Произведение показывает читателю глубину православной христианской России, трагизм попыток политиков одним махом заменить ее на безбожную страну.

В феврале 1915 года, еще до выхода замуж на Павла, Клавдия записывает в дневнике: «Мне часто приходят в голову мысли, что жизнь моя будет тяжелой, что будут большие беды, несчастья». Предчувствие... Так мучительно сбывшееся!

Фанатическое обоготворение Павла, его подлинный христианизм, его смирение и терпение раскрываются в таких сценах, как ночевка у сельского учителя на пути в Саров, где разгорается спор о Ренане и подобных.

Павел — натура поэтическая, романтическая. Чистота и выспренность его устремлений редкостны и в то же время характерны для лучших, наиболее честных представителей религиозной массы. Вот его размышления о любви мужчины и женщины: «Телесная связь вытекает из полноты любви, но весь вопрос в том, сохраняется ли чистота любви после этой связи (...). Люди загрязнили все и думают, что нет чистого. Есть оно, есть, его только надо искать, его хранить надо в сердце своем. Надо «тайну любви» сохранить источником, бьющим чистой воду. Пусть полнота любви поднимает человека на подвиг жизни, пусть она дает ему силы свободно взмахнуть крыльями души. Правда, любовь может сделать человека и эгоистом, но она же, любовь, может сделать его орлом, парящим в небесах. Все от человека и все в человеке».

Такова и Клавдия. Они с Павлом — натуры родственные. Оба романтики. У Клавдии обостренное чувство справедливости, поисков истины. Ее волнуют вопросы расхождения религии и церкви, поддержка церковью войны. Начитавшись Толстого и Достоевского, девушка горячо размышляет о противоречиях жизни и идеалов, в частности, о поведении священства в условиях жизненной прозы. Тилима и прочие «женихи» юной Клавдии стремятся перетянуть ее на свою сторону, увести от идеалов, направить на путь практицизма. Но Клавдия не поддается соблазнам — внутренняя основа ее крепка и устойчива. Многие взгляды Клавдии сходны со взглядами революционеров: «Мне не нравится Бог, который все только карает, наказывает, метит. Часто закрадывается мысль о том, что такого страшного Бога выдумали церковники, как узду для народа».

Поразительна чистота отношений влюбленных друг в друга Павла и Клавдии. А как современны размышления Павла о смысле любви и брака сегодня, в половодье сексуальных и прочих революций. Отец и вся семья запретили юноше жениться на любимой потому, что она бедна. Навязывают богатых невест.

Клавдия Шурыгина (девичья фамилия Устиновой) воспринимает отцовские возражения Павлу со всей резкостью свободной девичьей души. В письме сестре она признается в увяленном самолюбии и гордости.

А для Павла жениться без отцовского благословения — драма. Эти страницы

произведения Устиновой читаются с таким же интересом и вниманием, как лучшие повести и романы классиков.

Древняя как мир коллизия исследована художниками и философами всех направлений до мельчайших подробностей. Но каждое время по-своему вновь и вновь ставит эти вопросы. В современной нам России, после несостоявшегося скачка в светлый мир социализма вернулась власть чистогана, засилье денежных мешков, единственным мерилем успеха многие люди полагают деньги.

Сбылись предчувствия Клавдии о предстоящих ей бедах! Она и Павел смиренно, терпеливо проносят свою любовь, оберегая ее от окружающего зла. И она их подерживает. Но вот мучает при этом читателя мысль: почему же она (или Бог, в котором ее олицетворяют) не спасла их от самого страшного, что произошло с ними двадцать лет спустя после свадьбы, почему не избавила безгрешного сосуда нравственности Павла от незаслуженной казни, расстрела? У него, как и у всех искренно верующих христиан, ответ на это был известный. Христос терпел и нам велел. Бог призвал нас принять венец мученичества, и за это мы его славим. И что же, зло, торжествующее на судьбах таких мучеников, жестоко топчущее их, оно так и будет торжествовать и топтать беззащитных?

О том размышляет и Клавдия Ивановна на уцелевших страницах седьмой тетради (остальные она, по-видимому, уничтожила в 1920 году из боязни, что попадут в руки чекистов): «В бедной лачуге умирает отец семьи. Кругом нищета, голод, холод. А рядом в красивом особняке идет веселый пир. Тут похороны, там свадьба. Здесь умирает человек, а тут рождается ребенок. В храме слышны призывы к любви и братству, а так на полях идет братоубийственная война. И так во всем, везде и всегда: то мирный звон колоколов, призывающий к покаянию, а то убийства, грабежи, война. Нет гармонии — одни противоречия».

Вот что мучает молодую женщину. Любимый ею «духовник» не в состоянии ответить на многие вопросы; то есть, он отвечает, и ему ответы кажутся убедительными, а ей — нет. Но и никто другой не может ответить. Ответы революционеров она не принимает. Заколдованный круг. Он поглощает и нас сегодня, в начале XXI столетия

История России прошлого венка проходит перед нами в ярких подробностях быта и людских характеров, увиденная глазами представителей нескольких семей. Классовая борьба, преследования верующих, закрытие церквей, приспособление интеллигенции к жизни рабочих. Жена священника — «лишенка», то есть лишена избирательных и других гражданских прав. Клавдия Ивановна не может устроиться на работу по специальности и на любую должность, где необходимо хотя бы среднее образование, которое у нее есть. Мишу и Сережу Устиновых не принимают в школу, поскольку они дети священника, их даже лишают продуктовых карточек (в стране была так называемая карточная система: продукты питания, одежда, обувь продавались по жестким нормам). Постоянный страх, в котором жили такие люди, полуголодное существование, мучительные попытки найти деньги, чтобы купить на рынке или у так называемых «мешочников» полпуда муки, крупы, соли, сахара. Хорошо, если у кого сохранилась царская золотая монетка или колечко, или какая-то вещь, которую можно продать на базаре. Обыски, аресты, допросы. Партийные собрания и «чистки». Вязанка поленьев в Москве — два миллиона рублей, бутылка молока — 150 тысяч. Обо всем этом в дневниках и письмах сообщается как бы мимоходом и тем сильнее впечатляет.

Как известно, борьба советской власти с религией началась с 1917 года. Первый арест и последовавшее за ним длительное следствие по «делу» Павла Устинова в 1931—1932 годах, закончившееся осуждением на три года исправительно-трудовых работ в лагере. Обвинения в антисоветской деятельности были предъявлены не одному Павлу, а группе священников, диаконов, псаломщиков и других служителей

русской православной церкви в городе Владимире, вплоть до сугубо рядовых персонажей — верующих, регулярно посещавших богослужения.

В центре «дела» находился Павел Сергеевич. Главной уликой служили проповеди, которые он произносил после обеден и всенощных. Павел в своих проповедях доказывал гибельность безбожия, неизбежность торжества Символа веры и посрамления атеизма, наказания за него. Это коренным образом противоречило политике советского правительства, основанной программой ВКП(б). В Уголовном кодексе РСФСР это обозначилось статьей 58, состоявшей из четырнадцати пунктов; Антисоветская агитация единичная — пункт 10, групповая — 11.

Отбыв назначенный ему срок, Павел Устинов вернулся к богослужебной деятельности, продолжал свои проповеди. Поселился он в городе Муром Владимирской области. Осенью 1937 года он был снова арестован вместе с группой муромских священников и мирян, посещавших богослужения.

17 декабря 1937 года — тройка УНКВД по Горьковской области приговорила Павла Устинова по статье 58, пункты 8, 9, 10 и 11 к расстрелу. 25 декабря 1937 года приговор был приведен в исполнение. Священника Устинова Павла Сергеевича реабилитировали посмертно по протесту прокурора области, и президиум Владимирского областного суда 23 июля 1956 года отменил за недоказанностью обвинения.

Не дождалась Клавдия Ивановна своего Павла. Она надеялась, что может быть он жив, в лагере и что может оттуда вернуться.

2 сентября 1961 года она скончалась там, где и жила последние годы в селе Брутове возле города Владимира, где учительствовала в школе и заведовала учебной частью, где жители избирали ее депутатом сельсовета; шел ей 68 год.

Такова судьба двух замечательных русских людей Павла и Клавдии, изложенная или самими. Поблагодарим же тех, кто помог их записям превратиться в книгу, которую рекомендуем вам, дорогой читатель.

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Николай Боев
(г. Узловая)

ПЛАЧ ПО ВЫСОЦКОМУ*

4. Спица в колесе

Он был на слуху у всех: радиолы, магнитофоны, несколько робковато — радио и телевидение выплескивали его голос на улицы через окна городских квартир и сельских жилищ. Полузапрещенный бард достиг пика своей популярности. Заканчивались 70-е годы — с пышным расцветом кремлевского маразма, коррупцией, теневой экономикой. Высокопоставленные чины отправлялись за решетку, снимались со своих хлебных мест, травились и стрелялись. Именно в недрах «развитого социализма» следует искать генезис «капитализма с человеческим лицом», который пытаются воцарить сегодня на развалинах СССР.

Происходила ломка в сознании людей. Вместо официальных идей «строительства светлого будущего» советское общество прорастало безверием, инфантильностью, цинизмом. Растерянные «кремлевские мудрецы» выдумывали туманные реформы, «планов громадьё» — ни то, ни другое не проводилось и не выполнялось. Конгломерат языков и республик именовали «общность — советский народ», а магазины были пусты. И если смерть престарелых «верных ленинцев» стала бытовым явлением, то неожиданный уход из жизни популярного барда резонансом отозвался «от Москвы до самых, до окраин». Ранняя смерть сняла с него все запреты.

О покойном говорят или только хорошее, или ничего. О В. Высоцком промолчать нельзя, Не тот случай. Фантастически быстро для тех времен выходит книга «Нерв» /М. «Современник», 1981/. И впервые о его творчестве написал профессиональный литератор. Открывал книгу своим предисловием составитель-представитель лидеров «эстрадной поэзии» Р. Рождественский, в значительной степени поэт-песенник. Он хорошо знаком был с В. Высоцким, с его творчеством, но при жизни не помог ему с публикацией. А ведь писал предисловия к первым книгам молодых и не очень авторов, что в значительной степени облегчало издание. Хотя откровенно признавался: «Пришел ко мне в гостиницу подлец из начинающих». Мэтр! Но писал рекомендации, помогал талантливым авторам, а своему москвичу-знакомому не помог. В чем же дело?

Заглянем в предисловие...

* Окончание; начало в «ПЗ» № 3, 2008. Настоящие главы исследования мы сочли нужным поместить в разделе «Литературная учеба», ибо их содержание выходит за узкие рамки литературной критики.

Он с первых слов признается: «Эта книга — не песенник. Хотя, составляя ее и перечитывая стихи Владимира Высоцкого, я все время слышал его голос. За каждой строкой слышал, за каждым словом.

И даже тогда, когда мне встречались абсолютно незнакомые стихи, все равно где-то далеко в глубине возникала и звучала мелодия. И голос Высоцкого звучал. Голос, который продолжал жить...»

Итак, впервые за анализ творчества В. Высоцкого взялся профессионал. Он дает четкий ответ на все вопросы: все написанное предназначено /создано/ для исполнения со сцены. Действительно, В. Высоцкий и начинал-то с хулиганских песен. Текстами песен он и закончил.

Обратите внимание: профессиональный литератор не применяет ни одного термина «любителей творчества В. Высоцкого» — «поэт», «народный поэт» и тем более кощунственное по отношению к великой русской литературе утверждение дилетантов — «классик русской литературы». Автор предисловия — «раскрученный», рекламируемый и саморекламированный — эстрадник, по популярности своих стихов и песен не уступавший В. Высоцкому, если не превосходивший его, нигде ни разу не упомянул о В. Высоцкий за все 60—70 гг.

«Был такой вроде бы неплохо фильм «Вертикаль». Был и прошел. А песни, написанные Владимиром Высоцким для этого фильма, остались».

В объемном предисловии — десять страниц — однажды вскользь упомянуто слово «поэт», но в конце статьи он его зачеркивает. Профессионал в серьезном деле — оценке творчества покойного — не должен ошибаться. Он и не ошибся.

«У Владимира Высоцкого есть песни, которые чем-то похожи на роли. Роли из никем не поставленных и — более того — никем еще не написанных пьес». Здесь-то Роберт Иванович несколько неправ — его песни как раз и являются пьесами: их не интересно читать — они должны быть исполнены на сцене, именно — не прочитаны, а под гитару пропеты автором. Р. Рождественский сам же подтверждает данный вывод.

«Он торопился, примеряя на себе одежды, характеры и судьбы других людей — смешных и серьезных, практичных и бесшабашных, реальных и выдуманных. Он влезал в их заботы, проблемы, профессии и жизненные принципы, демонстрировал их способ мыслить и манеру говорить...»

Профессиональный актер В. Высоцкий, наделенный определенным голосом и определенным талантом сочинять тексты песен, на сцене с гитарой был, действительно, неподражаемой личностью.

Р. Рождественский задает себе вопрос:

«Так кем же все-таки был Владимир Высоцкий? Кем он был больше всего? Актером? Поэтом? Певцом? Я не знаю. Знаю только, что он был личностью. Явлением».

Это само собой, но Р. Рождественский поэта в нем не увидел, точнее не видел.

Читаем дальше. В октябре 1977 г. группа советских литераторов приехала в Париж, для участия в большом вечере поэзии.

«Компания подобралась достаточно солидная: К. Симонов, Е. Евтушенко, О. Сулейменов, Б. Окуджава, В. Коротич, М. Сергеев, Р. Давоян. Был в нашей группе и Владимир Высоцкий! Обратите внимание на компанию!»

...Высоцкий выступал последним. Но это его выступление нельзя было назвать точкой в конце долгого и явно удавшегося вечера, потому что это была никакая не точка, а яростный и мощный восклицательный знак!

В. Высоцкий пел! Да и нигде он не читал свое написанное. Это были тексты песен и он отлично понимал. Даже длинные-предлинные сочинения написаны в его песенном ключе и как стихи не воспринимаются.

А. С. Демидова пишет: «Для одних он был поэт, бард /кстати, Высоцкий не любил этих слов; он говорил: Я не бард, не поэт — я сам по себе»/.

Он был прав. Из него нельзя выделить составные части, тем более — поэт, и уже совсем абсурдное — «классик русской литературы». Начинаешь оглядываться: не в другом ли измерении ты оказался?

Из наиболее ревностных защитников «запрещенного» барда выделяется критик Н. Крымова, написавшая послесловие ко второму сборнику В. Высоцкого «Избранное» /М. «Советский писатель», 1988/. Предисловие — Б. Окуджавы, в большей степени известный как исполнитель собственных текстов: «Жил талантливый человек, всем известный. Песни его ворвались в наш слух, в наши души, а говорить и писать о нем было нельзя. Его же не печатали, не издавали. Кого-то очень пугала острая социальная направленность его стихов, кого-то пугала его популярность». Странная форма испуга — популярность?!

Н. Крымова, «увидевшая поэта Высоцкого» после смерти, в послесловии «О поэзии Владимира Высоцкого» пишет: «Внимательно следила за упорной работой Высоцкого Б. Ахмадулина. Поощряли как умели А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский». Странная, видимо, форма поощрения была выбрана знаменитыми «эстрадниками», если они не удосужились ни строки В. Высоцкого опубликовать. Кто-то из литераторов вспоминал, что А. Вознесенский при разговоре о стихах отмахивался от В. Высоцкого, как от назойливой мухи. Факт остается фактом: никто ему не помог.

Читаем Н. Крымову: «Стоит вспомнить эпизод, о котором рассказывает Д. Самойлов. Однажды три больших наших поэта — А. Межиров, Б. Слуцкий, Д. Самойлов — собрались по инициативе добрейшего и чуткого Б. Слуцкого, что бы вне шума театральных сборищ послушать стихи Высоцкого, так как возникла некая надежда на возможность что-то опубликовать», Боже мой, с такой интригующей подоплекой! — в лучших традициях подполья большевиков-интернационалистов!

«Высоцкий пришел без гитары, с большой пачкой текстов. По мере его чтения пачка сильно уменьшалась — в сторону откладывали «непроходимое». На вопрос — не возникло ли у них сомнений, поэт ли перед ними, Самойлов сегодня отвечает: «Ни малейших». Это сегодня — о мертвых или ничего, или только хорошее.

Оставим в покое А. Межирова с его знаменитым «Коммунисты, вперед!» Смею утверждать, что эти стихи в значительном степени плагиат. Мой земляк А. Кузмичев, ныне писатель, во время войны юношей на фронте познакомил А. Межирова со стихами, где был знаменитый рефрен. А. Межиров взял их на предмет публикации, но потом сделал своими. А. Межиров мог испугаться стихов В. Высоцкого — смелостью он не отличался. Сбил человека на машине, а от ответственности скрылся «за бугром».

Но смею утверждать, что у Б. Слуцкого, пришедшего в восторг от истинной поэзии Н. Рубцова, услышанной впервые на семинаре в литературном институте, хватило бы смелости опубликовать В. Высоцкого, если бы было что. Но без гитары они не нашли ничего пригодного. Трудно, практически невозможно доработать песни в стихи. Хорошие стихи легко превращаются в песни, но не наоборот. Да и В. Высоцкий, в силу своего характера, вряд ли шел на это. Тексты песен часто далеки от стихов, стихов крепко сколоченных, где все точки и запятые крепко стоят на своем месте. Почитайте Б. Слуцкого и сравните с текстами В. Высоцкого, которые «похожи на пьесы».

То же самое можно сказать и Д. Самойлове. Оба они написали немало путевок молодым в поэзию. А В. Высоцкому не написали. Был талант? Был! Но как стихотворец он остановился на уровне любителя, и не больше.

Не надо обвинять известных поэтов в трусости. Время уже было не то — публиковали острое, но высокохудожественное и высоконравственное...

Как исполнителя своих песенных текстов, В. Высоцкого, в принципе, особенно и не запрещали, тем более — не преследовали. Даже его блатные песни нередко неслись из окон — была такая мода: ставили на окно проигрыватель, позже — магнитофон и часами оглашали дворы и дворики.

«Расшатывалась система», трещала экономика, хромала политика. Попутно проповедовали на прочность и русскую культуру. Начали выпускать на волю страшного все охватывающего спрута — массовую культуру.

Ст. Куняев ее сравнивает с Молохом: «Если ты добровольно отдал Молоху душу, то обязан соответствовать образу, который сам создал для публики,— в этой несвободе твоя великая драма, к сожалению, в наше время, как правило, переживаемая элементами фарса: так кто же властвует в итоге — ты над публикой или публика над тобой? Поэт Андрей Вознесенский, очень хорошо изучивший в 60—70-е годы среду творцов западного массового искусства в своих недавно опубликованных мемуарах, очень точно изобразил подобную фарсодраму: «Съезжались вожди демократической волны поэзии. Прилетел Ален Гинсберг со своей вольницей. С нечесаной черной гривой и бородой по битлическому стилю тех лет. В черной прозодежде, философ и эрудит, в грязном полосатом шарфе, он как мохнатый шмель врывается в редакции, телестудии, молодежные сборища, вызывая радостное возмущение. Уличный лексикон был эпатажем буржуа, но что главное, это была волна протеста против войны во Вьетнаме... Обожали, переполнялись, ломались, освистывали, балдели, рыдали, пестрели, молились, раздевались, мяукали, кайфовали, кололись, надирались, отдавались, затихали, благоухали, смердели, лорнировали, блевали, не фурыкали, кускусничали, акулевали, обожали, революционизировались». Надо отдать должное таланту Вознесенского — картина впечатляющая. Непонятно только, почему эту панораму распада, моральной и физической деградации творцов массовой и элитарной культуры, эти общественные оргии люмпенов, наркоманов и алкоголиков нужно выдавать за прогрессивное и даже революционное движение».

Нечто подобное пришло и к нам. Рабом и кумиром массовой культуры был и В. Высоцкий. Но в его время еще существовали рамки определенного ограничения. Если бы их убрали, получили такую же «впечатляющую картину». Так что с «жертвой В. Высоцкий» все значительно сложнее, чем попытки сделать его героем.

Для неверующих в эту картину — картину деградации личности, не желающих взглянуть на себя со стороны, обратимся к академикам, составляющим словари.

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА — типичный продукт «массового общества», специфическая форма функционирования буржуазной культуры. Характеризуется организованной индустрией потребления и широко разветвленной сетью средств массовой коммуникации, оказывающих соответствующее воздействие на индивидуальное и общественное сознание и создающих необходимую рекламу для обеспечения спроса. М.к. является как инструментом поддержания буржуазных представлений человека о смысле жизни, предназначении в мире, путях гуманизации социального бытия, так и средством его социализации, воспитания и включения в социально-экономические и политические институты государственно-монополистического капитализма. Основные социальные функции М.к.: интеграция людей в существующую систему общественных отношений; переключение их внимания с проблемного осмысления реальной жизни на зрелищное восприятие развлекательной массовой продукции, эмоциональную разрядку и игру воображения, уводящих человека в мир грез, иллюзий и создающих видимость причастности его к решению актуальных проблем современности, психологический контроль над умами масс и влияния на них с целью формирования стандартных потребностей стереотипного мышления и приемлемых форм приспособления и приобщения к буржуазному миропорядку; примирения человека с реально существующими и все более углубляющимися противоречиями, характерными для современной стадии развития западной цивилизации. Хотя в форме М.к. осуществляется частичное, но, как правило, извращенное приобщение широких масс к отдельным ценностям культуры, в целом она принципиально противоположна подлинно демократической культуре, нацеленной на духовно-практическое освоение мира, гуманистическое развитие мирово-

го культурно-исторического процесса, творческое развертывание духовного богатства человека и нравственное совершенствование личности».

Философское определение массовой культуры дано с марксистско-ленинской позиций. И хотя не все ладно с «марксизмом-ленинизмом», многие проблемы марксисты осмысливали объективно. Словарь издан в 1980 г., но разве не с наших сегодняшних дней списано определение «массовой культуры»? Она ошельмовывает общество, обрушивается на него волнами цунами, сметая на своем пути истинную народную культуру, выхолащивает души и отучает человека думать. Ошельмовав народ, им легко управлять, навязывая свою волю.

Прекрасно это знал талантливый пропагандист фашизма Геббельс: «Если хочешь покорить нацию, то нужно вырвать у нее мозги». Вырвали мозги у немцев и повели их на верную гибель, словно стадо баранов. Вот и вырывают нам мозги сегодня круглосуточно, изо дня в день.

Несколько по иному поводу, но с общей сутью протопоп Аввакум еще в XVII веке печально произнес: «Выпросил у Бога святую Русь Сатана!». Сатана, как известно, многолик. Сатана с лицом «массовой культуры» был одним из первых вестников современного разора и раздора некогда воистину «великого и могучего Советского Союза», с его многонациональной культурой, обычаями и традициями, в основе которых заложена высокая нравственность к гуманизм.

Священник Михаил Ходаков пишет: «Высоцкий привел в движение струны измученного народного сердца, разбудил в нем гражданское начало, мужество и стремление жить достойно, а не молча, по-рабски. Своим творчеством и сильной свободолюбивой личностью, не запачканной угодничеством перед Единственной Верной Идеологией, он подавал людям стимул к освобождению от комплекса привычного человеческого страха, заботности, потерянности и патологического взаимного недоверия друг к другу /наследия эпохи всеобщего доносительства/. С такой характеристикой-рекомендацией В. Высоцкого вполне можно канонизировать в святые. Но вынужден огорчить о. Михаила: во-первых, В. Высоцкий был отнюдь далеко не первым, кто «привел движение струны измученного народного сердца». Поэты «тихой лирики» в значительно большей степени трогали народное сердце, распахивали его душу для вольного полета. В. Высоцкий, наоборот, эти же самые души, в своей основе, развращал, подталкивая их под жернова Молоха — массовой культуры. Во-вторых, многое написанное, по мнению самого же о. Михаила, могло быть «подказано ему извне» Если это так, если принимать за факт, что очень многие «шедевры» В. Высоцкого не выходят за рамки дворовых анекдотов, то уважаемый о. Михаил, наш бард не нуждается в защите: им опошлены армия, милиция, рабочие, крестьяне, интеллигенция — в итоге, практически весь русский народ и не только русский. Вот и разберись: чего у него больше — злого добра или доброго зла.

Нет, В. Высоцкий не был первым, кто тронул «струны измученного народного сердца». Его далеко опередила «эстрадная поэзия». Они не хуже В. Высоцкого читали-пели свои стихи, мастерски влезали в души, не менее успешно расшатывали «систему» и... «эстетически обрамляли ее развал». И В. Высоцкий и «эстрадники» — спицы одного колеса.

Очень точно Ст. Куняев назвал ее «стихотворным вариантом массовой культуры». В. Высоцкий — песенный вариант — спицы одного колеса. «Эстрадники» собирали многотысячные толпы на площадях и стадионах, многомиллионные аудитории во времена «Останкинских вечеров». И лозунги были соответствующие — «Политехнический — моя Россия». И хотя В. Высоцкий пытался доказать, утверждал:

*Я бодрствую, но вещей сон мне снится.
Пилули пью, надеюсь, что усну.
Не привыкать глотать мне горькую слону —*

*Организации, инстанциям и лица
Мне объявили явную войну,
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Чтоб доказать — я в колесе не спица.*

Объявили войну? Да! Нравственность берегли, русский язык, на котором пел В. Высоцкий.

Конечно, он искренне пытался доказать, что: «...я в колесе не спица», даже не подозревая, что уже заранее вставлен спицей в другое колесо...

«Холодная война» между двумя мировыми системами, возглавляемые США и СССР, преследовала главную цель: разрушение «Союза нерушимого республик свободных», который «сплотила навеки Великая Русь». Сила была на стороне «загнивающего и умирающего капитализма». В жернова этой необъявленной войны были брошены астрономические суммы денег, десятки справедливых и агрессивных войн и военных конфликтов перемалывали миллионы человеческих жизней. Применялось самое современное оружие, запрещенные приемы и методы. Одним из них являлась «массовая культура» далеко не лучших образцов. Пригодилась и «спица» В. Высоцкий. Спица прочная и не из пятого колеса телеги, а из многоколесного современного бронетранспортера...

Объявили войну? Да! Однажды с ним беседовали в «органах», пытаясь его популярность направить в нужное русло властям? А может по-хорошему наставляли на путь истинный, чтобы не засорял русский язык и не сопутствовал разрушению русской культуры?

Посмотрим, что не устраивало власти. Одно из первых его стихотворений-песен, настороживших органы, безусловно: «Песня про Сережку Фомина» /1963/.

*Я рос, как вся дворовая шпана,
Мы пили водку, пели песни ночью
И не любили мы Сережку Фомина
За то, что он всегда сосредоточен.*

*Сидим раз у Сережки Фомина —
Мы у него справляли наши встречи,
И вот о том, что началась война,
Сказал нам Молотов в своей известной речи,*

*В военкомате мне сказали: «Старина,
Тебе броню дает родной завод «Компрессор»,
Я отказался, а Сережку Фомина
Спасал от армии отец его, профессор.*

*Кровь лью я за тебя, моя страна,
И все же мое сердце негодует:
Кровь лью я за Сережку Фомина,
А он сидит и в ус себе не дует!*

*Теперь небось он ходит по кинам —
Там хроника про нас перед сеансом,
Сюда б сейчас Сережку Фомина,
Чтоб побыл он на фронте на германском!*

Но, наконец закончилась война,
С плечь сбросили мы словно тонны груза.
Встречаю я Сережку Фомина,
А он — Герой Советского Союза.

Могло так быть? В некоторой степени. Законы были строгие и укрывательство от призыва на войну каралось жестоко — война! Спаслись от армии дезертиры, наверное, ухитрились некоторые. Но Героя получить они вряд ли могли.

У известного писателя Г. Климова в книге «Берлинский Кремль» есть нечто подобное, но Героя отрицавший политический режим в стране получил все-таки в партизанах. Это правдоподобнее и не оскорбительно для Героев. Хотя книга писалась и издавалась за границей. В «органах» могли указать на это — имели все основания — по тексту, — таков В. Высоцкий.

Следующая песня «Штрафные батальоны» — запретная тема, но пел ее бард. «Антисемиты» — запретная? Герой песни из шпаны и бандита решил податься в антисемиты:

*На их стороне хоть и нету законов,—
Поддержка и энтузиазм миллионов.*

Ложный вывод. Все «сочинение» ярко русофобское. В момент написания — 1963 г. — антисемитизм, как и русофобия в СССР, да и во всем мире были осуждены. «Сталинское дело врачей» — последнее дело.

В известной песни В. Высоцкого «Звезды» есть и такое:

*Нам говорили: «Важна высота!»
И «Не жалеть патроны!..»
Вон покати́лась вторая звезда —
Вам на погоны.*

Нельзя же так! Сквозит завистливо — злобная мысль, что высота нужна для звезды на погоны офицеров. Конечно запретное! Отсюда «эстетическое обрамление» развала армии — мы в реальности сейчас его наблюдаем.

*Если б не насмерть, ходил бы тогда
Тоже — Героем.*

Могло так быть? Могло, в частности. Но делать обобщение — кощунственно для Героев. А пел! Голос скрашивал идеологическую и нравственную ущербность, утверждая ложную ауру В. Высоцкого-борца за справедливость.

«Песня про стукача» — ох, сколько же подобного было написано после XX съезда партии! Но у В. Высоцкого свой стукач — собственный, все-таки он стучал про уголовников! Каждый нормальный человек понимает, что предотвратить преступление — подвиг. Но В. Высоцкий в роли «зластоустого блатаря» все видит по-своему — в перевернутом зеркале:

*И день наступит — ночь не на года!
Я попрошу, когда придет расплата;
«Ведь это я привел его тогда,
И вы его отдайте мне, ребята!»*

Конечно, безнравственно воспевать уголовщину, обрекая на смерть тех, кто борется с ней. В. Высоцкий помогал «эстетически обрамлять» и развал милиции.

Весь «запрет» В. Высоцкого больше всего происходил из добрых побуждений — защитить молодежь от ложной романтики. Увы! У В. Высоцкого подобного «добра» хватает. Создается впечатление, что он так и не увидел разницу между добром и злом. Если в «Штрафных батальонах» испачканное добро, то в «Песне про стукача» — очищенное зло. Запретно? Да! Безнравственно...

В 1972 г. на страницах «Литературной газеты» разгорелась дискуссия о народности и массовости культуры. В те годы еще все народно — заинтересованно в широкий разговор включились огромные массы людей. Нашлись и адвокаты «массовости культуры». Но все-таки глубокие и вдумчивые судьи — народ стойко защищали народность искусства и литературы. Разобрались люди, что подлинное искусство воплощает эстетические идеалы народа, понимание справедливости и красоты. Творческая жизнедеятельность народных масс отстаивала их художественные вкусы и эмоциональный опыт. Дискуссия определила, что художник /живописец, музыкант, литератор и др./ «вписывается» в мудрость народа. В постоянной борьбе добра и зла он должен четко определить свою позицию. «Искусство для искусства /«чистое искусство»/, неизбежно приводят к крайнему индивидуализму и субъективизму. «Авангардисты», «абстракционисты» и прочие «исты» в своей основе антигуманны. В их творчестве размыты границы добра и зла — опасна тенденция, чреватая непредсказуемостью. Непредсказуема публика, впадающая в экстаз на концертах своих идолов эстрады. Сколько смертей принес «экстаз»! Сколько еще принесет?

Автор хорошо помнит всю остроту той дискуссии. В ней большой русский поэт, прозаик, публицист и общественный деятель Ст. Куняев затронул и песни В. Высоцкого. Сколько же откликов получило его выступление! Через два года он опубликовал продолжение разговора в журнале «Наш современник» /№ 7, 1984/. И «на журнал, как и следовало ожидать, так же обрушился шквал почты», — пишет он в прекрасной книге критических и публицистических статей о литературе, культуре и искусстве «Огонь, мерцающий в сосуде...» Напомним, что она отнюдь не прославляющая партию и коммунизм, удостоена Государственной премии РСФСР имени М. Горького за 1987 г. «Перестройка» уже набирала разгон.

Заглянем в ее страницы.

«Массовая культура — естественное и историческое порождение буржуазного образа жизни. Вспомним, что еще Пушкин, прозорливо угадывая наметившиеся полтора века тому назад после революции 1789 года буржуазный характер отношений между читателем и писателем, беспощадно отзывался о современных ему французских властителях умов: «Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они в стремлении к низости обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одной целью: выманить себе репутацию или деньги! В них не было бескорыстной любви к искусству и к изящному. Жалкий народ!»

«Брезгливость к коммерческому временному успеху и страсть к истине всегда были сутью классического русского искусства. На Западе такой тип художника был исключением. Разница эта со скидкой на время жива и по сию пору, и только поэтому нам есть о чем спорить и за что ратовать сегодня», — писал Станислав Юрьевич.

«Ратовать сегодня» — основная цель общественной деятельности всех честных людей России, особенно передового отряда служителей литературы и искусства. Именно сегодня — на пороге третьего тысячелетия «новые русские» в начале прибрали к своим рукам все основные СМИ, особенно телевидение. Потом и финансы, ограбив всех граждан бывшего СССР. Впрочем, «процесс пошел» одновременно по единому перспективному плану. И главный удар был нанесен по «вечным ценно-

стям» — гуманизму. «Порнуха» и «чернуха» переполнили экраны кинотеатров и телевидения. На книжные рынки хлынули примитивы об убийствах и насилии — учебники для подрастающего поколения, — забытого и униженного. Худшие образцы растленной заграницы отбираются и тиражируются невидимыми «кукловодами».

Если за рубежом — в упомянутой Пушкиным Франции существует нравственная цензура: сколько можно в течении года приобретать зарубежных фильмов, по какому каналу, в какое время и сколько раз в неделю демонстрировать сомнительные «боевики» к «триллеры», то наши «телевизионщики» не ограничены ни в пространстве, ни во времени.

Ст. Куняев рассказывает о том, что поток писем захлестнул редакции, его личную почту. «...Пришлось выдержать первый натиск телефонных поздравлений и проклятий. «Ты еще жив?», «Ну, погоди!», «Завистник!..» и т.д.

«Сложность состояла в том, что писем, не принимавших мою точку зрения, намного больше. Друзья утешали меня: «Те, кто согласен с автором, — те почти не пишут. Они и так довольны, что ты выразил их мысли. Пишут в основном те, кто не согласен!». Но с эмоциональной точки зрения это было слабым утешением. Единственный выход, видимо, заключался в том, чтобы не торопясь обдумать всю читательскую разногласию и еще раз подвести итог всем страстям, мыслям и спорам».

В хорошо аргументированной статье Станислав Юрьевич размышляет о массовости культуры, ее истоках и сути». В прошлые времена массовая культура не лезла не в свои сани, знала свой шесток и не имела теоретиков, которые выдавали бы ее за естественное развитие классики».

Увы, были в развернувшейся дискуссии и «защитники» массовой культуры. Их хватало во все времена. В «запретные годы» им находилось место на страницах «Литературной газеты», любившей поиграть в демократию.

Ст. Куняев рассказывает, как в одном из номеров Э. Рязанов, «размышляя о том, как трудно было молодому актеру сказать свое слово на эстраде, где безраздельно царил Аркадий Райкин. Как создать новый спектакль, когда Райкин по-моцартовски осуществил почти все возможное в этом жанре? Если бы Хазанов был Сальери, он знал бы, как поступить с маэстро Райкиным. Но он и сам одарен по-моцартовски! Защитник!

Как-то в телевизионной беседе все тот же Э. Рязанов, высказываясь о шоумене «Поле чудес» Л. Якубовича, с присущей ему продуманной «эмоциональностью» тоже рассуждал, что Леонид, объявляя рекламную паузу, ни разу не повторился. «Это гениально!» — воскликнул он. Да повторяется и «Моцарт», и «гений»! Пошлость, как бы ее ни преподносили, остается пошлостью. Попытки детей при всем честном народе! Якубович даже не понимает: что смешно ему и «гениально», мучительно ребенку и грустно-грустно тысячам телезрителей, взглянувшим на телеэкран — в наше время ничего хорошего практически не увидишь. Но «гений»! Глядишь, кто-то и поверит. Цель оправдывает средства!..

Из одной команды и защитники В. Высоцкого. Защищали его Р. Рождественский, Н. Крымова, Б. Окуджава и рангом пониже. Все они, жалеючи В. Высоцкого, сетовали: мещанство старается прибрать к рукам действительно талантливые явления. Но покупают то, что продается. Каков спрос, таково и предложение — можно ж наоборот. Как известно, от перестановки мест слагаемых сумма не меняется. Сумма — массовая культура.

«Почему-то, — подчеркивает Ст. Куняев, — мещанство не хочет «прибрать к рукам», допустим, поэзию Николая Заболоцкого, Николая Рубцова или музыку Георгия Свиридова — то ли неинтересного, то ли не по зубам». Конечно, «не по зубам». Здесь вечное, нетленное, не на потребу, а для души и глубоких раздумий. «Массовикам» нужен сиюминутный успех, причем, успех, приносящий барыши. Иные не требуются. Вечное востребует время...

А. Вознесенский в смерти В. Высоцкого узрел повод в очередной раз подсушиться, высветиться и запричитал: «О златоустом блатаре рыдай Россия!» В его причитаниях надрывный крик с нотками приказа.

Ему вторит Е. Евтушенко: у торговой палатки, где торговали записями песен В. Высоцкого, он пустил слезу — артист! — и увидел кошунственность по отношению к памяти покойного: «Жизнь кончилась — и началась распродажа». Но ведь покупали то, что уже продавалось при жизни. Людишки деньги делали на подпольных записях блатных и безнравственных песен. А Владимир Семенович этим гордился. Нет ничего удивительного в том, что после смерти «процесс пошел» сам собой.

Спустя два десятка лет, любопытны письма, «любителей. творчества В. Высоцкого».

«Быть может, через 100 лет Высоцкий будет стоять рядом, а может быть, и выше Шекспира и Пушкина... Не надо трогать народных любимцев, наших героев, наших кумиров. Мы их любим и уважаем, а это навечно!?!» /М. Милковская, Ставрополь/.

«Таким людям, как Высоцкий, можно доверить и собственную жизнь, и Родину» /А. Пупков, Кишинев/.

«Вы Сальери — и больше никто...» /Р. Орлова, Магадан/.

«А кроме Высоцкого, я ни одному сегодняшнему поэту не верю» /А. Максимова, Алдан/.

Есть и круче.

«Высоцкий — драгоценный камень, выброшенный океаном лет на нашу грешную землю. Такие люди бывают раз в тысячелетие» /Р. Цукерман, Актюбинск/.

Святая простота! В. Высоцкий — яркий представитель массовой культуры. Эстрада, экраны кинотеатров, центральное телевидение наших дней упорно «раскручивают», буквально насилуют общество пропагандой массовой культуры, якобы единственно приемлемой формой эстетического наслаждения. В яростной и оголтелой пропаганде самых низменных инстинктов человека, по рецептам масскультдельцов, забывается самое святое — ЧЕЛОВЕК, его дети. Зло неизбежно порождает зло — по законам физики: каждому действию равно противодействие. Навязывают лежкультуру — получают вал преступности. Законы игнорировать не только грешно, но и опасно. Зло возвращается к своему родителю и разит его. Сколько человек уже проглотил спрут — массовая культура!? И это только начало...

«Все хорошо у создателей массовой культуры, одно плохо: неуютно им рядом с классикой. Все комплексы неполноценности и самозванства рядом с ней начинают выпирать наружу. А коли так, чтобы выжить надо соперницу перелицевать, переписать, адаптировать, приспособить к диктату моды, уравнивать с собой, модернизировать... Но ох как трудно модернизировать то, что никогда не ветшает, что как вечный двигатель, не торопясь, но и не останавливаясь, продолжает работу по освобождению и просветлению душ человеческих. Классика постоянна в требованиях к миру, строга к публике, и публика не всегда и не во все времена выдерживает ее строгость, ее духовную и эстетическую требовательность. Но в таком случае надо «подымать» публику, а не «упрощать» для нее классику».

Так писал Ст. Куняев десять лет назад. Сейчас все негативы давно заготовленных кассет массовой культуры проявлены и обрушиваются на общество круглосуточно изо дня в день, изо дня в день. А повара-варганщики, потирая руки, подсчитывают барыши и думают, что они навечно утвердились в ранге учредителей культурных ценностей. Утвердились в рамках «Садового кольца» — центрального телевидения и эстрады. За их узкими пределами свои понятия о добре и зле — вековые ценности народов России. И волны массовой культуры разбиваются на брызги о незыблемость волнорезов ее беспредельных границ.

«...Что и говорить — мало радости получать такие письма, но пусть М. Милков-

ская, А. Пупков, А. Максимова и студенты из Воронежа задумаются о том, почему крупнейший русский композитор нашего времени, Герои Социалистического труда, лауреат Ленинской премии Георгий Васильевич Свиридов, прочитав ту же самую статью «От великого до смешного», оценил ее иначе, нежели мои молодые оппоненты:

«Не имея чести быть знакомым с Вами лично, хочу позжать Вам руку и поблагодарить за Вашу замечательную статью. Как я понимаю, речь идет о сохранении крупных духовных ценностей, без которых жизнь теряет смысл. И дело не только в тех или иных именах литературного обихода...»

«Вскоре я познакомился с Георгием Васильевичем, — писал С. Куняев, — и немало незабываемых часов провел с ним в разговорах о судьбе русской культуры, каждый раз наслаждаясь его глубоким умом, природным вкусом и точным словом».

Из письма В. Лобанова /Москва/.

«Если внимательно проанализировать тексты песен Высоцкого, то налицо опощление образов русской истории /«Песнь о вешем Олеге», «Что за дом стоит погружен во мрак» и т.д., /сказок /«На краю края земли», «Лукоморья больше нет» и др./ Ирония, издевательство — вот характерная черта этих песен. Тем не менее популярность велика, а ведь это страшно. Страшно за людей, хотя они здесь мало в чем виноваты, — это реакция на совершенно безликие песни профессиональных авторов».

Из огромного количества писем «за» и «против» приведем еще одно любопытное письмо. Оно характерно тем, что написано было преподавателем — человеком, непосредственно связанным с воспитанием молодежи.

«Стоит ли всерьез рассуждать о творчестве Высоцкого, о его «Ванях» и «Зинах»? В чем я абсолютно уверена, так это в том, что все его опусы — свидетельство инфантилизма души. Люди, росшие не нормально, обделенные радостями детства по вине войны, находят отдушину на уровне «уличного снобизма»... Думаю, у меня найдутся единомышленники. И немало». /И. Молчанова, преподаватель/.

Подмечено довольно-таки точно и возразить такому мнению вряд ли найдутся аргументы.

...И по Фрейдю, и по здравому смыслу В. Высоцкий разрушитель. Он способствовал «эстетическому обрамлению» развала СССР, его культуры и попутно разрушал собственное здоровье. Его формировала улица с ее криминальной жизнью и воровскими законами. Он в начале утвердился во дворе — в своей тесной компании и «на всю оставшуюся жизнь» сохранил в себе многое из правил поведения двора, переносил их из песни в песню.

Деревенские дети с раннего возраста были заняты трудом в домашнем колхозном хозяйстве. Их взгляд на жизнь, характеры формировали труд и примеры взрослых, находящиеся постоянно рядом. Труд — главный воспитатель человека, и по Энгельсу — превративший его из обезьяны в сознательного субъекта.

Городские дети до 14—17-ти лет были часто предоставлены улице, где властвовала полукриминальная среда, с ее ложной романтикой и воровской «честью»: братство, смелость, чувство долга, игнорирование даже презрение к работе, как источнику жизни, пошлое отношение к женщине как предмету получения удовольствий. Криминальные посылы закладывали в детские души инфантильность, скептицизм, отрицание общества, кроме своего двора. Вся обстановка того времени закладывала в неокрепшие сердца такой фундамент, на основании которого очень трудно было строить светлое здание своего характера, своей судьбы.

Сельские дети, особенно российских провинций, счастливо избежали «городских прелестей». И совсем не случайно провинция дала всех почти перечисленных поэтов. К нам надо добавить и великопепных прозаиков нашего века: В. Астафьева, А. Вампилова, В. Белова, В. Распутина и десятки других»

А государственные деятели последних десятилетий были и есть выходцы из провинции. Горожане среди них мелькают, как мотыльки.

В. Высоцкий волей судьбы был отлучен от матери-земли, от матери-природы. Нет, не случайно А. С. Пушкин всегда стремился в деревню. Его звала не только «Болдинская осень», его звала Земля, со всей своей животворной энергией.

Далекому от святого труда хлебороба, с его многовековым опытом, трудно будет отделить «зерна от плевел». Но даже неискушенному читателю /слушателю сложней/ легко понять, что «Пришел ко мне в гостиницу подлец из начинающих», «Был он рыжий, как из рыжиков рагу» /если сравнивают, значит человека можно сварить?!/ — Р. Рождественский, «Прет купец, треща с гороха» или «Постель была расстелена...» — Е. Евтушенко, «А глаза твои — кошки мартовские ищут свадебной темноты» А. Вознесенского и:

*Ах, время, как махорочка,—
Все тянешь, тянешь Жорочка.
А помнишь — кепка, челочка
Да кабаки — до трех.
А черненькая Норочка
С подъезда пять — айсорочка,
Глядишь — всего пятерочка,
А — вдоль и поперек*

В. Высоцкий, 1979 г.

И это далеко не худшее у всех названных авторов. Задумки и исполнение /цитаты сами говорят о стихотворении в целом/ — детали из-под одного штампа. Это — одна колода крапленых карт, причем — одной масти, как не тасуй — перевернешь любую карту — черви — причем, всегда фальшивый король червей.

*А мы шумели в жизни и на сцене:
Мы путаники, мальчики пока!
Но скоро нас заменят и оценят.
Эй! Против кто?
Намнем ему бока!*

В. Высоцкий, 1979 г.

Заметили. Оценили за то, что всему народу намяли бока. С одного конвейера выползали мысли и «строкаж», под одну дуду шло ошельмовывание народа, его ограбление. Очень точно десять лет назад Ст. Куняев заметил, что песни В. Высоцкого «не боролись, а эстетически обрамляли распад». Теперь они радуются, бесятся — взгляните на экран телевизора. Бесятся — от слова «бес». Бесы...

Очень уж удобно саморазрушенную судьбу В. Высоцкого-человека оправдывать «тоталитарной системой». Очень удобно все списывать на нее, проигнорировав Фрейда. Но все мы находились под колпаком».

Даже в провинциальном городе руководителя литературного объединения подвергли перекрестному допросу в «органах» за то, что один из местных поэтов прочел стихи на одном из занятий, в которых было и такое: «Товарищ Ленин! Вас растащили на цитаты и от вашего учения остался один скелет».

У другого поэта в тульской комсомольской газете «Молодой коммунар» цензура сняла прекрасные стихи о матери, где он ее портрет сравнил с православной иконой «Троеручица».

У третьего в той же газете такая же судьба стихов «Начало любви» с утверждением «...Но верю: жили Ева и Адам!».

Четвертого терзали за стихи о Христе. За эти и другие «шалости» запрещали публиковать «меченых авторов»,— это длилось долгими годами. Рассказанное — часть примеров одного района области. Но крепкая дружба, соответствующие стихи в конце-концов позволяли преодолевать все рогатки и преграды. Большинство стало профессиональными литераторами и никто не стремился писать только во славу партии и «близкого коммунизма». Но писали о нашей воистину прекрасной земле и таких же людях на ней, о чистой любви — на чем и держится жизнь.

В. Высоцкий в своем творчестве часто зависает между небом и землей, то «в ожидании виз», то толкает землю «от себя, от себя». Впрочем, по большому счету — между небом и землей зависает творчество Б. Пастернака и его «верного» ученика — А. Вознесенского. Поэтому всех их раскачивает, — они, в отличие от Антея, не сподобились черпать силы у матушки-земли. Отсюда очень много деклараций, абстрактных стихотворных формул, не имеющих ничего общего с истинной поэзией. Их стихи, как стекло, отражают свет, но, в отличие от хрустальной чистоты истинной поэзии, сами не лучатся — от них исходит холод и звон пустоты ...

Святое Писание утверждает, что грехи отцов ложатся на их детей. В. Высоцкий в значительной степени расплачивается за грехи своих родителей — ничего не поделаешь... жестокая истина.

Сейчас можно публиковать все, даже ненаписанный развесистый дурман «перестройщиков — чубайсов»! «...Чуду-юду победу» В. Высоцкого тоже публикуют. Но элементарные знания русского языка свидетельствуют, что глагол «побеждать» не употребляется в будущем времени. Зачем же уродовать прекрасный русский язык — язык А.С. Пушкина и Л. Н. Толстого? Сторонники «обожествленного» В. Высоцкого твердят: «Это ирония...» Но ирония иронии рознь. В гениальном пушкинском стихотворении тоже можно рассмотреть иронию, точнее — самоиронию:

*Я вас любил так бережно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Какая драма! Какая истинно русская самопожертвенность! И какие выдающиеся певцы мира поют романс на эти стихи.

Сколько иронии и самоиронии в стихах Н. Рубцова!

Великолепный знаток русского языка, недавно ушедший от нас, Н. К. Старшинов, чьи стихи по-пушкински прозрачны и чисты, тоже любил иронию и самоиронию. Как прекрасно он сказал об изломанной и самоизломанной судьбе.

*Вроде жизнь
Наладилась сполна.
Я вступил на светлую дорогу,
дочка вышла замуж.
И жена
Тоже вышла замуж, слава Богу.*

Ничуть не пытаясь обвинить В. Высоцкого в игнорирование законов русского языка, тем не менее я утверждаю, что он писал подавляющее большинство своих стихов-песен для личного исполнения. Только для личного и не для кого больше, и для своих полуподпольных концертов. О какой публикации может идти речь?

На его юбилее по телевидению показали концерт, где популярные современные эстрадные исполнители попытались дать свою трактовку некогда популярных песен В. Высоцкого. Известно, что получилось из этого. Представьте еще раз: Пресняков-младший и В. Высоцкий. Грустно...

12 февраля 1998 г. с похорон Н. К. Старшинова вместе со своей женой возвращаемся домой народным транспортом на станции «Домодедово». В вагон электрички входит молодой мужчина с гармошкой — каждый выживает как может. Он запел:

*Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.*

Н. Рубцов «Букет»

И в трудные дни на Руси обращаются к песне. Слова хороших песен пишут поэты. Народ знает, любит их и хранит в глубинах своих сердец.

Поэты не умирают. Они остаются жить в стихах и песнях...

А причем здесь В. Высоцкий?..

5. Молох раскручивается

ПРАВДА — синоним слова ИСТИНА. ПРАВДА — синоним слова НРАВСТВЕННОСТЬ. Пройдя через круги черных десятилетий, «рогаток» преград — отрицания и получив всенародное признание перед смертью, В. Шукшин с душевным надрывом выдохнул: «НРАВСТВЕННОСТЬ — это ПРАВДА».

Массовая культура во всем своем распыленном всеохвате — безнравственна, жестока и агрессивна. Она преследует в главном двуединую цель: «вырвать мозги у нации» и попутно — неумную гонку наживы. В погоне за «золотым тельцом» используются все средства — вплоть до беспредельной безнравственности. Кукловоды СМИ отретпировано дергают ниточки основополагающей ущербности массовой культуры. Колесо молоха раскручивается, подминая под себя податливые таланты. Спицы зловещего колеса не выдерживают адских перегрузок сатаны — гибнут суперзвезды: Джо Дассен, Дженис Джоплин, Джим Мэрисон, Леннон, Скотт Фитцджеральд. Кто спился, кто отравился наркотиками, кого убили «фанаты».

Массовая культура своей паутиной затянула просторы бывшего СССР.

Скорбный список отечественных Звезд открыл В. Высоцкий. И он, увы, продолжился: гибнут в автомобильных катастрофах, выбрасываются из окон, убивают выстрелами в упор. Молох продолжает разрушительную работу, продолжает раскручиваться его колесо, подминая и перемалывая таланты и судьбы, разрушая нацию.

Массовая культура в своей основе опирается на фундаментальную базу — буржуазную идеологию и капиталистическую экономику. Всесторонне развитые товарно-денежные отношения достигли небывалого расцвета: продается все, что покупается. В этой формуле нет места морали и нравственности — полная гармония беспредельной распродажи. «Свобода, равенство, братство» — древний лозунг «богоизбранных». Свобода делать все! Свобода из всего — даже самого святого! — извлекать деньги! С этим лозунгом началось наступление на Россию еще во времена декабристов — в начале XIX века. Оно продолжалось и продолжается. Хрущевская «оттепель» позволила темным силам перейти в новую атаку на гигантскую державу. Мощные зарубежные СМИ, самоиздаты диссидентов, дипломатические и контрабандные каналы обрушили на страну океан информации о «правах человека», об «истинной свободе».

Экономическое соревнование двух мировых систем неуклонно перетягивало чашу весов на сторону матерого капитализма. Социалистический колосс раскачивался,

атакуемый акулами капитализма. Постоянные войны, военные конфликты, гонка дорогостоящего вооружения обескровили СССР. Участь его была предрешена. Массовой культуре определили эстетически обрести развал социалистического лагеря, попутно «вырвав мозги» у растерянных народных масс. Молох набирал скорость.

Спица В. Высоцкого исправно служила молоху. Грустно читать у С. Ю. Куняева рассказ о его встрече с «любителями творчества В. Высоцкого». Они других поэтов не читают и не знают — «Зачем? У нас есть Высоцкий».

Памятный случай произошел в 1982 г. . .

2—3 апреля 1982 г. в Туле состоялся областной семинар литераторов молодых и не очень. Из москвичей среди руководителей семинара приехали. Н. Старшинов, Н. Дмитриев, критик В. Коробов.

В первый же день слово попросила большая группа туляков. Они — один за одним с упоением и скорбью в голосах читали стихи, посвященные В. Высоцкому. Выяснилось, что здесь присутствуют представители общества «по изучению и пропаганде творчества» барда. Впечатление тяжелое и грустное. Они держались сплоченно — чем-то напоминая диковатую стаю. Чувствовалось, что заранее знают непринятие своих взглядов и мыслей, а потому — ершистые и настороженные, готовы были кинуться в бой за честь и достоинство своего кумира.

В обсуждении стихов «членов общества» приняли участие многие. К тому времени ко мне пришла мысль написать книгу «Плач по Высоцкому» и я уже собирал для нее материал. В выступлении я припомнил один эпизод из разговора в Москве с Николаем Константиновичем. И, как бы продолжая спор, рассказал, что добрая душа-руководитель семинара однажды защищал Владимира Семеновича от агрессивного Боева.

Меня поддержали В. Большаков, М. Крышко, В. Пахомов. Н. Дмитриев бросил реплику: «О чем здесь спорить? Бард есть бард. Их в наше время развелось много. Пусть поют, но причем здесь поэзия?»

Н. К. Старшинов сделал вывод: «Высоцкий — человек талантливый. Но его нельзя разделить на составные части — актер, поэт, музыкант, исполнитель. В отдельности из него не получится яркого и самобытного художника. Как поэта его вообще нельзя рассматривать; поэтического мастера здесь нет. В поэзии, точнее в стихосложении он остался дилетантом».

Мне вспомнился курс психологии университета о закреплении в психике различных побудительных мотивов. И тогда же на семинаре я высказал мысль о том, что фанаты эстрады заражаются энергией своего кумира и «включаются на прием» при упоминании его имени. Действительно, посмотрите на молодежь во время концерта. Стоит только ведущему объявить имя известного исполнителя, как тут же зал становится наэлектризованным и сливается в один явно болезненный порыв.

Много позже я прочту у С. Ю. Куняева:

«Я всем своим жизненным и эстетическим опытом понимал, что эмоциональное воздействие его песен на нормальных среднестатистических слушателей неестественно по своей силе, что в это исполнение введена некая неведомая потребителю компонента, действующая на подкорку. Лишь позднее я узнал из воспоминаний врача Леонида Сульповара, лечившего Высоцкого, о сути этой таинственной компоненты.

Если говорить открыто, то суть ее — наркотическое состояние творца, его психики, его нервной системы и во время творчества, и особенно во время исполнения.

«От меня Володя долго это скрывал,— вспоминает Леонид Сульповар.— Я только в 1979 году догадался, сам понял, что дело тут не в алкоголе, а совсем в другом... для меня это было очень грустным открытием — с наркотиками бороться куда трудней...»

Лет через десять после его смерти я прочитал размышления Галины Вишневской о Высоцком и его поклонниках. Пусть их прочитают те люди, которых в свое время возмущали мои суждения о Высоцком, может быть, мнение знаменитой диссидентки будет для них более весомо, нежели мое...

Естественным оказалось появление в 60-х годах Владимира Высоцкого с его песнями и блатным истерическим надрывом. Талантливый человек, сам алкоголик, он сразу стал идиолом народа, потонувшего в дремучем пьянстве, одичавшего в бездуховности. И теперь, когда собирается компания друзей, будь то молодежь, или убежденные сединами интеллигенты, они... потомки Пушкина, Достоевского, Толстого, не спорят о смысле жизни, а, выставив на стол бутылки водки, включают магнитофон с песнями Высоцкого:

«Затопа ты мне баньку по-белому-у-у-у...»

И, проливая пьяные слезы, они воют вместе с ним».

Ей богу, я при всей жестокости, относился к творчеству Высоцкого и к его поклонникам куда более душевнее и человечней».

Именно в этом плане у нас несколько раз возникал с Николаем Константиновичем разговор о Высоцком. Человек добрый и порядочный, он всегда, действительно, защищал от меня творчество барда. В тоже время и соглашался, что в стихах-песнях барда много компиляции, заемных метафор, эпитетов, готовых словесных блоков.

В новелле «Владимир Высоцкий и Михаил Анчаров» он расскажет о знакомстве с Владимиром Высоцким, выскажется и о его песнях:

«В семидесятые годы Владимир Высоцкий по количеству поклонников и популярности затмил самого Евтушенко.

Впрочем, у последнего был и еще один опасный соперник — Эдуард Асадов; заявок на его готовящиеся к изданию книги было даже больше, чем у Евгения Александровича...

Когда в ту пору я встретился в Литве с околосредственой молодежью, у меня спросили, как я отношусь к поэзии Высоцкого? И я ответил, что он замечательный актер, независимый человек и в своих песнях нередко говорит о том, что наболело, о чем не полагается говорить, что считается крамолой, что он содействует тому, чтобы поэзия меньше оглядывалась па официальную печать, была более раскрепощенной.

Все это вместе взятое, в том числе личное обаяние актера, и сделало его столь любимым, и известным.

Если же говорить исключительно о его поэзии, то при чтении с листа его стихи многое теряют, и хотя человек он безусловно способный, но судить о нем, как о выдающемся поэте, нет оснований.

Молодежь набросилась на меня, как на врага, едва ли не с кулаками. Меня чуть не побили. При этом были даже такие выкрики: «Да он выше Пушкина!»

Когда к пятидесятилетию Победы я составлял поэтический раздел двенадцатитомной антологии лучших литературных произведений, посвященной Великой Отечественной войне — «Венок славы», мы, при всем желании, с трудом нашли у Высоцкого два стихотворения, которые соответствовали бы художественному уровню этого издания».

Я не однажды встречался с Николаем Константиновичем в дни его работы над составлением антологии. Читал десяток предварительного отобранных стихотворений — песен Высоцкого. Возможно, Николай Константинович на мне проверял дополнительно правильность выбора. Других-то поэтов не показывал!

Когда я заметил, что хорошо знаю эти тексты, из так называемого «Военного цикла» — лучшего у Высоцкого, но поэзии здесь не вижу.

— Если бы их написал не Высоцкий, вы бы даже не стали и размышлять включать или не включать в антологию.

Он внимательно посмотрел мне в глаза и со своей доброй и ироничной улыбкой ответил:

— Конечно же. Но популярность вынуждает, да и шефы-составители настаивают.

— У Виктора Пахомова о войне, по сути дела, классические стихи, написанные

от имени всего поколения, рожденного, как и Высоцкий в тридцатых годах. В них-то хватает и боли, и гордости за победителей.

— Я и включаю во многие тома стихи вашего Пахомова...

Николай Константинович, вольно или невольно, анализирует дальше творчество Высоцкого:

«Интересна и оценка поэзии Высоцкого, данная Евтушенко, в его антологии «Строфы века». Он довольно скромно представил стихи его и опубликовал всего четыре песни /песни!!! — Н. Б./, занимающие в этом фолианте полторы страницы. И, по сути дела, ловко ушел от серьезной оценки его творчества, отделавшись такой фразой: «Он не был гениальным поэтом».

Думаю, что сам «Евтушенко тоже не гениальный поэт, но себе в этой антологии он отвел все-таки девять страниц...»

И так же несправедливо поступил, представляя других поэтов-бардов — не дал ни одной, строки Михаила Анчарова, хотя многие его песни ничуть не уступают песням Высоцкого, не говоря уже о других бардах. И написаны они часто куда интересней и профессиональней...

Я жил в Дубултах, в Доме творчества, когда в этом поселке появился Владимир Высоцкий. Он с Мариной Влади снимал комнату в поселке, недалеко от писательского дома поскольку не был членом Союза писателей. Но на территорию Дома творчества заходил — там меня и познакомили с ним. Знакомство это было, как говорится, шапочным, но все-таки с полчаса я успел поговорить с ним о его песнях.

В этом разговоре я вспомнил, как однажды Михаил Анчаров сказал мне о том, что свои выступления с гитарой Высоцкий начал не со своих песен, а с песен, написанных другими авторами. Исполнял он на первых порах и песни Анчарова в том числе его «МАЗы». Вот я и спросил у Высоцкого: действительно ли так это было? И он подтвердил слова Анчарова.

На упомянутом литературном семинаре «высоцковеды», защищая своего кумира, высказывали мысль о том, что Высоцкий — мессия в бардовском творчестве. Николай Константинович тогда-то и рассказал о знакомстве с Владимиром Высоцким.

Но он был талантливым человеком, талантливым бардом — талантливым до гениальности, повторим: только как бард... «с червоточиной». Сам гений с «червоточиной» может быть, но созданное гением — «с червоточиной» никогда!

Вот об этом и шел разговор на семинаре. Но «высоцковеды» ничего не поняли. Они запрограммированы на отторжение всех иных мнений о своем кумире. Им в подкормку введена «некая компонента...»

Легко заметить, что размышляя о творчестве Владимира Семеновича, Николай Константинович прямо указывает на одного из его учителей — Михаила Анчарова:

«Он — интересный, своеобразный прозаик, соединивший в своем творчестве реализм и романтизм. Его книги пользовались большим спросом читателей в семидесятые-восемидесятые годы. Ныне он почти забыт. А ведь его повесть «Этот синий апрель», романы «Самшитовый лес», «Дорога через хаос», «Записки странствующего энтузиаста» выходили стотысячными тиражами и мгновенно раскупались. С успехом шла в театрах его пьеса «Теория невероятности».

И в его пьесе, в прозе, в кинофильмах были песни, написанные им, они естественно входили в повествование, в сюжет, помогая автору создать соответствующее настроение, выявить характер своего героя. Песни для Михаила Анчарова, конечно, не были его главным делом, хотя они в свое время завоевали любовь многих слушателей. И его нужно считать одним из первопроходцев жанра авторской песни.

И Высоцкий, чьи песни в основном написаны позже анчаровских, не избежал заметного его влияния. Даже в манере их исполнения.

Например, почти патетическая «Баллада о парашютах» в устах Анчарова звучала

то с хрипотцой, то с львиным рычанием — так представлялось нужным ему, солдату Отечественной войны:

*Параюты рванулись
И приняли вес.
Земля колыхнулась едва —
А внизу — дивизии «Эдельвейс»
И «Мертвая голова»:
Автоматы выли,
Как суки в мороз,
Пистолеты били в упор.
И мертвое солнце
На стропах берез
Мешало вести разговор.*

И если при исполнении военных баллад голос Анчарова становился то победно ликующим, то трагическим, в песне о солдате, вернувшемся с войны без ног, он был приглушен, почти переходил в шепот.

Анчаров и сам перед исполнением какой-то песни нередко предупреждал слушателей о том, что их ждет. Так, между исполнением «Баллады о танке Т-34» и песенкой «Кап-кап» он говорил: «Чтобы подряд не кричать...» Шли грустные, задумчивые слова:

*День проходит без следа.
Кап-кап.
Ночь проходит — не беда.
Кап-кап.
Между пальцами года
Просочились — вот беда.
Между пальцами года —
Кап-кап.*

Не правда ли все под Высоцкого: тематика текстов, гитара, манера исполнения. Только вот М. Анчаров творил раньше популярного барда, а значит, Владимир Семенович был его учеником, подражателем, талантливым подражателем. Но Михаил Анчаров был профессионалом и в прозе, и в стихотворчестве, и в создании текстов песен. А в этих-то главных компонентах творчества Владимир Семенович был и остался дилетантом...

И еще об удивительном человеке Михаиле Анчарове. Н. К. Старшинов ездил с ним в Тольятти на встречи с читателями. Они просили его спеть. Но он отказался по скромности, да и уже был тяжело болен.

«А когда мы возвращались в Москву, — вспоминает Николай Константинович, — он все же мне спел песню бывшего пограничника, который находился в больнице имени П. П. Кащенко /Московская психиатрическая больница, называемая также Канатчиковой дачей/ и никак не хотел отдавать пограничную фуражку:

*Балалаечку свою
Я со шкафа достаю.
На Канатчиковой даче
Тихо песенку пою.
Вот выходит на бугор
Диверсант, бандит и вор.
У него патронов много,
Он убьет меня в упор...*

А потом несколько серьезных соображений высказал об авторских песнях: «В конце XX века, в самое «машинное время», человек хочет себя чувствовать и музыкантом, и художником, и поэтом одновременно. Песня жива словом. Музыка — это сопровождение, озвучивание слова. Музыкальное исполнение не должно забывать суть песни...»

У Михаила Анчарова так оно и было. К поэзии он относился серьезно, с любовью:

*Поэзия — такое дело,
Она для правильных людей*

Правильных — в смысле хороших, добрых, настоящих, каким был сам Анчаров...»

Добавим: он был без «червоточины» и создавал свои произведения честно, по — православному и без «червоточины». Поэтому его не раскручивали и не раскручивают. Власть имущим над СМИ выгодно кормить народ «червоточиной»...

Талант в защите не нуждается, особенно после смерти. Каким гонениям только не подвергался Н. Рубцов! Казалось, что судьба сделала все возможное для уничтожения редкого дарования. И если при жизни его признали не все — из-за условий его быта и недостаточности публикаций, то после смерти он единогласно признан: «Гений!» И если даже кто-то усомнится, то вряд ли возразит, что Россия потеряла большого поэта. Его стихи переложены на музыку, звучат во многих кинофильмах, по радио и в задушевных компаниях. Он песен не писал. Его запел народ. Он предвидел это и мимоходом обронил в одном стихотворении: «...и буду жить в своем народе»...

С В. Высоцким сложнее. Мир его героев искажен и перевернут: то вырвется на пьедестал супермен и диктует свои истины — часто ложные, то алкаш, жаждущий похмелиться, то обиженный судьбой и Богом Ванек, которого, уже давно ищут санитары психлечебницы. С такими людьми по душам не поговоришь.

Если Н. Рубцов всей душой скорбел о разрушенных храмах, то В. Высоцкий далек от православия и частенько кощунствует над ним. Если брать в целом все написанное В. Высоцким, пристально читать в него, становится ясно одно: при всей благожелательности, при всех скидках и поправках на время, стихотворческий взгляд автора шлягеров не вписывается в десять заповедей Христа — без чего во все времена не было и нет поэта.

Его громкое имя — явление временное. Популярный бард известен всем, как любовью популярный эстражник, артист, шоумен — таковы законы эстрады: «раскручивать» имена, привлекать зрителя. Издали его стихи-песни, посвящения. Прочтешь — возвращаться перечитывать не тянет. М. Светлов говорил, что поэт должен быть добрым собеседником за круглым столом. Вот почему люди вновь и вновь возвращаются к любимым книгам и стихам — они беседуют с ними, учатся у них, советуются. В. Высоцкий перебивает всех и за круглым столом — какой там читатель! Он всюду хочет «быть первым».

По настроению его интересно слушать, если не вдумываться в смысл текста — голос притупляет слушателя. Вот иногда и звучит он в квартирах. Да и СМИ его не забывают — нет-нет да и «покрутят».

«Каждый человек есть Божий храм». В храме страждущие люди ищут успокоения растревоженной душе. В храме В. Высоцкого, наоборот тревожно и неудобно — душа не находит успокоения.

Талант универсален. Нашлось место В. Высоцкому и в современной беспрецедентной атаке на православие.

*Возвращаюсь я с работы,
Рашиль ставлю у стены.*

*Вдруг в окно порхает кто-то
Из постели от жены.
Я, конечно, вопрошаю: «Кто такой?»
А она мне отвечает: «Дух святой».
Ух, я встречу того духа!
Ух, отмечу его в ухо!
Дух, он тоже духу рознь,
Коль святой, так Маишку брось!*

Кошунственность песни не подлежит оправданию. Пародийны муж и жена. Но это не помещало даже после смерти В. Высоцкого выпустить ее в авторском исполнении на одном из дисков. А слова тиражируются в «собраниях сочинений». На них люди зарабатывают деньги. Жаль, конечно, что находятся покупатели на столь залежалый товар. А «деньги не пахнут», — лозунг капитализма «с человеческим лицом».

И не только деньги...

В наше расхристанное время нет запретных тем — простор необъятный. Но он целенаправленно сужается определенными СМИ. «Русский вестник» /№ 5—6, 1998/ в информации «Глумление над Христом на канале НТВ» отмечал:

«2 марта /н.ст./ 1998 г. По НТВ в половине 9 утра было опять совершенно надругательство над православными святынями. Шла обычная передача о лжеврачах, шарлатанах, которые не лечат алкоголиков, а обманывают их, прописывая им бесполезные средства лечения. Потом диктор /голос за кадром/ произнес, что, мол, главное в том, чтобы для лечения не прибегать к гипнозу, и при этих словах был показан крест и иконы. Да, были показаны не гипнотизер или колдун, каких часто можно видеть на НТВ, а православный крест и иконы. Эти крест и иконы, по мнению создателей передачи, и есть тот гипноз, которого нужно избегать. Родственник работников НТВ Карл Маркс назвал религию опиумом, а духовные дети его называют православие гипнозом. В следующую минуту, для большего кошунства и глумления над православными святынями, на этот крест была помещена кукла — «дед Мороз» или «Санта Клаус» — на место распятого Господа нашего Иисуса Христа. Так продолжается глумление над чувствами верующих на канале НТВ».

Упомянутый канал контролирует один из самых богатых «новых русских» господин Гусинский. Ниже мы вернемся к нему, к православию. Но о «новых русских», об их вкусах и пристрастиях послушаем мнение человека авторитетного в мире искусства. Газета «Труд» 21 февраля 1998 г. опубликовала интервью с известным кинорежиссером Ю. Б. Маминим. На реплику журналистов Анжелики Артюх и Дмитрия Комма: «Не любите вы «новых русских», — честный человек ответил честно:

— Я не люблю их пошлую агрессивную эстетику, которая охватила едва ли не все общество. Новые русские для меня очень широкое понятие: это и те нувориши, которые могут все и всех купить, и те, кто готов продаться им, и толпа, которая разделяет их вкусы и пытается им подражать. Это огромная армия со своими кумирами и шкалой ценностей. В кино у них так же есть свои пристрастия. Они воспитаны на американских триллерах, хотя говорят, что жаждут возвращения русского кино. Любят «клубничку», брутальный юмор или блатной сентимент... Им нужна «погремушечная» кинематография: много движения, много шума и чтобы было страшно, а иногда — стремно. Они напоминают ребенка, который не плачет только тогда, когда перед глазами дребезжит и мелькает погремушка.

Наглядным примером новорусских вкусов могут служить программы по центральным каналам в новогоднюю ночь. Все, что шло по ОРТ, РТР, НТВ было очень похоже: скучно, напрочь лишено таланта, дорого и пошло. И везде одни и те же физиономии. Это означает, что руководство телевидения — а это тоже новые рус-

ские — исповедуют эти самые вкусы и пристрастия и тусуются в этой же среде. И не иначе...

В каких либо пристрастиях, кроме стремления к истине, Юрия Борисовича не обвинишь. Прав он, архиправ.

Сам В. Высоцкий вряд ли пошел бы к ним. Но он оказался ими востребован: своими вепрями, жирафами, пародиями на пушкинские сказки и стихи, издевательствами над русским народом и его прекрасным, богатейшим языком. Дитя улицы явился частицей мощнейшего тарана в штурме истинной культуры. Он был спицей в колесе молоха. Может быть, он не ведал, что творит. Если же ведал, то Бог видит все и строго спросит с нас за грехи наши. В любом случае им двигала болезненная амбиция: «Хочу быть первым». Эгоистическое стремление студило и ослепляло сердце — подвигало его далеко не на богоугодное дело. Вот по этой греховной причине и вспомнили о его юбилее...

«Народная демократия» в России /демократия для избранных/ — делать можно все, что не запрещено и запрещено! — «казнить нельзя, помиловать» развязала руки остаткам фанатов В. Высоцкого. По их зауженным и преломленным понятиям В. Высоцкий в русской поэзии «пуп земли» — образец совершенства добродетели, мастерства и энциклопедичности. Иных мнений они не признают: «Мы убеждены в этом!» Но ведь еще император Священной Римской империи Фердинанд I /1558—1564/, сетуя на то, что буква закона заслоняет существо вопроса и гуманное отношение к подсудимому уступает место формальному подходу к нему, произнес крылатое: «*regere mundus et fiat justitia* — пусть погибнет мир, но свершится правосудие».

Ан нет!

«Фанаты» судят по своему образцу и подобию: «Всенародная любовь к поэту...», «...могила поэта», «...дань памяти поэту» и т. д., — из небольшого отрывка статьи «Встречи на Ваганьковском» одного «любителя творчества Высоцкого».

Но есть и более серьезное: «Он начал с примитива, с однозначности, постепенно обогащая свое поэтическое и гражданское видение, дошел до высоких литературных образцов». Вот так! Пропел петух, а там пусть не рассветает.

«Что ж теперь, размышляя о поэте, углубляться в его несовершенства, слабости и просчеты?» — попытлся Б. Окуджава. А как же? «Классик русской литературы» ушел из жизни на пятом десятке лет, в своем творчестве должен соответствовать своей характеристике. Что-то никто не думает делать скидки на творчество молодым М. Ю. Лермонтову, С. Ю. Есенину, Н. М. Рубцову. Поэт есть поэт. Или он есть, или его нет и безнадежное дело искать золотую жилу в пластах земных, где ее не должно быть. Конечно, сам бард, но и профессиональный литератор Б. Окуджава, поняв, что хватил забористо, начал подстраховываться. Вчитайтесь в цитаты! Очень осторожно о звании «поэт», хотя и ошарашивает «...дошел до высоких литературных образцов...» Здесь бы по всем законам и канонам предисловий к «Избранному» необходимо-обязательно процитировать «образец», но его нет по простой причине, что такого в стихотворчестве В. Высоцкого не найдется.

Н. Крымова: «Поэзия Высоцкого дает возможность присмотреться к истоку скороморошеского мировоззрения, ибо несомненно здесь исток вышел наружу, на свет...»

«...Художественное ерничанье — одно из слагаемых высокой поэзии в России...»

Ай да Крымова! «Чирик!», — и вывела «гениальную» формулу. А раз так, то уже легко за уши подтащить к гениальной поэзии и самодельные тексты В. Высоцкого! Но это уже в период «перестройки», когда общество стало распадаться на «ОНИ» и «МЫ». «ОНИ» своих — любой ценой в гении! «Хазанов — гений! Якубович — гений! И пр.», — по формуле: «Пошлость — Гениальность = синонимы!»

«Встречи на Ваганьковском» — что это за встречи на тихом погосте? Не похристиански. Вот об этом и поговорим...

Уже десять столетий «богоизбранные» пытаются поставить Русь на колени. В наше время ОНИ опять близки к своей цели — разор, раздор, смута. Огромная страна растерзана. Ее раздирают и растаскивают по частям, пытаются продать оптом. Все повторяется — так уже было не однажды. Но для любящих сердец она была и останется святой Русью, не любить которую каждый россиянин просто не может — родную мать не предают.

«Счастливую и великую родину,— говорит В. В. Розанов,— любить — не великая вещь. Мы ее должны любить именно когда слаба, мала, унижена, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее. Но это и еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости — тот будет русский, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет».

Страстные и горькие слова, написанные свидетелем трагической эпохи задолго до начала Великой Отечественной войны. В этих предостерегающих словах любовь и боль — предвидение худших времен, призыв к ныне живущим на просторах России — призыв не оставлять в беде Родину-мать.

Да будут эти вещие слова услышаны «любителями творчества Высоцкого». Замаливать грехи наши тяжкие никогда не поздно. Путь к Истине и Богу един. Ибо Истина есть Бог...

6. Неизбежные дополнения

Древний постулат «богоизбранных»: «Кричи громче — кто-нибудь услышит», — бессовестно тиражируется многочисленными «прихватизированными» СМИ по всякому поводу и без него. Как известно даже не медикам, истошные затяжные вопли могут вызвать истерику и, как следствие, расстройство психики...

Юбилей талантливого человека был взят под опеку именно односторонне направленными средствами массовой информации, где нет места глубокому научному анализу подвига актера и барда, трагедии его жизни и творчества. Вся мельтешившая юбилейная компания преследовала одну цель: оглушить, ошельмовать, с жестокой позиции силы перекричать инакомыслие и истинную точку зрения. Подобная вакханалия неизбежно вызывает ответную реакцию здравого смысла и, разумеется, определенную эмоциональность, как и данных заметок. Шум, гам и суэта многих представителей «демократов» являются объективным результатом неординарных проявлений оппозиционно настроенного большинства населения страны — трудно наблюдать издевательство над православным народом.

Ярким примером громоподобного взрыва явилось известное выступление генерала Макашова. Не надо искать причины в глубинах российских — они лежат на поверхности. Ложь и провокация СМИ Садового кольца тиражируется, хозяева СМИ подливают масла в огонь, привлекают своих «теоретиков». Выступление Макашова — реакция на провокацию «непризнанного гения» — отца «Человека с двойным лицом» Э. Тополя. Нагло, как и положено провокатору, он тиснул свое «Открытое письмо Б. Березовскому и другим олигархам» в самом многотиражном еженедельнике «Аргументы и факты», № 38, 1998 г. Без всякой потуги на юмор он долдонит бред древней больной фантазии о спасительной миссии на грешной земле «богоизбранных», унижает все российские — и не только! — народы. Вослед ему завопил и сам Б. Березовский. Оказывается, что на него объявлен сезон охоты чуть ли не всех силовых структур! В чем же дело? А все очень просто: убрали друзей из правительства, начали кое-кому перекрывать кислород в безудержном ограблении России, запахло жареным — вот и взвыл Борис Абрамович! Вслед за ним завизжал и «новый калмык» Кирсан Николаевич. Что-то стало неуютно разбогатевшим на нищете народа? Не

тесно ли «богоизбранным»? Не ужились ведь в Германии два «богоизбранных» клана, а расплачивались немцы, евреи и весь мир. Зачем же вновь такие игры? Ох, «богоизбранные», хватит же вам хватать каштаны, выгребаемые чужими руками из горячих углей. Оставьте в покое В. С. Высоцкого. По складу характера и простоте душевной он далек от вашей жажды обогащения и суеты сует. Он чутко прислушивался к фальши — любому проявлению зла, не мог терпеть чванства и наглости, не признавал лжепророков и псевдогениев. Именно это пытаются насаждать и пропагандировать СМИ Садового кольца. Охладим их пыль...

Остается неизбежным фактом, что часть спетого В. С. Высоцким вписывается в какофонию массовой культуры, хотя это не всегда было самоцелью его авторских песен. Но он был далек от подобного грехопадения, в которое его устремлены некоторые и в частности один из его современников.

3 ноября 1998 г. По первому каналу телевидения в передаче «Темы» вальяжно развальясь, во весь экран восседал вечный мальчик в свои шестьдесят пять с лишним Андрюша Вознесенский. Истеричные поклонники-фанаты читали самодельные рифмы, посвященные ему же. В припадке иступленности вытусовывались визгливые вопли: «Гений!» В таких случаях у Владимира Семеновича хватало и трезвости, и ума парировать: «Я сам по себе...»

А. Вознесенский блаженно улыбался. Ему было приятно, что трансляция идет на трехсотмиллионные просторы СНГ, да и за дальним бугром нас иногда смотрят и слушают!

С такой блаженной улыбкой он запечатлен — дважды! — в самой многотиражной, (ох уж эти параллели с АиФом!), газете «Труд» за 11 ноября 1998 г. под характерным заголовком «Жуткий крайзис». Профессиональные журналисты не лишены чувства юмора! Огромный материал для газеты снабжен подзаголовком «Разговор с поэтом на фоне его новой поэмы». Подстать своей раскрутки 65-летия свежее творение носит весьма характерное название: поэма рок-опера «Жуткий Крайзис Супер Стар». Написана «гениальным русским» поэтом на «русском» языке. Она обо всем! Даже о платье Моника Левински со знаменитым пятном друга нашего недееспособного президента, такого же болезненно озабоченного лидера США Б. Клинтона. Боже мой! Воистину «крайзис» эстрадной поэзии.

Хорошо быть убежденным по праву, что ты отмечен печатью избранности. А самовнушение — страшная, все сжигающая сила. Необходима такая же отрезвляющая сила, чтобы противостоять самовнушению, управлять им. Самовнушение в порыве творчества и есть «кони привередливые» в жутком галопе «по-над пропастью», где размыты моральные и нравственные границы между добром и злом — одна сумасшедшая гонка за призраком удачи. Но призрак неуловим, а падение в пропасть неотвратимо.

Необходимо и второе отступление. Лидер эстрадной поэзии — живой «гений» Е. А. Евтушенко уже несколько лет преподает русскую литературу в США, пропагандирует ее и, в первую очередь, себя. Не случайно ведь в конце ноября 1998 г. Е. Примаков в Малайзии встречался с вице-президентом США Р. Горттом, где американец цитировал Евгения Александровича! Куда уж там истинной русской литературе! И во многих школах Америки ее изучают по произведениям А. А. Вознесенского и Е. А. Евтушенко. Стыдно подумать, какой обнаженной она подается молодым американцам. Идейные вдохновители опошления вечных русских ценностей и за «высоким бугром», и здесь одни и те же.

Еще один «учитель» — Василий Аксенов тоже читает лекции по русской литературе в США. В одной из недавних передач по телевидению показали его лекцию. В полудреме сидят человек пять каких-то инфантильных «студентов». Даже диктор телевидения хмыкнул.

Конечно, американский народ, его лучшая часть, понимает задачи «пропагандистов», их «благодетелей», тратящих на них деньги. Им не понаслышке знакомы имена великих русских писателей и поэтов прошлых веков и нашего времени. А истина на то и истина, что ее исказить никому не удастся. Вот эти же идейные вдохновители и пытаются прибрать к своим рукам В. С. Высоцкого, память о нем...

«Литературная газета» во время первоначальной «прихватизации» громогласно провозглашала себя органом писателей всего СНГ и не только! Но ведь среди ее поклонников, как и в союзе писателей «Апрель», около пяти процентов профессиональных литераторов и нет ни одного всенародно признанного живого классика. В период распада СССР «Апрель» и его названный печатный орган в значительной степени вдохновлялись и направлялись любителем баррикадных боев — другим вечным мальчиком, «незабвенным» Женей Евтушенко. Как же прав римский император Марк Аврелий /121—180 гг./, воскликнувший: «Каждый стоит ровно столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет». Хотя бы ради любопытства полистайте «Литературную газету» — статьи в ней о писателях и поэтах. Кроме зауми и восхваления никому неизвестных «гениев» в ней редко мелькнет рациональное зерно.

Поспешила она и на юбилей Владимира Семеновича — откликнулась двумя статьями. В них, как и во всех «демократических» СМИ, повторы, сознательные ошибки в оценке сущности творчества популярного человека, обнаженная попытка выдать его за своего. По-прежнему мало говорится о нем как об актере и барде, а настойчиво выдвигается в сознание читателя: «Поэт! Поэт! Поэт!» Сами газетчики и их хозяева, далекие от понимания истинной сущности поэзии, не видят своей беспомощной оголенности. Как раз в этом-то абсурдность всех «биографов» Владимира Семеновича, уязвимость аналитиков его творчества, их ошибочных выводов и обобщений. Они даже не понимают своей беспардонной лжи, не стыдятся того, что их беспомощные утверждения могут прочесть и литераторы, не понаслышке знающие и понимающие незыблемые законы истинной ПОЭЗИИ, ее БОЖЕСТВЕННОЕ происхождение. А подобная вероятность раскрывает их безнадежную ущербность, от которой не столько радостно, сколько грустно, обидно за честного, талантливого барда, профессионального актера, прожившего короткую, изломанную, но яркую жизнь.

Итак, в «Литературной газете» за 28 января 1998 г. Вл. Новиков начинает острожно: «В своих песнях В.С. Высоцкий сказал много. Есть в некоторых из них выразительность вымысла, энергичность сюжетики». Но передохнув, господин Новиков воспарил: «Понять другого человека, показать жизнь хотя бы с двух взаимоисключающих точек зрения — эту художественную планку, ориентируясь на Высоцкого, все равно брать придется. Иначе не видать литературе читателя, как своих ушей...

...Между тем реальная уникальность Высоцкого в художественном претворении индивидуально-зрелого, мужественно-взрослого типа сознания».

Никто в литературе «не поднимал планку»? Странный вывод! Земля была хаосом и на ней еще не зародились мыслящие существа? По-другому нельзя понять вывод «мужественно-взрослого типа сознания». Но как же он «мужественно-взрослый», «индивидуально-зрелый» не дозрел и не дорос до элементарно-осознанного понимания земного бытия, исторического процесса развития литературы? Только с холодным сердцем и разгоряченными мозгами можно представлять, что вся мировая классическая литература была баклуши, а не занималась тем, что указывала всему населению планеты Земля дорогу к добру, разоблачала и клеймила разноликое зло, боролась с ним и помогала людям осознать свои пройденные и грядущие дороги. Именно в смертельной схватке со злом гибли лучшие литературные умы мира.

Справедливости ради отметим, что есть в статье Вл. Новикова и попытки реальной оценки жизненной позиции В. С. Высоцкого: «Будучи по отношению к основному корпусу шестидесятников действительно «меньшим братом», теперь «всенарод-

ный Володя» ушел далеко вперед от растерянных инфантилов, занятых на седьмом десятке лет детскими играми», — то, о чем написано выше.

Стиль статьи, ее аргументация говорят о многом. Если сюда добавить изведенный автором весь «путь Высоцкого», который «все чаще становится предметом осмысления в литературоведении академического типа».

«Литературная газета» продолжает свою деградацию, если уже не в состоянии отличить истинную поэзию от текстов авторских песен, пусть даже очень эффектных и талантливых.

Второй материал упомянутой страницы «Литературной газеты» опубликован под интригующим заголовком — «О дружбе с ним я молчал шестнадцать лет». В своем интервью Виктор Туров не стремится раскрыть «глубокий смысл своего молчания», но пытается выгодно подать свой рассказ о знакомстве с Владимиром Семеновичем, опять же опошляет его. Однажды В. С. Высоцкий с внучкой Н. С. Хрущева проник в чертог бывшего верного ленинца. Первые слова незваного гостя были: «Никита Сергеевич, у Вас выпить не найдется?» Безусловно, речь идет об алкаше, — так подан материал.

Нельзя пройти мимо еще одного события. Журнал «Знамя» в № 7, 1998 г. опубликовал заметки Нины Рудник «Владимир Высоцкий и русская культура 1960—1970 гг.» Она начинает свой отчет словами: «Под таким названием в Государственном культурном центре-музее В. С. Высоцкого прошла международная научная конференция, первый столь серьезный форум, посвященный творчеству поэта».

Поясним, что названный журнал поддерживает позиции «демократов». Среди его вдохновителей и постоянных авторов видную роль играет Григорий Бакланов, тот Григорий, который в одном из интервью газете «Труд» в 1998 г. брызгал слюной на Валентина Распутина. Особенно очень уж не устроила его патриотическая публицистика признанного народом современного классика литературы. Вот уж где господин Бакланов проявил «выразительность вымысла», «энергетику сюжетности». Но В. Распутин и сегодня В. Распутин, а Г. Бакланов остался в прошлом. «Каждому — свое!» — говорили еще в древнем Риме. Но интервью Г. Бакланова ярко отражает позицию «Знамени», на вылинявшем лоскуте которого с полным основанием можно высветить суть:

*Другие шепотом кричали
Все то же: «Не кончай в меня».*

М. Синельников. «Знамя». № 6, 1998 г.

Не излишне напомнить, что в данном случае «выразительность вымысла, энергичность сюжетности» слишком уж напоминает творение рвущегося «из своих сухожилей» на пьедестал вечности Е. Евтушенко.

Сравните:

*Постель была растелена
И ты была растеряна
И говорила шепотом:
«А что потом? А что потом?»*

Нина Рудник в отчете о конференции пишет: «Долгое время само существование музея Высоцкого многим /и мне в том числе/ казалось довольно-таки сомнительным. Однако в течении последних двух лет, с тех пор, как директором ГЦКМ стал Н. В. Высоцкий, а А. Е. Крылов — его замом по музейной и научной работе, облик «Дома Высоцкого» окончательно определился: театральный зал, открытый для посетителей, серьезная научная часть».

Создан музей. Определены формы направления работы музея. Они не открывают

никаких новых путей — классические направления деятельности любого подобного центра. Хороший пример для россиян: любая творческая личность достойна увековечивания, ибо святая святых — сохранение нашего отечественного достояния, его приумножение. Российская — ее основа русская культура — создали мощный, вечный фундамент культурного достояния общества. Составная часть этого фундамента — литература и искусство. Они далеко не исчерпывают всего основания фундамента, т. к. он включает в себя достижения научно-технического и общественного прогресса, всю богатейшую духовность народа.

Если вдумчиво читать отчет Нины Рудник, то обращают на себя внимание «открытия» старые, как мир, в подходе к изучению творчества вообще, в оценке творчества. Здесь и «трагические мотивы Высоцкого» в контексте большой «письменной поэзии», рассмотренные Ниной Рудник в своей книге. А вот Анатолий Кулагин «предложил концепцию творческой диахронии поэта, по-своему разметив «четыре четверти пути». Упоминается и о том, что «пишется много статей — с упором на поэтику, стилистику, жанровое своеобразие». Нина Рудник приходит к «ошеломляющему» открытию: «Высоцковедение» как отрасль физиологии вполне сложилась, и с точки зрения этой молодой, но уже крепкой науки, сомнения в эстетической значимости текстов Высоцкого выглядят достаточно наивными и профанными». Именно, судя по отчету Нины Рудник, очень «профанно» плохо проходила работа конференции. Вспоминается знаменитое В. С. Высоцкого: «Товарищи ученые — доценты с кандидатами...» «Как всякий талантливый человек, он предвидел, видимо, и конференцию по «высоцковедению». Надо быть профаном в литературе и поэзии, чтобы искать «большую письменную поэзию» в авторских песнях, имеющих иную цель и предназначение.

Нина Рудник пишет: «Доброта и жалость — высшие ценности в мире Высоцкого». Да, но это вообще главное направление деятельности любого нормального творческого человека. Здесь нет абсолютно никаких открытий Нины Рудник, ибо всему миру известна формула Ф. Достоевского: «Красота спасет мир»... Иное дело, что в творчестве Владимира Семеновича достаточно доброго зла.

На конференции концентрировалось внимание на острой и болевой песне В. С. Высоцкого: «Охота на волков», «где доброта и жалость и утверждаются как нравственный стержень человеческого существования». Да, это так. Но кто присутствовал на конференции? Создается впечатление, что на ней были люди, далекие от литературы. «Охота на волков» — текст песни — во многом компилятивен, вторичен и по задумке и по исполнению. Подобных «охот» только в русской литературе превеликое множество — даже у Есенина. Не удержался от искуса и претендующий на оригинальность и гениальность А. Вознесенский — «Охота на зайца». Аналогичные приемы используют начинающие авторы и им указывают на подобные просчеты — это от литературы, вторичность. Именно вторичность убивает произведение и в литературе, и в искусстве. Художественная самостоятельность и остается самостоятельностью в силу своей вторичности. Она звучит как эхо отдаленного первородного звука. В поэзии можно достичь виртуозного версификаторства даже без определенного поэтического и художественного дара, но беспомощность и вторичность содержания неизбежно высветит беспомощность автора.

Нина Рудник заканчивает статью так: «На конференции присутствовало, по крайней мере, три поколения ученых, и ученики были достойны своих учителей. Отмечу лишь два выступления. Первое — студентка ТГУ Е. Г. Колченкова /Тверь/: «Архетинический мотив волка в «Охоте на волков» В. С. Высоцкого, отличающиеся высокой филологической культурой и эрудицией автора. А студентка МПГУ Н. В. Волкович /Москва/ не только сделала прекрасное сообщение о юмористическом мироощущении в творчестве Ю. Кима, но замечательно исполнила в качестве примера одну из его песен». Комментарии излишни...

Напомним лишь Нине Рудник, что попытки с явной потугой поднять творчество бардов до уровня высоких образцов ИСТИННОЙ ПОЭЗИИ — не открытия. Они предпринимались неоднократно. Но общественный прогресс развития жизни на земле подчинен определенным объективным законам. Иначе говоря, каждому действию равно противодействие. Бумеранг, брошенный умело сильной рукой, возвращается к ногам. Конференция прошла в замкнутом круге все того же Садового кольца. Вечные ценности остались непоколебимыми — они на то и вечные. Но вот попытки посягательства на них вызывают искреннее сожаление и непреходящую грусть...

Широко рекламировался двухсерийный телевизионный фильм «Владимир Высоцкий: история любви, история болезни» /1-й канал телевидения, 25—26 июля 1998 г./ . Фильм тяжелый, во многом спорный. И не случайно на экране участники фильма вступают в принципиальные разногласия. В целом авторам кинофильма удалось раскрыть короткую биографию Владимира Семеновича и полностью подтвердить позицию автора «Плача по Высоцкому». Приведем некоторые отрывки монологов главных участников фильма.

Марина Влади: «Он был тяжело болен. Он был запойный алкоголик. Он падал пьяный. Он мог только так уйти».

Врач: «Он всю жизнь находился на грани жизни и смерти».

Валерий Янклович: «Пять последних лет я был с Высоцким. Во время съемок Володя едва стоял на ногах. При малейшей возможности он убегал и кололся».

Священник: «Он не совершил никакого подвига. Вот если бы он бросил пить, «завязал», вот это был бы подвиг».

И мама, и папа не заменили ему веры. Мы не видим фундамента дома. Его любовь с французской актрисой — поиск матери. Ему не хватало материнства, матери не хватало (слышите Нина Максимовна?)

Мы видим: малый ребенок, лицо ребенка. Потом лицо искажено. Когда он поет, мы видим лицо павшего человека, стоящего на краю могилы».

На вопрос, почему в ваших воспоминаниях о Владимире Семеновиче Высоцком совершенно ничего нет о родителях, Артур Макаров резко ответил: «Почему, почему? Да по кочану!..» Многозначия все объясняют...

Юрий Любимов: «Для профессии актера он был тяжел: мог уехать, мог загулять».

Валерий Золотухин: «Все или почти все знают Высоцкого. Известность он завоевал своим жизненным подвигом».

Тяжело смотреть кадры: В. С. Высоцкий дома, он за столом. Это уже неизлечимо больной человек.

В. В. Маяковский с горечью обронил: «Любовная лодка разбилась о быт». Увы, о быт разбиваются часто не только благие намерения, но и сами жизни, ибо «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Как бы ни было тяжело, но все-таки в поисках истины необходимо сказать правду: тяжело больной алкоголизмом за счет своего большого разностороннего таланта В. С. Высоцкий смог продержаться на относительном плаву всю свою недолгую жизнь. Но алкоголизм тем и коварен, что он неумолимо преломляет и изменяет мировоззрение. Все стороны света, события, факты и жизненные ситуации предоставляются в искаженном виде. Не надо быть психологом, чтобы сделать подобные выводы. Достаточно прочесть все написанное Владимиром Семеновичем, и становится очевидным: наиболее значительное он смог написать в свои лучшие годы.

Постоянно подрывая свой организм, он знал и понимал, что уже не сможет быть таким, каким хотел быть когда-то. Ему многое доступно, но он не успевает распорядиться собой. Театр, съемочные площадки, составление новых текстов песен, магнетизм эстрады выматывают ослабленный организм. Стресс придавливает неотвратимо-

стью жуткой тяжести — кони над пропастью начинают спотыкаться. Все ближе неизбежное падение в черную бездну безмолвия. С каждым разом этот жуткий полет все глубже и глубже — до тех пор, пока однажды не хватит сил воспарить обратно к свету.

Морально и физически изломанное детство запечатлено на его лице. Старики Ломброво и Фрейд остались бы довольны своими выводами. Сотни таких примеров приведены в закрытой диссертации профессора М. Б. Сингала. В судебной психиатрии это так и называется — «Синдром Сингала»...

Рассматривая творчество В. С. Высоцкого, следует исходить из принципиальных направлений: он был профессиональный актер и популярный исполнитель авторских песен. Очень непредсказуемо и опасно рассматривать все написанное В. С. Высоцким, как творчество выдающегося поэта. Такого кощунства не выдержит великая русская поэзия. Его стихотворчество не имеет веских оснований ставить создателя в один ряд с большим отрядом современных русских поэтов, не говоря уже о гениях прошлого века, их последователей, чье творчество выдержало самое убедительное испытание — испытание временем. Наследие наших классиков — мощный пласт российской литературы, как составной части ее культуры. Если к ее фундаменту подкладывать творчество В. С. Высоцкого, то значит подкладывать мины хотя бы для мини-взрывов. Они не покоробят основание фундамента, но неизбежно будут вызывать микротрещины. Дожди и морозы продолжают разрушительную работу. Им будет способствовать время. В этом главная задача ведущих организаторов изучения и пропаганды творчества В. С. Высоцкого. «Высоцковеды» — для серьезных людей — не серьезное словообразование...

Свою популярность и известность В. С. Высоцкий завоевал как бард, бард неординарный, бард яркий и талантливый. Ему неизменно приписывают лидерство в советской авторской песне. Но он не явился мессией своего времени — мессией творчества бардов, где заметную роль занимал протест против тоталитарного режима. Чтобы лучше понять данное явление, необходим хотя бы краткий экскурс в историю. Традиции бардов уходят своими корнями в глубокую древность. Великий Гомер был незрячим и часто появлялся на публике в качестве певца своих бессмертных творений.

Ближе к нам находится творчество широко известных менестрелей средневековых Франции и Англии, когда странствующий народный певец-поэт мог заработать на жизнь своих ремеслом. Подобное явление не обошло и древнюю Русь — Боян вещей из «Слова о полку Игореве. Игоря, сына Святослава, внука Олега».

*Баян был вещим
И, если кому
Песню запевать хотел,—
Думую скользил по Древу,
Серым волком рыскал в поле,
Сизым орлом
К облакам летал!*

/перевод Андрея Чернова/

Народ на Руси любил бродячих артистов — шутов, скоморохов, среди которых нередко выступали певцы-музыканты. Они кочевали по России до самых революционных бурь.

Самодетельная авторская песня не обошла вниманием и советскую эпоху. Если в период культа личности за нее можно было прощаться с жизнью, то после «холодного лета пятьдесят третьего» наступила робкая весенняя оттепель в идеологии и политике авторской песни и явился А. Галич. Вслед за ним с призывом «взяться за руки» выступил Булат Окуджава. А потом опушки лесов и берега рек захлестнул поток

продолжателей авторских песен — утраивались многочисленные вечера и фестивали бардов. В стихийном, далеко не прозрачном, стремительном развитии реки ее фарватер разрезал мощный флагман бардовской флотилии, В. С. Высоцкий.

Начинал он с дворовых блатных песен. Именно они принесли ему шумный успех. Ближайшее его окружение поддерживало и одобряло подобное «творчество». Взяв за основу роль «златоустого блатаря», он осознанно играл ее до конца. ФЕНОМЕН ВЫСОЦКОГО именно в том и заключается, что он блатную дворовую песню, несколько «очистив» поднял до высокого и широкого звучания, вложил в содержание определенную доброту и жалость к человеку.

Барды — представители песенного народного творчества. Есть устное народное творчество, есть письменное /любительское/ народное творчество. В. С. Высоцкий вышел за эти рамки, но и до профессионального стихотворчества, профессионального песенного искусства он не дошел. Но он стал буревестников эстрады — эстрады в пору безумства массовой культуры и в этом ФЕНОМЕН ВЫСОЦКОГО.

Доброта и жалость подкупают в творчестве В. С. Высоцкого. Но еще в большем количестве песенных текстов «имеет быть» доброе зло. Оно высовывается из щелей между строк, всплывает на поверхность всего написанного озера. С добродушной усмешкой обаятельной обольстительницы она заманивает в свои чертоги и только при внимательном взгляде на эту усмешку можно рассмотреть заgrimированные черты ее колдовского кощунства.

5-й том «Собрания сочинении В. С. Высоцкого»: «Проза. Драматургия. Дневники. Письма». Собранные воедино, они дополнительно свидетельствуют о разносторонней одаренности Владимира Семеновича. Но опыты в прозе, безусловно, значительно уступают стихотворчеству — основному направлению его творческой деятельности. Чувствуется, что данным жанрам автор придавал второстепенное значение, попытки испытать свои способности в более эпической форме. Но она требует значительно вдумчивого подхода — глубинных раздумий, времени и полной отрешенности от повседневных сует. Но несущаяся галопом «по-над пропастью» жизнь не предоставила такой счастливой каторги В. С. Высоцкому.

Эпистолярное наследие Владимира Семеновича наглядно подтверждает основное направление его творчества — создание текстов песен. К примеру, в сценарном плане выступления на Таллинском телевидении 17 мая 1972 г. намечено исполнить достаточное количество песен, поговорить с ведущим об авторской песне. Но он совершенно не намечает затронуть в разговоре поэтическую сторону своего творчества — не спеть, а прочесть что-то собственное. Более того, он запланировал чтение стихотворения «Песня акына» А. Вознесенского — под гитару. Он хорошо понимал, что с экрана его тексты-стихи не прозвучат, ибо уже при их написании отводил им роль песен.

Аналогичен его подход к своему творчеству в «Драматической песне» — музыкальном спектакле в двух частях /г. Новокузнецк, начало февраля 1973 г./, в спектакле «Ошибки молодости» /1975 г./ и других выступлениях.

И, наконец, об определенной ущербности многих ярких текстов песен В. С. Высоцкого, указанных в данных заметках в предыдущих главах. 29 июня 1966 г. В письме И. Кохановскому он, в частности, рассказывает о новых песнях: «Это, правда, не «Тот, кто раньше с нею был», но и не гимны и дифирамбы — везде есть своя, ВЫСОЦКАЯ ЧЕРВОТОЧИНА, КОТОРУЮ ТЫ ЛЮБИШЬ, И В КОТОРОЙ ВЕСЬ СМЫСЛ И СМАК. А ПОТОМ — ЗА ЭТО ПЛАТЯТ, НЕ ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ, НО МОЖНО НЕ ЗАБОТИТЬСЯ О ТОМ, ЧТО НЕЧЕГО ЖРАТЬ, НЕ МЕТАТЬСЯ ПО ТЕЛЕСТУДИЯМ И ТАК ДАЛЕЕ» /выделено мной — Н.Б./. Это уже жизненное кредо, многократно усиленное другим жизненным принципом: «Хочу быть первым».

Именно «червоточина» приводила в восторг основную массу поклонников

В. С. Высоцкого. Блатная, дворовая песня — «червоточина» обладает необъяснимой притягательной силой и особенно в среде молодых неокрепших душ. Им присуще чувство нигилизма — отрицание всяких принципов, законов. Общественные рамки морально-нравственных ограничений и запретов вызывает у них неудовлетворение и протест. Песни с «червоточиной» пробуждают жалость к обиженным, как бы дарят условную доброту, сочувствие и раздвигают или вообще убирают ненавистные рамки. В. С. Высоцкий это тонко осознавал, хорошо освоил технологию поиска «червоточки» в повседневной жизни, замешивал ею пародии на классические произведения литературы. «Червоточина» — земной грех Владимира Семеновича, хотя барду дозволено многое.

Беспредел «перестройки» освободил злого Джина — массовую культуру и ее духовную мафию. Доступ на эстраду получила и авторская песня — составной элемент массовой культуры. Многочисленные барды устремились занять нишу В. С. Высоцкого, построенную им ценой собственной жизни. С особой претензией на штурм бардовских высот настроился А. Разенбаум. Его альпинистское снаряжение, методика прохождения маршрута позаимствованы у В. С. Высоцкого: поточное производство текстов песен по случаю и без него, гитара и неплохое владение ею, строгое поведение у микрофона. Но увы! Пик вершины, взятой и застолбленной талантливейшим бардом — профессиональным актером Владимиром Семеновичем Высоцким уже не покорить никому. Тот, кто приблизится к заветной точке, все равно уже заранее приговорен находиться в тени славы В. С. Высоцкого. В один и тот же бурный горный поток дважды еще никому не удавалось ступить. Однажды уже в нее вошел В. С. Высоцкий, преодолел, взял свою высоту. Но он был талантливым бардом — талантливым до гениальности... «с червоточиной». Сам гений «с червоточиной» может быть, но созданное гениальным — «с червоточиной» — Никогда!

...В 1990 г. умер прекрасный русский поэт — «нижегородский отшельник» Федор Сухов. Участник Великой Отечественной войны, уединившись от шума-гама городского в тихое село Красный Оселок, он создавал свои удивительные поэтические и прозаические произведения — добрые и в то же время обнажено-пронзительные. Немало он писал и о фронте — о друзьях и врагах.

*Навеки неизбывная дорога,
Печалит душу всякая утрата.
Не хвастайся, что убивал врага,—
Ты убивал обманутого брата.*

Долгие годы он вел с С. Куняевым дружескую переписку. В его письмах размышления о жизни, о литературе и культуре, о вечном. Поражает болевая глубина раздумий поэта. В письмах от 11 ноября 1987 г. он пишет: «Думаю, что ты совершаешь великое дело,— Клюев, Есенин, Васильев истинно народные поэты, пожалуй, только они вобрали в себя дух русского человека, его поэтические воззрения, вовремя — среди воя и свиста заговорил ты о В. Высоцком...» /«Наш современник», № 3, 2000 г./.

В другом письме от 18 октября 1988 г. /«Наш современник», там же/ он размышляет: «Мне думается, ты являешь миру воистину самую ужасную картину нашего недавнего быта, для меня давно ведома, что наша страна оказалась жертвой международного заговора под соблазнительной вывеской вселенского благоденствия... Но то удивительно, что в минуты пробуждения самосознания нашей русской нации начинают оживляться действия паразитирующих весьма ловких деятелей от литературы, их разоблачение — самая насущная задача времени, надо воочию показать, чтоб заглушить голос народной беды, народного самосознания пьяным криком, то же делает и небезызвестная А. Пугачева».

В заключении данной главы обратимся к современному классику русской литературы, писателю, известному во всем мире Василию Белову.

«Не утерплю, чтобы не повторить главную мысль моего выступления на последнем писательском съезде: для того, чтобы Отечеству выжить, сейчас важнее для нас не художественное слово, не публицистика, не говоря уже о печати. Главное сейчас для России ее музыкальная стихия. Разрушение нашей эстетики идет в основном по этой, линии. Год назад в «Парламентской газете» я попробовал об этом сказать вслух, чтобы услышали все депутаты:

«Свобода в России поистине теперь сатанинская. Чувствуй себя свободным независимо от того, есть у тебя способность сочинить тексты и музыку или никакого таланта нету. И вот возомнили себя творцами тысячи недорослей — мужского, женского, а больше всего среднего рода, «вдохновение» захлестнуло души скучающих бездельников, не желающих знать нечего, кроме пошлейших своих текстов и бесстыдных дерганий под механизированные гитары на эстрадных подмостках. А седовласые мэтры, музыкальные «знатоки» среди этого бесовского многоголосья начали устраивать музыкальные гонки, внедряя конкурсы, отбирая наиболее нахальные и двигая их в телевизию и на радио».

После этих слов я писал, что первым и самым мощным разрушителем /музыкальным Дудаевым и одновременно Басаевым/ был у нас не кто иной, как Высоцкий. С него началась окончательная расправа над русским голосом, песенной и всей музыкальной нашей культурой. Его хриплый жеребчий голос и рок-музыка наладились было похоронить музыкальную культуру нашей Родины. Это был один из главных способов, разрушения этики, а, следовательно, национальной культуры, а значит и государства.

Не так-то просто вернуть сейчас молодежь к родине, незабугорной эстетике. Сотрудник «Парламентской газеты» выбросил упоминания о Высоцком /не буду называть фамилию этого сотрудника/».

Эти слова В. Белов произнес на выездном секретариате Союза Писателей России в Вологде. Правильно говорил...

ИЗГИБЫ НЕФОРМАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Николай Дронов

ВЕЛИКИЕ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ

Меня давно занимает удивительное сходство портретов И. В. Сталина (1879—1953 гг.) и генерал-майора Н. М. Пржевальского (1839—1888 гг.). В бытность райвоенкомом на Буковине (Черновицкая обл., УССР) в 1981 году я даже затеял разговор на эту тему с прибывшим к нам начальником организационно-мобилизационного управления Прикарпатского военного округа генералом М. С. Элбакидзе. Высокий начальник прибыл с целью проверки и инструктажа военкома, то есть меня, который по плану на особый период становился дублером облвоенкома...

На мои слова Мухтар Семенович ответил категорическим несогласием с «подозрением» на незаконное отцовство Николая Михайловича. С его аргументами согласился и присутствующий при этом начальник политотдела облвоенкомата полковник В. Г. Приходько. Диспут тем и закончился. Но вот недавно прочитал любопытные строчки историка Александра Портнова в журнале «За семью печатями» и редакционное послесловие к ним редактора издания Германа Смирнова.

С целью последовательного и обоснованного изложения материала, начну со слов Смирнова: «Несколько лет назад к нам зашел ныне покойный Александр Васильевич Секуров-Орбелиани. Он состоял начальником пресс-службы великого князя Николая Алексеевича Романова-Дальского. Разговорились о разных разностях, и я сказал, что меня всегда поражало в Сталине умение достойно держаться на встречах и переговорах самого высокого уровня.

— Ну, чему же тут удивляться, — рассмеялся Орбелиани. — Как ни крути, а у него были веские права на русский престол. Вы ведь знаете, что его отцом был Пржевальский?

— Слышал, конечно, но почему же отцовство Пржевальского давало его незаконному сыну права на русский престол?

— Как? — воскликнул Орбелиани. — Вы разве не знаете, что Пржевальский — незаконный сын императора Александра II?»

И вот что с помощью известного писателя и других источников информации удалось выяснить по теме. Н. М. Пржевальский еще в школе отличался умом и необыкновенной памятью, позволявшей ему цитировать наизусть целые книги. Сосредоточен-

ный и вдумчивый, он неохотно сближался с товарищами. Однако пользовался всеобщим уважением и любовью, поскольку был смел, честен, правдив, верен данному слову и защищал слабых учеников. Окончив гимназию в 1855 году, хотел участвовать в Крымской войне и поступил в армию добровольцем, но после пяти лет полковой жизни он понял, что офицерские будни — кутежи и попойки — не для него.

Тогда Пржевальский успешно сдает экзамены и поступает в академию Генштаба. И здесь он обратил на себя внимание усерднейшей учебной: ежедневно вставал в четыре часа утра и по шестнадцать часов за книгами. Внешность его тоже была необычной: стройный, высокого роста жгучий брюнет с седой прядью на виске, со смуглым лицом. Слава пришла к нему после путешествий и научных исследований (разведки)* в Восточной и Центральной Азии, в пространстве возжеланных устремлений Великобритании. Коварной «англичанки», как говорили тогда...

Удивляться научной «крыше» не стоит, особенно, если напомнить читателю, что знаменитый автор книги «В дебрях Уссурийского края» Владимир Клавдиевич Арсеньев тоже был разведчиком-исследователем тех дальних, стратегически важных для России мест! Отсюда и русский Порт-Артур, КВЖД, протекторат над Монголией и Манчжурией.**

Что касается Пржевальского, то он был не только в пустынях Азии, но и в горах Кавказа. В перерывах между экспедициями в Джунгарию и на Тибет, то есть в начале 1879 года, Николай Михайлович, оказывается, останавливался в Гори! Об этом говорит в своих воспоминаниях внучка Сталина — Галина Яковлевна Джугашвили, дочь старшего сына Якова, погибшего в немецком плену в 1943 году. Мало того, Пржевальский высылал уроженке Гори Катерине деньги на содержание сына до самой своей смерти в 1888 году. Потому есть довольно веские основания полагать, что просто так, без веской и серьезной причины, офицеры Генштаба России деньги туземным женщинам в зачлустный городок Тифлиской губернии не переводили!.. В подтверждение к главному «подозрению-выводу», помимо странной финансовой поддержки матери Сталина — Екатерины Глаховны Галадзе (1855—1937 гг.), поразительного внешнего сходства, налицо и генетическое родство: Пржевальский и Сталин были личностями незаурядными, умными, крайне работоспособными, склонными к одиночеству, с сильным духом, железной волей, необычным поведением и судьбой.

Конечно же, Сталин знал — кто его настоящий отец, и относился к имени Пржевальского весьма уважительно. Но по понятным причинам муссирование этой темы в советское время было исключено. Как и незаконнорожденный сын Сталина в Курейке...

Однако при жизни Вождя о Пржевальском очень много писали, его путешествия разбирались в школьных учебниках, был снят художественный кинофильм. В 34-м томе БСЭ, выпущенном вскоре после смерти Сталина в 1955 году, содержится подробная статья о Пржевальском: с картами экспедиций, рисунками и большой фотографией, один к одному похоже на фото молодого Сталина. А вот в томе двадцатом следующего издания БСЭ (1975 год) составители уделили Николаю Михайловичу лишь маленькую заметку (?).

Можно не сомневаться, что и соседи матери Сталина в маленьком горном городке Гори прекрасно знали, что Катерина встречалась с блестящим русским красавцем-

* Напомним, что Пржевальский, равно как Семенов-Тяньшаньский, Миклухо-Маклай и другие известные русские исследователи-путешественники являлись генералами и полковниками разведки Генштаба (прим. ред.)

** Насколько энергичны были устремления России в Тихоокеанском регионе, видно из деятельности Миклухо-Маклая (в школе об этом нам не говорили из соображений политкоррекции) — главного резидента разведки Генштаба (ГРУ) в голландской Индонезии... (прим. ред.)

офицером и родила от него ребенка. Неслучайно было их пренебрежительно-оскорбительное отношение к такой матери и ее сыну. Может быть тоже по этой причине Екатерина Глаховна частенько и крепко поколачивала своего маленького Иосифа, отводя на нем душу за свой грех и нелюбовь к себе окружающих горожан. Тем не менее, Сталин любил свою мать и постоянно помогал ей. Не раз предлагал переехать к себе в Москву, но она категорически от этого отказывалась. То, что придумывают «знатоки», якобы в отместку за жестокое к себе обращение и такое свое появление на свет, Сталин не поехал на ее похороны летом 1937 года — это явная нелепость. Именно летом 1937 года в самом разгаре был вопрос кто кого: или военные заговорщики с «наполеончиком» Тухачевским ликвидируют лидера СССР, или все будет наоборот. Потому о выезде тогда Сталина из Москвы не могло быть и речи совсем по другим обстоятельствам.

Ко всему изложенному хотелось высказать «кое-что» и по адресу Александра II, дела которого поразительно схожи с активом его гипотетического внука Иосифа.

Император Александр II Николаевич (1818—1881 гг.) обладал неплохими знаниями о государстве, законах, финансах, внешней политике, знал четыре иностранных языка! По отзывам современников отличался умом, зорким глазом, хорошей памятью, военной подготовкой и выправкой, спортивной закалкой... По всем вопросам, как внутри страны, так и во внешней политике, ему при коронации в 1855 году досталось тяжелейшее наследство. Даже его отец Николай I в последние дни жизни сказал ему: *«Сдаю тебе свою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, в каком желал. Оставляю тебе много трудов и забот»*.

Крымская война (1853—1856 гг.) полностью обнажила и подтвердила все язвы и беды крепостной империи. Тем не менее, благодаря таланту и усилиям молодого монарха, Россия сделала во многих областях и сферах значительный шаг вперед. Именно при Александре II к России были присоединены Кавказ (1864 г.), Казахстан (1865 г.) и часть Средней Азии (1879 г.). Главное — ликвидировано крепостное право и проведен комплекс реформ, в частности, земских.

Как похожи на этот счет слова У. Черчилля, сказанные про советского Вождя в 1959 году: *«Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой!»*.

Думаю, что многие согласятся со мною, что явно небезосновательны были и есть «подозрения» близкое родство упомянутых незаурядных личностей нашего Отечества! Удивляться изложенному мнению не стоит. Ведь в истории России имеются и другие знаменитые люди, чьи отцы до сих пор только предполагаются. К примеру, первый русский ученый Михайло Ломоносов (1711—1765 гг.), чье отчаянно смелое поведение и не по чину и роду поступки, в том числе и «битье по мордасам» (правда, за дело) академиков из числа иноземцев, по сей день вызывают удивление и недоумение: как мог человек из «подлого сословия» решиться — и не раз — на столь рискованные выступления?!

Ходят упорные слухи, что Михаил Васильевич был внебрачным сыном самого Петра I (1672—1725 гг.), имени которого придворная верхушка боялась и после смерти первого русского императора. А вообще-то, на мой взгляд, главное в рассматриваемом вопросе — не родословная «котов», если они, конечно, не для выставки, а чтобы ловили мышей!

От редакции: *Вводя настоящую рубрику в «Приокские зори», мы руководствуемся исключительно стремлением внести свою лепту в наиболее полное прочтение истории своего отечества. Не надо забывать, что русская история неоднократно и тенденциозно переписывалась. Переписали все летописи придворные историки династии Романовых. Переписал ее в очередной раз в 20-е годы и пролеткультивец Покровский... А вы давно заглядывали в современные школьные учебники истории? То, посмотрите и прослезитесь, но явно не от радости и гордости за свою страну.*

Император
Александр II
(1818—1881)

Генерал-майор
Николай Михайлович
Пржевальский
(1839—1888)

Иосиф Виссарионович
Джугашвили
(Сталин)
(1879—1953)

Мать И. В. Сталина
Екатерина Глаховна
Геладзе
(1855—1937)

ПРОДОЛЖАЕМ НАЧАТЫЙ РАЗГОВОР (Плоды порока и их неизвестность)

Прежде чем продолжить «свои откровения», хотел бы вначале озвучить небольшое вступление, имеющее к ним самое прямое отношение. Сразу оговорюсь, что за основу мною взят труд историка Анатолия Николаева «Аристос — значит лучший».

В 1719 году все петербургское общество было потрясено казнью первой фрейлины Марии Гамильтон, которой Петр I приказал отрубить голову. Прежде аристократов подвергали такой свирепой казни только за государственную измену. Чем же тогда здесь разъярила царя столь знатная «девица»?

Оказывается, она умертвила трех своих новорожденных младенцев, нарушив царский указ 1715 года, обязывающий людям тайно, «не открывая лица», сдавать «ззорных» младенцев в госпитали, учрежденные в Москве и других городах импе-

рии. Указ жестоко предупреждал, что нарушителей будет ждать смертная казнь. Но, так уж на Руси повелось, пока гром не грянет, не только мужик, но и баба не перекрестится... Потому нарушения Указа продолжали иметь место и, особенно, в столицах. Но после публичной казни фрейлины № 1, когда прелестная головка, стуча зубами, отделилась от соблазнительного тела и упала в плетеную корзину, ситуация мгновенно изменилась. Только за последующую «пяtilетку» и только в Москве в госпитали, «не открывая лица», принесли около 800 (!) младенцев.

Что же послужило основанием для издания Петром I такого и гуманного, и, одновременно, жестокого Указа и, соответственно, проведения им скорой и жуткой расправы над ослушницей?

В правящем сословии семейная жизнь вращается вокруг придворного места, родового имущества и «рейтинга знатности» знатности особ их имеющих. Потому все невесты из этих знатных семей принадлежат не сами себе, а их родителям, семье, роду. Помните, как в песне «...не могут короли жениться по любви». Оказывается, еще больше не могут выйти замуж по любви и царевны. Потому что любимый из кого попало для них был исключен. Им мог быть только тот, кого выберут, исходя из династической стратегии, родители. Понятно, что в основе таких браков были не молодость, здоровье, ум, красота и чувства женихов и невест, а знатность, богатство, политическая целесообразность и перспектива. Потому круг «брачующихся» (особенно женихов) был ограничен: нужда заставляла (и заставляет) родителей выбирать нареченного из пожилых, больных и даже из близких родственников. Результатом таких «браков по расчету» — рождение дефектных детей и последующее... вырождение рода!..

Механизм защиты от появления таких «горьких плодов» давно всем известен. Интересны слова на сей счет нашего великого земляка Льва Толстого: «Если бы дворянство время от времени не спаривалось со здоровыми крестьянками, оно давно бы вымерло. Перебесившись, многие женились на здоровых девках и давали хороший приплод». Правда, граф-писатель не открыл дворянскую тайну: где и как законных, но дефектных потомков в барских семьях заменяли незаконным, но здоровым приплодом.

Скорее всего это делалось через... госпитали, приходы, воспитательные дома, куда молодые женщины могли сдавать своих незаконнорожденных детей. Считалось, что происхождение этих малюток никому неизвестно, но высокопоставленные особы, обычно (и не случайно) возглавлявшие такие «ясли», прекрасно знали, что большая часть питомцев рождена от знатных отцов. Чего вдруг тогда воспитанникам сиротских домов в их дальнейшей жизни предоставлялись значительные льготы?!

Теперь становится понятным гнев Петра I на Марию Гамильтон: она умертвила детей кого-то из петровских вельмож, а может и самого царя, вместо того, чтобы сдать их в госпиталь, где им, возможно, представилась бы другая судьба. Не исключалось (что в России случалось часто) в случае необходимости эти дети могли заменить в знатных семьях (в т. ч. и царских) своих законных, но уродливых, слабоумных или неизлечимо больных сводных братьев или сестер.

Вдумчивый читатель, конечно, понимает, что подобные строчки — не документ и не истина в последней инстанции, а наиболее оптимальное и логичное размышление по сути излагаемой проблемы.

Если учесть, что незаконнорожденные дети сильных мира сего, воспитанные в скромных семьях, чаще всего оказываются весьма одаренными людьми, то вопрос таких феноменов для государства имел очень большую значимость!

Вот потому на них вдруг «нежданно-негаданно» изливается поток жизненных благ, их начинают продвигать, величать и поддерживать... И лишь после смерти современники и историки обнаруживают в их биографиях странности, которые ничем, кроме вмешательства «волосатой руки», объяснить невозможно.

Не потому ли «незнатный помор» Михайло Ломоносов лупил палкой, не говоря уже о кулаках, иностранцев-академиков? Не по той ли причине сама царица Елизавета Петровна выводила его под руку с гауптвахты?

Какие могут быть сомнения, если проштрафившийся ученый — братец сводный?!

Не менее удивительна судьба знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова (1769—1844), который при жизни занимал скромное место библиотекаря в Публичной библиотеке. Но вот на его похороны съехалась вся столичная знать — сенаторы, министры, кавалеры ордена Андрея Первозванного!.. И первый памятник русскому литератору поставлен в Летнем саду... Крылову, в 1855 году, на 25 лет раньше, чем «солнцу русской поэзии» Александру Сергеевичу Пушкину (1799—1837).

Все становится объяснимым и понятным, если вспомнить ходившие тогда слухи, что Иван Андреевич — внебрачный сын Екатерины Второй (Великой).

Всем известный «простолюдин» Александр Иванович Герцен (1812—1870) даже фамилию себе получил (херц. — сердце, нем.) в подтверждение того, что он небезразличен его «безвестному» отцу.

Знаменитый французский генерал Вейган, герой Первой мировой войны, руководитель разгрома войск «красного маршала» Тухачевского — под Варшавой в 1920 году, на самом деле, являлся незаконным сыном эрцгерцога Максимилиана Габсбурга, императора Мексики. Великий датский сказочник Ганс Христиан Андерсен, оказываясь, был незаконнорожденным сыном датского короля Христиана IX.

Людвиг Ван Бетховен — отнюдь не сын бедного голландского музыканта, а сын прусского короля Фридриха Великого...

Одним из самых странных эпизодов наших перестроечных лет было прекращение телепередач по всей стране на целые сутки, последовавшее сразу после убийства далеко не самого яркого и талантливого тележурналиста Владислава Листьева. На гражданскую панихиду, помнится, приехал с сожалениями и оправданиями даже президент Ельцин...

Столь масштабную печаль сведущие люди объясняли «просто» — погибший был правнуком Троцкого.

Не по той ли причине на одном из теле-шоу, посвященном ходу безрезультатного расследования убийства Влада, один из участников в сердцах сказал: «Все Останкино знает, за что и кем заказан Листьев, а следователи никак не определятся» (до сих пор. — Н. Д.)!.. Выходит, «ниточка» специально обрывается.

Повторюсь, наш разговор по теме — это версия, прогноз, предположение, вольное толкование спорных моментов истории, не более. Ведь официальный «сказ» про наших героев, видимо, так никогда и не будет произнесен. Уж слишком не во славу будут подобные откровения по адресу тех родителей и чадопокровителей.

Ведь «левая» жизнь в глазах большинства человечества всегда была известным признаком известных качеств родительских натур. Тем более, не дай Бог, заполучить кому-то официальный документ. Одних только судебных исков и притязаний со стороны наследников будет не счесть. Не говоря уже о страшных тайнах «дворов», вдруг ставших явью.

Но лучше ли для истории столь темная «ясность» в нетерпящих кривотолков вопросах?

Саймон Сибэт Монтефиоре
(г. Лондон, Великобритания)

СТАЛИН, ЕГО ОТЕЦ И КРОЛИК*

Мы никогда не узнаем, кто был настоящим отцом Сталина. Имена отцов великих людей — это зачастую тайна, покрытая мраком. В случае Сталина даже звучало предположение, что его настоящим отцом был император Александр III. Еще одним кандидатом значился российский аристократ, путешественник... (имеется в виду Н. Пржевальский — *прим. пер.*). Ни одна из этих кандидатур не является убедительной, но Сталин — во всех отношениях человек, который сделал себя сам — любил порой намекнуть, что тот, кто считался его отцом, не был таковым. Однако в его родном грузинском городе Гори жили, как минимум, четыре человека, которых на довольно веских основаниях можно считать его отцом (включая официального родителя), но лишь Коба Эгнаташвили был в его жизни своего рода приемным отцом.

До сих пор его история так и не была рассказана полностью. У нас не было его фотографий, а в большинстве биографий просто повторялись выдумки других историков, гонящихся за сенсациями. Однако правда еще более причудлива, поскольку вплоть до сороковых годов Сталин никому так не доверял в своем окружении, как членам этой семьи. Действительно, его предполагаемый единоутробный брат стал дегустатором НКВД по кличке «Кролик».

Иосиф («Сосо») Джугашвили, взявший позже псевдоним Сталин, родился 6 декабря 1878 г. (а не 21 декабря 1879 г., как утверждает официальная биография) в семье сапожника Бесо Джугашвили и его молодой волевой жены Кэкэ. Вскоре Бесо стал алкоголиком, избивавшим жену и ребенка. Его мучили распространявшиеся по городу слухи о том, что не он настоящий отец Сталина. Кэкэ считала, что Сталин непременно должен пойти учиться в семинарию и в будущем стать епископом. Бесо, который на протяжении всей своей карьеры получал поддержку со стороны местного героя по имени Коба Эгнаташвили, легендарного чемпиона по борьбе, богатого купца, винодела и владельца популярной таверны, хотел, чтобы он стал сапожником.

Когда пьяница Бесо, прозванный в городе «безумным», окончательно превратился в обузу, Коба Эгнаташвили помог Кэкэ. Ей он нашел работу, Сталина не оставил без куска хлеба и помог ему оплатить учебу в церковно-приходской школе, а позже — в тифлисской семинарии.

Но он был не единственным местным влиятельным человеком, помогавшим молодому Сталину. Кэкэ также помогали священник отец Чарквиани и начальник полиции Дамиан Давришеви. Да и сам Сталин, окружавший свое происхождение завесой тайны, несколько раз заявлял в разговорах с разными людьми, что он сын священника. Позже сын начальника полиции утверждал, что именно его отец был настоящим отцом Сталина. Но Сталин также намекал в разговорах, что им был Коба Эгнаташвили. Сталин безусловно почитал богатого чемпиона по борьбе, ведь и через 70 лет он вспоминал о нем. Став революционером, он сделал Кобе большой комплимент, взяв себе в качестве псевдонима его имя.

Разумеется, мы никогда не узнаем, кто был биологическим отцом Сталина. В своей книге «Молодой Сталин» я принимаю официальную версию по той простой причине, что нет убедительных доказательств в пользу других. Однако если к кому-то Сталин испытывал сыновние чувства, то, скорее всего, этим человеком был именно Коба Эгнаташвили. Если безумный Бесо бил и терроризировал Сталина и не-

* Версия для печати; сайт Интернета: <http://www.inosmi.ru/stories/02/07/18/3106/236573.html>; от редакции: мы сочли необходимым в данной статье провести некоторые сокращения, касающиеся как ныне живущих персонажей, так и необъективных, на наш взгляд, суждений об исторических лицах.

сколько раз тайно забирал его из школы, чтобы учить сапожному делу, то Коба его защищал, снабжал деньгами и помогал во многом другом. Возможно, он не был настоящим отцом Сталина, но относился к нему по-отцовски.

Покинув Гори, чтобы стать революционером, Сталин поддерживал контакты с семьей Эгнаташвили. Это было несколько неожиданно, ведь Эгнаташвили были преуспевающими капиталистами. Два сына Кобы — Саша и Васо — получили престижное образование в московской гимназии. Даже после большевистской (октябрьской) революции семья процветала. В годы НЭПа, который стал экономическим компромиссом Ленина с капитализмом, они стали удачливыми предпринимателями, владельцами сети закусочных и ресторанов в Баку и Тифлисе. Старый Коба умер в тридцатые годы (ему был за восемьдесят), но в 1928 г. Сталин совершил «большой поворот» влево, свернув ленинскую «новую экономическую политику» и инициировав жесткую кампанию по коллективизации села для формирования индустриализации.

Братья Эгнаташвили лишились своего бизнеса и были арестованы. Но Васо сумел убедить местных чиновников в том, что ему нужно поговорить в Москве со Сталиным, и направился в столицу (брат в это время продолжал сидеть в тюрьме). Благодаря посредничеству Авеля Енукидзе и высокопоставленного партийного деятеля, Васо был принят Сталиным, который немедленно распорядился освободить обоих братьев и направить их в Москву.

Хотя ни один из братьев не был ни социалистом, ни, тем более, большевиком, Сталин стремился окружить себя людьми, которым можно было доверять. Кроме того, он вырос вместе с молодými Эгнаташвили и любил их отца. Удивительно, но Сашу он сделал офицером НКВД, а Васо стал его глазами и ушами на родине, в Грузии, сначала в качестве редактора газеты, а потом — секретаря центрального исполнительного комитета компартии. Тогда Кавказом правил быстро возвышавшийся молодой соратник Сталина Лаврентий Берия, но Сталин хотел сохранить на юге собственный источник информации. Васо всегда имел прямой доступ к Сталину, что страшно раздражало Берия. И вскоре все в НКВД знали (и шептались) о том, что братья Эгнаташвили были не просто грузинскими фаворитами, но и братьями Сталина по отцу.

А Саша — добродушный, симпатичный атлет и чемпион по борьбе, как и его отец Коба — стал влиятельным сановником при дворе красного царя. Он пользовался особым положением, потому что, будучи офицером НКВД, служил в комендатуре Кремля, формально же находясь в структуре Народного комиссариата внутренних дел, который был по отдельным командованиям, поскольку Сталин серьезно относился к вопросам собственной безопасности.

Запустив в 1936 г. машину Большого террора, Сталин стал еще более чувствителен к вопросам безопасности. Поэтому Саша был назначен ответственным за качество продовольствия и сталинские дачи. Так успешный ресторатор Саша стал распорядителем пиров и управляющим имением диктатора.

В ряде популярных книг об истории тайной полиции я читал, что Саша Эгнаташвили получил прозвище «Кролик», потому что он был личным дегустатором Сталина. Это одна из тех историй, которые я, в силу их экстравагантности, считал досужим вымыслом, однако она оказалась правдивой. Саша и впрямь стал очень важным царедворцем. Он всегда был рядом со Сталиным, где бы тот ни находился. Кролик всегда отвечал и за большие банкеты в Кремле, которые давались в честь иностранных гостей — например, Риббентропа в 1939 г. или Черчилля в 1942 г. — и частные обеды на сталинских дачах для членов Политбюро. Он и сам участвовал в обедах в узком кругу.

Однако Берия, ставший к тому времени неутомимым и невероятно компетентным главой сталинского НКВД и важным членом Политбюро, ненавидел клан Эгната-

швили, потому что тот находился в более тесных отношениях со Сталиным, чем он сам, и потому что они были грузинами, не зависимыми от него. И он вознамерился их уничтожить.

Между тем, смертоносная игра на византийском дворе Сталина затронула даже Сашу Эгнаташвили, дегустатора и великолепного распорядителя, независимо от того, был он единоутробным братом Сталина или нет.

Накануне Второй мировой войны Сталин, чья жена Надежда Аллилуева покончила жизнь самоубийством в 1932 г., начал испытывать подозрительность в отношении жен своих соратников. Молодые красавицы — жены его личного секретаря Александра Поскребышева и высокопоставленного военного советника маршала Кулика — были расстреляны, но их мужья продолжали беззаветно служить Сталину. Кроме того, посадили жену президента (председателя Президиума Верховного Совета СССР — *прим. пер.*) Михаила Калинина. Была арестована и расстреляна жена Саша Эгнаташвили, немка по происхождению, но Кролик продолжал дегустировать еду диктатора.

В годы войны Саша получил звание генерала, и его грудь была усыпана медалями: молодой идущий вверх член политбюро Никита Хрущев с неодобрением вспоминал в своих мемуарах о том, что Сталин сделал из своего шашлычника генерала-орденоносца. Хрущев не знал, что так называемый повар был возможным братом Сталина по отцу и доверенным офицером НКВД. Во время войны Саша сопровождал Сталина на большинство встреч на высшем уровне, и именно генерал Эгнаташвили организовал для Сталина конференцию в Ялте, где в начале 1945 г. тот встретался с Франклином Рузвельтом и Уинстоном Черчиллем.

Васо Эгнаташвили сохранил свой ключевой пост в Грузии, но Берия изыскал способ подорвать положение Саши: Сталин всю свою жизнь терпеть не мог коррупции. Живя в привилегированном мире, сам он был равнодушен к деньгам и вел жизнь аскета. Но генерал Эгнаташвили управлял огромной машиной, производившей огромное количество еды и вина. Большая часть этих яств пропадала, и с большой долей уверенности можно говорить о том, что начальник охраны Сталина генерал Власик и его старший товарищ Эгнаташвили если не продавали их на сторону, то всюю пользовались имевшейся в их распоряжении роскошью.

Доказательства этого предъявлялись Сталину не менее двух раз, и он прощал Власика и Эгнаташвили, но, в конечном итоге, Власик был отстранен от должности и арестован. Сашу так и не арестовали. Берия хотел погубить обоих братьев, но Сталин их защищал. Саше поручили управлять санаториями Политбюро в Крыму, где он умер своей смертью в 1948 г.

После смерти Сталина Берия, ставший на короткое время правителем Советского Союза, немедленно уволил Васо Эгнаташвили, который сидел в тюрьме, пока не был арестован сам Берия, расстрелянный три месяца спустя. Он умер в пятидесятые годы. Потомки Саши и Васо Эгнаташвили живут в Тбилиси, Москве и Соединенных Штатах. Все они так же обаятельны, как их предки. И вот теперь может быть рассказана история о Сталине, его возможном отце Кобе Эгнаташвили и предполагаемом брате Кролике.

От редакции: Люди читающие более всего уважают рубрики журналов: «Незаконнорожденные знаменитости» и «Литературные мистификации». Одну из них, что называется для пробы, мы и ввели в «Приокских зорях». А по реакции читателей и проверим (скорее всего подтвердим) сказанное выше.

Еще один характерный момент. В настоящее время в России наблюдается геральдический бум. Надо полагать, что бывшие советские граждане, за семьдесят с

лишком лет истосковавшиеся по звучным титулам, принялись лихорадочно наверстывать упущенное. В столице, наверное, уже серьезный процент населения выправил себе жалованные грамоты на дворянство, графство-баронство, княжество в геральдических управах, учрежденных по округам, префектурам и просто микрорайонам и кварталам... Исполать им! Но это очень даже перекликается с материалами настоящей рубрики.

Наконец, кой-кого смутит основной персонаж рубрики — Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили), учитывая, что еще со времен Хрущева имя и деятельность великого вождя направленно подвергается остракизму. А как утверждают нейробиология и специалисты в области психологии мышления, только восемь процентов людей обладают качеством самостоятельно оценивать те или иные явления настоящего и прошлого. Остальные руководствуются целеуказаниям СМИ...

Что же, в характере человеческого интересоваться всем, что связано с жизнью и деятельностью выдающейся личности, как бы впоследствии ее ни оценивали все те же СМИ. Отсюда и интерес к Сталину. Ведь мало кого интересуют детские и юношеские годы, родители того же Никиты Сергеевича, не говоря уже о безликих членах брежневского Политбюро, исключая Косыгина, Микояна и может быть еще кого-то. Об олигархах — властителях дум современности — и вовсе не говорят; они и так на виду.

ДОКУМЕНТЫ ЭПОХИ: ВЛАСТЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И КУЛЬТУРА

А. В. Луначарский

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИСКУССТВО*

От редакции: Имя Анатолия Васильевича Луначарского хорошо известно в истории русской и советской культуры, литературы и искусства. Именно его не без основания полагают главным создателем социалистической культуры в СССР: РАПП, АХРР, ВХУТЕМАС и многие другие творческие новации созданы при его активном участии. Вместе с Н. К. Крупской («Комиссия Луначарского — Крупской») он подверг «генеральному пересмотру» все предыдущее наследие русской культуры, во многом оскопив ее...

Искусство как производство

Искусство далеко не сводится к производству, и надо прямо и определенно сказать, что лозунг «Искусство есть производство вещей», выдвинутый главным образом «левыми» художниками, свидетельствует о некотором убожестве современного искусства. В самом деле, в такую эпоху, как наша, искусство должно было бы выражать собой взволнованную душу артиста, который есть кровь от крови своего народа и его передовых слоев. Оно должно было бы стать способом организации эмоциональной жизни народных масс в их нынешнем ураганном движении.

Но «правые» художники в огромном большинстве случаев далеки от революции по своему политическому настроению, «левые» же, более к ней в этом отношении близкие, оказались в плену у той внутренне декадентской хотя внешне шумной и буйной тенденции к чистому формализму, которая так опустошительно повлияла на искусство последних десятилетий на Западе. До последнего времени они имели неуклонную тенденцию к полной пустоте содержания и к так называемой «беспредметности». Безыдейники и беспредметники, конечно, никакого идеологического искусства, никакой величественной скульптурной или живописной иллюстрации к великим событиям истории, которых они поставлены свидетелями, дать не могли.

Из этого становится понятным, почему, стремясь не оторваться от пролетариата и идти по возможности с ним нога в ногу, «левые» художники особенно подчеркивают производственные задачи искусства. В производстве — текстильном, деревообделочном, керамическом, отчасти и графическом — беспредметное формальное ис-

* Печатается по изданию: Луначарский А. В. Об искусстве. В 2-х тт. Т. 2: Русское советское искусство. — М.: «Искусство», 1982. — С. 101—116.

куство может давать изящные радостные вещи. А это ведь тоже важно: одна из важных задач нашей культуры — создавать вокруг человека изящную и радостную материальную среду.

Если мы посмотрим самым широким образом на производственные задачи искусства, то перед нами вырисуются бесконечные горизонты: строительство новых городов, проведение каналов, разбивка парков и садов, устройство народных дворцов во всем их внутренне многозначительном великолепии, убранство клубов, обстановка жилищ, реформа и поднятие на высшую ступень изящества и радости человеческой утвари, человеческой одежды и т. п. В конечном счете это перестройка всей окружающей нас естественной среды. Она производится прежде всего хозяйством, то есть земледелием и фабрично-заводской промышленностью, но они дают как бы полуфабрикаты в этом отношении. Ведь все, даже пища, должно кроме преследования непосредственной цели — удовлетворять непосредственные человеческие потребности — достигнуть еще и другой цели: давать человеку радость и наслаждение.

Конечно, сейчас мы умопомрачительно бедны, и говорить о серьезных работах в этом направлении, о действительном пересоздании быта русских рабочих и крестьян нам еще не приходится и долго еще не придется; но из этого еще не следует, чтобы мы могли пройти равнодушно мимо производственных задач искусства. Наоборот, нам приходится заняться ими сейчас же и вплотную. Во-первых, нет причины, чтобы мы, производя, скажем, ткани, окрашивали их безвкусно; художественная и безвкусная окраски стоят одинаково, а результат получается гигантски различный. То же относится к выпуску посуды и т. д. Последнее время при царизме это дело обстояло до отвращения плохо. Пользовались идиотскими штампами самого последнего разбора из тех, какие немцы только ни производили, мастера-художники были в большинстве ниже всякой критики. А мы могли бы уже сейчас развернуть в наших школах подготовку своеобразного инженера-художника и, быть может, в сравнительно недалеком будущем поднять производство на значительную художественную высоту.

Профессиональные художники могут дать в промышленности много совершенно нового и яркого, как это доказали «левые» художники, например, своей работой на фарфоровом заводе, где они дали много интересных манер окраски фарфоровых изделий.

Мы еще сейчас страна, главным образом вывозящая сырье, а такой вывоз до крайности невыгоден. При низко стоящем уровне промышленности окончательно отделанных товаров мы вывозим немного; художественно отделанным товаром до сих пор было как раз то, что вывозили кустари. Охранить и поднять кустарное производство, создать рядом с ним оригинальные мастерские для производства подобных же вещей из дерева, тканей, металла, создать мастерские кружев, ковров и т. д. и т. п., внести опыт кустарного художественного производства в крупную промышленность — все это является просто-таки экономически выгодным.

Народный комиссариат по просвещению всегда относился с большим вниманием к этой задаче. Мы не только стремились сохранить все то, что досталось нам в этой области от буржуазного режима, но развернуть и некоторые новые мастерские, а в бывшем Строгановском училище в Москве создали целый ряд новых факультетов, целиком посвященных отдельным отраслям художественной промышленности.

Новая экономическая политика вначале ударила и по этому делу. Главпрофобр вообще очень беден и по бедности своей, конечно, налег прежде всего на художественные школы. Художественные школы совершенно обнищали. Отдел художественного образования сделал все от него зависящее, чтобы спасти производственные школы и мастерские, но ему это плохо удается, и все, выращенное с таким тщанием, столько горя перенесшее и все-таки, можно сказать, вопреки стихиям, развернувшееся во время тяжелой военной поры революции, грозит теперь зачахнуть. Между тем это дело имеет прямое отношение к задачам ВЦСПС, ВСНХ, Внешторга, и я думаю, было бы чрезвычайно важно собрать представителей этих ведомств вместе с некото-

рыми выдающимися художниками и знатоками именно этой стороны дела для совещания о мерах к поднятию художественной промышленности в России и художественно-промышленного образования.

Искусство как идеология

Я уже говорил, что революция ждет главным образом развития искусства как идеологии. Под таким искусством я разумею художественные произведения, которые выражают идеи и чувства — непосредственно своего автора, а через его посредство тех слоев народа, которых он является выразителем.

Если мы спросим себя, почему у нас почти совершенно нет идеологического пролетарского искусства (за исключениями, которые я укажу ниже), то ответ будет ясен и прост. Буржуазия, в то время когда она подходила к своей революции, и в культурном и в бытовом отношении обставлена была гораздо лучше, чем пролетариат в начале своего революционного строительства. Она без особого труда могла выдвинуть своих художников. Мало того, интеллигенция, в руках которой фактически были все искусства, представляла собой в основной массе плоть от плоти буржуазии (уже Ватто, Мольер и Расин были буржуа). Ничего подобного, конечно, мы не видим у пролетариата. Пролетариат поднимается из невероятно тяжелого положения как класс с великими возможностями и слабой культурой, и притом как класс (увы, наша революция это вполне доказала), возбуждающий нечто вроде ненависти у большей части интеллигенции, развращенной буржуазией. При таких условиях интеллигенция могла выдвинуть из своей среды чрезвычайно ничтожное количество художников, которые способны были искренне петь песни борющегося и побеждающего пролетариата. Из пролетарской же среды до сих пор могло быть выделено лишь небольшое количество высококультурных людей.

Я уже сказал, что тут есть некоторые исключения. Я их нахожу в литературе. Литература как искусство тоже требует серьезной подготовки, но и без этой подготовки, даже в непосредственном, сыром виде, если у писателя есть что сказать, если он остро чувствует действительность, если он талантлив, — из-под его пера может вылиться нечто интересное и значительное. Это совершенно немислимо в области музыки, в области скульптуры, живописи, архитектуры и т. д. Может быть, и художественная высота, достигнутая нашей литературой, подвергается сомнению, — но, во всяком случае, вряд ли даже самый строгий критик решился бы попросту скинуть со счета все ее произведения. Они начинают уже возбуждать весьма серьезное внимание и в Европе.

Что может этому противопоставить изобразительное искусство? Или музыка?

Тов. Татлин создал парадоксальное сооружение, которое сейчас еще можно видеть в одной из зал помещения профсоюзов. Я, быть может, допускаю субъективную ошибку в оценке этого произведения, но если Гюи де Мопассан писал, что готов был бежать из Парижа, чтобы не видеть железного чудовища — Эйфелевой башни, то, на мой взгляд, Эйфелева башня — настоящая красавица по сравнению с кривым сооружением т. Татлина. Я думаю, не для меня одного было бы искренним огорчением, если бы Москва или Петроград украсились таким продуктом творчества одного из виднейших художников «левого» направления.

Как я уже сказал выше, «левые» художники — пока они остаются самими собой, — фактически так же мало могут дать идеологически революционное искусство, как немой сказать революционную речь. Они принципиально отвергают идейное и образное содержание картин, статуи и т. д. К тому же они так далеко зашли в деформации заимствуемого у природы материала, что пролетарии и крестьяне, которые вместе с величайшими художниками всех времен требуют прежде всего ясности в искусстве, только руками разводят перед этим продуктом позднего вечера западно-европейской культуры.

Никто не может искусственно породить гения или даже хотя бы крупный талант. Единственно, что может здесь сделать государство — это оказать всемерную поддержку гению или таланту, если бы он явился. И наше государство, конечно, ее оказало бы. Если бы кто-нибудь выступил с картиной хотя бы на одну пятую столь значительной по содержанию, как «Явление Христа народу» Иванова или «Боярыня Морозова» Сурикова, но с новым содержанием, соответствующим нашему времени, — я воображаю, какое это было бы всеобщее ликование и как радостно и партия и Советская власть откликнулись бы на подобное событие.

Но что мы имели до сих пор, например, в скульптуре? С первых же шагов власти Владимир Ильич предложил мне украсить Москву и Петроград бюстами великих мыслителей. В Петрограде это вышло недурно. Там, кажется, и до сих пор многие из этих бюстов остались. Они сделаны были в гипсе, но некоторые из них безусловно заслуживали бы быть переделанными в камень или перелитыми в бронзу. Но в Москве попытка окончилась полной неудачей, и я не знаю, был ли хоть один удовлетворительный памятник. Зато неудовлетворительных, вроде Маркса и Энгельса в какой-то ванне или Бакунина (который был настолько формально «революционен», что уже на что «левы» анархисты, а и они хотели взорвать этот памятник) — таких памятников было сколько угодно. Правда, обелиск, сделанный т. Андреевым (на площади Московского Совета), прост и довольно приятен, но, во всяком случае, не этой лассточке принести с собой настоящую весну.

А в музыке? Буквально ничего, хоть шаром покати. Ни одного музыкального произведения, которое хоть сколько-нибудь отразило бы всю громадную массу революционных событий. И невольно, когда видишь это, когда слышишь протестующий шепот господ художников против неприятного времени, от самой глубины души восклицаешь: «Какие покойники!»

Но кроме произведений художественных в самом полном и глубоком смысле этого слова идеологическое искусство имеет еще другую, тоже общественно и художественно важную область, а именно — художественно-пропагандистское дело. Сюда относится плакат, революционная песенка или злободневные стихи, злободневная пьеска-агитка и т. д. В этом отношении нами было кое-что сделано. Плакатов издавалось много — они были большей частью плохие, но иногда и хорошие, и даже очень хорошие. Разъезжали агитационные труппы, далеко не всегда плохие. Были революционные пьесы, некоторые из них довольно яркие. К сожалению, я очень боюсь, что сейчас эта чрезвычайно важная задача — бросать в массы искусство ходовое, но все-таки непременно настоящее искусство (иначе и воздействия никакого не будет), — будет стерта, Главполитпросвет и его художественный отдел имеют совершенно ничтожные средства для этих целей.

Неужели хотя бы на минуту можно усомниться в гигантской агитационной силе правильно поставленной художественной агитации? И неужели хотя бы на минуту можно усомниться в том, что именно сейчас, когда дух мещанства нами самими вызван нам на службу, агитация и пропаганда являются для нас еще более нужными, чем прежде?

Художественные задачи Советской власти

Задача просвещения масс бесспорно является одной из центральных задач рабоче-крестьянской власти. В понятие просвещения входит и просвещение художественное.

Для рабочего и крестьянина и для их идеологов искусство не есть самоцель. Когда жизнь могуча, она делает из искусства не идола, а орудие для себя, для своего роста и развития.

С этой точки зрения особенное значение приобретает содержание искусства. Из этого не следует, чтобы форма могла быть поставлена на второй план, ибо в том-то и

заключается очаровательная сила искусства, что оно, придавая тому или иному жизненному содержанию художественную форму, подымает способность его проникновения в человеческие сердца до неслыханной силы.

Для всех сторон жизни нашей страны центральным содержанием является борьба за социализм.

Это содержание бесконечно многогранно. Оно охватывает собой весь мир, оно заставляет человека смотреть иными глазами на космос, землю, историю человечества, на себя самого, на каждый миг жизни, на каждый предмет вокруг нас.

Это содержание может выливаться во все многообразие человеческого творчества, в частности — во все формы художественных произведений.

Социалистическое общественно-политическое просвещение масс, которое стоит в центре понятия просвещения вообще и почти покрывает его, не может, конечно, игнорировать такое гигантское орудие, как искусство.

Запомним это и подойдем к тому же вопросу несколько с иной стороны. Художественное просвещение имеет две связанные между собой, но тем не менее отличимые друг от друга стороны. Одной его задачей является широкое ознакомление масс с искусством, другую — стремление вызвать из них самих единицы и коллективы, которые сделались бы художественными выразителями народной души.

Что касается до активных проявлений со стороны самих трудовых классов, мы безбоязненно можем полагаться на них. Все, что выйдет из сердца передового рабочего или крестьянина, будет более или менее ярко освещено солнцем труда в его нынешней фазе — социализмом.

Но поскольку мы говорим о влиянии произведений всего существующего искусства на массы, постольку мы наталкиваемся на тот факт, что у нас ведь имеется искусство весьма разнородное, разноценное и по своему содержанию (или по своей бессодержательности) на разном расстоянии от нашего идеала находящееся.

Неверно думать, что распространение в массах знакомства с искусством несомнительно бесполезно или даже вредно. В это нарочитое варварство (как это ни странно при опыте, уже накопленном пролетариатом) впадает кое-кто и сейчас; отметим, что это лишь чрезвычайно редко бывают сами пролетарии и крестьяне, в большинстве случаев к этому тянутся примкнувшие к ним отщепенцы буржуазной интеллигенции. Ошибочность такой мысли понять тем легче, что количество произведений социалистического искусства пока ничтожно, художественная их высота малоудовлетворительна, и художественное просвещение масс поставлено было бы весьма непрочным, если бы мы свели все искусство к этому минимуму.

Художественное просвещение масс должно быть поставлено несравненно шире.

Мы уже сказали, что формальная сторона искусства представляет собой огромный интерес; только совершенство формы, то есть способность ее затронуть в человеке чувство, дать ему наслаждение, всколыхнуть в нем любовь к красоте, чувство красоты, только выразительность, экономность средств, которым мы даем наименование прекрасного, изящного и т. п., делает то или иное явление относящимся к области искусства.

Поэтому, если мы задумаемся над вопросом о значении формы, а также о связи этой формы с содержанием, то сейчас же поймем, что ни одно истинное, то есть сильное, действенное произведение искусства не может быть нами игнорируемо.

Индивидуальные и коллективные гении разных времен и народов разными путями, определявшимися всем общественным строем, подходили к проблеме художественного выражения своей идеологии. И все множество открытых при этом приемов и форм — от примитивнейшей деревянной резьбы дикаря, от древнейшей человеческой мелодии через вершинные моменты искусства в Элладе, в эпоху Возрождения и т. п. — представляет собою колоссальный урок художественности.

Кто посмеет взять на себя ответственность и заявить, что пролетарию и крестьянину не нужно быть образованным в смысле глубокого знакомства со всем прошлым искусства? Ведь знакомство с художественными формами важно прежде всего для роста художественной активности самих масс.

Искусство есть гигантская песнь человечества о себе самом и о своей среде. Оно все целиком есть лирическая и фантастическая автобиография нашего рода. Какими смешными, какими карликами кажутся те, кто, перелистав эту гигантскую книгу, письмена которой являются храмы, мифы, поэмы, симфонии, думает, что все это интересно только своей внешней красотой и что содержание, в сущности, прямого отношения к искусству как таковому не имеет!

Повторяю: для мощных и жизненных классов, определяющих теперь культуру нашей страны, это старческое, формальное отношение к искусству, часто проявляющееся и у молодых по годам старцев, эти «беспредметные» устремления нынешнего искусства представляются чем-то нелепым и бессмысленным.

Искусство отражает через личность общественную жизнь человечества. Эта общественная жизнь — во все времена, у всякого народа — носила на себе печать доминирующего класса или отражение борьбы классов за господство. Среди этих классов есть такие, которые глубоко родственны борющемуся за свою свободу и свое счастье трудовому люду, но есть и такие, цели и переживания которых весьма мало связаны с нынешними, и, наконец, такие, которые не могут не быть по существу своему глубоко враждебными трудовому идеалу.

Не должны ли мы вследствие этого прийти к заключению, что знакомить пролетариат и крестьянство с искусством прошлого надо лишь в меру близости содержания произведения к содержанию, владеющему душой пролетария? Я полагаю, что надо всемерно протестовать против такого «педагогического» отношения к народным массам. Я совершенно убежден — и этому учит меня мой опыт, — что вожди, выходящие из самих масс, никогда не проявляют такого высокомерного, опекунского к ним отношения. Все это отрывка интеллигентского культуртрегерства, только навыворот: культуртрегер из господствовавших недавно реакционных групп старался навязывать крестьянству и пролетариату то, что он считал для них «воспитательным»; культуртрегер из радикальных интеллигентских групп пересаливает теперь в обратную сторону и устанавливает для тех же масс новую ферулу.

Нет, искусство прошлого все целиком должно принадлежать рабочим и крестьянам. Конечно, было бы смешно, если бы мы проявляли в этом отношении какое-то тупое безразличие. Конечно, и мы сами — так же, как и наша великая народная аудитория, — гораздо больше внимания будем уделять тому, чему отдана наша любовь. Но нет такого произведения истинного искусства, то есть произведения, действительно отражавшего в соответственной форме те или другие глубокие переживания человечества, которое могло бы быть выброшено из памяти и должно было бы рассматриваться как запретное для наследника всей старой культуры — трудового человека.

Когда же мы переходим к тем произведениям искусства, в которых выразилось стремление человека к счастью, к социалистической правде, мужественное приятие мира, борьба с темными силами и т. д. и т. д., — то здесь мы видим как бы настоящие костры, освещающие путь трудовых масс. Конечно, социалистические массы зажгут свои собственные маяки, зажгут свое собственное солнце; но все же наследие прошлого, в особенности сейчас, представляет собой такое гигантское сокровище, что невольно приходишь в негодование, когда замечаешь, что какой-либо не додумавший дело до конца сознательный или бессознательный демагог хочет заслонить это великое наследие от взоров рабочего и крестьянина и убедить их в необходимости обратить глаза только на тот скудный светоч, который зажжен в области искусства в последние дни.

Наркомпрос, исходя из этих начал, отдал много внимания и труда сохранению в

неприкосновенности тех предметов и тех традиций, в которых живет прошлое, через которое искусство великих художественных эпох может воздействовать на ту великую эпоху, в которую мы вступаем.

В области охраны музеев, дворцов, парков, памятников старины и т. п., в области охраны лучшего репертуара и лучших театральных традиций, в области охраны библиотек, музыкальных инструментов, музыкальных коллективов и т. д. мы работали по тщательному и живому охранению народного достояния. Живому — это надо подчеркнуть, ибо дело заключалось не только в том, чтобы попросту сохранить, но и в том, чтобы придать всему художественному наследию формы, доступные для народных масс. И хотя горький бытовой уклад, навязанный нам гражданской войной, развернутой против нас силами внутренней и мировой реакции, почти совершенно не давал массам дышать свободной грудью, все же мы можем с гордостью сказать, что искусство действительно в колоссальной мере приближено к народу.

С другой стороны, путем создания и поддержки Пролеткультов, путем создания множества школ в области искусства (изобразительных, тональных, литературных и т. д.) мы опять-таки сделали широкую — неожиданно широкую, если принять во внимание все тяжелые обстоятельства, — работу. Мы и впредь пойдем этими же путями. Сделать художественную автобиографию человечества доступной в возможно большем количестве ее образцов всякому человеку труда и содействовать тому, чтобы этот человек труда вписал в упомянутую автобиографию свою собственную красную и золотую страницу, — это цель Наркомпроса в области художественного просвещения.

Вопросы художественной политики

Вопрос о художественном образовании стоит остро во всем мире.

Один из замечательнейших современных художественных педагогов говорит определенно, что в Германии никаких методов подлинного художественного образования, никакой художественной педагогики абсолютно нет. И характерно, что он (в книге, которая вышла несколько лет тому назад) кладет палец на ту же болячку, которую ощущаем и мы. Он говорит:

«Левое искусство, оторвавшееся от традиций, никаких определенных принципов практического характера не имеет. Игнорируя опыт прошлого, невозможно в ближайшем будущем обосновать какие бы то ни было рациональные начала в деле художественной педагогики».

«Старые же принципы, — говорит педагог, — выветрены до того, что вместо традиций сохранилась плохая рутина, не позволяющая даже копировать старых мастеров».

В доказательство этому можно было бы привести чрезвычайно много характерных примеров. Я приведу только два, показывающие, что в Европе декаданс уже так силен, что искусство там не дает настоящих мастеров.

Когда нужно было восстановить разрушенную часть Реймского собора, не оказалось ни одного архитектора, который мог бы справиться с этой задачей, и пришлось от реставрации отказаться.

Другой пример — это свидетельство из 60-х годов прошлого столетия; уже тогда Фромантэн в своей книге сетовал на то, что во Франции нет ни одного живописца, который мог бы дать хорошую копию Гоха.

Я сам присутствовал при том, как художник Анкстен в Париже приглашал всех профессоров Парижской академии, чтобы они вместе с ним при публике, в аудитории, показали, как они могут от руки нарисовать «акт» (нагое тело). Ни один из этих профессоров не принял вызова, под тем предлогом, что такая демонстрация — ниже их достоинства. И прав был Анкетен, заявив, что никто из них просто не смог бы этого сделать.

Недаром сейчас можно встретить в художественных журналах Западной Европы выражение: «тоска по старым мастерам». Конечно, никакого другого воспитания, кроме воспитания ученика «у ног мастера», при этих условиях в живописи и быть не может. И то же в архитектуре, скульптуре и т. д. «Мастер» и живущая на его кошт маленькая семья работников, которая составляет его школу, как в свое время были разные Марки д'Оджоне при Леонардо, — вот к чему пришла художественная школа, только нет у нее ни одного художника, равного хотя бы посредственному живописцу Возрождения.

Все это чрезвычайно характерно как свидетельство того тупика, в который художественное образование зашло в Европе. Россия пережила то же самое. И когда коммунисты и близкие к коммунизму художники-специалисты оказались перед задачей реформировать образование в художественных учреждениях, то они натолкнулись на полное отсутствие каких-либо научных методов, какой-либо научной обоснованности преподавания. В школах готовится художник, более или менее оторванный от жизни, и уж совсем мало обращается внимания на художника, который должен быть проводником художественного влияния в индустрии и кустарничестве.

Несколько лучше обстоит дело в музыкальных учреждениях. Известно, что преподавание музыки строится на более точных, основаниях. Тем не менее и в области музыкального образования надо было задуматься над некоторыми реформами. Последние сравнительно благополучно проведены т. Б. Л. Яворским и содействовали приближению преподавания к живым задачам, очищению его от всяких наростов. Характерно, что эти реформы встретили немалое сопротивление со стороны музыкальной профессуры.

Гораздо хуже обстоит дело в другой области, в многострадальной области изобразительных искусств. Тут мы программу перекраивали бесконечное количество раз, собиралось бесконечное количество комиссий, и в итоге установлена недавно временная программа, производящая впечатление довольно шаткой конструкции. Думается, что здесь предстоит еще очень много работы. Если программу разделить на две основные задачи: научно методизировать преподавание и приблизить его к живым производственным целям искусства, то можно сказать, что в первом отношении мы потерпели наибольшие неудачи, и я очень боюсь, как бы мы не склонились к тому, чтобы выплеснуть ребенка вместе с водой из ванны. Этого не может быть, и этому никто не поверит, будто в живописи, скульптуре и архитектуре исключается возможность общих классов, в которых постигается основная грамота искусства. Совершенно ясно, что пока мы не будем иметь в этом отношении довольно четко установленных приемов изучения, которые были бы собраны в определенные кафедры, как это сделано в музыке, до тех пор настоящей методики в области преподавания изобразительных искусств не будет. Не думаю, чтобы в этом направлении у старых академиков не было проделано порядочной работы. Надо, чтобы молодые люди, сначала вне всяких направлений, могли воспринимать то, что является основанием искусства и художественного ремесла, а потом уже совершенно свободно выбирали себе не только направление, но и мастера, с которым они хотят работать.

Гораздо больше сделано в смысле продвижения производственного искусства. По крайней мере в Москве Вхутемас достиг больших успехов: отделы текстильный, керамический и некоторые другие стоят на правильном пути и вовлекают в свою работу известное количество молодых художников. Правильно также здесь намечены принципы близкого единения с профсоюзами и производственными органами. Любой иностранец, посетив Вхутемас, несомненно отдал бы нам дань справедливости. И нам нужно лишь стремиться к тому, чтобы теперешний крен, теперешний уклон в сторону производства не завалил бы наших жадных исканий действительно научных методов образования. Не следует также усердствовать в стремлении выпрямить этот

уклон. Производственный уклон — задача громадной важности, и нет никакого сомнения, что чем дальше, тем больше нужны будут художники-производственники. Количество так называемых чистых художников будет ограничиваться гораздо меньшим батальоном, здесь будут только люди исключительных дарований.

Переходя к следующей задаче, задаче художественной промышленности и художественного производства как такового, нужно прежде всего установить, что мы под этим разумеем.

Некоторые рассуждают так: мы должны производить только вещи полезные в смысле обиходном. Можно произвести графин, стол, железную дорогу, машины и т. д., а картину нельзя, ибо картина не служит никакой утилитарной цели. Это не есть вещь, хотя и имеет определенный вес и форму. Однако какая-то разница существует между расписным ларчиком, в который вы можете положить ваши вещи, и картиной, на которую можно только смотреть. Нам искусство как таковое, то есть чистое искусство, искусство полезное только тем, что оно искусство, только тем, что оно удовлетворяет эстетические потребности,— такое искусство, говорят, нам не нужно. Это искусство буржуазное, феодальное, схоластическое, а мы будем производить одни только утилитарные вещи.

К счастью, не все, кто это проповедует, настолько тупы, чтобы в это упереться навсегда.

Ну а как быть с песней, с маршем?

Полезная вещь марш? Спросите у красноармейца. «Полезная»,— ответит он.

А между тем музыка даже ничего не весит...

Нужно понять, что такое производство. Разве картина — не производство? Нужно различать: или мы говорим о промышленности, о производстве полезных вещей и их охудожествлении, или мы просто говорим: все, что человек делает, есть производство.

Приходят же некоторые к такой дикой формуле: «искусство есть производство полезных вещей». Как будто промышленность есть производство бесполезных вещей!

Но если признать «производством полезных вещей» и искусство и индустрию, тогда все кошки серы, все теряется и нужно начать все сначала.

Безусловно, горшок вещь полезная, но нужно ли на него наносить орнамент? Ведь суп от этого не будет вкусней! Делает же человек массу «бесполезных» вещей или придает вещам «бесполезные» свойства, украшая и удорожая их, так что на рынке горшок орнаментированный стоит дороже, чем неорнаментированный. Вот тут-то и начинается вопрос о промышленном искусстве.

Художественная промышленность вовсе не есть производство полезных предметов в узкоутилитарном смысле этого слова. Все, что развертывает человеческую природу, что организует жизнь так, что она становится свободнее и радостнее, — все это безусловно полезно. Нужно, однако, художественное производство бытовых и технических предметов отличать от искусства в собственном смысле и называть это не «художественным производством вообще», а художественной промышленностью.

Каковы же задачи этой художественной промышленности? Что они громадны — в этом нет сомнения. Что принижение художественной промышленности есть величайший грех — это несомненно. Скажу больше: художественная промышленность — одна из важнейших задач искусства.

Какова основная цель, которую поставил перед нами марксизм? Не только объяснить, но переделать мир! Художественная промышленность и есть один из способов переделки материальной части мира. Прорезывание перешейков, изменяющее вид земного шара, строительство городов и т. д. — все это, вплоть до новых моделей станков, включает в себя и художественное производство. Задача промышленности: изменить мир именно так, чтобы человек наилучше мог удовлетворить в нем свои

потребности. Но у человека есть потребность жить радостно, жить весело, жить интенсивно. И это потребность такой громадной важности, что если бы мы создали для человечества тот рай сытости, о котором говорил Ницше, так вышло бы то, что вышло со Счастливецем, который пожил сытно, а потом стал раздумывать, на каком гвозде ему повеситься. Вышло бы, что человек живет для того, чтобы есть. Отвращение к жизни обуяло бы человечество.

Что значит «полезное»? Полезное — это прежде всего то, что обеспечивает человеческое существование, улучшает его и освобождает для человека возможно больше времени, которое он не вынужден занимать трудом, необходимым для одного элементарного существования. Для чего это свободное время нужно? Для жизни. Все, что просто полезно, — это тот нижний этаж, который организует жизнь так, что она оказывается свободной для творческого наслаждения. Если у человека нет творческой свободы, нет художественного наслаждения — его жизнь безрадостна. Но неужели вся цель человечества заключается в том, чтобы построить себе сытую и безрадостную жизнь? Здесь был бы только один гарнир, а зайца не было бы. Совершенно очевидно, что нужно так изменить печи, чтобы они доставляли счастье, а не только были бы полезными. Человек каменного века наносит зарубки на свой горшок потому, что такой горшок доставляет ему больше счастья.

Художественная промышленность прибавляет к 0,99 законченного фабриката, к 0,99 полезной вещи еще некую 0,01, делая эту вещь радостной. В этом и состоит ее задача.

Художественную промышленность можно разделить на два основных вида.

Первый — это художественный конструктивизм, где искусство совершенно сливается с промышленностью; художник-инженер, обладающий особым геометризованным вкусом, может сделать машину красивой путем замечательной координации линий. Сделать, например, паровоз так, чтобы он был наиболее красив, — это значит наиболее полно выразить идею его технической конструкции и практического применения.

У конструкции всегда есть и должна быть техническая, практическая цель. Поэтому, конечно, нельзя назвать подлинным конструктивизмом то, что делают некоторые наши художники, когда, komponуя свои «конструктивистские» картины, они только портят материал. Тут не художнику приходится учить инженера, а, напротив, художник должен учиться у инженера... Если пойдете на выставку картин и скульптуры наших «конструктивистов», то там нельзя испытать ничего, кроме ужаса. Но если вы придете на хороший американский завод, там вы действительно обретете высокую красоту совершенных конструкций.

Второй вид художественной промышленности — это украшающая художественная промышленность, орнаментировка.

У нас существует известный уклон к отказу от орнаментального искусства. Существует взгляд, что какой-нибудь броский, цветистый ситец или платок есть мещанство. Но на самом деле орнаментация — это не мещанский принцип, а народный: искони народная одежда имела яркую окраску. А мещанин — это пуританин, это квакер-буржуа. Это он одел нас и почти все народы во все черное, серое, в те бесцветные, безрадостные костюмы, в которых вы все сидите. И когда «левый» ультрамещанин говорит: «Боже вас сохрани от какой бы то ни было красоты, красота пахнет богом и попом», — то поверьте, что это одно из сквернейших проявлений мещанского духа, того духа, носитель которого описан Вернером Зомбартом в лице Франклина, заявляющего: «Ни одной минуты не отдам на красоту. У меня все до последней минутки вписано в гроб».

Может быть, мы по бедности нашей принуждены будем еще некоторое время носить даже лохмотья. Но это по бедности. А если бедности не будет, если мы займемся тем, чтобы жизнь рабочего и работницы, жизнь крестьянина и крестьянки ста-

ла более радостной, то что мы будем тогда приветствовать: это проклятое серое или же «грубые» радостные краски? Конечно, «грубые» радостные краски, и наши лучшие художественные силы создадут тот радостный стиль, который, несомненно, будет преобладающим.

Мы должны в наших школах готовить людей, которые потом станут художниками на керамических, ситценабивных, металлообрабатывающих и других фабриках, чтобы они могли придавать изделиям хороший, радостный вид. Каждый пролетарий, вырабатывающий предметы обихода, должен иметь известное художественное образование.

Другая важная задача искусства — агитационная. Некоторые утверждают, что и в агитационном искусстве должен царить «принцип производства» («производство» плакатов), что художник должен просто исполнять заказы. Это значит: сегодня мне закажет Деникин, и я сделаю для Деникина, завтра закажет Советская власть — сделаю и для Советской власти? Совершенно ясно, что такое искусство может иметь агитационное значение только случайно, как можно случайно взять с полки вместо масла вазелин. Так можно сделать безукоризненно расчерченный плакат, при виде которого сердце человека все же не трепещет, — и это будет образец ненужного, холодного полуискусства, искусства только по имени. Опереться можно лишь на таких художников, у которых есть что сказать. Только те художники, которые глубоко проникнуты нашим мировоззрением, могут творить подлинное агитискусство. Это показала сама жизнь, и теперь мы наблюдаем уже постепенное исчезновение фальсифицированного агитискусства.

Что надо понимать под словом «агитационное искусство»? Почти вся область искусства, и во всяком случае вся область настоящего искусства, там, где оно не совпадает с промышленным искусством и его целями, есть агитационное искусство. Всякое искусство имеет по меньшей мере зародыш агитации, вредной нам или полезной. Искусство всегда агитационно. Совершенно неверно, будто плакат есть агитационное искусство, а настоящие картины — не агитационны.

Агитационное искусство может быть искусством коммунистов, которые иной раз и не принадлежат к партии, но усвоили себе коммунистическую точку зрения на вещи. Мы любим это искусство, ему принадлежит будущее. Но только ли так агитискусство для нас важно? Нет. Для нас важно и такое искусство, которое может не совпадать с нашим мирозерцанием, но известной стороной с ним соприкасается. Гоголь, например, не был коммунистом, но из этого не следует, чтобы «Ревизор» был для нас чуждой вещью. Другой пример. Какая-нибудь картина великого мастера времени Возрождения, в которой есть определенный религиозный элемент (изображение, скажем, богородицы), — это, конечно, не пролетарская картина; можно даже сказать, в известном смысле, что это враждебная, вредная картина. Однако к положительным ее сторонам надо отнести прославление человеческой красоты. И в этом смысле такая мадонна, в особенности если вы покажете, как она возникла из старой иконы, имеет громадное значение. И мы можем прямо сказать, что такое искусство нам в высшей степени полезно, как полезен, например, Аполлон Бельведерский, которого мы расцениваем как определенный земной человеческий идеал, хотя это и статуя «божества».

Понятно, мы должны запретить враждебную нам агитацию. В наше революционное время мы не можем пойти на абсолютную свободу агитации. Но тут нужны величайший такт, величайшая осторожность. Нужно быть знакомым с историей искусства, чтобы разбираться в искусстве современном, чтобы точнее знать своего друга и врага. Нам нужно, чтобы враг обезвреживался, а в известных случаях просто пресекался. Для этого мы и создали Главлит. И сколько бы мы ни говорили, что цензура есть вещь позорная, я скажу, что ношение оружия тоже есть вещь ужасная, но что же делать? — пока мы должны еще носить его. Цензура является таким же оружием. Но она, как всякое оружие, требует, чтобы ею умело пользовались. Мы должны этому научиться.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Уважаемые читатели и авторы!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Тульского артиллерийского инженерного института, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного об-ва «Мемориал», всех музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Ярило», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Прикосновение» (Тула), в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Metallургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Metallургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может ознакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medtsu.tula.ru интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты» и «Завтра». Доставляется журнал и в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж). Журнал получают центральные библиотеки Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до двадцати) предназначается для организаций-учредителей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился от 100 до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов порядка 1000 экз.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., его регистрация в «Росохранкультуре», присвоение международного классификационного номера ISSN и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный, хотя администрации города и области нам не помогают, несмотря на многочисленные обращения.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или e-mail. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в два десятка школ.

Редколлегия журнала

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

ПОЭТУ И ПРОЗАИКУ АЛЕКСАНДРУ ХАДАРЦЕВУ — 65 ЛЕТ!

Александр Агубечировичу Хадарцеву — 65! Поверить в это невозможно, поскольку за эпикурейским обликом известного поэта, ученого, врача скрывается такой набор человеческих качеств, энергии, таланта, мудрости, трудолюбия и добропорядочности, которыми вряд ли кто обладает. Щедрая к хорошим людям природа всем оделила Александра Хадарцева, дала ему время и возможности проявить себя на столь важном поприще науки, художественного творчества, организации медицинского образования, лечения нас, страждущих.

Стихи и проза Александра Хадарцева востребованы многими его почитателями. Радует за своего замечательного коллегу. Здоровья Вам и неизменных успехов!

*От имени Тульской писательской организации
Союза писателей России — Виктор Пахомов*

Редколлегия журнала «Приокские зори» присоединяется к поздравлениям и желает Александру Агубечировичу дальнейших творческих открытий и откровений на страницах нашего журнала, в котором дорогой юбилар является членом редколлегии и активным автором.

*От имени редколлегии журнала
«Приокские зори» — Алексей Яшин*

К 90-ЛЕТИЮ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Двадцать девятого октября 2008 года исполнилось 90 лет со дня создания ВЛКСМ — самой массовой общественно-политической организации СССР (до декабря 1924 года — РСФСР и будущих союзных республик). Дела и свершения советского комсомола столь значимы в великом, хотя и противоречивом опыте советской цивилизации, как пишет главный редактор «Литературной газеты», лауреат премии Ленинского комсомола Юрий Поляков («ЛГ» № 44, 2008), что совсем не случайно этот Юбилей только что праздновали в Кремлевском дворце как общенациональную дату. И слава богу, что канули в Лету 90-е годы XX века — годы «разгула государственного антисоветизма», по словам Ю. Полякова, — и пришло время объективно оценить роль комсомола в создании великой державы СССР, единственно наследием которой мы сейчас и живем, как государство, не потерявшее «своего лица» в глобализующемся мире. Вне всякого сомнения, опыт массовой молодежной организации еще пригодится современной России на пути восстановления утраченного и созидания нового. Последние годы активного участия стран в общемировом процесса дают хотя и осторожные, но — надежды на это.

Поздравляем всех наших авторов и читателей, а это, почти все бывшие члены ВЛКСМ, с Юбилеем!

Решением Президиума ЦК КПРФ к этой дате учреждена памятная медаль «В ознаменование 90-летия Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи». Нам приятно поздравить членов редколлегии и авторов нашего журнала, награжденных этой медалью: *М. Г. Баланюк, В. Я. Маслов, Н. Н. Минаков, Н. А. Мых-Степняк, В. Ф. Пахомов, В. Н. Савостьянов, А. А. Яшин.*

«Не расстанусь с комсомолом»

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с предыдущего номера журнала (№ 3, 2008), вводится регулярная рубрика библиографии вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется

информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация их библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не поленитесь занести экземпляр в редакцию журнала.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху листа) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу.

По состоянию на начало ноября 2008-го года в редакцию поступили книги (исключая ранее опубликованную библиографию книг):

Сапожников В. Г. Медузы: Рассказы для детей.— Тула: «Тульский полиграфист», 2008.— 12 с.

Пахомов В. Ф. Что на роду написано: Стихотворения.— Тула: «Инфра», 2008.— 214 с.

Маслов В. Я. Тульские люди: Очерки о знатных людях.— Тула: «Левша», 2008.— 268 с.

Мых-Степняк Н. А. Больше всего я люблю истину... Пьеса для чтения и постановки на сцене.— Тула: «Левша», 2008.— 132 с.

Пантюхин О. В. Серебряный дождь: Стихи.— Тула: «Тульский полиграфист», 2007.— 104 с.

Ореховский А. И. Лирические скрижали: философемы.— Новосибирск: ГУП СИПКП «Наука», 2007.— 216 с.

Квасникова Н. В. Душа не ждет: Стихи.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 96 с.

Кедрова И. Н. Жизненный круг.— М.: «Московский Парнас», 2007.— 248 с.

Заворотчева Л. Г. Любовь — величина постоянная: Стихи.— М.: «Московский Парнас», 2006.— 160 с.

Макаров Н. А. Пушкин и медицина.— Тула: «Тульский полиграфист», 2007.— 84 с.

Зюганов Г. А. На рубеже тысячелетий: Судьба России в современном мире: М.: «Мысль», 2001.— 573 с. (Получено по почте от Г. А. Зюганова).

Артамонов Р. Г. Забытые слова: Стихи.— М.: Компания «Спутник», 2008.— 92 с.

Абрамов М. А. Строки любви: Стихи.— Тула: «Гриф и К», 2008.— 88 с.

Жириновский В. В. Иван, запахни душу! Избранные места из романа-исследования о моем поколении.— М.: Издание ЛДПР, 2007.— 48 с. (Получено по почте от В. В. Жириновского).

Кочетков О. В. Воля — волчица: Стихи.— М.: Изд-во журнала «Москва», 2007.— 140 с. (Библиотечка «Коломенского альманаха»).

Абрамов М. А. Линия жизни: Стихотворения, поэма, песни.— Тула: «Гриф и К», 2007.— 144 с.

Абрамов М. А. Навстречу светлым дням: Стихи и поэмы разных лет.— Тула: «Гриф и К», 2007.— 232 с.

Сапожников В. Г. Моя малая родина: Стихи.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2007.— 48 с.

Ткач В. Ю. Чужое счастье: Стихи.— Тула: Изд-во альманаха «Прикосновение», 2007.— 100 с. («Коллекция альманаха «Прикосновение», XXI век»).

Ореховский А. И. Прояснение любви: Книга лирики.— Новосибирск: ООО ИПЦ «Юпитер», 2006.— 156 с.

Зюганов Г. А. Если всмотреться внимательно... Политические миниатюры от Зюганова.— М.: ЦИПКР, Изд-во «Русский летописец», 2007.— 44 с. (Получено по почте от Г. А. Зюганова).

Зюганов Г. А. Сто анекдотов от Зюганова.— М.: ИТРК, 2007.— 80 с. (Получено по почте от Г. А. Зюганова).

Абаулин М. В. Год земляники: Рассказы, воспоминания, стихотворения.— М.: «Московский Парнас», 2008.— 104 с.

Также сообщаем, что редакция журнала регулярно получает все вновь выходящие выпуски альманаха «Московский Парнас» одноименного Независимого литературного агентства, в частности, вып. 1—8 за этот год. Желающие ознакомиться с ними могут их брать для прочтения в редакции «Приокских зорь».

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с текущего года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат журнала «Приокские зори» за (указывается) год».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются во втором номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2008-го года будут объявлены в № 2, 2009 «Приокских зорь». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2008-ой год, а

от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В очередной раз «Литературная газета» (№ 37 (6189) от 17—23 .09.2008.— С. 5) в рубрике «Губернские страницы» опубликована информация о «Приокских зорях»:

«Приокские зори», межрегиональный литературно-художественный и публицистический журнал.— Тула, № 2 (10), 2008.

У издания маленький юбилей. Вышел его десятый номер. За прошедшие годы иллюстрации на обложке стали цветными, появились и книги под логотипом «Библиотека журнала «Приокские зори». Много в номере прозы: главы из повести Бориса Роганкова и повесть Алексея Яшина, рассказы Виктора Грекова (в рубрике «Мастер-класс»), семь рассказов под рубрикой «Слово женщинам». Столь же обширна поэтическая тетрадь, среди авторов которой Борис Шепелев, Маргарита Андрианова, Олег Пантюхин, Евгений Черняев, Александр Хадарцев и Владимир Сапожников. Содержательны разделы «Литературная критика» и «Документы эпохи». «Журнал в журнале» знакомит с литературно-краеведческим народным журналом «МОСБАСС» из города Сокольники Тульской области.

От редакции: в заметке нами исправлены фактические неточности (опечатки).

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Межрегиональный литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: М. Г. Баланюк, В. В. Резцов, А. А. Яшин

Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин

Компьютерный набор: К. В. Струков, Л. П. Хохлова

Компьютерная верстка: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 10.11.2008

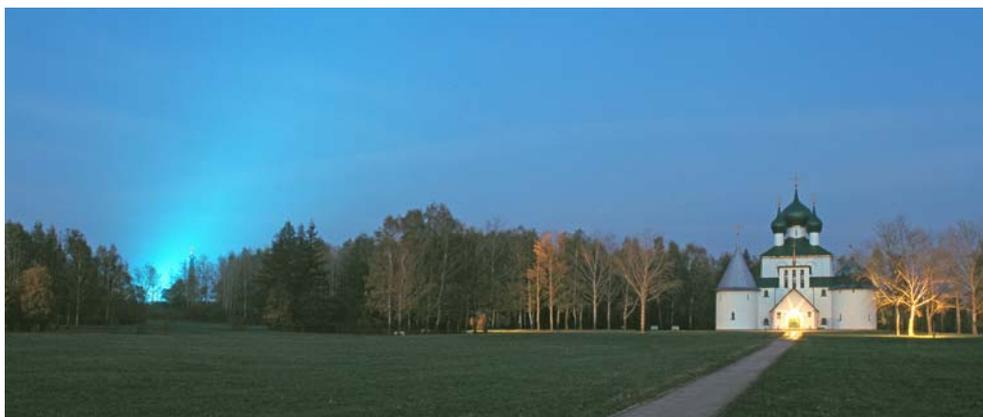
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00

Печать офсетная. Бумага офсетная.

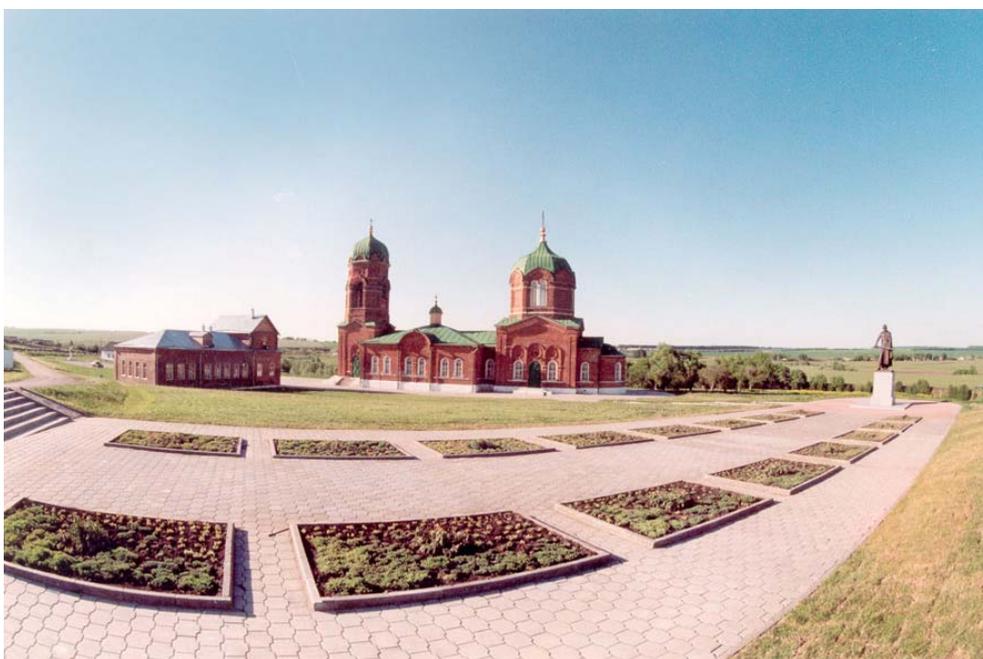
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300600, г. Тула, ул. Болдина, 151

**МУЗЕИ ТУЛЫ И ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРИРОДНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КУЛИКОВО ПОЛЕ»**

Музейно-мемориальный комплекс на Красном холме
(слева и вдали — знаменитая колонна с подсветкой)

Музейно-мемориальный комплекс в селе Монастырщина

Экспозиция «Секреты тульских мастеров» в Музейно-выставочном центре «Тульские древности» (Тула, пр-т Ленина, 47)

Купеческая гостиная в Историко-этнографическом музее поселка Елифань